ДАЛИ ОТЧИЕ, НЕОГЛЯДНЫЕ

Современник
1988

Выпуск 5

МОСКВА
«СОВРЕМЕННИК»
1988

Р2
Д15

Д $\frac{4702010200-016}{М106(03)-88}$ 147—88

ISBN 5-270-00023-7

АЛЕКСАНДР ПУШКИН

* * *

...Вновь я посетил
Тот уголок земли, где я провел
Изгнанником два года незаметных.
Уж десять лет ушло с тех пор — и много
Переменилось в жизни для меня,
И сам, покорный общему закону,
Переменился я — но здесь опять
Минувшее меня объемлет живо,
И, кажется, вечор еще бродил
Я в этих рощах.
Вот опальный домик,
Где жил я с бедной нянею моей.
Уже старушки нет — уж за стеною
Не слышу я шагов ее тяжелых,
Ни кропотливого ее дозора.

Вот холм лесистый, над которым часто
Я сиживал недвижим — и глядел
На озеро, воспоминая с грустью
Иные берега, иные волны...
Меж нив златых и пажитей зеленых
Оно, синея, стелется широко;
Через его неведомые воды
Плывет рыбак и тянет за собой
Убогий невод. По брегам отлогим
Рассеяны деревни — там за ними

Скривилась мельница, насилу крылья
Ворочая при ветре...
На границе
Владений дедовских, на месте том,
Где в гору подымается дорога,
Изрытая дождями, три сосны
Стоят — одна поодаль, две другие
Друг к дружке близко, — здесь, когда их мимо
Я проезжал верхом при свете лунном,
Знакомым шумом шорох их вершин
Меня приветствовал. По той дороге
Теперь поехал я и пред собою
Увидел их опять. Они всё те же,
Все тот же их, знакомый уху шорох —
Но около корней их устарелых
(Где некогда все было пусто, голо)
Теперь младая роща разрослась,
Зеленая семья; кусты теснятся
Под сенью их как дети. А вдали
Стоит один угрюмый их товарищ,
Как старый холостяк, и вкруг него
По-прежнему все пусто.
Здравствуй, племя
Младое, незнакомое! не я
Увижу твой могучий поздний возраст,
Когда перерастешь моих знакомцев
И старую главу их заслонишь
От глаз прохожего. Но пусть мой внук
Услышит ваш приветный шум, когда,
С приятельской беседы возвращаясь,
Веселых и приятных мыслей полон,
Пройдет он мимо вас во мраке ночи
И обо мне вспомянет.

1835

МИХАИЛ ПРИШВИН

Зеркало человека

Чтобы понимать природу, надо быть очень близким к человеку, и тогда природа будет зеркалом, потому что человек содержит в себе всю природу.

Но если из природы прийти к человеку, то он предстанет, как бог, и ничего в нем не поймешь потому, что человек давно ушел от общего пути и, оглянувшись, он видит природу в лицо, а природа видит его только в спину: он идет впереди.

Природа — это материал для хозяйства всего человека и зеркало пути каждого из нас к истине. Стоит только хорошо задуматься о своем пути и потом из себя поглядеть на природу, как там непременно увидишь переживание своих собственных мыслей и чувств.

Вот как просто, кажется, бегут, догоняя друг друга по проволоке, капельки воды дождевой: одна задержалась, другая нагнала ее, обе слились в одну и вместе упали на землю. Так просто! А если задуматься о себе, что переживают люди в одиночку, пока не найдут друг друга и не сольются, и с этими мыслями станешь исследовать капли в их слиянии, и окажется — у них тоже не так просто капли сливаются.

И если посвятить себя этому изучению, то откроется, как в зеркале, жизнь человека, и что вся природа есть зеркальный свидетель жизни всего человека-царя.

В природе вода лежит, и ее зеркало отражает небо, горы и лес. Человек, мало того, что сам стал на ноги, он поднял вместе с собой зеркало, и увидел себя, и стал всматриваться в свое изображение.

Собака в зеркале видит в себе другую собаку, но не себя. Понять себя самого в зеркальном изображении скорее всего может только человек.

Вся история культуры и есть рассказ о том, что увидел человек в зеркале, и все будущее наше в том, что́ еще в этом зеркале он увидит.

1950

ЛЕОНИД ЛЕОНОВ

О природе начистоту

Прежде всего мне хотелось бы высказать досаду, как поразительно невозмутимо упоминают всегда наши газеты о все возрастающих беспорядках на лоне природы. Выступлений на эту тему за последние два-три года появилось довольно много. Почти каждая газета едва ли не через номер сообщает в тоне детского удивления о новом каком-нибудь случае безобразного пренебрежения к богатству и красоте родной природы. Вообще-то подобное внимание нашей печати к этой довольно запущенной теме можно было бы и приветствовать, если бы не обидно всепрощающий тон большинства газетных выступлений. Тон этот, мягко говоря, неправильный, до преступности вредный. В нем так и переливаются нотки извинения за беспокойство, этакого задушевного увещевания в адрес всяких почтенных производственников, отравляющих нам реки и воздух или в меру своих полномочий и способностей разбазаривающих наши леса: много ли их останется уже послезавтра от нашей совместной деятельности? И вчера, скажем, один высокий хозяйственник ради выполнения плана по рыбе вылавливал вместо тюльки драгоценного осетрового малька, а другой нынче травит речную живность отходами своей многополезной деятельности, причем штрафы за нанесенный государству и народу ущерб оплачивает государственными же и народными деньгами — благодарнейший материал для умного сатирика!.. Третий в прямом смысле слова коптит ядовитым дымом небо над нашими детьми под девизом — «был бы план, а на наш век хватит!».

То и дело приходится отрываться от своего рабочего стола, ежедневно из разных мест звонят и пишут о происходящих злодеяниях в отношении природы. То раздается вопль из Сочи: в знаменитом дендрарии некий местный деятель решил вырубить участок вековых коллекционных насаждений под строительство какого-то общежития. То звонит лесничий из подмосковного Раменского: электрики собираются уничтожить двадцать восемь гектаров восьмидесятилетнего дуба, — видите ли, топору обойти их лень и некогда. Но все же обошли в результате вмешательства, и дубрава спасена. А то жалуются избиратели: в центре города химическое предприятие с желтым сернистым факелом над трубой выбрасывает в воздух столько отравы, что занавески на окнах истлевают за полгода.

Много бумаги исписано на сию тему, но в надлежащем масштабе прилагаемые усилия пользы не принесли, ибо, что там ни говори, воинство мое — всего лишь эти строки, не всегда способные одержать победу даже в битве за правое дело. И тем еще усугубляются трудности писательского вмешательства, что госделами занятое начальство п и с а н и н у нашу не читает, даже если ласково его попросить, хотя, казалось бы, общественность и вправе разговаривать иногда голосом погрубее.

Так на глазах наших пламенные и бескорыстные вояки устают сражаться и кричать в защиту живой природы, затихают помаленьку и сдаются на самотек. Настало время кое-кому поважнее декретно и без отлагательства остановить этот процесс разрушения, причем одного только охранительного закона, даже сурового, теперь уже недостаточно. Для надлежащей поправки, создавшегося положения потребуется еще два важнейших государственных шага — создание Государственного комитета по охране природы при Совете Министров СССР— мощного комитета, который возглавил бы соответственно большой партийный деятель, патриот этого дела и знаток, — и одновременно низового, в помощь комитету, добровольного общества защиты Зеленого Друга, — массовой организации, наделенной не только правом вскапывать почву соседнего сквера на весеннем субботнике, но еще и определенными, причем безоговорочными полномочиями в смысле — жарко поговорить с местными нерадивыми властителями, проявить инициативу, а при случае даже постучать кулаком по их служебному столу. Туда должны войти местные садоводы-любители, также незаменимые никем в этом

святом ратном деле — уважаемые наши краеведы и практики — лесники.

Короче говоря, это должны быть люди, которым дорог каждый пейзаж, каждый древесный ветеран в нем — об одном из них в прошлом веке Мерзляков сложил славную, до сих пор звонкую песню! — даже обветшалая руина в округе, ибо и она в историческом разрезе — примета родного края, а такие люди как раз и есть краеведы, которые с ходу укажут, где у них произрастает какой-нибудь папоротник struthiopteris и где тут со своей дружиной, при Куликовской битве, в засаде прятался воевода Боброк. К сожалению, этот когда-то огромный и значительный институт защитников природы, краеведов, глохнет, тает год от года, а еще стыднее — смирнеет. А пора бы, напротив, воодушевить его, призвать к борьбе и жизни, внушить ему похвальную дерзость, чтобы начал он отныне буйно процветать. И тут надо вспомнить о наших великих резервах — школьниках и молодежи, ибо именно из них ветеранам природы надлежит черпать достойное пополнение.

Помню, в 1947 году я написал для «Известий» статью «В защиту Друга». По напечатании ее я получил уйму жарких писем — от академиков, домохозяек, лейтенантов, инвалидов, служащих, пионеров — словом, сограждан самого различного круга и возраста. От вступающей в жизнь молодежи, которая завтра сменит нас у всех пультов страны, откликов было, мягко сказать, до странности маловато. А ведь эта часть населения с особым удовольствием поет на вечеринках песни про одинокую рябинку да черемушку, причем одну изрядно ломает по весне, другую же кушает в мороженом виде, а вот заступиться за природу — вроде бы и руки не доходят. Почему сие происходит и откуда? Потому что Министерство просвещения до крайности мало работает в этом направлении. Думаете, хоть разок отозвалось оно на многократные мои призывы и попреки? Нет, это люди занятые, чиновные! А ведь прямое дело школы — постепенно готовя из детей будущих агрономов, инженеров, развивать ребячий интеллект, воспитывать характеры под углом именно практической, с малых лет, преданности родной земле.

Будь моя воля, я бы непременно ввел в программу начальных классов «час родной природы».

К слову, в болгарских начальных школах, как при последней поездке выяснилось к немалому удовольствию моему, такое мероприятие уже введено в программу, а у нас

пока не раскачались, видать, и некому качнуть разок как помянутую рябинушку.

Надо создать кадры таких вдохновенных педагогов — поэтов родной природы, которые могли бы выразительным, на всю жизнь запоминающимся словом внушить малышам, что хотя они и являются маленькими, очень маленькими, начинающими пока гражданами, но всегда имеется вокруг них уйма еще меньших, нуждающихся в их защите существ, полезных и поразительно трогательных, — вроде птиц, муравьев, зверюшек, которые, наученные жестоким тысячелетним опытом, пугливо прячутся при появлении человека в лесу — то с ружьем, то со спичками для костра, то с бутылкой водки, которую потом хамски разгрохают о древесный ствол — чтоб добро не пропадало! — то с топориком — палочку с набалдашником организовать — или просто ножичком вырезать на березе свое и сопроводительной девицы имена в ознаменование того, что под означенной березой полной чашей испили они радость бытия.

Пишу об этом уже в который раз, — авось дойдет до слуха надлежащих, приставленных к педагогическому штурвалу лиц!

Надо объявить самый жестокий, массовый и не только в порядке временного поветрия деловой поход против пренебрежения к этим хрупким, неохраняемым богатствам природы.

В Югославии, к примеру, как я узнал по собственному опыту, законом воспрещено рвать-выкапывать даже сравнительно распространенные растения, эндемы лугов, пойм, горного подлеска, цветущее разнотравье вроде обыкновеннейшего в Словении Cyclamen europeum. А у нас под Москвой уже днем с огнем не сыскать, разве только в сокровеннейших уголках, нашу чудесную орхидейку, Венерин башмачок. Без такого рода строжайших мер любые административные постановления с параграфами будут бесполезны.

Порою не знаешь как и назвать: в пригородных лесах уже не найти неразоренного муравейника... разве только до которого ноги не дошли! Гуляет по лесу с лукошком иной вроде бы вполне благопристойный дядя, но, завидев муравейник в стороне, уже непременно свернет к нему, проковырнуть его посошком до дна, получая моральное удовлетворение от великой муравьиной суматохи, ничем не меньшей, чем у людей при основательной бомбежке. (А невдомек дурню, что один такой муравейник за летние сутки уничтожает до

двадцати тысяч насекомых. Кстати, на Западе по этой причине даже специально разводят муравьев в лесах.) А то вот недавно я наблюдал в Переделкине, как два вроде тверезых половозрелых парня мчались с дубинками за хромающей, уже подбитой белкой. Жаль, что милиции возбраняется прямое физическое воздействие тем средствием, что под руку подвернется, в отношении таких вот злобных недорослей и недоумков...

Или случилось нам побывать в Плесе на Волге, прославленном кистью Левитана. На высоком приречном бугре красуется изумительной прелести роща, где каждая береза, верно екатерининских времен, чуть не в два обхвата. И не оказалось там ни дерева без зверских увечий, нанесенных чьим-то вдохновенным топором... Какое исполинское, не вознагражденное мордобоем злодейство!

Пора приняться всерьез за обучение некоторых граждан уважению к обществу и его достоянию, а параллельно усилить и присмотр за последним. Уместно, мне думается, попутно вспомнить также, что при радетельном лесном хозяине Петре, к примеру, от трехрублевого штрафа за нарушение лесного распорядка два рубля шли в пользу лесников. И вряд ли возможны были в ту пору случаи, чтобы лесник не только разрешил украдкой воровскую порубку, но и помогал за пол-литра собственноручно, из казенного леса, заготовить дровишек иному щедрому дачнику. Говорю это к тому, что слишком таинственно и быстро стали у нас исчезать рослые здоровые деревья на дачных участках вблизи городов.

Вскоре после помянутой моей статьи в Грузии было создано общество Друг леса, добившееся, прямо сказать, поразительных успехов. Лесные друзья провели там настоящее генеральное зеленое наступление на ее шоссейные дороги и милые холмы, воспетые Пушкиным.

У нас в Российской Федерации Зеленый Друг заметно поотстал, а если бы, скажем, и на Украине своевременно направили организованную молодежь и школьников на поистине святое дело да посердечней, не казенно разъяснили бы хозяйские обязанности наследников, то иные, казалось бы безнадежно разоренные эрозией, балки и овраги стали бы настоящими оазисами в степи, вроде докучаевского, а кое-где, глядишь, и родничок бы проклюнулся!

Еще жестче следует подзаняться браконьерством, уже без поблажек, скидок на чины,именитость и прочие якобы смяг-

чающие обстоятельства, подвергая всенародной огласке нарушения и нарушителей под их настоящими именами.

На Волге, например, браконьеры почти в открытую продают черную икру по четвертному за килограмм. А поюжнее у нас, мне рассказывали, иные знатные охотнички в убойнохмельном экстазе, на персональных автомашинах, даже без выстрела загоняют четырехногую дичь до смертельного изнеможения. Так почему же народ наш должен терпеть эти нежелательные факты, доселе списываемые у нас за счет проклятых пережитков прошлого?

Опять же — просто находка для комедийного киносценариста: браконьеры, как правило, имеют на руках вполне современную моторную лодку, капроновую сеть, запас взрывчатки, автомашину на ходу, а злополучная — этакие глупышкины из дореволюционных фильмов! — охрана мечется за ними по бережку пехтурой!

И напоследок еще раз о лесе. Зря мы в своей повседневной практике слили воедино лесное хозяйство и лесную промышленность, лишив лес самостоятельного управления — и понемножку начинаем расплачиваться за эту опасную ошибку. Вот и получаются с лесом такие не постижимые умом происшествия, что не знаешь, где и какими словами кричать о них. В Калининской и Владимирской областях, сказывают, придумали потрясающую новинку в области животноводства: зимнюю пастьбу скота в лесу. Новатор-пастух, вооруженный топоришком, гонит овец в лес и там производит кормление их, срубая древесный подросток — что повыше, подгибая — что пониже. Интересный вклад в науку животноводства и земледелия!

Заодно стоило бы вообще — пусть опять бесполезно — поговорить о лесной промышленности, допускающей баснословную расточительность на лесосеке, в сплаве и последующей обработке древесины, но отложим до другого случая этот особый, большой и, признаться, довольно болезненный разговор.

Лес и природа, мало сказать, добрые друзья, — они еще и терпеливые друзья. Они не станут жаловаться по начальству. Но они просто уйдут, сгинут, если мы, именуемые хозяевами природы, не проявим к ним элементарного благоразумия.

1960

ВАСИЛИЙ ПЕСКОВ

Драма у Курбских гарей

Первым в Ярославле мне рассказал об этом шофер такси. Он рассказывал так, как будто беда случилась у него в доме.

— Я из села родом. Телушка, помню, пала — так жалко не было. Двадцать четыре головы сразу...

Мы изменили маршрут, заехали в охотничью инспекцию. Все подтвердилось. Даже не двадцать четыре, а двадцать семь лосей пало у Курбских гарей, в тридцати километрах от Ярославля. 28 августа егерь Василий Зарубин увидел первого лося. И потом началось: лосей находили мальчишки, грибники, пастухи. Двадцать семь лосей, мертвые тетерева, мертвые мелкие птицы, и все это в ольшаниках и лозняках Курбских гарей. Я попросил охотников свозить меня в гари...

Кустарник и мелколесье. Жутковатая предвечерняя тишина, хлюпанье воды под сапогами. Большая стая сорок поднялась в одном, в другом месте. По этому пиршеству сорок и ворон, по смрадному запаху и находили лосей.

Исклеванный птицами, обглоданный лисицами труп зверя. Передние ноги судорожно поджаты — «все двадцать семь в одной позе». Молчаливые заросли. Листья с кустов и деревьев не опали, как им полагалось бы осенью, а шуршат, пожухлые, почерневшие.

Что же случилось у села Курба?.. 7 августа над этими местами летал маленький самолет и опрыскивал лес хими-

ческой жидкостью. Было задумано расширить площадь лугов. Подсчитали: корчевать живым мелкий лес и кустарник обойдется дороже, чем умертвить его с самолета, а потом уже корчевать. Само по себе дело это не новое. Химическая обработка растений входит в хозяйский обиход, она привлекательна дешевизной и потому почитается делом прогрессивным и выгодным. И действительно, есть в ней значительные, всем известные плюсы. Но есть и очень большие минусы. Их не всегда замечают. Но они стоят серьезного разговора. В Курбских гарях перед нами во весь рост явился этот не маленький минус. Вспомним: за убитого лося браконьера карают годом тюрьмы, полтысячей штрафа. Тут же сразу — почти три десятка голов. Загублены также тетерева, мелкая птица, спасавшая окрестные поля и лес от вредителей. Гибнут в таких случаях пчелы, погибает несчетное число насекомых, из которых многие — наши друзья. А ну, какой бухгалтер возьмется теперь подсчитать выгодность операции у села Курба?! И это еще не все. Курбские гари от Ярославля в часе езды. Тысячи людей большого промышленного города в нерабочие дни едут в лес. Пение птиц, всякое проявление жизни составляют радость этих прогулок. Встреча же с крупным зверем человеку иногда запоминается на всю жизнь. Прикиньте-ка, скольким людям уже не встретятся двадцать семь лесных великанов, исклеванных сороками и воронами. Какой бухгалтерией измеряется эта потеря?..

Спрóсите: что же, не нашлось человека в городе Ярославле, который мог бы предвидеть беду? Совсем наоборот. Предвидели! Засыпали Москву бумагами: «Не разрешайте! У нас там заказник, там много лосей. Погибнут!» Москва ответила. Из Управления заповедников, из Главлесхоза пришли бумаги: «Нельзя! И впредь всякую химическую обработку лесов согласовывать с охотинспекцией». Но в области, в Управлении сельского хозяйства, на это имели свое суждение: «А у нас план. И вообще, чего шум подняли? Вещество вполне безопасное. Ничего не случится».

И вот случилось...

Святыми глазами глядят на журналиста работники лугомелиоративной станции:

— Мы? Лоси погибли от чего-то другого. Наше вещество вполне безопасно. — Дают зеленую книжку-инструкцию. — Вот читайте.

Читаю: «2,4Д (бутиловый эфир) относится к числу веществ, токсичных для человека и сельскохозяйственных жи-

вотных. Если не соблюдать осторожность, могут быть хронические отравления, а также понижается качество молока у коров...»

— Вот видите — качество молока... Про лосей же вообще ни слова...

— Но ведь можно бы догадаться. Предупреждали же...

— Мы согласно инструкции...

Вот и весь разговор. Оставим продолжение его ярославской областной власти и прокурору. Поговорим сейчас о химии. О друге, которому мы широко открываем двери в свой дом и которому доверяем.

Ярославская история — из ряда вон выходящий случай. Но случай не первый, не единственный и, видимо, не последний. Года три назад во Владимирской области я своими руками собирал на осеннем поле отравленных зайцев. Двенадцать зверьков, полизав удобрение, тут же на опушке и околели. Отравление на полях зайцев, перепелов, серых куропаток и жаворонков стало обычным явлением. Явление это не только наше, «отечественное». Американские ученые, обеспокоенные исчезновением птиц, произвели учет на одном из полей. В «перепись» попала сто двадцать одна перепелка. После химической обработки посева все птицы были найдены мертвыми. У нас известия о гибели птиц и разных других животных приходят из многих областей, где применяются химикаты. Недавно журнал «Охота и охотничье хозяйство» сообщил: «В Белгородской, Тамбовской, Рязанской, Ульяновской областях отмечено массовое отравление диких и домашних животных». В Татарии, в Карельской АССР, в областях Могилевской, Московской. Одесской, Ивановской отмечены отравления зайцев, лосей, перепелов, куропаток. И не все случаи учитываются, расследуются. Размеры этого бедствия с каждым годом растут, поскольку возрастает объем химических обработок земли.

Бедствия происходят по разным причинам. От безответственного применения химических ядов. От недостаточной чистоты химикатов. Бедствия происходят от небрежного, бесхозяйственного пользования химикатами. Надо, к примеру, удобрения держать в мешках — нет, ссыпаны на поле в кучу. После подкормки остатки удобрений надлежит закопать в яму. Нет, брошены так. Зайцу, который постоянно имеет соляной голод, откуда знать, что в удобрениях ядовитые

примеси. Полизал — и лапы кверху. Или возьмем авиацию. Из-за ветра, из-за того, что самолет летел чуть выше, чем надо, из-за ошибки летчика яд залетел далеко в сторону от нужной зоны. Прикиньте, во что обходится каждая ошибка или оплошность живой природе и, стало быть, человеку. Главная же причина бедствия состоит в том, что мы недостаточно хорошо знаем вещества, которые производим на свет с помощью химии.

При всей грамотности и мудрости мы до последнего времени не знали (да и теперь еще плохо знаем), в каком тесном взаимодействии находится на земле все живое. Это явление, названное равновесием, играет решающую роль в поддержании на земле жизни. Исключение какого-либо звена из равновесия приводит к разрыву живой цепи. Химия с ее иногда неожиданными, непредвиденными эффектами эту цепь нарушает. И человек, выпустивший из сосуда джинна с именем Химия, стоит на пороге проблем, которые он не предвидел.

Коротко о конфликте живой природы и химии. Не будем сейчас говорить о реках, страдающих от химических нечистот. Это проблема, сегодня известная всем. Обратимся к нашим полям, лесу, лугам, куда мы смело и не везде осторожно вторгаемся с оружием химии. Лесом сегодня называют сообщество птиц, насекомых, грибов, бактерий, трав и деревьев. Исключите, например, птиц из сообщества — сейчас же обрекаете лес на пожирание вредителями. Исключение из сообщества муравьев (лучшие санитары в лесу) тоже приводит к болезням леса. С другой стороны, многие птицы и муравьи не могут прожить без деревьев.

Проследим соединения более крупных звеньев в этой цепи. Без леса сохнет река. Многие на земле пустыни появились оттого, что вырубили леса. Леса питают атмосферу земли кислородом и берут из нее углекислый газ. Или в другом месте проследим эту природную цепь. Одна пара тлей может в течение года произвести потомство, способное толстым слоем окутать землю. Но этого не случается. Есть в траве хищники, которые держат в узде эту плодовитую мелочь. А хищник, в свою очередь, существует потому, что есть тля — единственная его пища. О законе равновесия в практической жизни мы узнаем, к сожалению, тогда, когда нарушаем его и видим последствия нарушения. Выдра счи-

тается хищником вредным, потому что питается рыбой. Заботясь о рыбе, на одной из скандинавских речек полностью выбили зверя. Результат этого был неожиданный — рыба начала гибнуть от болезней, которых ранее не было. Оказывается, выдра, охотясь за рыбой, в первую очередь настигала больных и слабых. Выдра была санитаром, который поддерживал здоровье рыбьего стада. В природе все непременно взаимосвязано, за миллионы лет эволюции все подогнано и притерто. Выбей один камешек покрупнее из этой устойчивости, и начнется лавина. Двадцать — тридцать лет назад у человека еще не было силы, которой он мог бы вышибить этот камень. Сегодня в неосторожных руках такой силой может стать химия.

Возможности химии сегодня практически безграничны. Человек получил уже тысячи веществ, неизвестных природе. Каждый год химия заявляет о новых и новых своих победах. За год мы синтезируем пять тысяч (!) новых веществ. Даже многократно испытанные, они вдруг дают эффект неожиданный. Тот же бутиловый эфир в ярославском лесу был применен не впервые. И вот тебе гибель. В московской лаборатории, куда я приехал с этим известием, вначале засомневались: «Препарат вроде не очень токсичен, летуч...» — «Но, может, все-таки был какой-нибудь случай?..» Оказывается, в Чувашии погибли ягнята, в Смоленской области отравилось стадо телят в полторы сотни голов. В обоих случаях на подозрении бутиловый эфир. Обратились к зарубежной практике. Американцы приводят много случаев отравления препаратом. Приводят и механизм действия химиката. (Животные в результате сложных реакций внутри организма погибают от кислородного голодания.)

Живая природа за долгую эволюцию приспособилась к губительным излучениям, к химическим соединениям, образующим землю, к ядовитым растениям. (Лось, например, без вреда для себя поедает гриб мухомор.) Но природа беззащитна против веществ, ей неизвестных. Проследим, как нарушается равновесие, как природа пытается защищаться и чем грозит химия человеку, который тоже является звеном в общей цепи.

Химические вещества, взятые на вооружение в сельском хозяйстве, делятся на три группы: инсектициды — для отравления насекомых, гербициды — для отравления сорняков, арборициды — для отравления лесов и кустарников. Самые разрушительные из них инсектициды.

Представьте себе, что хозяйство решило избавиться на полях от какого-нибудь жука. Вызвали самолет, поработали «согласно инструкции» и премного довольны — жук уничтожен. Мало кто задумывается над этим, но, кроме вредителя, погибло почти все живое на поле. Умолкла жизнь, о существовании которой иной председатель колхоза, может быть, даже и не догадывался. Председатель начнет чесать в затылке, когда на следующий год вдруг обнаружит: а жук-то вредитель живет! Армия жуков даже выросла по сравнению с прошлым годом...

Вот тут надо вспомнить два важных закона. Во-первых, закон эволюции: наиболее сильные, приспособленные выживают, и, стало быть, новые поколения насекомых уже нечувствительны к нашему яду. (Все, наверное, видели мух, которые ползают по россыпи ДДТ, как будто это обычная пыль.) И второе — нарушен закон равновесия. У жука-вредителя в поле были враги. Но в прошлом году их начисто смыли химическим дождиком. Нет теперь врагов у жука — плодится и благоденствует. Человек вынужден теперь прибегнуть к большей дозе отравы — и все повторяется по черному кругу. Один раз применив химикат, хозяйство становится «наркоманом» — все время надо повышать дозу.

И надо еще добавить: многие химикаты бесследно не исчезают. С дождевыми водами они проникают в ручьи и реки, вызывая отравление рыбы. Отравляется почва. Химикат накапливается в подземных водах и заявляет о себе человеку подчас самым неожиданным образом...

Вспомним басню: медведь увидел на лице спящего пустынника муху. Полный благих намерений, мишка поднял большой камень, чтобы прикончить зловредное насекомое... Не похожи ли мы иногда на медведя со своим оружием против жука? Соизмеряем ли удар с теми последствиями, которые не сразу видны и о которых, может быть, даже и не догадываемся?

Действие химикатов на живую природу не всегда бывает мгновенным. Америка, начавшая применять раньше других химикаты в сельском хозяйстве, накопила уже много горького, поучительного для нас опыта. Решено было, например, отравить комаров на большом озере вблизи одного из курортов. Доза ДДТ была минимальной и считалась безвредной для всего живого, исключая одних комаров. Комары ис-

чезли. Но спустя время стала вдруг погибать озерная птица. Вскрыли — оказалось, птицы гибнут от ДДТ. Химикат в большом количестве скопился в жировых тканях. Откуда? Оказалось, ДДТ, как и многие препараты этого ряда, имеет кумулятивные свойства (способность накапливаться). Планктоном и комарами питались рыбы — первый этап накопления. Рыбой питались птицы — второй этап. Можно спросить: а человек, принесший домой в ягдташе убитую птицу, — он является продолжением этой цепи? Да, является.

Там же, в Америке, проведено исследование. «Почти не удалось обнаружить живых существ, избежавших химического заражения». Проверили и людей. У всех обнаружено накопление ДДТ. Исключение составили эскимосы, которые получают свои продукты питания в зоне, куда химия еще не проникла. (Поразительная подробность: у нескольких эскимосов химикат обнаружен. Оказалось, что это люди, которые какое-то время жили в «цивилизованном мире».)

Синтетические вещества «складируются» во всех живых организмах, попадая туда множеством путей: с питьевой водой, в молоке, с овощами и фруктами. ДДТ обнаружен в птичьих яйцах, в тканях еще не рожденного плода. Долгое время считали: препарат безопасен. Теперь это мнение опровергнуто. Было замечено, например, резкое падение в Америке численности орлов. В США эта птица пользуется особым покровительством. Ученые приложили много труда, чтобы узнать причины сокращения численности птиц. Выяснилось: многие орлы сидят на яйцах, но птенцов не выводят — в яйцах обнаружен ДДТ. Многие другие птицы производят на свет потомство неполноценное, оно погибает в первый же год.

Человеческий организм также беззащитен против неизвестных ему веществ. Но, может быть, подобно мухе, человек способен приспособиться к воздействию им же созданных химических сил? Может. Живая природа не устает бороться за право оставаться живой. Но посудите сами: приспособиться человек может за множество поколений, за несколько тысяч лет (насекомому эта эволюция удается за год или даже за несколько месяцев). Такая перспектива вряд ли устроит ныне живущих.

Так что же, вытолкать взашей помощника по имени Химия? Вытолкать, пока он еще только в сенях сельского

дома? Во-первых, это уже невозможно. Во-вторых, и неразумно, так же как неразумно было бы, например, избавиться от пчел потому, что они кусаются. Сегодня поля уже немыслимы без удобрений. Во многих случаях оправдана или даже необходима борьба с насекомыми и сорняками при помощи ядов. Но оружие это обоюдоострое.

Умные хозяева уже поняли опасность тотального оружия химизации, увидели его обманчивую выгодность. Доктор сельскохозяйственных наук И. Павлов (Черноземный институт имени Докучаева) пишет в журнале «Наука и жизнь»: «Наше хозяйство в течение многих лет почти совершенно не применяет обработку посевов химикатами. Несмотря на большое количество вредных насекомых, агротехнические приемы борьбы и организационные хозяйственные мероприятия оказываются в основном достаточными для защиты растений». Накоплен уже и достаточный опыт биологической борьбы с вредителями. В природе эта борьба протекает и сама по себе. Человеку важно призвать ее на помощь, направить по нужному руслу. Приезжавший в Советский Союз и посетивший «Комсомольскую правду» французский биолог Реми Шовен рассказал о борьбе с вредителями леса при помощи муравьев. «Два муравейника на гектаре — и лес будет здоровым. Италия для своих лесов покупает муравейники за границей. Австрия поставляет ей муравейники целыми грузовиками». Можно привести большое число примеров, когда человек, поразмыслив, опускал меч химии и обращался за помощью к самой природе. Результаты были всегда благодатными. В Австралии, лишенный естественных врагов, быстро размножился один вид кактусов, завезенный из Южной Америки. Химическая борьба применялась, но, «съев огромные деньги», не дала результатов. Кактусы заполонили миллионы гектаров земли. Тогда додумались завезти естественного врага кактусов — аргентинскую муху. Через несколько лет колючих зарослей как не бывало. Любопытна стоимость операции — полпенса на один гектар, тогда как химическая война стоила двадцати фунтов стерлингов (!) на гектар. Вот результат умелого хозяйствования в природе.

Взнуздав Химию, человек уподобился всаднику, вскочившему на дикую норовистую лошадь. Чуть ослабил поводья — лошадь может скинуть и растоптать. Значит, очень крепкой

должна быть узда и очень бдительным должен быть всадник.

Широкий фронт бдительности, благоразумия и осторожности! Бдительности и благоразумия надо требовать от ученого, создающего новое вещество. Добросовестности надо требовать от завода, который вещество выпускает; от агронома, огородника, грузчика, которые используют препараты в хозяйстве. Из всех химикатов, которые появляются на свет один за другим, надо тщательно выбирать наименее токсичные, наименее разрушительные, с избирательной способностью к разрушению. Прежде чем рекомендовать химикаты в хозяйство, их надо скрупулезно исследовать и опробовать. Если от них не страдают морские свинки, это еще не значит, что не будут страдать ягнята, лось или курица.

Всякий случай бедствия от применения химикатов должен быть тщательно расследован, и не только для того, чтобы наказать нарушителей или безголовых толкователей инструкции. Надо всякий раз быть готовым отказаться от химиката, уже принятого и вроде бы не имеющего дурной славы, если он вдруг «показал зубы». Надо встряхнуть службу здоровья. Даже неграмотный огородник покупает сегодня в магазине банку с ядами опрыскивать клубнику или томаты. А как он пользуется химикатом, соблюдает ли правила осторожности? Нужен государственный контроль за производством, продажей и применением химических препаратов. Существует в стране организация «Котлонадзор». Она строго следит за правильной эксплуатацией паровых котлов, которые при беспечности могут взорваться. Опасность от беспечного обращения с химикатами гораздо более велика, значит, и глаз контролера должен быть более строгим. У нас есть, правда, совет, который разрешает или не разрешает химикат к производству. Но это только «пропускные ворота», а нужен контроль во всех звеньях. Надо, кроме того, учить людей пользоваться химикатами. Агрономы у нас, когда дело касается химии, часто безграмотны. А ведь именно агроном в каждом конкретном случае должен решать: химия, или надо поискать другое какое-то средство? И еще: необходимо, чтобы люди знающие — биологи, химики, экономисты, медики, хозяйственники — образовали что-нибудь вроде государственного совета для изучения этой проблемы. У нас проблема эта, конечно, пока не так остра, как в Америке, но, повторив на целине канадские пыльные бури, мы должны быть чуткими к горькому опыту.

Поставим точку, хотя к разговору нам придется вернуться еще не один раз — слишком велика проблема, рожденная нашим веком. Там, где сходятся природа и химия, нами руководить должны Осторожность, Мудрость, Любовь к нашей земле, ко всему живому, что украшает жизнь и радует человека. В борьбе за хлеб насущный мы не должны забывать о самом главном — о человеческом здоровье, не должны пренебрегать счастьем слышать пение птиц, видеть цветы у дороги, видеть бабочку на подоконнике и зверя в лесу...

Такие размышления вызывает недавняя гибель ярославских лосей.

1966

ВАСИЛИЙ БЕЛОВ

Бобришный угор

Дорога была сухá, песчана и оттого тепла. Но иногда спускалась в низинки, становилась влажно-мягкой и потому холодила ногу. Она незаметно вошла в лес. Думается, так же вот входит по вечерам в свой дом женщина-хозяйка, называемая у нас большухой.

Июльский сумеречно-теплый лес неспешно готовился отойти ко сну. Смолкали одна по-за одной непоседливые лесные птицы, замирали набухшие темнотой елки. Затвердевала смола. И ее запах мешался с запахом сухой, еще не опустившейся наземь росы.

Везде был отрадный, дремотный лес. Он засыпал, врачуя своим покоем наши смятенные души, он был с нами добр, широк, был понятен и неназойлив, от него веяло родиной и покоем, как веет покоем от твоей старой и мудрой матери...

Ах, тишина, как отрадна и не тревожна бывает она порой, как хорошо тогда жить. И это была как раз та счастливая тишина. Хотя где-то неопределенные и по происхождению явно человеческие звуки выявляли окрестные деревни. Но это еще больше оттеняло главную мелодию нашего состояния. Мелодия же нашего состояния заключалась в том, что кругом нас и в нас самих жил отрадный, добрый, засыпающий лес, и жила июльская ночь, и была везде наша родина.

Обычно большие понятия ничего не выигрывают от частого употребления слов, выражающих их. И тогда мы либо стыдимся пользоваться такими словами, либо ищем новые, еще не затасканные досужими языками и перьями. И обычно

ничего не выходит из этой затеи. Потому что большим понятием нет дела до нашей словесной возни, они живут без нашего ведома, снова и снова питая смыслом и первоначальным значением слова, выражающие их. Да, лопаются, наверное, только ложные святыни, требуя для себя все новых переименований. Я думал об этом, слушая крик затаившегося коростеля. И вдруг ощутил еще невидимый Бобришный угор. Ощутил мощный ток покамест невидимой и неслышимой реки, ее близость. В дорожном просвете, в этом готовящемся к ночному покою лесу я увидел домик. Домик с белым крыльцом, на Бобришном угоре. Я перелез осек — высокую изгородь, которая определяет границы лесных выпасов, — и увидел опять, как дорога, словно не желая быть назойливой, ушла куда-то вправо. Еле заметная тропка ответвилась от нее, попетляла меж сосен и умерла на полянке, около домика. Несмотря на ночные сумерки, трава на полянке белела цветочками земляники. Она, эта ягода моего детства, особенно густо цвела позади домика: я стоял на одном месте, боясь переступить и растоптать ее белые звездочки. Тотчас же родилась где-то между ключицами и остановилась в горле жаркая нежность к этим звездочкам, но я тут же изловил себя на сентиментальности. В таких случаях всегда хочется закурить. И я в несколько затяжек прикончил горькую сигарету. Казалось кощунством бросить окурок в эту первозданную чистую траву, я затолкал окурок в спичечную коробку. Наверное, огонь не был погашен до конца, потому что спички вдруг вспыхнули, и запах жженой селитры заставил меня ощутить, как легок, незаметен, как чист воздух здесь, на Бобришном угоре.

Я вышел к высокому, почти обрывистому берегу, на котором стоял домик. Далеко внизу, сквозь сосновые лапы, сквозь кусты ивы, березовую и рябиновую листву виднелась не очень широкая, светлая даже ночью река. Она набегала к угору издалека, упиралась в него своими бесшумными сильными струями и заворачивала вправо, словно заигрывая с Бобришным угором. Тот, противоположный берег, был тоже не низкий, холмистый, но угор все равно господствовал над ним. Там, у воды, белели песчаные косы, а дальше клубилась лиственная зелень, перемежаемая более темными сосняками и ельниками. Левее была обширная, пересеченная извилистой старицей и окаймленная лиственным недвижимым лесом пойма. Коростель как раз жил в этой пойме. Сейчас он снова размеренно драл нога о ногу, как говорят в народе. Пойма

была спокойно-светла, копила в своих низинках белый туманец, и он сперва стушевывал, потом тихо гасил цветочную синь и желтизну еще не кошенного луга.

Домик таинственно и кротко глядел на все это с высоты угора, а позади тихо спали теплые ельники.

* * *

Ты был праздничен и никак не успевал совладать со все нарождающимися своими чувствами. Еще не окрепло одно, как рождалось уже другое, еще более сильное, затем третье внахлестку, и так чуть ли не до утра. Но я как-то смутно помню эту первую ночь на Бобришном угоре. Под ступенькой крыльца мы нашли ключ от замка и вошли в твой светлый ночной дом. Ветки зеленели совсем рядом за стеклами, рядом же, почти под нами, ясная, бессонная стремилась река, и коростель неутомимо драл ногу о ногу. И все было спокойно, отрадно и радостно.

— Здравствуй, земля моя родная.

Ты не знал, что я слышал эти слова, сказанные тобой вполголоса, но если бы и знал, а я бы знал, что ты знал, мне все равно не стало бы стыдно. Я благодарен тебе за то, что мое присутствие во время нашей встречи с родной землей не выглядело фамильярным. К тому же ведь так естественно здороваться с родиной. Но я знаю, что говорить об этой естественности уже, наверное, неестественно. Потому что опять же слова и разговор обо всем этом — категория меньшая по отношению к предмету разговора, а пошлость подстерегает меня за каждой строкой. Так беден наш язык, когда пытаешься говорить о сокровенном. В радиотехнике есть такой термин: полоса пропускания. Некое устройство ограничивает в радиоприемнике полосу слышимых частот, диапазон суживается. Так и любой разговор о том, что свято для человека, для измерения чего нет единиц, обрубает, суживает то, о чем говорим, о чем не можем не говорить...

Мы сложили поклажу: ружье, бинокль, охотничьи и рыболовные припасы: Тоня — жена твоего племянника — принесла хлеб, сахар и молоко, зажгла нам керосиновый фонарь, и от его красного света стало таинственно-уютно и сразу же захотелось никуда не выходить. Вскоре Тоня ушла домой в деревню, а ты принес из сенец дров и затопил печь. И огонь словно вдохнул душу в домик на Бобришном угоре.

Наверное, отчуждение родины всегда начинается с холодного очага. Я помню, как судьба вынудила мою мать уехать из деревни в город и как сразу страшен, тягостен стал для меня образ навсегда остывшей родимой печи. Тиль Уленшпигель на всю Фландрию вопил о пепле Клааса. И гезы собирались на этот призыв со всей Фландрии. Мне же вопить не позволяет совесть, хотя и в мое сердце стучит пепел: на наших глазах, быстро, один за другим потухают очаги нашей деревенской родины — истоки всего.

И хотя мы покидаем родные места, все-таки мы снова и снова возвращаемся к ним, как бы ни грешили знакомством с другими краями. Потому что жить без этой малой родины невозможно. Ведь человек счастлив, пока у него есть родина...

Что ж, покамест у нас есть Бобришный, есть родина. Нам нечего стыдиться писать это слово с маленькой буквы: ведь здесь, на Бобришном, и начинается для нас большая родина. Да, человек счастлив, пока у него есть Родина. Как бы ни сурова, ни неласкова была она со своим сыном, нам никогда от нее не отречься.

Как жарко топится печь! Комары печальным своим звоном напоминают о том, что мы ночуем в лесу. Мы оба любим тепло, и ты поминутно подкидываешь в огонь, а за окнами плывет летняя ночь, плывет время. Сейчас оно ассоциируется для меня с твоей рекою, которая никогда не останавливается. Невозвратность наших минут похожа на невозвратность слоеных речных струй, вода так же, как и время, никогда не вернется обратно.

* * *

Утром я проспал восход солнышка. Тебя не было, я взял бинокль и прямо с крыльца долго разглядывал еще дымящуюся реку, пока за одной из верб не увидел твой поплавок и удилище. Поплавок то и дело сносило течением, ты удил рыбу примерно в полукилометре от меня. Утро долго не кончалось, полдневный ветер еще только зачинался в сосновых лапах. Высыхающая роса в союзе с солнцем рождала в лесу радужно-золотую мглу, мимолетную, словно ребячий сон, золотую мглу. Радостно и отрешенно пели вокруг птицы. Прямо за домом раскатисто, многоколенно журчало горло дрозда-дерябы, тут и там застенчиво и озорно цвинькали синички, свистели над рекой стремительные зуйки. И где-то

вдали, но ясно и чисто куковала кукушка. Ее голос был печален и светел, а ритм кукования был похож на биение сердца. Недаром в народе называли этот голос сиротским, вдовьим, вдовство для крестьянской женщины то же сиротство. А мы, мужчины, еще и теперь идеализируем действительность, и нам хочется слышать в голосе кукушки печаль, — и мы слышим эту печаль, забывая о том, что кукушка подкидывает свои яйца в гнезда других птиц.

Бобришный угор пел на все голоса. Я слышал здесь даже соловья, он раза два-три принимался щелкать и переходил на пение. Но здешний соловей был как бы слишком застенчив, он словно боялся быть веселее других и быстро замолкал, зато дрозды и синицы не смолкали ни на секунду.

Откидываясь назад и хватаясь за ветки рябины, по крутой, осыпанной иглами тропке я съехал к реке, чтобы умыться, и вдруг увидел нечто странное. Муравьи узким сплошным потоком через весь склон угора спускались к воде и той же дорогой поднимались обратно. Это был не иначе как муравьиный водопой, под самыми окнами домика на Бобришном угоре. Они, эти крохотные трудяги, копошились, кувыркались, опять торопились, и все к реке, другие так же суматошно — от реки, вверх, и было жаль эту живую материю, раздробленную на миллионы одинаковых, живых комочков, движимых одинаковым инстинктом, ничем не отличающихся друг от друга живых комочков. Опять, как вечóр на сентиментальности, я поймал себя на философствовании.

Как раз в это время и чмокнул соловей, я с удовольствием забыл про муравьев, сбегал за удочками, волнуясь, размотал леску...

И вот мы маячим на высоком тихом зеленом берегу, где прямо из песка растут могучие мясистые стебли щавеля. Изредка я срываю такой стебель и, обруснув листья, с хрустом закусываю: кислый и сочный щавель не хуже пасты очищает во рту, и язык после такой закуски сразу как-то устанавливается на свое место. Мы удим, а это значит, мы уже как бы и не мы, мы растворились, сравнялись с вечной природой, произошло то самое слияние с рекой, с кустами и травой, с небом, ветром и птицами, когда забываешь самого себя. Наверное, в этом и есть главная тайная прелесть уженья и охоты. Глядя на поплавок, забываешь о преходящей своей сути, забываешь о неизбежности собственного конца. Мир снова стал цельным и гармоничным, как в раннем детстве, когда мысль о конце еще ни разу не ознобила тебя своим

безжалостным инеем. Поплавок застрял в мозговом механизме, остановил его ход, его неумолимый бег к той стремнине, где бессменно караулят нас ехидные категории смерти, пространства и времени. Река струит свои светлые упругие пряди, стремительные зуйки словно прокалывают пространство меж берегами. Где-то в лесу, в его отрешенно-колдовском шуме звучит коровий колокол — жалкий наследник своих могучих меднобоких предков. И вдруг я как бы с удивлением замечаю, что поплавок уже давно недвижим, что, собственно, ведь и не клюет и что надо сматывать удочку...

И все вновь становится по-прежнему. А ты с наживкою в рукавице неутомимо ходишь от заводи к заводи. Ищешь, ждешь хорошего клева, и у каждого нового куста веришь в большую добычу. И каждый куст обманывает тебя, и ты вслух придумываешь причины безрыбья. Тебе хочется поймать хариуса. Я никогда не видел эту благородную рыбу, и ты хочешь поймать хариуса, но хариус ни разу не клюнул, и ты тащишь меня смотреть гнездо зуйка. Птичка с тревожным свистом слетела с гнезда, мы с минуту любовались тремя беззащитными яичками. Потом поднялись на угор.

Все-таки на уху-то наудил ты со своим терпением, а не я, проспавший восход солнца. Наверное, терпение нужно людям не меньше, чем азарт и смелость, иначе не сваришь никакую уху, никакую кашу, вся беда в том, какое терпение.

Вытряхивая из старой холщовой рукавицы остаток наживки в бадью с землею, ты рассказываешь о том, что дождевые черви живут в неволе месяцами и больше, если землю изредка сдабривать несколькими каплями молока и спитым чаем. «Что ж, чай с молоком — напиток давнишний, аристократический, напиток бунинских мелкопоместных дворян и северного крестьянства», — почему-то думается мне, а ты уже волокешь меня дальше, смотреть дятлову работу.

— Знаешь, какое у дятла профессиональное заболевание?

Я, конечно, не знал. Не знал, что профессиональное заболевание у дятла — сотрясение мозга. С восторгом восьмиклассника ты показываешь мне отверстие, продолбленное дятлом в дощатой стенке сеней. Сколько же нужно было тюкать, чтобы пробить эту дыру в стене, какое нужно упрямство! Но самое интересное то, что дятлова дыра сделана в десяти сантиметрах от окошечка, выпиленного плотниками. Вместо того чтобы влезть в это окошечко и посмотреть, что там внутри, дятел долбил свое, только свое, окошечко. А я тоже, как тот дятел, уже не могу без своих дурацких аналогий.

При виде дятловой работы мне думается про упрямство и гордость юношеских поколений, не верящих на слово отцам и дедам. Опыт предков не устраивает гордых юнцов, и они каждый раз открывают заново уже открытые ранее истины, долбят свои собственные отверстия. И лишь у немногих из них остаются силы, чтобы продолбить следующую, еще не тронутую стенку, а стенкам нет конца, и жизнь коротка, словно цветение шиповника на Бобришном угоре.

...Если бы юность умела,
Если бы старость могла.

Выстоять, не согнуться учусь у тебя. Пока есть ты, мне легче жить. А ты? У кого учишься ты, кто или что твоя опора? Я знаю: быть честным — это та роскошь, которую может позволить себе только сильный человек, но ведь сила эта не берется из ничего, ей надо чем-то питаться. Мне легче, я питаюсь твоим живым примером, примером людей твоего типа. У тебя же нет такой живой опоры. И я знаю, как тяжело тебе жить. Моя стеснительность, наверно, крестьянская, все время сковывала меня, и, может быть, я не выглядел откровенным в твоих глазах, и в них нередко мелькала тревожная настороженность. Но что я мог сделать и что вообще нужно делать в таких случаях? Самое лучшее — это взять ружье и уйти на тягу.

* * *

Счастье зачастую оказывается совсем не там, где его ждешь. Оно появляется, и мы не замечаем его, и лишь после до нас доходит, что ведь и было в общем-то счастье. За тысячи лет исканий, войн, страданий и изощрений в поисках счастья человек ничего не придумал для себя лучше лесной свободы, усталости от обычной ходьбы, ржаного ломтя с пережженной солью, лучше смоляного запаха и гулких ударов шишек об родимую землю. Тонкий свист рябчика, красноватые окна дома в сумерках, костер, раздвигающий тьму, сосновая лапа на окне в банке из-под консервов, белый цвет земляники, тысячи самых неприметных и доступных вещей делают меня счастливым.

Но я думаю о том, что человеку нужно, наверное, увидеть каскад городских огней, услышать каскад джазовых звуков.

И свист рябчика людям не понять, пока не набьют оскомину звонки телефонов и заполонившая эфир морзянка, не

понять ядреной смоляной лапы в стеклянной банке, пока не напокупаешься столичных мимоз; не узнаешь прелесть ходьбы по лесным тропам, пока досыта не налетаешься на звенящих Ту с их обязательными леденцами и пристяжными ремнями.

Не потому ли, что нам с тобой доступно и то и другое, а им лишь одно, так настороженно-недоверчивы к нам твои земляки? Кто-то подкорил сосну у крыльца домика. Ты страдаешь от их жестокого непонимания, и я тебя понимаю, так понимаю, что вспоминается русская сказка про Ивана Глиняного. Она, эта сказка, звучит примерно так, как и все наши сказки: хитро и нелицеприятно, сурово и мудро. Жили-были дед с бабкой, у них ничего не было. Давай, старик, говорит старуха, слепим сынка из глины, а то никого у нас нет. Давай, говорит старик. Слепила старуха сынка из глины — Ивана Глиняного. Иван с лежанки слез и сперва старуху съел, потом деда. Вышел из избы, а из поля идут мужики с косами. Иван Глиняный и их съел. Идет дальше, дошел до леса, а навстречу медведь. Хотел и медведя съесть, а медведь ему не поддался, распорол Ивану Глиняному все брюхо. Тут вышли на свободу и дед, и бабка, и мужики с косами. Мужики медведя бить. Били, били и укокошили...

Но ты лучше меня знаешь, что нелепо обижаться на дождик, до нитки промочивший нас где-нибудь в лесу. К тому же давно известно, что легче простить обиду, чем обидеть, но что-то тут неладно... Что и кому можно прощать и где граница между великодушием и необходимой самозащитой? Ко всему этому, многие люди не прощают великодушия. Как те косцы, которые убили медведя. Мол, никто тебя не просил выпускать нас из брюха Глиняного и нечего соваться не в свое дело. Может, нам в брюхе-то лучше было. Поди разберись теперь, положительный ли герой этот медведь?

Нет, я не верю, что все люди как эти косцы. Но добро, которое делают положительные герои, так часто оборачивается для людей самым жестоким злом, что герои и в жизни вовремя погибают. У писателя же тем более не хватает духу довести своего идола до конечного результата героической деятельности, и он умерщвляет его в ореоле славы и добродетели, предоставляя расхлебывать кашу новым таким же непоколебимым героям.

Герои, герои, герои... Как часто приходит ко мне страшная мысль о том, что мужество живет только под толстой,

ни к чему не чувствительной кожей, а сила рождает одну жестокость и не способна родить добро, как ядерная бомба, которая не способна ни на что, кроме как однажды взорваться. А может быть, сила добрая и есть могущество, не прибегающее к жестокости? Может быть мужество без насилия? Нельзя жить, не веря в такую возможность. Но так трудно быть человеком, не огрубеть, если не стоять на одном месте, а двигаться к какой-то цели. Ведь стоит даже самым нежным ногам одно лето походить по здешним лесам, и ноги те огрубеют, покроются толстой кожей, неспособной ощущать раздавленного птенца. И все мы научились так изумительно оправдываться невозможностью рубить лес без щепы, что позволяем изводить на щепу и сами срубленные стволы, благо есть что рубить и лесостепь покамест не соединилась с холодной тундрой. Ко всему прочему мы порой ограничиваем борьбу за новое всего лишь разрушением старого. Потому что, чтобы разрушить, зачастую требовалось меньше ума, чем сделать новое, не разрушив того, что уже было. Ах, как любят многие из нас разрушать, как наивно уверены в том, что войдут в историю! Но ни один хозяин не будет ломать старую избу, не построив сперва новую, если, конечно, он не круглый дурак, ведь даже муравьи строят новый муравейник, оставляя в покое прежний, иначе им негде укрыться от дождя...

Я оставлял эти клочковатые мысли в твоих лесах, бродя босиком по земле, и шишки стукались об нее, цвела земляника. Куковали кукушки, и река катилась под нашим домом. Жаль, мы так и не выкупались ни разу за шесть дней. Река ждала нас, и вода все катилась под угром, такая же невозвратная, как наше время.

* * *

Однажды я потерял чувство времени. Время как бы остановилось и исчезло. И все прожитое мной, начиная с первых воспоминаний, стоявшее до этого в ряд, утеряло последовательность, все сконцентрировалось и слилось в одной точке. Не существовало и будущего, было одно настоящее, то, что уже есть, и это было странно-счастливое состояние. Нет времени. Нет вечности — ни той, которая позади нас, ни той, что впереди: есть только то, что есть, есть нулевые координаты времени. Теперь вдалеке от Бобришного я с улыбкой вспоминаю то счастливое состояние, сравнимое, может быть,

только с состоянием космической невесомости, когда для человека нет ни севера, ни юга, ни востока, ни запада, ни верха, ни низа. Странное необъяснимое состояние. Я глядел на все, окружающее Бобришный угор, каким-то внутренним взором, мне казалось, что я слышу цвета и размеры, а звуки и запахи вижу, хотя моего «я» тоже не было, оно тоже исчезло. Может быть, это состояние было вызвано чтением Толстого: этот старик как бы стоял у моего изголовья живой, и его дух был моим духом, он чувствовал то же, вернее, я при его воздействии чувствовал то же, что чувствовал он. Иными словами, он был живым, он жил во мне, пока я читал «Казаков» и повесть «Семейное счастье», и то, что он жил, смывало ощущение времени. Может быть, это состояние питалось присутствием всюду натуральной, не из вторых рук природы, которой ни до чего не было дела, может быть, тем, что я никогда не видел тебя спящим.

Рябчик свистел за нашим домом, то печально звенели комары, пахло солнечной хвоей, то виднелись в окнах неподвижные, в мягких сумерках ветви деревьев, и не поймешь, какая пора суток. Я уходил далеко в лес, зная, что мешаю тебе работать и что дружба не требует обязательного присутствия, и жил один, но иногда меня мучила твоя излишняя заботливость, мне хотелось нейтральности дружеского равнодушия. Ведь настоящих друзей никогда не потчуют за столом. Но ты противоречив: даже и жалуясь на обилие и назойливость всевозможных гостей, всегда радовался их приездам, тем приездам, когда гости маскируют ухой самое бональное желание выпить или лишний раз напомнить тебе кто есть кто. Однажды после такого наезда я с туманной головой и сосущей болью в боку с пятого на десятое слушал тебя и вдруг вздрогнул: такое горе, такая скорбь просочилась в твоем голосе. Ты говорил о своем недавно погибшем сыне и плакал, и у меня сжалось сердце оттого, что твои слезы не были слезами облегчения и что ничем тут не поможешь, ничего не вернешь; горе это неутешно и необъятно. Да, умереть нужно мужественно, но, наверное, еще большее мужество необходимо, чтобы жить, человеку иногда труднее жить, чем кончить однажды. Помнится, я осторожно сказал тебе, что ведь умрут даже те, кого еще нет на свете, кто даже не родился еще, но это не прозвучало для тебя утешением, и в домике на Бобришном угоре всю ночь жило страдание. Утром я ушел далеко по речному берегу и лег под старой сосной, на откосе, долго глядел в сизое, туск-

неющее к полудню небо. Почему-то солнце не могло меня согреть. Я встал, насобирал сушняку и разжег костер. Огонь тоже не грел, а лишь обжигал, я глядел на сивый древесный пепел, слушал тревожный замирающий шум леса и думал о смысле всего, о непонятном, ускользающем смысле. Теперь я вновь ощутил время. Костер утихал, и время шло в одну сторону, и ничто не могло остановить его хода: ни голос кукушки, ни голос сердца, посягающего на все непонятное. Где-то на западе грозно, далеко, гремел гром, он, то приближаясь, то удаляясь, медленно, не торопясь, надвигался к Бобришному угору. Гроза рычала все ближе, и земля поглощала ее картавые, глухие, полные недовольства звуки, а я все глядел на красноватые, бледные в ярости солнца огни костра. Отчаяние, горечь, ревность к вечной природе и чувство жалости к людям и самому себе — все это сливалось у меня в один горловой комок, и я не знал, что делать. Уже скрылось тревожно-косматое солнце, ветер матерел с каждой секундой. Я медленно уходил от грозы, через совсем молоденький ельник и вышел в сухой корявый сосняк. В этом редком, тоже молодом сосняке не было ни листка, ни травинки, один ягель хрустел под ногами. Теперь даже лес был чужим, равнодушным, всюду широко и надменно хозяйничала гроза, но ее грохот казался мне нелепым, бессмысленным: на кой черт все это! Для чего и зачем?

В доме я увидел тебя спокойно сидящим за тем еловым, сколоченным из чурбаков и плах столом. Ты оглянулся: во взгляде светился ровный ясный покой. Спросил, не промочил ли я ноги, и голос прозвучал тоже как-то сердечно и просто, в нем были мудрость, тепло и словно тихое снисхождение к моим философствованиям, словно ты знал о них, переболевший ими задолго до меня, и теперь допускал их для меня и принимал, словно зная что-то другое, более главное, еще не пришедшее ко мне. Но прежнее восприятие жизни возвращалось ко мне медленно, и самое смешное то, что я злился на себя из-за того, что оно возвращалось. Я вышел на крыльцо и сел на ступени. Всюду, будто сверху и снизу, со всех сторон домика трещал гром. Шумела в лесу дождевая метель. Вдруг полетел град и дохнуло зимой взаправду. Градины стучались о крышу, бухали о землю, прискакивали и медленно таяли, и гром стлался по земле, в лесу, и в небе летела вода. Один раз треснуло совсем рядом, одновременно с зеленой вспышкой разряда, и это словно вышибло из меня остатки рефлексии...

Нет, надо просто жить, раз родился, и ничего спрашивать, зачем родился, жить, жить, жить... И нечего, нечего. С чувством наблудившего и со стыдом я закурил, мне уже хотелось как в детстве закатать штаны и босоплясом пуститься по дождевым лужам.

Гроза утихла над нашим кровом, она уходила частью дальше, частью выдыхалась, но дождь еще долго кропил Бобришный угор. В доме было тепло и спокойно, отблески молний вспыхивали за окнами, пахло освеженною зеленью. Гром еще рычал где-то, но все тише и тише, и сквозь разряды «Спидола» негромко играла прекрасную музыку. Было слышно, как с крыши капают последние капли, и музыка, похожая на эту капель, звучала в домике, кажется, это была одна из шопеновских мазурок, та самая, в которой звучит спокойная радость жизни, светлая послегрозовая усталость и гармоничное, счастливое созерцание мира. И оттого, что в доме струилась эта светлая прекрасная музыка, что в твоем голосе была поддержка, и дружба, и мужество, хотелось снова что-то делать для людей и для времени в этом непостижимом мире.

* * *

Бобришный угор тихо рокотал соснами, когда мы уходили по лесной дороге. Река мерцала, кукушка молчала, а на окне так и остались синие лесные цветы, и сосновые лапы, и томик Толстого. Наверное, сейчас там тишина и снег, река сжимается льдом, и цветы в банке давно усохли, а в остывшей печке свистит ветер. Домик ждет весны, которой никогда для него не будет. А я с запозданием говорю тебе спасибо. Спасибо за дружбу, последний наш деревенский кров: видно, так надо, что нет нам возврата туда, видно, это приговор необратимого времени.

1967

ОЛЕГ ВОЛКОВ

Лоскуты рая

Разумеется, такие сочные и обильные травы вырастают не только здесь. И в других местах также прячутся в них темно-лиловые лохматые ирисы, поверх белеют чашечки лесной ветреницы и в тени кустов сладко пахнет ландышами. Но увидеть их нетоптаными, нетронутыми, стоящими в первозданной своей целости жителю средней полосы, и особенно густо заселенных областей черноземного пояса почти никогда не доводится.

Чудо! Бродишь по этим рощам, по обрамленным кустами и деревьями полянам, — и цветов словно все больше, травы все выше и гуще, и по-прежнему — нигде ни следка: с самой весны тут никого не было, ты первым нарушил здешнее безлюдие. Непроизвольно ступаешь осторожнее, — невольно думаешь, что каждый шаг оставляет позади поломанные и помятые, вдавленные в землю стебли и листки...

А лесная сень — пронизанная ярким светом, звенящая птичьими голосами, обдающая попеременно запахом цветущих дубов, дурманящей сладостью ландышей или парным влажным духом сомлевших на солнце трав — зовет и завлекает. За полого уходящий к опушке поляной в розовато-голубых ковриках незабудок или в глянцевито-желтых пятнах лютиков — только приподними утонувшие в высоких травах ветви дубков, проберись сквозь заросли яблонь, бересклета и черемухи — открывается другая, заполненная блеклым золотом баранчиков, не то вся в мохнатых кустиках горицвета: он уже сходит, но все еще метит траву огненно-оранжевыми звездочками.

В цвету вся земля. Прижавшись к ней, на самом дне зеленых сплетений розовеют пушистые луговые васильки, над ними — лиловые метелки вероники и траурные соцветия монашек, еще выше — мохнатые стебли распускающегося шалфея; мелкими цветами осыпаны кусты бобовника, дрок выбросил вверх свои гордые, изогнутые, как турецкая сабля, стрелы, еще не отцвели яблони и не вовсе поблекли гроздья черемухи, все еще пахучие; шапки цветущих дубов в мелькающих точках гудящих пчел, словно накинута на них живая сетка. Всюду — подвижные тени листвы, пестрые бабочки, перелетающие птицы и немолчная перекличка дроздов, зябликов, славок и — само собой — соловьев... прославленных курских соловьев, в это время года оглашающих рощи круглыми сутками нежным посвистом, переливчатым бульканием и рьяным щелканием.

В этом зеленом обособленном островке ненарушенной жизни природы все течет по своим неизменным законам, подчинено извечному строю, в котором любовь и ненависть, борьба, смерть и возрождение. Здесь человек постигает жизнь, тайны ее непрерывности, связь явлений, устанавливающих равновесие в хаосе и не дающих иссякнуть животворному началу.

В поразившем меня своей нетронутостью лесном островке, естественно, бывают люди. Нет-нет и набредешь на сокровенную тропку, заводящую в самые глухие уголки. Проложена она научными сотрудниками заповедника, изучающими свои угодья круглый год, на все лады, во всех обличиях и под разными углами зрения. Они пристально следят за творящимся на каждом клоке земли, за тем, что и как родится, развивается, цветет, плодится и отмирает. Данные наблюдений, сведенные в стройные таблицы, позволяют делать сравнения и выводы. С ними в руках можно решать, как вести в местных — а стало быть, и сходных — условиях хозяйство так, чтобы земля щедрее всего вознаграждала труд человека.

Пролегли кое-где в заповедном острове и слабо наезженные, укрытые рослыми травами колеи конной дороги. По ней — глубокой осенью и зимой — ввозят дрова, напиленные из сушняка. В яростные дни весны и пору гнездования в лесу должно быть тихо и покойно. Автомобильный транспорт сюда вообще не допускается. Встретил я и подво-

ду — впряженную в телегу сытую сивую лошадку, — с цементом и кирпичом для биологов: они чинили приемник оборудованной в лесу стоковой площадки. Здесь изучалось одно из важнейших звеньев великого биологического круговорота, вершащегося в природе.

А потом я наскочил на орнитолога, несомненно чертыхнувшегося про себя по поводу моего злополучного появления: я спугнул удода — сравнительно редкую здесь птицу, — которого он с фоторужьем стойко подстерегал из засады. Ему действительно не повезло, потому что то была, пожалуй, едва ли не единственная моя встреча с человеком за многочисленные и продолжительные скитания по заповедным рощам.

Другое дело на подступах к ним. Опушки заповедника патрулируют верховые объездчики на статных лошадях и с ружьем за спиной. Они не раз вежливо удостоверялись — вправе ли я за них углубляться? Нет, не зря я носил при себе выданный в конторе пропуск на право находиться в указанные часы в перечисленных угодьях: Соловьятнике, Дуброшине, Дедове Веселом, Петрином логу...

Тут нетрудно попасть в нарушители. Достаточно нарвать пук цветов, наломать ветвей с цветущих деревьев или кустов. В заповеднике каждый цветок терна должен завязаться ягодой, которую склюют птицы или съедят звери, ландыши и горицвет — осеменить землю. Никаким — ни малым, ни масштабным — вторжением человека, способным исказить картину естественного хода жизни природы, здесь не место.

В заповеднике последовательно проводится режим, при котором сведены к минимуму вмешательства со стороны. В возможных пределах, разумеется. Потому что нельзя себе представить участка нетронутой природы, который бы в большей или меньшей степени не испытывал ныне последствий антропогенного влияния, тем более здесь, в сердце Курской области, в двадцати километрах от промышленного города, в окружении крупнейших индустриальных предприятий...

Безусловно, подобный режим не устанавливается сам собой. Объездчики нередко возвращаются с трофеями — охапками ирисов, ландышей, ворохами других цветов, а в более позднюю пору года — с корзинками ягод; в сумке же у них — книжка корешков квитанций, выданных оштрафованным нарушителям. Тут надо оговориться. Борьба с «собирателями» ведется в основном с тем их разрядом, который ценит в распустившемся цветке не мимолетную красоту его, а рыночную

стоимость, не довольствуется пригоршней земляники или горсткой терпкого терна, а норовит заготовить их столько, чтобы было с чем поспешить на рынок или к людному городскому перекрестку, не слишком пристально оглядываемому милиционером.

Нелегко переделывается натура человеческая, и особенно прочно коренятся в ней ростки алчности и корысти. Даже люди, не помышляющие о сбыте на рынке, загораются непостижимым азартом при виде открывшегося перед ними «дармового» изобилия и не в силах остановиться, хотя набрано уже сверх ожидания много, и непомерно разрослись пуки цветов в руках, и некуда ссыпать ягоды или оттянули плечи полные кузова грибов.

«Собирательством» занимается все больше обавтомобиленных и омотоциклеченных любителей, так что и вообразить невозможно, какие вороха всякого лесного добра способны вывезти многочисленные, как саранча, «природолюбы» из своих будто бы бескорыстных поездок! Правда, это добро далеко не всегда довозится до дома: увядшее и попорченное, а то и попросту ненужное выбрасывается по дороге. Так что в лесу остается искалеченный насмерть, с почерневшими, ободранными ветками куст черемухи, а на платформах и в вагонах электричек, по обочинам дорог — пуки увядших ветвей и сникших соцветий, добыча мусорных урн...

Больше всего доставляет хлопот заповеднику пришлый народ — приезжие. Местное население по всей округе очень быстро свыклось с правилами заповедности, отчасти оценило практическую пользу соседства оберегаемых природных угодий, да и не вполне еще, вернее, не бесследно исчезло в деревенских людях бережливое отношение к плодоносящим силам земли: их надо щадить, смотреть за тем, чтобы не нанести непоправимого урона, чтобы продолжала она быть матерью, не стала мачехой. Извечная привычка доверять отцветшей земле зерно во имя будущего отучила от психологии кочевника, живущего набегами. И терпеливая многолетняя разъяснительная работа, проделанная сотрудниками заповедника, принесла плоды: жители соседних колхозов и совхозов не только не покушаются, но и помогают поддерживать его режим.

Много сложнее убеждать горожан, людей «дорвавшихся» до природы в том понимании, о котором шла речь выше: надо успеть побольше нарвать, собрать, нагрузить и увезти; не к чему и некогда думать о том, что оставляешь после себя.

В плоть и кровь вошла привычка не возвращаться с пустыми руками: коль нет цветов, можно наломать березовых или дубовых веников, нет ягод или грибов — давай сюда ветки сосны, еловые с гроздьями шишек, а в степи можно — на худой конец — нарвать ковыля ли, полыни, натаскать из встретившегося озерка стеблей кувшинок... И заповедник, лишенный возможности действенно следить за посетителями, вынужден плотнее от них отгораживаться, отводить строго ограниченный участок для экскурсантов.

Аппетиты разгораются того более от сознания, что доступные блага «пропадают втуне» — как представляется тем, кто почитает употребленным с пользой лишь доставшееся ему и не мирится с мыслью о зарослях терновника, сознательно оставленных необобранными. Думающих таким образом трудно убедить в необходимости оставлять невыкошенными лесные поляны, с которых можно взять не один воз сена, несрубленным спелое дерево, не обирать покрытые плодами дикие яблони, в необходимости, вызванной планомерно осуществляемой обширной программой научных исследований, предполагающих не только сиюминутную отдачу, но и нацеленных на будущее, не всегда близкое. Между тем именно эта неизменность естественных условий для опытов, закладываемых на долгие годы, эта уверенность исследователей в продолжении преемниками начатых работ в природной лаборатории, учрежденной навечно, обеспечивает тот обширный вклад в науку, которым мы обязаны сети наших заповедников.

В этом отношении Центрально-черноземный занимает одно из первых мест. При малых своих размерах — в нем неполных пять тысяч гектаров, заключенных в пяти не близко отстоящих друг от друга «лоскутах»-участках и относительной молодости — ему нет сорока лет, — этот заповедник занял одно из ведущих мест в почвенных, ботанических и других исследованиях лесостепи, сделался опытной базой целого ряда крупных научных организмов, широко известной за пределами нашей страны.

На усадьбе заповедника постоянное оживление — одни приезжают, другие отбывают. Собирается немалый отряд людей науки — от докторов и академиков до студентов-второкурсников. Всех притягивает к себе единственная не только в Европе, но и на всей планете возможность увидеть лесо-

степь умеренного пояса такой, какой ее породила мать-земля, никогда не знавшая плуга. И приезжие — наши и зарубежные — спешат первым делом туда, в открытую степь, распахивающую широкие свои горизонты точно такими же, какими они открывались глазам далеких, давно ушедших поколений. И в этом частица ее обаяния.

Я заметил, что в этом заповеднике о целинной степи говорят с особенной интонацией, словно подчеркивая значительность этого понятия. Пока вы восхищаетесь здешними дубравами, прогулками по поросшим лесом лугам и овражкам, вам удовлетворенно поддакивают, согласно кивают головой, но ждут — оставили ли вы в своем словаре превосходные эпитеты для передачи впечатлений о степи? Тут уверены, что ею должны пленяться безоговорочно, превыше всего. Вам непременно посоветуют — с чего начать знакомство со степью, скажут — в какое время дня, при каком освещении то или иное урочище выгоднее всего открывается взгляду.

«Степь чем далее, тем становилась прекраснее. Тогда весь Юг, все то пространство, которое составляет нынешнюю Новороссию до самого Черного моря, было зеленою, девственною пустынею. Никогда плуг не проходил по неизмеримым волнам диких растений; одни только кони, скрывавшиеся в ней, как в лесу, вытаптывали их. Ничего в природе не могло быть лучше; вся поверхность земли представлялась зелено-золотым океаном, по которому брызнули миллионы разных цветов. Сквозь тонкие, высокие стебли травы сквозили голубые, синие, лиловые волошки; желтый дрок выскакивал вверх своею пирамидальною верхушкою; белая кашка зонтикообразными шапками пестрела по поверхности; занесенный, бог знает откуда, колос пшеницы наливался в гуще...»

«...Воздух был наполнен тысячью разных птичьих свистов. В небе неподвижно стояли ястребы, распластав свои крылья и неподвижно устремив глаза свои в траву... Из травы подымалась мерными взмахами чайка и роскошно купалась в синих волнах воздуха. Вот она пропала в вышине и только мелькает одною черною точкою; вот она перевернулась крылами и блеснула перед солнцем... Черт вас возьми, степи, как вы хороши!..»

«...Вечером вся степь совершенно переменялась: все пестрое пространство ее охватывалось последним ярким отблеском солнца и постепенно темнело, так что видно было, как тень перебегала по нем, и она становилась темно-зеленою;

испарения подымались гуще; каждый цветок, каждая травка испускала амбру, и вся степь курилась благовонием. По небу, изголуба-темному, как будто исполинскою кистью, наляпаны были широкие полосы из розового золота; изредка белели клоками легкие и прозрачные облака, и самый свежий, обольстительный, как морские волны, ветерок едва колыхался по верхушкам травы и чуть дотрагивался до щек. Вся музыка, звучавшая днем, утихала и сменялась другою. Пестрые суслики выпалзывали из нор своих, становились на задние лапки и оглашали степь свистом. Трещание кузнечиков становилось слышнее. Иногда слышался с какого-нибудь уединенного озера крик лебедя и, как серебро, отдавался в воздухе».

Нет, разумеется: в травостое здешней степи конь с всадником не скроются и клик лебедя с уединенного озера не огласит ее, как в описанных Гоголем приднепровских степях. Но цветут и здесь упомянутые им кашка — таволжанка с ее филигранными, перистыми как у папоротника листиками и белыми, розовыми или красными соцветиями, пестрые степные васильки, и конечно же и над здешним привольем парит ястреб, пока камнем не падет в траву на добычу. Ученые даже утверждают, что в нашей природе вообще нет степных трав, которые бы, как у Гоголя, прятали человека на лошади, но тут очевидно, что ошибается наука и прав великий художник, свидетельствующий правду поэтического видения — правду поэзии. Тарас и его казаки несомненно видели, как мелькает вдали, над «зелено-золотым океаном», темная голова выслеживавшего их татарина, напомнившая им, что роскошная красота степи таит грозную для них опасность...

В картине раскрывшейся перед глазами целинной степи заключена колдовская сила, заставляющая забыть о бурлящей за ее пределами современной жизни, не видеть маячащие на краю ее, где смыкается она с небом, белые строения совхоза и дымы заводских труб. Она заполняет сознание, сосредоточивает на себе одной кругозор, память и воображение... Уже впоследствии — от ботаников и из монографий узнаешь, что в пестром ковре под ногами на один квадратный метр насчитывается до восьмидесяти восьми разных видов растений и что теснится их на нем до одной тысячи экземпляров. Но дивиться начинаешь, едва ступишь в ее вольный мир... Каждый шаг открывает перед тобой новые сочетания красок, поражает невиданным разнообразием. Вот появились

поднявшиеся до пояса — позднее они вымахнут выше роста человека — лиловые головки шалфея; вот покачиваются вокруг на длинных тонких голых стеблях пушистые шарики наголоватки, а дальше вешат траву темные пирамидки чемерицы с примечательно распределенными по толстому прямому стволику листьями в форме лодочек, крохотных у вершинки и все больше и больше к земле: эти листики придают растению вид маленькой ростральной колонны. Вымахнули наверх гибкие хлысты дрока, покрытые тесно лепящимися друг к другу желтыми цветами, а в нижнем ярусе и нежно-белые сочейники, и — редкими алыми брызгами — роскошные пионы на пушистом кустике с листвой, напоминающей страусовые перья... И еще множество неведомых цветов, выглядывающих из густой травы, в которой путаются ноги. Но — сколько ни ходи и ни вглядывайся — не встретишь нигде одинаковых сочетаний, повторений, однообразия. И невольно повторишь восклицание Гоголя: «Черт вас возьми, степи, как вы хороши!»...

Поблизости от себя различаешь каждый отдельный цветок, и трудно определить — который из них преобладает, но уже в небольшом отдалении начинаешь четко выделять островки однородного цвета, то крохотные, то разрастающиеся в обширные палестины. Вот невдалеке, на пологом склоне, мелкие, округлой формы впадинки, словно небольшие озерца, отражающие небо: это незабудки. Неисчислимое множество крошечных соцветий, распустившись, образовали сплошной полог, заслонивший другие цветы. Эту голубизну усиливают скопления вероники. Подальше белые крупные пятна анемон или ветрениц. Чашечки этих цветов поднялись над остальными травами, и потому издали видны только они. Кое-где степь отливает серебристо-седоватыми волнами — то колеблются длинные ости степного красавца — перистого ковыля...

Когда спустишься в лог — небосклон суживается; видимость ограничивают мягкие расцвеченные склоны, обрезающие небо. Вокруг тихий пересвист певчих птиц, в стороне бьют перепела, и каждая травка, по выражению Гоголя, испускает амбру. Тут один на один с обособленной жизнью степи, и нельзя не поддаться очарованью ее первозданности. Она возвращает к истокам, заложенным в этой земле, в этих травах, в этом цветении!.. Вот почему сотрудники заповедника, отправляясь на работу в степь, ощущают приподнятость, точно их ждет радостное свидание.

Степь называется Стрелецкой. Тут — отражение прямой связи с прошлым, мост, перекинутый к курянам из «Слова о полку Игореве». Князь Всеволод Святославович говорит: «А мои куряне сведоми кмети, под трубами повити, под шелоами взлелеяни, конец копия вскормлени, пути им ведоми, яруги им знаеми, луци у них напряжени, тули отворени, сабли изострени, сами скачют аки серые волци в поле ищучи себе чести, князю славы».

В этом самом поле, под этим небом мчались всадники и звенело в сшибках оружие, на этой траве лежали, примиренные смертью, печенеги и русские, половцы и русские, татары и русские... И иду я, вероятно, невдалеке от одной из «знаемых» воинами Игорева ополчения яруг — поросшего лесом оврага, — не раз служившего укрытием или местом засады. Именно эту цветущую, щедрую, полную изобильной дикой жизнью привольную степь, эту землю русские веками обороняли от азиатских кочевников. Исподволь оседали тут люди, делались воинами-земледельцами.

От них поставались сторожевые курганы — напоминание о набегах, уведенных в плен жителях, спаленных селах и о великом мужестве и упорстве русских, не уступивших дикому полю. Постепенно образовывалась и укреплялась Белгородская оборонительная линия, в которую входил Курск, один из древнейших русских городов. Его гарнизону издревле были приписаны окрестные степи. Но ко времени образования стрелецкого войска великокняжеские грамоты, жаловавшие ими несших сторожевую службу ратных людей, были утрачены, и стрельцы стали настойчиво добиваться подтверждения своих прав на владения степями: архивы сохранили их челобитные. И вот мы читаем в «выписи», выданной курским стрельцам воеводой Воротынским: «...лета 7124 (1626 года) июня в первый день, по государеве и великого князя Михаила Федоровича всея Руси грамоте, за прописью дьяка Данилова... на их землю, что дана им как город стал». В этом документе дано подробное описание границ пожалованной земли, находящейся в «подгородном стану за рекою за Семью (Сеймом)». Называют ее, как в этом случае, так и в позднейших планах, «сеножатью» — она использовалась под покос и для выпаса скота.

Шли столетия, граница Московского государства стремительно отодвигалась на юг, крепость в Курске, утратившем военное значение, была разобрана, и стрелецкие слободы обратились в мещанские, унаследовавшие покосы. Порядок

землепользования не изменялся до революции: в Стрелецкой и Казацкой степях продолжали косить траву и пасти скот «миром», ее не пахали, хотя в Курской губернии было более распаханной земли, чем в любой другой губернии в России (как, впрочем, и ныне: по проценту пашни Курская область занимает первое место в СССР).

Так достались заповеднику участки целинной, не знавшей плуга степи — те две с небольшим тысячи гектаров, что составляют музей природы непреходящей ценности (вернее, возрастающей по мере исчезновения на планете нетронутых естественных угодий), единственный в своем роде памятник, отражающий минувший период истории.

Первоначально, когда только было решено организовать Центрально-черноземный заповедник, намечалось отвести ему десять тысяч гектаров целинных земель. Но пока согласовывали и обсуждали, сохранившиеся степи были в большей части распаханы, и заповеднику выкраивали уже разрозненные участки на уцелевшей целине. В территорию заповедника включена и небольшая залежь — около трехсот гектаров. Именно по ней ученые изучают теперь, как идет остепнение в естественных условиях. Отмечу мимоходом, что и ныне, по прошествии почти сорока лет, старая пашня резко отличается от смежных целинных участков — как по составу растительности, так и по свойствам почвы. Сотрется ли когда эта разница? Ответят на это следующие поколения ученых. Мы же можем заключить, исходя из мерок человеческой жизни, что память у земли долгая...

Я снова возвращаюсь ко времени, когда в эту степь выезжали на покос стрельцы: наверное, под иванов день, как велит обычай. Но то были отнюдь не те стрельцы, которые нам видятся после исторических альбомов и гравюр, воспроизводящих одежду и вооружение русских от Рюрика до XX века. В степи они превращались в русских мужиков в посконных рубахах с косым воротом, застегнутым на медную пуговицу у шеи, в домотканых портах и лаптях из лыка, какие они носили со времен Киевской Руси вплоть до первой четверти нашего века. Образ русского косца — с бруском на веревочном поясе, в войлочном гречневике, лишь в исходе девятнадцатого столетия вытесненном картузом, с отбитой на бабке, насаженной на еловое косьевище косой в руке, каким запечатлели его клейма старинных икон, лубочные

картинки и изразцы более позднего времени, зарисовки прошлого века, — этот образ удивительно сближает эпохи...

Обратившись к отроческим своим годам, я вижу полегшие за цепочкой косцов ряды сочной свежей травы, утренний сонный луг с туманом, еще закрывающим лощинки бесцветной пеленой, неподвижными темными кустами, на ближней опушке — подвешенные к сукам старой сосны, не то бережно поставленные на землю, промеж выступающих корней дерева, повязанные тряпицей глиняные крынки с квасом, рядом — узелки с ломтями ржаных пирогов. Бабы с ребятишками придут позднее, когда солнце сгонит росу и надо будет приняться раскидывать копны накошенного накануне сена, ворошить рядки и, пока палит вовсю солнце, без устали ходить с граблями по лугу. Когда же дрогнет жара и день начнет неприметно скатываться к вечеру, мальчишки побегут к пасущимся неподалеку стреноженным коням, обратают их и поскачут запрягать в телеги, стоящие под деревьями. Эх, и кипит же все тут! Кто скорее справится, разберет вожжи, настегает конька и первым лихо выкатит на луг, стоя на гремящей всеми деревянными сочленениями, подскакивающей на кротовых кочках телеге?!

Хозяин, хоть и приступил к вечерней косьбе, издали зорко поглядывает и, едва увидев у валов сгребенного сена свою запряженную лошадь, тщательно оботрет косу пуком травы, вонзит косьевище острым концом в мягкую луговую землю и подойдет навивать воз. Мимоходом взглянет — не круто ли подвязан чересседельник, ладно ли держится дуга, проверит и тяжи — не ослабли ли? — и со ступицы колеса разом поднимется на телегу: ну, бабы, не зевай, подавай проворнее!

С непокрытой головой возвышается он высоко над покосами, волосы спутаны, загоревшее до черноты лицо заросло всклокоченной бородой; босой, с расстегнутым воротом, в широких холщовых штанах, он следит, как его бабы проворными резкими движениями грабель уплотняют берема сена, и видит одновременно весь просторный луг, поросший лозняком по течению невидной речки, дальнюю полоску леса с песчаным обрывом, видит и согнанные полуденным ветерком на самый край неба легкие облачки, и всеми помыслами, ожиданиями и жизнью нераздельно слит со всем окоемом, врос неразрывными корнями в эту землю — единственную и незаменимую, радующую и огорчающую...

Так кто же повидился мне в этих овеянных свежим дыханием степи цветущих, обильных, родных русских просто-

рах — стрелец ли, маявшийся на нелегкой государевой службе четыреста лет назад, или старший мой современник и земляк, колготной тверской мужичок?..

Не у меня одного целинная степь воскрешает образы далекого прошлого, не я один чувствую, что неотделимы от них страницы нашей истории. Вот и авторы научно-популярного очерка о Центрально-черноземном заповеднике признаются, что и им видятся на ее просторах табуны диких лошадей или стада рогатых туров, кажется, что вот-вот замаячат на фоне неба силуэты поднявшихся из лога всадников в шлемах и кольчугах, вооруженные луками и стрелами. И только «вид телеграфных столбов и заводских дымов на горизонте обрывает фантазию...».

Видимо, вполне закономерно, что, находясь у колыбели русского народа, селившегося на заре своей истории по окраине и вблизи границ степей, мы с особенно глубоким чувством вглядываемся в те уголки их, где все осталось, как много веков назад... Чувством, достигающим щемящей силы, когда вдруг набредешь в лесных зарослях или на склоне древней яруги на оплывшие, с округлившимися очертаниями, густо заросшие кустами и деревьями ямы, в которых узнаешь пулеметные гнезда, окопы и землянки — норы войны, пришедшей сюда через семь веков после Батыя. Под цветущим зеленым пологом, накинутым природой, — вещественные следы кровавой борьбы за ту же землю, что русские отстаивали от азиатских кочевников, а их потомки — от нашествия с запада. Тут, тому менее трех десятилетий, не утихали громы яростных сражений, подымались к небу дымы пожаров и содрогалась напоенная кровью земля. В этих степях бились особенно упорно — знаменитая битва под Курском развернулась именно здесь...

Пройдут века, и угодья заповедника станут для далеких потомков памятником Великой Отечественной войны, а историческая даль спроектирует на него бесчисленные битвы за родную землю, которую ее великий хозяин — русский народ — вел на протяжении веков с завоевателями с востока и запада. Разумеется, эта историческая значимость заповедных угодий ни в малой степени не заслоняет их первостепенной практической, научной ценности, а лишь умножает ее.

Перед отъездом я сходил в лес с ботаником заповедника. Мы захватили с собой фотоаппарат и рейку с делениями. Мне

хотелось не только сфотографировать, но и измерить здешние ландыши. Таких, я уверен, редко кому доводилось видеть. И вот мы раздвигаем кусты, ищем удобно освещенное место, выбираем цветок среди множества ему подобных. Я ставлю линейку у основания стебля растения. Вершинка стрелки с крупными белыми шариками оказывается на уровне сорок третьего деления: ландыш ростом едва не с полметра!

Хочется запечатлеть в памяти эти ландышевые ковры: рассеянный свет под пологом леса, темно-глянцевитый фон листьев и по нему — изящные стрелки в белых бусинах. Целые палестины ландышей-великанов — не надо к ним наклоняться, чтобы почувствовать запах — им напоен весь воздух, весь лес! И ни один цветок не сорван, не потоптан...

Хорошо все же, что есть на свете уголки, где цветут по веснам нетронутые ландыши...

1973

ВЛАДИМИР ЧИВИЛИХИН

Города в тени деревьев

Приангарскую тайгу вырубали и жгли, вокруг перемалывалась траками почва с весенними травами и цветами, а за пологом этой палатки кустился шиповник, цвели роскошные саранки, несравненный багульник — даурский рододендрон, жарки, а по-нашему, средне-сибирскому, «огоньки», таежные орхидеи, ирисы русские...

— Друзья! — обращался к собравшимся братчанам-новоселам молодой инженер-дендролог Герман Тафинцев. — Ну почему вот это, например, чудо не должно расти на клумбах будущего нашего города? Гляньте, какие у него причудливые листья и лазурные цветы! По-ботанически оно называется довольно скучно — «дельфиниум высокий», но вы послушайте, какие имена дали ему разные народы! Наши предки, издревле употреблявшие дельфиниум в народной медицине, назвали его «живокостью», немцы — «рыцарскими шпорами», англичане — «забавными шпорами». Древние греки считали «дельфиниум высокий» цветком печали. По-своему именуют его французы — «ножка жаворонка», но, наверно, красивее всех зовут это растение буряты — «бэри с эсэг», то есть «невестин цветок»... Мы обязаны украсить город будущего здешней чарующей красотой — местными деревьями, кустарниками, цветущими дикоросами. Нам только начать, друзья, а потом пойдет! Сибирские растения со временем будут украшать и другие города!..

Идея и вправду была замечательно хороша, хотя и не очень-то нова. Выдающийся ученый XVIII века, один из

первых исследователей растительности Сибири, Петр Паллас писал: «...Россия имеет в своих восточных и южных областях, особливо в обширной Сибири, такое великое множество изрядных, отчасти только сей стране присущих природных дерев и кустов, что в состоянии насадить оными, не заимствуя иностранных родов, весьма прекрасные сады и рощи, которые красотою и переменою ни в чем Английским не уступят...»

Посмотрим повнимательней на деревья, кусты и цветы, на зелень, окружающую нас, и вместе подумаем о настоящем и будущем этого немаловажного участка социалистического строительства.

О пользе зеленого убранства, особенно для пыльных, дымных, шумных и тесных городов, не стоит слишком распространяться — она общеизвестна. Деревья, кусты и травы поглощают углекислоту и выделяют живительный кислород, ионизируют и фильтруют воздух, испускают фитонциды, убивающие болезнетворных микробов, выравнивают перепады микроклимата, приглушают шумы, ослабляют силу вредных излучений. И есть еще у «зеленого друга» ценности, не поддающиеся никаким подсчетам, но столь же неоспоримые, многообразные и незаменимые.

Деревья, растения, живая природа вообще действительно по-дружески успокаивают и волнуют человека, сберегают и восстанавливают его душевное здоровье, способствуют расцвету чувств, воспитывают, помогают думать и творить.

И как бы мы ни любили, как бы ни стремились сохранить «дикую» природу, похоже на то, что земля будущего почти повсеместно захорошеет культурными ландшафтами. Облагороженная разумной и доброжелательной деятельностью человека природа таит в себе новые качества и достоинства. Вспоминаю свои смутные мальчишеские ощущения, когда после девственной тайги вдруг открывается твоему взгляду просторная поскотина за околицей сибирского села, обрамленная кедросадом. Столетиями крестьяне ухаживали за этим лесом — в нем ни больного сучочка, ни валежинки, а шаровидные кроны величественных дерев так правильны и хороши, что кажется, их подстригали какие-то умные и добрые великаны. А в юности, помнится, не раз проезжая бесконечной железной сибирской дорогой, с нетерпением ждал я Петропавловска. У вокзала там — после пустых зауральских земель — было что-то вроде рая. Вяз мелколистый, кизильник и другие неизвестные мне кустарники представа-

ли кубическими, пирамидальными, яйцевидными, ромбическими образованиями, сгруппированными в радостные по общему тону сочетания. Этот скромный, продуманный в мельчайших деталях скверик нес на себе светлую печать любви, терпения и трудолюбия; мне всегда хотелось сойти с поезда, разыскать и поблагодарить за праздничное впечатление человека, который все это затеял и осуществил. Позже я узнал такие шедевры садово-паркового искусства, как Кусково и Архангельское, Тростянец и Павловск, посмотрел сказочный Версаль и великолепный Сан-Суси, побывал в польских Лазенках, шведских пейзажных парках, в древних садах Киото, поселяющих в душе человека такую радость и умиротворение...

Наверное, во всех наших городах есть чудесные зеленые уголки, но немало и серых, грязных, голых улиц, кварталов, заводских территорий. Встречаются целые районы без деревца, то там, то тут можно увидеть древесно-кустарниковые насаждения, производящие столь жалкое впечатление, что лучше бы их не было совсем.

Везде есть слишком большие пустые расходы и нелегкий труд озеленителей, на глазах всех обращающийся в ничто.

Отчего все это? Тема обширная, разветвляющаяся, и при первом же подступе к ней задаешься множеством вопросов: где, что и сколько мы сажаем, как сохраняем посадки, кто этим большим делом ведает и что мешает нам по-настоящему украсить зеленью города? И чувствую, начав свой очерк с цветочков, закончу я, как говорится, ягодками.

Озеленением у нас занимаются, можно сказать, все. В республиканских министерствах жилищно-коммунального хозяйства есть главки и отделы озеленения, а во многих областях — управления, которым, в частности, поручена и эта работа. Сельскохозяйственные ведомства имеют отделы декоративного садоводства и субтропических культур. Работники системы здравоохранения озеленяют территории больниц и поликлиник, просвещения — пришкольные участки, профессиональные союзы ведует озеленение своих санаториев и курортов, общества охраны природы поднимают на эту работу общественность. К зеленому хозяйству причастны работники строительного, железнодорожного, шоссейного,

лесного и других ведомств, им занимаются комиссии исполкомов и комбинаты озеленения, районные и городские архитекторы, начальники жилищно-эксплуатационных контор и председатели уличных комитетов, комсомольцы и домохозяйки, пионеры и пенсионеры.

Не хочу из такого перечисления делать сам собой напрашивающийся вывод о том, что, мол, у семидесяти нянек дитя без глазу, однако неорганизованность, неупорядоченность и неквалифицированность в зеленом строительстве становятся все заметнее и нетерпимее.

Проектом любого жилого района, как правило, предусматривается озеленение дворов, улиц и подъездов, намечаются скверы и газоны, хотя часто проекты эти условны, стандартны, скучно-геометричны. Но даже и такие проекты часто остаются на ватмане — строители, штурмуя сдачу объекта, заканчивая мучительную работу с недоделками, не находят сил, времени, материальных и иных возможностей исполнить озеленительную часть, а ведомственный, общественный, архитекторский и всякий иной контроль оказывается бессильным, недейственным. Осуществленное же озеленение поджидают новые напасти.

В течение года строители обязаны шефствовать над ним — заменять погибшие растения, поливать, оздоравливать поврежденные кроны и стволы, удобрять почву.

Но о каком удобрении может идти речь, если сама посадка нередко идет в стеклянный и кирпичный бой, в бетонную крошку?! Чаще всего посадки бросают на произвол судьбы сразу после сдачи основного объекта, в лучшем случае — через два-три месяца, и до истечения годичного срока они ничьи, «бесхозные». Переданные наконец ЖЭКам, а точнее — дворникам, ослабленные и расстроенные насаждения окончательно погибают из-за неквалифицированного ухода или полного его отсутствия. Во что же обходится такое обращение с общим добром? По самым скромным подсчетам, только *из-за недостаточного ухода каждый год в городах страны гибнут зеленые насаждения стоимостью пятьдесят миллионов рублей!*

Несколько лет назад мои земляки, комсомольцы Кузбасса, пригласили меня на свой областной фестиваль. Хороший состоялся праздник — веселый, яркий, интересный. В конце его согласно программе мы должны были посадить парк. Не-

обозримое черноземное поле под Кемеровом с догнивающей прошлогодней картофельной ботвой. Пять тысяч лопат. Длинная вереница грузовых машин, в кузовах которых лежали деревья и кусты с распустившимся листом.

Ко мне подтащили длинный провод с микрофоном на конце, чтобы можно было через усилитель сказать слова. Сказал, а потом вместе со всеми копал ямки, рядами и как ни попадя сажал вперемежку березки, рябинки, акацию, еще что-то и с горечью думал о том, что это будет не парк, не лес, не лесопарк, а черт-те что, чему нет и, наверно, не может быть названия. Дело даже не в том, что не оказалось воды и значительная часть наших посадок обрекалась на скорую и неминуемую погибель. «Парк» закладывался без всякой планировки, без подбора пород, без квалифицированных советов специалистов, без любви к «зеленому другу» — формально, для галочки в отчете...

Далек я от мысли, что вся теперешняя работа по озеленению наших городов малоэффективна. Нет, есть и хорошие примеры, когда города, поселки, рабочие и вузовские коллективы прекрасно украшают зеленью свои территории. Сто сорок гектаров занимают насаждения на Омском нефтеперерабатывающем комбинате. По-настоящему заботятся о «зеленом друге» череповецкие металлурги и коломенские тепловозостроители. Побывал я однажды в Новой Каховке в Черкассах. Чистые, ухоженные города утопают в зелени и цветах. В парках, на улицах, средь новых построек хорошо приживаются и благоденствуют декоративные породы деревьев и кустарников — каштан, платан, катальпа, липа, шаровидная акация, туя, можжевельник, бирючина. Сибирскую лиственницу даже увидел я на улицах в Черкассах — здравствуй!..

Неплохо работают озеленители Омска, Калининграда, Алма-Аты, многих городов Украины, Прибалтики и Грузии. С радостью узнал из печати, что в заполярной Воркуте, где двадцать лет назад я не застал ни одного деревца, сейчас почти тридцать гектаров зеленых насаждений. Красивыми и чистыми хотят видеть свои дворы и улицы жители Инты; этот небольшой приполярный рабочий городок в Коми АССР даже выходил победителем в республиканском соревновании за лучшее благоустройство и озеленение.

Однажды я уже писал о том, что пригодность руководителя городского хозяйства когда-нибудь станет оцениваться

прежде всего по тому, насколько сумел он озеленить свой город. Такое время подходит.

Приведу несколько цифр, обобщенно показывающих, насколько разнятся результаты озеленительной работы в отдельных местах страны.

Норма насаждений общего пользования (парки, скверы, бульвары, сады микрорайонов), установленная Госстроем СССР в зависимости от величины города, — десять — пятнадцать квадратных метров на одного жителя. В некоторых районах — в Омской и Калининградской областях, в Ставропольском крае, Кабардино-Балкарии и еще кое-где — эта норма уже несколько превышена; в Астраханской, Пензенской, Читинской, Иркутской областях, Удмуртии, Бурятии в два-три раза меньше нормы. Особенно удивительны контрасты, когда сравниваешь близких соседей. В Липецкой области площадь зеленых насаждений общего пользования на одного жителя всего несколько квадратных метров, в Курской — около пяти, а в Брянской — почти двадцать!

Знакомясь с озеленением, подчас просто поражаешься некоторым фактам и цифрам. В один из прошедших годов в Кировской области посадили около миллиона деревьев и кустарников, а озелененная площадь в том же году на пять гектаров... уменьшилась. Еще парадоксальнее выглядел этот год в Ленинградской области. Высадили почти семьсот тысяч «единиц» озеленения, но общий зеленый убор сократился на триста сорок гектаров!

Еду в Ленинград. Здешние озеленители по-деловому, кардинально решают проблему рабочих кадров. В системе управления садово-паркового хозяйства и зеленого строительства занято сейчас около пяти тысяч рабочих, и, что самое отрадное, борьба с текучестью потеряла свою остроту. Из двух промышленно-технических училищ приходит к ним ежегодно более двухсот молодых садоводов, цветоводов, водителей катков и т. п. Лучшим молодым озеленителям город выделяет каждый год из своих жилых фондов более пятидесяти комнат. Разговаривал с девчатами, стригущими кусты в сквере Адмиралтейства.

Смеются, поют, довольные работой и жизнью. Мечтают о форменной одежде. И правда, почему бы не учредить для озеленителей удобную, красивую и оригинальную модель рабочего костюма? Чтобы мы узнавали и чтили людей, украшающих и оздоровляющих наши города...

В Ленинграде я убедился, насколько трудна, подчас да-

же очень тяжела эта работа. Нелегкое дело — мыть руками цветочные горшки, а их у ленинградских цветоводов миллионы, или, скажем, сортировать луковицы — их десятки миллионов. В Голландии есть машины, в пятьсот раз увеличивающие производительность на этих операциях, у нас, к сожалению, таких машин, как и многих других, очень нужных озеленителям, нет. Не только в Ленинграде ощущается острейшая нужда в легких, не портящих газонов садово-парковых тракторах, опрыскивателях, малогабаритных передвижных электростанциях, повсюду вручную разбрасываются удобрения, обрабатываются приствольные круги, собирается опавший лист, пересаживаются деревья «с комом», стригутся живые изгороди. Огромна потребность в хороших газонокосилках. Сейчас они тяжелы, моторы их сильно чадят, перегреваются и быстро выходят из строя.

Мы здорово взялись в последние годы за бытовую технику, без всякого чувства меры разрабатываем и выпускаем десятки разных моделей полотеров, пылесосов, стиральных машин, но совершенно забыли о малой механизации, нужной для поддержания чистоты и красоты в общем нашем доме — городе.

Десять лет назад во Всесоюзном научно-исследовательском институте коммунального машиностроения был создан единственный на всю страну отдел садово-парковых машин, однако вскоре он был ликвидирован. А без машин в этом обширном хозяйстве уже невозможно.

А вот пестрые встречи в городах, на дорогах, обрывки разговоров, мысли самых разных людей о «зеленом друге», соседствующем с нами в городах и пригородах.

П. И. Аристархов, начальник управления садово-паркового хозяйства и зеленого строительства (Ленинград):

— Не хватает сил, техники, специалистов, чтобы обеспечить квалифицированную посадку, уход, инспекторский надзор. Из тринадцати миллионов рублей в год, затрачиваемых нами на зеленое строительство, примерно полтора миллиона теряется безвозвратно. А до нормы Госстроя нам еще далеко...

В. А. Петров, водитель такси (Подмосковье):

— А я бы эти дерева вдоль шоссе повырубил. Кто их

сажал? На кривых и пересечениях ничего не видать, куда хуже видимость проезжей части в туман и сумерки, а главное — едешь и спишь. Не хочешь, а дремлешь. Потому что однообразие.

И. В. Дробышевский, начальник производственно-технического отдела управления садово-паркового хозяйства и зеленого строительства (Ленинград):

— Мы ежегодно восстанавливаем газоны на площади примерно сто гектаров. Они вытаптываются, захламляются за зиму мусором и грязью, отравляются химикатами, которыми снегоуборщики посыпают улицы и дороги. Прошлой зимой в разделительной полосе от Московской площади до Благодатного полностью погиб кустарник. Кроме того, химикаты накапливаются в почве и вегетативной части растений, и мы не знаем, как они влияют на жизнь микрофауны, птиц, на долговечность покрышек и обуви, здоровье людей... Пора подобными вопросами заниматься серьезно, специально — от этого зависит будущий облик наших городов.

Г. П. Тафинцев, инженер Гипрогора (Москва):

— Кое-где на клумбах Братска растут жарки, мурьин корень, постоянно завозится в город крупномерная береза. Но с самого начала мы не знали оптимального размера таежных включений в город — наша наука этим не занималась, и рекомендаций у нас не было. Лес в Братске практически погиб.

В. А. Головко, работник обкома партии (Ленинград):

— Нет порядка в наших лесопарках! Как-то зимой обнаружил я в районе Разлива погубленный еловый лес. Не поленился, посчитал: примерно шестьсот сваленных взрослых деревьев! Верхняя, ростовая, часть их была спилена и увезена для новогодних праздников. И это из Разлива, из святого места, где хвойных и так почти не осталось! А кто это сделал, как вы думаете? Наши же озеленители!

М. Н. Глинкин, заместитель начальника Главного управления зеленого хозяйства Минжилкоммунхоза РСФСР (Москва):

— Самая важная проблема нашего хозяйства — кадры. Всего десять процентов работников системы имеют специальное образование.

За прошедшее время, с тех пор как мне довелось впервые выступать по вопросам зеленого хозяйства, у меня скопилось множество писем читателей, и я приведу хотя бы несколько выдержек из писем специалистов, чтобы подкрепить их суждениями впечатления и размышления писателя, не являющегося специалистом в области ландшафтной архитектуры или озеленения.

«Иногда выйдешь на вокзальную площадь (а во многих городах вокзал — лицо города), посмотришь на цветы, кустарники и деревья и с горечью подумаешь, что сюда еще не приехал специалист-озеленитель. И цветов много, и деревьев, и кустарников, но вот культуры озеленения не видно. Старомодные клумбы с узорами из цветов, аляповатые бетонные вазы, деревья и кустарники, посаженные без элементарной планировки, примитивной мешаниной видов и сортов, и совсем нет чистых благородных газонов...» (Н. Курлаев, цветовод, инженер зеленого строительства Кодорского цветочно-луковичного хозяйства, Абхазия).

«Эта отрасль нашего хозяйства ныне в состоянии глубокого кризиса. Ежегодно десятки миллионов рублей народных денег расходуются впустую. Весной и осенью силами общественности в стране высаживается фантастическое количество деревьев и кустарников. Потребность такова, что питомники не успевают выращивать доброкачественные саженцы в широком ассортименте. И количественные планы посадок, как правило, выполняются. А дальше? Из-за небрежной выкопки и транспортировки саженцев, их посадки в неподготовленную почву, из-за отсутствия постоянного и умелого ухода происходит массовая гибель растений. Ее никто не учитывает, ответственных за сохранность этого народного добра не наказывают. За послевоенные годы в Ленинграде посажено около 5 миллионов деревьев и 15 миллионов кустарников, и город давно должен был бы превратиться в непроходимые джунгли. Джунглей нет, а пустыри, голые улицы и дворы остаются. Стоимость саженцев по прейскурантным ценам, не считая других расходов, — 10 миллионов рублей. Бросовые затраты на озеленение растут. Необходимы немедленные меры» (инженер-садовод И. Мальков, Ленинград).

Добавлю к этому письму ленинградца сведения о масштабах озеленительных работ в столице. Недавно я услышал в «Московских известиях» сообщение о том, что каждый год в столице высаживается двести пятьдесят тысяч деревьев и миллион кустарников. Информация о количестве *высаженных* кустов и деревьев в разных городах газеты печатают каждую весну и каждую осень. Но никогра и нигде я не встретил в это сезонное время заметок о том, сколько деревьев *прижилось,* сколько их *выращено,* каков эффект посадок предыдущего года. Иными словами, сам принцип освещения в печати этого важного дела не содействует его успеху.

«Природные условия Таджикистана позволяют использовать для озеленения самые лучшие декоративные деревья, кустарники и цветочные растения. Фактически же для этого используется весьма ограниченное количество деревьев — на самом примитивном уровне, с грубым нарушением агротехники и пренебрежением к композиционным требованиям декоративного садоводства. В результате города Таджикистана плетутся в хвосте и по количеству, и по качеству озеленения. По команде одного высокопоставленного любителя чинары весь Душанбе засаживается густыми рядами чинар, а люди, выступающие с серьезными предложениями по улучшению дела, попадают в разряд тех, кто «мешает озеленению» (Ф. Ушаков, персональный пенсионер, бывший председатель Душанбинского общества охраны природы и озеленения; инженеры зеленого строительства Е. Едранов, Р. Манохина, Г. Салимова).

«Нельзя ныне всерьез заниматься озеленением без машин. Ежегодно в стране озеленители вскапывают вручную более 20 тысяч гектаров уплотненного газона, разравнивают более 30 миллионов квадратных метров бесплодного грунта и растительной земли, выкапывают миллионы саженцев, сотни тысяч крупномерных деревьев с комом земли. Вручную, лопатой и сечкой, заготавливается и перерабатывается более полумиллиона кубометров травяной дернины. Рабочие цветочно-питомниковых хозяйств просеивают и перемешивают руками около двух миллионов кубометров плодородной земли...» (Б. Удальцов, бывший ведущий конструктор отдела садово-парковых машин ВНИИкоммунмаша, Ленинград).

«Кафедра озеленения городов Московского лесотехнического института считает необходимым подчеркнуть важность вопроса о подготовке инженерных кадров озеленителей. Нет

у нас ни ландшафтных архитекторов, ни инженеров-озеленителей, так как в нашей стране специалисты такого профиля не признаются и не готовятся» (Т. Соколова, доцент, Москва).

Немало откликов «Литературная газета» напечатала на мою первую статью об озеленении, много интересных мыслей было высказано во время «круглого стола», организованного после этих публикаций.

Главный специалист по озеленению управления Моспроект-1 В. Машинский сказал, что организационные формы озеленительных работ не отвечают современным задачам, что существует огромная, хотя и скрытая нужда в кадрах.

Этот вопрос волнует и заведующего кафедрой озеленения Московского лесотехнического института Я. Мулкиджаняна: «По Советскому Союзу имеется около миллиона гектаров зеленых насаждений, а на 30—40 гектаров требуется один специалист с высшим образованием (по расчетам Академии коммунального хозяйства). Разделите один миллион на 30—40 гектаров, и у вас будет точная цифра специалистов, которые нужны народному хозяйству. Разве этого не достаточно? Нужны именно специалисты, а не только практики, самоучки. Москва засажена американским тополем, и в то же время забыт русский пирамидальный тополь. Есть у нас прекрасные дикоросы — рододендровые кустарники. В Праге я видел сорок видов, в Шотландии из восьмисот видов культивируется уже четыреста, а в Москве рододендрона совсем нет, разве только в Ботаническом саду. Вот к чему приводит отсутствие специалистов!»

Итак, кадры — главное. Попытался я разобраться в этом больном и сложном вопросе. Да, ни одна страна в мире не знает таких масштабов озеленительных работ, как Советский Союз, — это непреложный факт. Но есть и другой факт, столь же неоспоримый, хотя он может показаться невероятным и противоестественным: *в нашей стране практически нет полноценных специалистов по ландшафтной архитектуре, садово-парковому искусству, городскому зеленому строительству.* Во всей нашей необъятной державе лишь несколько ландшафтных архитекторов, в основном пенсионеров. И не случайно в последние годы стало невозможным найти настоящих специалистов даже для самых ключевых объектов. Проект озеленения и реконструкции таких священных мест нашей Родины, как Болдино и Ясная Поляна, подготовило Всесоюзное объединение Леспроект, а зеленым обустройст-

вом Шушенского оно занималось вкупе с институтом Союзгипролесхоз. В основном же исходными вопросами озеленения городов занимаются архитекторы, не обладающие необходимыми специальными знаниями по биологии, дендрологии, почвоведению, гидрологии, ботанике, защите растений.

В результате пренебрежения естественными факторами красиво нарисованные проекты оказываются формальными, неграмотными с точки зрения законов живой природы и эстетических норм садово-паркового искусства. Зеленым строительством ведают, далее, лесоводы, не имеющие абсолютно никаких знаний в области архитектуры, эстетики и не учитывающие особенностей городских посадок по сравнению с лесными. За это специфическое и сложное дело вынуждены браться и агрономы, и биологи общего профиля, и лица, по образованию и опыту своему не имеющие никакого отношения к зеленому строительству.

На лесохозяйственных факультетах Московского лесотехнического института и Ленинградской лесотехнической академии имени С. М. Кирова есть сейчас специализация «озеленение городов и населенных мест», на которую ежегодно набирается всего по двадцать пять студентов. А число молодых людей, желающих пойти в озеленители, стремительно растет — до десятка претендентов на одно место, и принимаются лишь самые одаренные абитуриенты.

Время от времени в Министерство высшего и среднего специального образования поступают коллективные письма с просьбами учесть действительную потребность специалистов зеленого строительства и вновь открыть некогда существовавшие факультеты зеленого строительства, дававшие когда-то настоящую квалификацию. На стародавние (1955 год) просьбы студентов академии не закрывать факультет министерство ответило таким странным аргументом: парк академии запущен, а вы просите сохранить озеленительный факультет. В ответ на новое обращение (1967 год) Министерство коммунального хозяйства РСФСР дало следующую справку: «Ежегодная потребность Министерства коммунального хозяйства РСФСР до 1975 года в инженерах по специальности «озеленение городов» — 15—20 человек». В последнем своем письме (1972 год), принятом на комсомольских собраниях групп и утвержденном комитетом ВЛКСМ академии, студенты с тревогой пишут о том, что

требования к специалистам-озеленителям все растут, а уровень их подготовки снижается.

Программы не ставят задачей готовить специалистов высокой квалификации, художников своего дела. В два-три раза сокращены программы по изучению садово-паркового и декоративного древоводства, совершенно не изучаются одиннадцать важных дисциплин, на которые двадцать лет назад отводилось более тысячи учебных часов. На художественно-эстетические дисциплины отпущено всего три процента учебного времени, тогда как в ряде специализированных зарубежных вузов эти предметы составляют половину всей программы. В результате из академии института озеленители выходят и недостаточно квалифицированными лесоводами, и плохими, малознающими инженерами зеленого строительства, и никакими ландшафтными архитекторами.

...По роскошному парку несут в портшезе престарелого скромного человека, а Людовик XIV шагает рядом... Такой неслыханной по тогдашним временам и нравам почести был удостоен творец Версаля, выдающийся архитектор, планировщик садов Андре Ленотр.

Изумительные парки были созданы в старой России Андреем Болотовым, Николаем Львовым, Пьетро Гонзаго, Федором Аргуновым и другими замечательными мастерами этого прекрасного старинного искусства, немало отличных парков спланировали советские специалисты...

Однако незаметно как-то в буче дел и под давлением неотложных забот мы подменили высокое искусство садово-парковой ландшафтной архитектуры будничным «озеленением». И соответственно перестали заботиться о кадрах. А ведь садово-парковое, ландшафтное искусство требует не только обширных специальных знаний и особой организации дела, эта профессия чрезвычайно специфическая, сугубо творческая. Давно сформулированы основные качества, которыми должен обладать ландшафтный архитектор. Но я добавил бы еще одно непременное, высшее качество, которое почему-то не упоминается в учебниках и специальных книгах по ландшафтной архитектуре: человек этой профессии должен знать и любить свой народ, родную землю, верить в будущее и уметь через свой труд воспитывать эти качества в других...

Но вернемся к истории с письмом ленинградских студен-

тов, и я прошу прощения у читателей за подробности, которые, однако, очень нужны, если мы хотим понять суть проблемы.

В письме студенты снова настоятельно просят восстановить факультет. В своем ответе член коллегии Министерства высшего и среднего специального образования СССР А. И. Богомолов не разделяет тревоги студентов. Совершенно обходя вопрос о качестве обучения, он говорит лишь о том, что озеленители у нас готовятся в различных вузах и их выпуск «может быть увеличен при наличии заявленной потребности».

И вот тут-то мы сталкиваемся с удивительным организационно-правовым парадоксом.

Выпуск специалистов озеленения не может быть увеличен, потому что не может быть никакого «наличия заявленной потребности» — *в квалификационном, номенклатурном списке профессий нашей страны отсутствуют специальности «ландшафтный архитектор» или «инженер зеленого строительства»*. Следовательно, у города, ведомства или завода нет юридического права и возможностей официально заявить о своей потребности, «заказать» специалиста. Ведь для лиц этой профессии на местах нет законных ставок, нет «единицы» в штатном расписании, и озеленитель обычно незаконно «сидит» на ставке мастера, технолога или хозяйственника.

За истекшие два десятилетия в нашем обществе произошли большие изменения, коснувшиеся всех сторон жизни. Ускоряются темпы роста численности городов, населения в них, огромны наши планы сегодняшнего и завтрашнего озеленения. Мы хотим видеть среду советских городов, рабочих поселков и сел оздоровляющей, культурной. Но это невозможно сделать без квалифицированного, качественного озеленения, без настоящих специалистов!

Какова же не «заявленная», а фактическая, реальная потребность в них? С ленинградскими озеленителями мы сделали теоретический подсчет этой жизненно необходимой потребности. За точку отсчета взяли зеленое хозяйство Ленинграда, его обеспеченность специалистами с высшим образованием. Получились интересные цифры. Если приложить условную «ленинградскую норму» ко всем городским поселениям страны (при зеленой площади всего семь квадратных метров на жителя), то профессионалов-озеленителей для садово-паркового строительства и капитального ремонта требуется 1500 человек, для эксплуатации насаждений

(на 100 гектаров один инженер) — до 10 тысяч, для лесопарковых зон (при «ленинградской норме» 2600 гектаров на одного специалиста с высшим образованием) — до 700—800 инженеров. Кроме того, для проектирования городов с населением более 100 тысяч человек необходимо около 1000 специалистов зеленого строительства. Таким образом, если благоустраивать и озеленять все города страны примерно так, как Ленинград, зеленое хозяйство которого, как мы знаем, далеко от полного благополучия, стране требуется более 20 тысяч специалистов-озеленителей. Конечно, сейчас эта цифра совершенно нереальна, однако несколько тысяч ландшафтных архитекторов и инженеров зеленого строительства наши города примут немедленно.

Замечу кстати, что в ГДР, например, работает сейчас более двухсот пятидесяти ландшафтных архитекторов, которых у нас, повторяю, практически нет совсем. Специалистов-паркостроителей, инженеров зеленого хозяйства хорошо готовят в Польше и Болгарии, где, между прочим, это дело хорошо организовали два бывших выпускника несуществующего ныне факультета зеленого строительства Ленинградской академии. Факультет садового искусства и парковой архитектуры работает в Техническом университете Западного Берлина. Специалистов этого профиля готовит также Ганноверская высшая техшкола. В Шеффилдском университете (Англия) есть даже аспирантский курс для получения степени магистра в области озеленения. Что же касается США, то там ландшафтных архитекторов выпускают около пятидесяти специализированных факультетов...

Поспешим за быстротекущим временем. Конечно же следует срочно *легализовать и узаконить специальности «ландшафтный архитектор» и «инженер зеленого строительства», немедленно восстановить в Москве и Ленинграде специализированные факультеты.*

Инженер Г. Балашов, работавший когда-то в ликвидированном ныне отделе садово-парковых машин ВНИИкоммунмаша, пишет мне: «Можно было бы назвать его Институтом Красоты Земли. Чем он должен заниматься? Первое в мире научное учреждение такого профиля сыграло бы огромную роль в качестве центра и опоры всего комплекса проблем зеленого хозяйства. Вот далеко не полный их перечень: история и теория садово-паркового искусства, практическая ландшафтная архитектура, нормирование и проектирование городских зеленых насаждений и пригородных зон отдыха, изучение ги-

гиенического, эстетического, воспитательного значения зеленых насаждений, содержание зелени в условиях городской среды, подбор и защита растений, озеленение рабочих поселков, промышленных предприятий, современных деревень, памятников истории и культуры, ведение хозяйства в питомниках и цветочных комбинатах, экономика, механизация, организация работ в зеленом строительстве. На базе Института Красоты Земли может быть организован и опытный завод, производящий модели основных садово-парковых машин, а также вуз, готовящий ландшафтных архитекторов и подлинных специалистов зеленого хозяйства». Интересная, увлекательная, нужная программа!

1973—1975 гг.

ЮРИЙ ЧЕРНИЧЕНКО

Надел моего внука

1

Тот, из-за кого весь сыр-бор, еще не сделал ничего, кроме главного: родился и начал расти. Только для молодой мамы своей он — несомненный красавец, только для деда — самый веселый приятель. Объективно же он просто мальчик Вася трех лет от роду.

Ничем не хуже, не лучше всех Тань и Сереж государства, наш Вася важен, однако, тем, что он — продолжатель рода, росток, каким и жива крестьянская, Курской губернии — семья.

Прадед его, агроном, оставив под Корочей громадный антоновский сад, пал в Отечественную на Черном море.

Деду выпало отдать молодость целине — то славное дело добыло народу 35 миллионов гектаров пашни, то есть целых двенадцать соток на каждого жителя.

Отец — он только вырастал на целине. Зато еще в возрасте Васи узнал, что хлеб возникает на пашне.

Читают на Ленинских горах многие, взял с собою чтение и я. Всякому свое, мой же круг...

«Чернозем в беде». Это — подвал «Сельской жизни».

«Терриконы из чернозема». Статья в «Правде».

«Чернозем в отвале». Снова «Сельская»...

А лежат у меня эти вырезки в томе Докучаева — «Русский чернозем». Поездили мы с той книгой немало. Вот и карта, скопирована с докучаевской, — с «ятями», со старыми названиями городов, строго научная — почвоведческая, и все же это чертеж нашей с Васей страны.

«Я буду беседовать с вами о царе почв, о главном, основном богатстве России... все ничто в сравнении с ним; нет цифр, какими можно было бы выразить силу и мощь нашего русского чернозема. Он был, есть и будет кормильцем России».

Так пишет Докучаев: «Был, есть и будет!»

У нас с Васей — одна фамилия и одна земля. И земли под посев — поровну. Сейчас — по 88 сотых гектара. Как и у каждого из едущих на речном трамвае, у любого из глядящих на Москву со смотрового плаца. Такова теперешняя норма обеспеченности пашней.

Но при равенстве есть разница. Я не спрошу внука, что с моим наделом. А он меня про свой спросит! Не скоро, может — не вслух, но спросит не-пре-мен-но! И от ответа мне не уйти.

А где он, Васин надел? Где тот неполный гектар, и что он такое — чернозем ли тучный, цветом в древесный уголь, или серый подзол, приокская супесь?

В том-то и суть — суть общественного нашего строя — что надел этот — везде! Все 225 миллионов гектаров пашни между Балтикой и Тихим океаном — это будущая их земля, удел «отчич и дедич», их солнечная батарея, стартовая площадка.

И что бы ни происходило с суглинками, солонцами, черноземами державы — это происходит с наделом моего внука.

О незаместимости земли, о ее защите сказано в прессе и на экранах немало. Наш разговор о наследстве — с точки зрения уже родившегося человека XXI века. Те, кому жить в XXI веке, нас еще не понимают, так самое время поговорить в своем кругу. А в нем нет, абсолютно нет больше непричастных к земельным наделам! Исходить будем из того, что...

Земледелие, поскольку оно неостановимо «на ремонт», может быть только почвозащитным. Новая технология добычи хлеба не допускает выкачки запасов плодородия.

«Любая порча земли есть антиобщественный поступок» (Л. И. Брежнев). Любая! Если бы даже ее прикрывали нуждою в руде, угле, в новых гидростанциях и прочем. Взял гектар под выработки или застройки — восполни потерю.

Добыча новой пашни или улучшение старой, то есть мелиорация, теперь не кампания, а необходимый образ мышления, обязательный и добрый налог на детность: вновь

входящий в мир имеет право на сохранность своего подушного надела.

...Сдав пост при Васе, я пешком иду к сегодняшним Докучаевым, хранителям наших наделов.

Член-корреспондент Академии наук В. А. Ковда возглавлял Международный конгресс почвоведов, недавно собиравшийся в Москве.

Что мне спросить у известного почвоведа? Целинники, среди них был и я, увеличили запашку державы на тридцать пять миллионов, а подушная норма пашни не выросла — убавилась. Родом я сам из-под Белгорода, теперь Курская магнитка стала давать руду, а газеты бьют в набат. «Чернозем в беде»... У меня, поймите, внук, вот и карточка!

Спрессованная до «тяжелой материи» лекция Ковды — концентрат того, о чем ученый не раз писал:

— Условий, в каких природой созданы почвы, больше нет. За природу создавать плодородие сложно и очень дорого. Волшебное отличие земли от других невозобновляемых ресурсов в том, что от умного пользования ею она не исчезает, не скудеет, а сохраняется и богатеет. Всякая руда — на один раз, залежи плодородия — навечно!

Мы еще очень богаты. Пятнадцать процентов пашни мира, а население страны — шесть процентов от живущих на Земле. Отечественная нива прошла с народом великий путь: целых полвека она почти без удобрений, за счет природного плодородия, снабжала нас энергией к жизни. Но подушный надел тает! Прирост от целины убавлен отводами под стройки, дороги, карьеры. Множится население, и за 20 лет доля пашни на жителя уменьшилась на 16 сотых гектара. Ежегодные потери пахотного клина достигли 100—150 тысяч гектаров. Тут соединенное действие и индустрии, и ветровой эрозии, и оврагов, и засоления, и пыльных бурь. Резерв пока очень велик — теоретически в будущем мы можем обратить в пашню еще 60—70 миллионов гектаров неудобий. Но преображение болот и полупустынь стоит огромных усилий. Нельзя допускать, чтобы добытое одной рукой утекало из другой! Великая программа мелиорации Нечерноземья, причерноморских и волжских степей имеет целью не восполнение потерь, а прирост плодородного клина: ведь нас к концу века будет уже 350 миллионов. Законы о земле, об охране природы — высокие документы социалистического гуманизма, человеческой дальнозоркости. Законы приняты, их нужно исполнять!

Но кто же не исполняет те высокие законы — и почему?

— А вы сами—исполняете? — неожиданно спрашивает ученый.

Я? Но я журналист. У меня-то и касательства к земле нет.

—Есть! Прежде всего у себя спросите!

Спросить у себя самого...

Это значит — у целины: без нее меня бы не было.

2

Вогнутое окошко в самолете — линза громадной силы увеличения: я разом вижу целые области! Гляжу в ясный день на касимовские, ульновские, пермские поля с высоты Эвереста, а будто за спиною — голос человека, с каким дружен давно и прочно. Он с нами не летит, но слова-то его помню...

— Боюсь летать самолетом. Эмоционально тяжело! Ночью или над облаками — прекрасно, но в ясную погоду... Сразу видишь чуть не миллионы гектаров — и смывы, и выдувания, и овраги, все, что творится с землей. Никогда прежде агроном это видеть не мог, да помогли самолеты.

— Но тревожно лететь именно над краями, где рождалась отечественная почвозащита, где работал Докучаев. А в нашу сторону, за Урал — спокойней, даже весело! Отключен ветер! Выдувание, как фактор разрушения, целина практически ликвидировала — спорь с этим, не спорь, а факт останется фактом.

Говорит это Александр Иванович Бараев, академик ВАСХНИЛ, директор Всесоюзного института зерна под Целиноградом — сначала за кадром, а затем уже прямо мне.

Встретились мы с ученым в родной мне Кулунде: Александр Иванович регулярно навещает Алтай. Не сказать, что полное единообразие в приемах и способах у Целинограда с российским целинным краем, но, может, и нужно так? Разниться могут тактики, но стратегия-то — одна!

Целина осваивалась дважды. В первое десятилетие пыльные бури приобрели такую разрушительную мощь, что встал жуткий вопрос: быть или не быть новой ниве меж Волгой и Обью?

В Кулундинском целинном совхозе был снят маленький драматический фильм — «Кулунда: тревоги и надежды». Там все — и черное солнце над степью, и поднятые в небо

миллионы тонн плодородия, и брошенные дома, и смятение хлебороба...

Не такое уж и молодое оно, землепашество в Кулунде. Близ Родина, у села Покровка, на пьедестале стоит заслуженный трактор. Памятником отмечено Ильичево поле: партизаны, объединенные в коммуну «Свобода», пахали его в 1922 году первым на Алтае, подаренным лично Лениным, трактором. Трофейный английский «Рустон-Проктор» сохранил свой вид только в фотографиях, на возвышении уже советская машина.

Но, если быть справедливым, пора поднять на пьедестал и спасший целину нехитрый угольник плоскореза.

Чем лечилась степь до распашки?

Травами. Растительным войлоком, накопленным за века.

Снят природный панцирь чем? Отвалом плуга. Вот он, отполированный кубометрами почвы фигурный листок стали. Мирный, привычный, добрый? Нет? Это — меч для эрозии!

Только теперь мы стали понимать, насколько же прав был русский агроном Иван Овсинский, основатель безотвальной обработки, тот, осмеянный казенной наукой Иван Евгеньевич Овсинский, что еще в конце прошлого века писал:

«Знаменитый Крупп (пушечные и оружейные заводы) своими разрушительными орудиями не наделал человечеству столько бед, сколько фабрика плугов для глубокой вспашки... Засухи являются наказанием за нарушение естественного напластования почвы, за уничтожение верхнего слоя перегноя... Сторонники старой системы портят только почву своей обработкой и маскируют затем свою ошибку дорогими удобрениями... Верхний слой почвы при обработке надо оставлять наверху...»

Это же *русским языком* впервые в истории написано, нашим соотечественником открыто — гоже ли забывать?

Так чем же прикрыла свою пашню целина? Тоже — травами. Остатками прежних урожаев: стерней. Щетка былой соломы торчит над пашней — и новый хлеб прорастает сквозь нее, поднимается, колосится, чтобы потом оставить над пашней — защитой от ветра — новый соломенный бор.

Какие орудия сделали это возможным? Он самый, плоскорез — стальной струг, не оборачивающий пласта.

И борона, не вредящая стерне, и стерневая сеялка. «Перекуем мечи на орала!» — в земледелии века НТР этот ста-

рый призыв приобрел техническое — но какое важное! — значение.

Бараев и директор «Кулундинского» Анатолий Иванович Игнатович — давние друзья и оппоненты. Что переход на плоскорез нужен, практик-директор абсолютно согласен. Но добавляет он — в соединении с почвозащитными лесами, с лесомелиоративным комплексом.

Целинный академик за полосами березняка и тополей в сухой степи не видел будущего: пропадут посадки! А они взяли да выжили. И скрепили пашню зеленой арматурой. Из пепла воспрял «Кулундинский», сильную пшеницу растит, кулундинцев родит — жизнь на прочной и здоровой земле.

Игнатович внимателен к службе леса: особое звено круглое лето занято уходом за полосами, посадкой, ремонтом. Своего рода пожарная охрана: пока здоров и прочен зеленый заслон, эрозия не вспыхнет.

Но леса «Кулундинского» — лишь ячейка той шумливой сети, что покрыла за десятилетия всю степь Кулунду, протянулась рядами березняка и сосны, быстрых в росте лиственниц и целебной облепихи от Алейска на Веселовку, от заповедного ленточного бора — на Славгород. Петр Васильевич Шаршов, живущий теперь в Благовещенске, — мужественный человек, ибо строил зеленый заслон в те годы и такое время, когда лесоводство тут считали десятистепенной заботой, чуть ли не пустым делом. Теперь в посадках Шаршова женская часть кулундинского населения ягоды собирает, грибами запасается, не связывая, ясно, эти дары природы с фигурой строгого старика в фуражке лесничего.

Пятьдесят тысяч гектаров отошло от кулундинских полей под лес, это так. Но не потому ли за десятилетие удвоился урожай знаменитых сильных пшениц, что не поскупились в отводе пашни под березняк и сосны?

...Здравствуй, бревенчатый домик в такой большой теперь Благовещенке, здорово, кулундинская обитель, приютившая меня в первый целинный год! Крепок, греешь кого-то? А деревья, какие мы посадили — не с Васей, с будущим Васиным отцом, — стали уже большими. Над крышей поднялись. Наш узелок в сети кулундинского леса...

Есть модель Алтайского края. Действующая земледельческая модель. Степь с опасностью выдувания — и взгорье, скаты, овраги, где не дремлет угроза смыва, колки, перелески, латочки ковылей — все собрано природой и научным

намерением в опытном хозяйстве Алтайского НИИ сельского хозяйства под Барнаулом. Уже второй десяток лет ведет институт Александр Николаевич Каштанов. Он вернул алтайскому хлебопашцу доверие к науке.

Любимое место Каштанова, где он обычно и разговорчив, и прост, — это крутой обрыв над Обью. Луговая поляна средь старых берез, а за откосом — такой простор, такая ширь земная и земная красота, что он не жалеет ни о Москве, с какой расстался, ни о прошлой большой работе.

— Сколько земли на Алтае? Семь миллионов га? Нет! Это — пашни. А землей, имеющей прямое влияние на урожай, влагу, засухи, суховеи, нужно считать все: неудобья и дороги, склоны и пустоши, овраги и размывы. А овраги, водная эрозия действуют и на Алтае! Опасно и вредно не замечать их! Институт взялся за комплексную почвозащиту, впервые в Зауралье начал борьбу против смыва. Агроном, приехавший к нам, может найти ответ на сложности своих условий — во всяком случае, этого мы добиваемся. Земледелие может быть очень разным, шаблона нет, но оно обязательно и всюду должно быть почвозащитным, сохраняющим влагу.

Вот в этой обязательности защиты плодородия и единство целинных школ. Разные ветви, но дерево одно. И оно зеленеет.

Будто о целине — эти слова Василия Докучаева:

«В природе вся красота! Все эти враги нашего сельского хозяйства: ветры, бури, засухи и суховеи, страшны нам лишь только потому, что мы не умеем владеть ими. Они не зло, их только надо изучить и научиться управлять ими».

Так что же, нет ее, моей вины? Пусть трудами других, но — оправдан?

— Мы успели, — говорит Бараев. — Даже в «пыльной чаше» Павлодара эрозия прекращена. Но именно в годы, когда целина доказала — земледелие обязано быть почвозащитным и иным быть не может! — от пыльных бурь стали жестоко страдать самые богатые почвы юга — Северного Кавказа, степной Украины. Ветры и тут были всегда, но разрушительную силу им придает сам земледелец. Если почва иссушена, измельчена, обнажена, выдувание неминуемо, пыльные бури вспыхивают и при слабых ветрах. Целиноградский институт— координатор борьбы с ветровой эрозией в стране. Сами хлеборобы слушают и уже делом поддерживают нас. Но на пути — традиционный, классиче-

ский отвал, за него в большинстве пока и агрономическая наука юга, и промышленность (безотвальная техника — в дефиците). И, в сущности, пресса — пишущий, снимающий люд! Ведь вы сами, вы знаете, как и чем обнажается, измельчается, иссушается южный чернозем?

Я? Кажется, знаю.

...Обычный степной пал: после жатвы на Кубани сжигают стерню. Курится золотая солома, огонь бежит за ветром... «Люблю дымок спаленной жнивы» — даже, значит, поэзия в этом есть.

А потом идет по сухому жнивью красивый, могучий К-700 с многокорпусным отвальным плугом и мощью всех двухсот «лошадей» двигателя выворачивает глыбы. Это известные всем, проклятые «чемоданы» — поле напоминает осыпь крупных камней. Как сеять в такой завал?

Начинается истирание почвы. Катками. Дискачами. Даже рельсами! Скорей, время сева уходит, разбей глыбу чем угодно! И действует великая почвенная мельница, растирая живые зерна чернозема в пыль.

А ветер — что ж, на то он и ветер. Уже без урагана, просто при четырнадцати метрах в секунду начинается лавинный эффект выдувания — и потекли струи земли.

Миллионы живущих в южных степях знают все это! Только называется это не иссушением-измельчением, а агротехникой! И уже многими замечен, повторяется на встречах агрономов парадокс:

— Чем выше агротехника, тем сильней эрозия...

Но ведь не пахать-то — НЕЛЬЗЯ?!

— ...Можно, можно, можно не пахать, — страстной скороговоркой уверяет Первицкий, — мы в своем звене уже семь урожаев сняли, самых высоких в районе, а отвал убран начисто, ни одного нету — вон, на складе лежат. Книгу Овсинского читали — правильно писал, далеко глядел, таких агрономов надо бы в школе еще узнавать, а не когда голова седеет. Обработка у нас — только поверхностная, под все культуры, глыб не выворачиваем, применяем и дисковую борону, и роторный культиватор да все, лишь бы не калечить землю.

Владимира Яковлевича Первицкого страна знает как создателя звеньевой системы организации труда: в Новокубанском институте испытаний тракторов рождена, оттуда пошла в жизнь здравая оплата не «от колеса», а от урожая... Но мало известен Первицкий как даровитый, смелый эксперимен-

татор, на свой риск и ответ отбросивший стародавние каноны.

...— Агротехника, от которой сильнее эрозия, — чушь, глупость. Есть эрозия, — значит, нет никакой агротехники! — это Иван Евлампиевич Щербак, заведующий маленьким участком сортоиспытаний в Новой Одессе под Николаевом. Участок мал, но дело тут сделано большущее. Впервые на южной Украине доказана возможность и необходимость поверхностной обработки для тех, кто хочет иметь надежный озимый хлеб. Может, и «не за свое» взялся скромный испытатель сортов (его дело — посей семена по методике, взвесь, доложи), но взялся, испытал новый путь, сумел увлечь соседей здравым примером — и уже сотни тысяч гектаров на Николаевщине убежденные Щербаком колхозы возделывают без оборота пласта.

А вот в Полтаве, в сердцевине черноземов Украины, пыльных бурь не бывает. Нет ее здесь, ветровой эрозии, — значит, и толковать о стерневой защите, о безотвалке незачем? Но сюда вернулся на работу известный знаток целинных проблем Федор Трофимович Моргун, автор книги «Думы о целине». Уезжал в Казахстан рядовым агрономом, вернулся ученым, писателем, избран первым секретарем обкома партии.

— Это полтавская, надо признаться, наука, — говорит Ф. Т. Моргун, — в свое время отвергла, осмеяла Овсинского. Да и позже опыты по системе Мальцева тоже, считалось, не дали эффекта. Ни техники не было, ни методики правильной, а все равно: паши поглубже, выворачивай пласт, и что иначе — то от лукавого! Да, стерня нам тут не нужна, но безотвальная, поверхностная обработка — не-об-ходима! В книге своей я взял на себя смелость предсказать, что целинный плоскорез придет и на Северный Кавказ, и на Дон, в Таврию. Теперь можно добавить: он и в глубинную Украину войдет. Уже — вошел: полмиллиона гектаров озимых на Полтавщине посеяно без груд — «чемоданов», по поверхностной вспашке. Нам не ветра надо бояться — засухи. А здоровая, естественная агротехника защищает структуру, сохраняет влагу в почве. Хранит чернозем!

Полтавские, черкасские, курские черноземы — одно из чудес мира. Мы этого толком еще не осознаем. Ну, глубиной в метр-полтора, ну — рассыпчатый, будто сухой творог... Эка невидаль! Да в наших границах — половина черноземов планеты. Привычны, земля — и земля.

Но враг, самый страшный за всю историю, отлично знал и выказал цену этому диву. Во время оккупации полтавский чернозем вывозили в Германию.

Есть очевидец, и он не стар, хозяин в самой поре — председатель колхоза имени Кирова на юг от Полтавы. Это Иван Георгиевич Козлов, Герой Социалистического Труда, моторный человек, да и словоохотливый. Мне он рассказывал, клянясь, что правда: в мае сорок второго у станции Хорол гитлеровцы гоняли пленных красноармейцев грузить черноземом железнодорожный порожняк, шедший в Германию. Сюда — бомбы, отсюда — землю. Не только хлеб, сахар, скот — саму почву, вечное плодородие!

В Крыму, в Судаке, у самого моря, стоит на сухом холме невидный обелиск. Без имен, только обычное — «Вечная слава...». Здесь лежит Васин прадед.

Я не дам свою родину вывезти
За простор чужеземных морей!
Я стреляю — и нет справедливости
Справедливее пули моей...

Отец не знал этих стихов. Как не знали все, кто пал до Сталинграда. Светлов написал позже.

Но— не дали...

Заросший за десятилетия противотанковый ров, опоясывающий склоновые поля, Козлов углубил бульдозером, набивает хворостом, всяким быльем... Зачем?

— Воду удерживать — талую, ливневую. В войну — против танков, сейчас пусть против смыва послужит. Ветер у нас почву не решит, но вода... Все ведь жалуемся — «засуха», а как мы сами воду с неба бережем?

Да, ветер «отключить» уже можно — есть орудия, есть пример целины, дело за перестройкой в умах. Еще на двадцати миллионах гектаров степных полей засушливой зоны может быть — с поправками, с умом — внедрен бараевский комплекс. Но какая целина научит «отключать» грозную силу сбегающей с полей воды?

«Разливы рек, подобные морям» — те же черные бури. Только не в воздухе, а в потоках воды растворены частицы плодородия. А есть человек, уверенно заявляющий:

— Проблемы водной эрозии в европейской части нет.

Странные слова — если помнить, что только в ЦЧО площадь оврагов вырастает в год на 9 тысяч гектаров, что до двухсот миллиметров осадков — почти треть атмосферной

нормы — стекает с полей, развивая дьявольскую осушительную сеть...

— Проблемы смыва почв и на Дону нет вовсе, — настаивает тот же — еретический или безграмотный? — голос.

На Дону ежегодно отправляют в овраги около четырех миллиардов тонн воды, а как тысяча тонн влаги с поля, так и потеря одной тонны зерна в данном году плюс безвозвратная потеря ста тонн почвы!

— Есть иная проблема: увести сток в почву! Убрать драгоценную талую и ливневую влагу под пахотный горизонт. Решил эту задачу — эрозия исчезает сама собой, смыв ликвидирован попутно. Ты думаешь о сегодняшнем своем хлебе. Но если думаешь правильно — исполнишь и долг почвозащиты.

Говорит это Манченко, Василий Иванович Манченко, главный агроном Матвеева Кургана (его район — на правобережье Дона, земли прилегают к реке Миусу). Знакомы с ним мы давно...

...На водоразделе — затянутые полынным быльем окопы. Не бурые камни — ржавые осколки покрывают смытую почву бугра: здесь проходил Миус-фронт. А чуть пониже, повторяя по горизонтали линию окопа, тянется свежая канава, набитая прелой соломой: заграждение против стока. Солома — чтоб открыть ворота талой воде весной, ведь под теплой набивкой земля не промерзает. Так, словно годовые кольца на свежем пне, ловчие канавы опоясывают высотку. У поля — они тоже обвивают холм: пахота поперек склона! Каждый проход плуга, сеялки — не помощь, а преграда смыву, в этом и есть суть контурной организации территории в Матвеевом Кургане.

Василий Иванович непременно расскажет, как нарезали поля в пятидесятые годы — лишь бы крупнее массив, чтобы просторнее трактору, и решетками лесополос такую нарезку закрепили. А что пахать пришлось вдоль склонов, что обработка сгоняла влагу в овраги, а воды уносили с собою в низины, в речки, в Азов миллионы кубов чернозема, что за последние 15—20 лет с иных массивов снесен весь пахотный горизонт, что заилен Миус, район лишился устойчивых озимей — про то спросить не с кого.

Манченко, кончавший курс у Николая Ивановича Вавилова, агрономом здесь, на бугристом правобережье Дона, с самого сорок пятого. Нарастающий процесс обезземеливания потряс его — и пробудил. Перестать пахать-сеять нельзя?

Так. Остановить район «на ремонт» немыслимо? Но можно повернуть всю армаду машин наперерез разрушающей воде? Да! Можно горизонтальной обработкой, почвозащитной организацией всей территории (всей — и пашни, и выпасов, проселков, трасс) подавить рост оврагов? Можно. И агроном это начал. Не один, со специалистами разных профессий, но инициатором был он.

А — зачем? Другие ведь не берут на плечи такой тяжкий труд? Для чего это лично Василию Ивановичу?

— Чтоб можно было спокойно уйти с работы. Передать другому пашню, а не площадь. Я принял тут сто тысяч гектаров пашни. Заменить, сделать ее заново, съездить за новой нельзя! Но я только говорю — «принял»... Пашни у нас с замеренным гумусом, с оцененным плодородием агроном не принимает. И не сдает при уходе! За каждую тонну добытого угля, за каждый вагон нефти есть отвечающий! А они — на один раз. Почва — на века, и спроса нет. Это факт: за главное богатство народа приставленный к нему спрашивает себя только сам — если спрашивает. Меня этому личному спросу научил Яков Иванович Потапенко, земледелец высокого ума и чистой совести. Он умер — недавно, весной семьдесят пятого, — но донская земля его не забудет.

Не прямо ли моя вина? Знал мудреного ученого, страстного проповедника любви к земле и — не решился сказать о нем должного при его жизни. Нам, живым, и внукам нашим нужна память о героях почвозащиты!

Сын виноградаря и сам даровитый донской виноградарь, сподвижник Мичурина, профессор, лауреат Государственных премий Потапенко тридцать лет нес ответ за клин пашни на взгорьях у Новочеркасска.

«Институт имени Я. И. Потапенко» — видим на здании, «улица Потапенко» — таблички в казачьем Новочеркасске. Но технология имени Потапенко — так не говорят, между тем дело, начатое ученым, набирает силу, вербует сторонников среди сельских хозяев. От отдельных ландшафтов, чаш — к отработке целых бассейнов, на очереди возрождение омелевшего Миуса.

А далеко на запад, в Молдавии, в научно-производственном объединении «Кодру» работает ученик Потапенко — Александр Лазаревич Попов. Сейчас он — генеральный директор, но республика знает его как долголетнего председателя колхоза «Бируинца». «Бируинца» означает «победа». Если применить к хозяйству, какому четверть века жизни

отдал Попов, — это победа над оврагами, над разрушением почв, страшным бичом виноградного края.

Не овраг уже теснит пахаря, а пахарь, опираясь на сегодняшнюю техническую мощь, теснит овраги, выполаживает их, строит террасы — и желтые неудобья одеваются шпалерами благородных лоз. Климат — не в облаках, он в лике земли. И соединениями бульдозеров, скреперов ученик Потапенко — Попов сперва создает этот климат, направляя ток воды в е р т и к а л ь н о, вглубь, а затем уже закладывает виноградные сады.

Значит, можно «отключить» и разрушительную силу воды? Да. Причем ветер человек делает только безвредным, а сбереженную воду обращает в прямое благо.

Но от «можно» до «есть, существует» — дистация громадного размера, и не потерять бы за людьми школы Потапенко, за добрым началом истинной картины происходящего.

Когда дорогами Черноземного центра — на двуколке, в дрожках, пешком — следовал Василий Васильевич Докучаев, глазам его открывалась почти ровная степь. В книге «Русский чернозем» говорится о Щигровском уезде: «Почти все пройденное нами пространство... носило на себе чисто степной характер: местность почти совершенно ровная... черноземные поля тянутся до горизонта».

Асфальтовая трасса Курск — Щигры позволяет держать на спидометре сотню. Но вдруг водитель резко сбрасывает скорость. Под старинной Охочевкой к шоссе подполз такой крутой и глубокий размыв, что становится боязно.

Кто допустил рост оврага? Ведь тут живут, работают люди — директор совхоза, агрономы, председатель сельсовета. Они отвечают, мы знаем, за каждый мешок зерна, за любую железку в тракторе. Не поленимся узнать происхождение одного из сотен, вот этого охочевского оврага, что грозит пересечь нашу прямую дорогу.

Суть ответа прогнозировать легко. Овраг, понимаете ли, растет с а м п о с е б е. В любой аварии виноват такой-то водитель, и в пожаре виновного найдут. А овраг — он с т и х и я... Конечно, если б Курскмелководстрой вовремя заметил, пригнал бы технику — можно бы усмирить, кстати, и деньги бюджет отпускает большие. Значит, разрушение почвы — стихия, и некто «верхний», богатый и сильный, должен прийти, увидеть, победить.

Если такой подход сохранится — овраг перережет путь!

Дмитрий Иванович Менделеев знал свою страну. Поверим ему:

«Эту борьбу с расширением оврагов, мне кажется, невозможно вести без прямого участия местных крестьян... так как здесь нередко вовремя положенный пук хвороста может оказать несравненно большее значение, чем капитальные земляные работы. Без полного сознания необходимости мелиораций у самих местных жителей всякие улучшения, пришедшие, так сказать, даром, ничуть не помогут...»

«Местные жители»... «Пук хвороста»... Не надо больше скреперов, рева машин — мальчишки, натуральные шкодливые мальчишки из четвертого «А» на откосах глубоченного Городнова оврага. Сумочка с желудями через плечо, колышек — и глинистые осыпи местного ущелья прошиты пунктиром дубовых рядков. А дно оврага — в ивовых запрудах, и те менделеевские «пучки» — фашины — старинным образом служат сегодняшнему дню. Руководит же этим зеленым походом детей партийный человек — первый секретарь Грибановского райкома партии Воронежской области Сергей Петрович Харламов. Подлинно народным делом «местных жителей», сегодняшних крестьян сделал районный партийный комитет исцеление пашни!

Висячие сады Листопадовки — поливной плодовый сад на террасах крутого Ардакова бугра... Культурные пастбища на обвалованных пойменных лугах... Нитки водоводов от запруженных оврагов к чашам-резервуарам на высотах водоразделов... Десятки тысяч гектаров молодых дубовых посадок в полях одного только района, какой никто не делал показательным, никто не побуждал к плану преобразования природы! Воспитательная в самом глубинном смысле работа. Мальчишка сам посадил дуб, сельские девчата сами выхаживают лесополосу, агроном персонально отвечает за воду на полях, а сколько ее утекло — видно по пруду в былом овраге. «Пруд пустой — спасибо агроному и выговор мелиоратору, пруд полный — позор агроному, мелиоратору — честь» — вот формула Сергея Харламова, политика на своем месте.

А что должно выйти из грибановских трудов через десятилетия? Знаем. Даже можем показать.

Докучаевская «Каменная степь»... Она в часе езды от Грибановки. Первый оазис исцеленного русского чернозема, зеленая машина плодородия, работающая без остановок и сбоев уже восемьдесят лет.

В Каменной степи не пылят дороги. Пшеница не шелохнется в родниково-чистом воздухе, в разрывах поднебесных рощ-полос висит голубой туман. Патриарх-колодец в чаще — часовой уровня грунтовых вод. Хорольская балка (при Докучаеве молодые агрономы звали ее своим «Дарьялом») из глинистого ущелья превращена в шедевр ландшафтного искусства, в вереницу затемненных прудов с журчащими где-то ручьями, с роскошным луговым ковром на скатах.

Наклонитесь, берите руками землю — ладонь останется чистой: в крупчатой почве пыли нет. Чернозем был, есть и будет кормильцем его хозяев — прав был сказавший так мыслитель, глядящий теперь на свой оазис с каменного пьедестала.

3

Некосимая Ямская степь — малый заповедник во глубине России — хранит нам травы такими, какими видели их и князь Игорь, и гоголевский Тарас. Смесь видов (среди них есть и доледниковые растения), волшебная путаница цветов, ароматов, птичьих голосов «и только стрекоза, как первый самолет, о новых временах напоминает»...

Впрочем, нет. Если поднять голову над серебристым ковылем, над редкими, сплошь в птичьих гнездах, деревцами, увидишь вдали строй труб Курской магнитки. Будто намеренно сошлись в едином месте заповедные травы Ямской степи и поражающие воображение разрезы.

Край обрыва. Дождевая вода журчит малым ручейком, спадая... Куда? Глядите. Двадцать метров, пятьдесят, а дна все нет! Да где же конец пропасти? Каньон, ущелье, катастрофический провал?

Просто — современный карьер. Лебединский железорудный карьер под Губкином. В синей дали, на искомом дне — экскаваторы, электровозные пути. По серпантину горной дороги ползут самоходные кузова БелАЗы. Человек создал рудник — по нынешним своим силам и потребностям.

А где тот тоненький пласт почвы, что и дал название краю, Черноземному центру? Пропал, исчез, потерян?

Нет, теперь его собирают. Соскабливают скреперами в кучи, и щегольские алые «Татры» отвозят его куда-то.

Чернозем — выселяют! Могучая организация «Центроруда» сваливает его в терриконы такой величины, что и донбасские горы породы показались бы детской затеей. От-

валы заросли бурьяном. Плодородие не работает уже многие годы.

—Душа болит, когда видишь такое,—говорит Николай Васильевич Кириллин, один из старооскольских колхозных председателей.—Уже шесть лет выселяют чернозем, а колхозу не вернули ни гектара. Мы знаем, как нужен металл, и нам самим он очень нужен. Но зачем противопоставлять: или руда, или хлеб? Ведь эти терриконы можно было бы расстелить на неудобьях, бедных почвах — вышли бы плодородные поля. Можно, только сделать это по силам лишь той технике, которая разрушает... Сравните, сопоставьте: вот роторный экскаватор, циклопическая машина. Наш трактор рядом с ним — «клопический», малютка...

Следуя нашему правилу доискиваться конца, пойдем к директору Лебединского горно-обогатительного комбината Валерию Валентиновичу Карпову. Это видавший виды организатор и просто симпатичный человек. Белгородец рождением, я вправе спросить горняцкого генерала, что станется с этой землей в недалеком будущем. Ведь если так будут обращаться с черноземом (а статьи «Чернозем в беде», «Чернозем в отвале», «Терриконы из чернозема» говорят именно об этих местах), то к возмужанию моего Васи здешним хлеборобам негде будет сеять.

В. В. Карпов откровенен и доверителен:

— Чернозем мы убираем, вы убедились. К тому же Центроруда платит по пять тысяч рублей за каждый отведенный нам гектар. Это фонд рекультивации. Но кто освоит деньги, кто возвратит колхозам землю—и для нас открытый вопрос. Мы—землепользователи, таковыми являются все предприятия Министерства черной металлургии. Свезти — свезли, а дальше мы — как слепые котята: ни технических средств, ни знаний. Да, закон об охране земли действует, но ресурсов для рекультивации нам не дано, наука не снабдила ясными рекомендациями. Пока не выработаем карьер, а займет это лет семьдесят — восемьдесят, почву настилать нам негде.

(Вряд ли скажет про это В. В. Карпов, но про себя помнить надо: Центроруда обязана была снять и использовать для улучшения 23 миллиона кубометров чернозема — это обогатило бы 6,5 тысячи гектаров пашни. Сняла же она только 8 миллионов кубов, колхозы не получили ни гектара. До 2000 года будет изъято дополнительно 23 тысячи гектаров земли — это сто миллионов кубов плодороднейшей почвы!)

Что ж, значит, разговор не получился—вопрос был не по

адресу. Карточка моего внука возвращается по принадлежности, теплое прощание...

—Восстанавливать должен разрушивший, больше некому! — Это в спор вступил Григорий Середа. — Взял у людей пашню — верни такой же, и чем скорей, тем лучше. Вот и весь принцип.

За Григорием Лукичом Середой — половина добываемой в СССР марганцевой руды. За ним тоже гигантские карьеры, циклопические землеройные агрегаты и целый горняцкий город — молодой город Орджоникидзе на Днепропетровщине. За ним, директором Орджоникидзевского горно-обогатительного комбината, тоже многие тысячи гектаров отторгнутой у хлебопашцев земли, и, думай Середа так, как Карпов, близ Каховского моря уже простирались бы на многие километры лунные пейзажи.

А на отвалах сады цветут. Яблоки созревают, персики, виноград. И посерьезней того: пшеница наливает, взыскательная к почве озимая сильная пшеница! Никопольский колхоз имени Горького уже принял у горняков первые рекультивированные массивы—с правильно уложенными подстилающими горизонтами, с заданной толщиной чернозема, ровные, как бильярдный стол. Не показуха, не витрина для демонстрации заморским гостям — норма; система правил, *технология*, при которой и хотел бы кто посвоевольничать, так не выйдет, все увязано. Вот это-то технологичность, направление средств научно-технической революции не против равновесия природы, а в ее защиту, и составляет стержень открытия (отмеченного, надо заметить, Государственной премией УССР).

Замечаете логику? Бараевский комплекс учит пахать-сеять так, что исчезает вред ветра. Школа Потапенко направляет на склонах технику так, что нет разрушения от талых вод. А горняцкая система Середы и роторные экскаваторы, внушительный образ НТР, использует так, что поступь индустрии не оставляет следов на украинской степи.

—Счастье наше или беда, что природа положила полезные ископаемые под черноземом, — размышляет Г. Л. Середа, — но это факт. Двести участков открытой разработки действуют или скоро включатся на Украине. Если не идти нашим путем, каждый год будет отнимать от пашни площади десятка колхозов. Нужно менять само понятие о полезном ископаемом: полезнейшее из всех — чернозем! Откладывать восстановление «на поток» — это жизнь взаймы. Нет,

мы у себя уже сделали правилом: сколько взял земли в год, столько и передал земледелию. Правда, старые выемки и отвалы не всегда можно обратить в поля. Что ж, оставлять лунные пейзажи? Да их можно делать самыми притягательными, радостными для человека местами, где бы он отдыхал, веселился, куда бы сын его за палец тащил...

Орава ребятни кормит... страусов. Натуральных страусов, поселенных комбинатом в парке культуры. Здесь же, на былом отвале, в индустриальной пустыне, облагороженной пышной зеленью, подсиненной огромным проточным озером, обитают — ламы, грациозные американские родичи верблюдов, гуси-лебеди, вольные подняться на крыло, олени, косули, лиса Патрикеевна — и все это неподалеку от купающейся горняцкой ребятни, и никому не тесно, солнца, простора и покоя хватит всем.

Филосов-горняк этим парком, ожившей сказкой, воочию доказывает всем-всем-всем: возрожденная жизненная среда может быть богаче, полнокровнее даже нетронутой природы, и нету таких аргументов, какие оправдали бы проводника индустриальной пустыни.

Но сами пустыни-то — реальность. Да и в самых плодородных, зеленым-зеленых краях!

Окрестности Кривого Рога... В окна автобуса — вишневые садочки, сверкающие в солнце поля широколистой свеклы, подсолнечник доцветает, а за всем этим встают безжизненные, как Тянь-Шань, скаты рукотворных отвалов, обнаженная геология, пра-Земля. Едем — и не замечаем, что тенью горного дела встают горы этих мертвых кубокилометров.

И вот, чтобы открытое для глаз «дошло», вошло в мышление, автор рискует предложить необычный эпизод.

Шел, я говорю, рейсовый «Икарус», и в креслах привычно дремали пассажиры. Асфальт, ветерок, покой... Кажется, задремал и я.

Потому что не стало автобуса, а открылся вдруг пустой зал, казенное место. Впереди дубовый стол, за ним три кресла с высокими спинками и — герб. Ясно, зал народного суда. Пусто, только на скамье подсудимых некий человек, одинодинешенек. Ближе, ближе...

Господи, это — я!

Распахнулась дверь, служитель что-то торжественно произносит. Понимаю: встать надо, суд идет. Поднялся.

А кто же занимает судейское место?

Внук Вася. Рядом — девочка с бантиком (ее я помню по Ленинским горам) и какой-то серьезный малышок в очках.

Судебное разбирательство. Явственных слов не нужно, я отлично понимаю, почему я здесь и что суд выясняет.

Моя защитительная речь патетична. Простер руку — пусть видит высокий суд укрытую стерней целину, чистый ветер в листьях пленицы...

Влево укажу продуманным жестом — и гнутые поля Матвеева Кургана, грибановский молодой дубняк, новые поля Середы предстанут взору.

Обернусь на юг — орошение таврических степей с каналами, росяными «фрегатами» меня защитит, оправдает.

Но серьезен и строг взгляд судьи и заседателей. Нет, это не вся правда, я многое скрыл, а им оно ведомо!

Осенние палы Кубани, «чемоданы», струи пыли в озимых — моя работа, не так ли? (Глядь — и вместо Васи какой-то чернявый мальчуган, должно быть с Кавказа, рядом же — узбечка с косичками...)

Вон как весело жму я руку выселяющему белгородские черноземы — и тот документ в моем деле! И овраг под Охочевкой... И сползающие в мелководье, подмытые волнами Каховского моря черноземы Днепропетровщины — откуда судьи про это узнали? (Еще раз сменился состав суда: беленькая девочка в середине, а справа — маленький казах, слева — негритенок!)

Я было сел, потирая виски, собираясь с мыслями, но...

— Встать, суд идет!

Это гуськом, держа друг друга за рубашки и платьица, преодолевает столичный переход группа из детского сада.

Встаю.

— Встать, суд идет!

Из родильного дома вносят в белый свет людей XXI века.

Встаю.

— ...суд идет!

Молоденькие подруги, вскорости — это явно — станут мамами.

Встаю.

Реально встаю, стирая с лица дремоту. Потому что — остановка, приехали. И ничего ирреального. Просто утомленному дорогой человеку в возрасте не очень старых теперешних дедов привиделся короткий сон.

4

У меня это было, было в жизни, и рад бы еще повторить: вешней порой, талой водой, старыми дорогами подняться на верхотуру, откуда видна Россия. Не о горах речь.

От веселого Торжка, оседлавшего Тверцу, — на Осташков, а там за селигерскими борами потянется низка озер — Волго, Пено, Вселуг, Стерж. Продета сквозь эти озера неширокая и еще быстрая речонка, вода в ней цветом в чай — близки торфяники... Иди все вверх, и за деревенькой Волговерховье, среди болота, увидишь родник. Умойся, попей, оглянись. Это здесь...

Кавказ — стена. Урал — пояс. Вершина страны — двускатная крыша Валдая.

Чтобы достичь раскатов Каспия, соединить великую череду таких непохожих городов, климатов, произношений, Волге нужно ниспадать с некой гигантской, поднебесной высоты, иначе просто не хватило бы мощи. «Бабы белье полощут, вальки на небо кладут» — не про этот ли край?

Верховность Селигерской округи, особую значительность этих мест как истока чего-то важного и незаместимого понимали давным-давно и основательно. Иначе почему так державны гранитные набережные Ниловой пустыни, так часты колокольни и башни Осташкова? И почему в селе Святом простой крестьянский дом подписан авторами-плотниками, как любимая вещь — художником? «ПЛОТАЛИ АБРАМЪ С БРАТЬЯМ СУРАВКИНЫ», — читаешь деревянную резьбу через весь фронтон. Плотали. И рыбу ловили. И хлеб, между прочим, сеяли.

Река великих полей. Волга и младенцем текла среди нив. Маленьких, нещедрых, отвоеванных у валунов, у ельника и стоячих вод, но не знающих засухи и способных родить рожь, лен, клевер.

Егерь Дмитрий Степанович Скобелев — до войны тракторист, друг веселой Лизы Чайкиной, потом майор, последний раз раненный в Берлине, затем директор Пеновской МТС, и от ран, от здешнего земного запустения ставший егерем, — водил меня в густое уже мелколесье, где он до фронта пахал своим ЧТЗ. И гладкий валун показал, куда привозили обед. Заросли осушительные канавы, истаяли, уйдя «на города», ближние деревушки — на былых нивках днюют лоси.

«Как трудно будет возвращаться назад! — вздыхал Скобелев. — И чем дальше отступим, тем труднее».

Что возвращаться придется, что вернуться удастся — сомнений не было.

...Замшелый валун, с охряным лишайником, с дождевой лужицей в выемке, вздрогнул, пошатнулся и, опрокинутый, пополз, толкаемый сталью бульдозера. Перемены на Верхней Волге! Осташковская ММС строит новое поле. Пришла пора, настал черед — страна взялась за преображение нивы старого Микулы Селяниновича.

Далеко, я говорю, видно с крыши Валдая.

«В глуши лесов сосновых», на высоком холме, у самой стены собора, что помнит разгромы многих нашествий, спит Пушкин.

На виду у деревень псковского обозерья — Самолва, Чудская Рудница, Кобылье Городище — скрестил меч с тевтоном Александр Ярославич Невский.

За башнями суздальского краснокаменного монастыря почиет Дмитрий Михайлович Пожарский.

Говорим: Нечерноземье — вторая целина. Но у целины первой, ковыльной, не было памяти. История тут часто впрямь начиналась «от колышка».

Некрасовская Карабиха и верный Чайковскому Клин, неотделимая от Глинки и Твардовского Смоленщина, подмосковный Радонеж, откуда пошел в мир Андрей Рублев, — все это тоже Нечерноземье, и что мы, кто мы такие без этого края?

И густо-густо, вновь пробуждая незатянувшуюся боль, стоят памятники солдатам Великой Отечественной. «Я убит подо Ржевом» — тоже ведь про Нечерноземье.

Стесненный лесом, окруженный валом моренных камней пятачок вологодской или ладожской пашни есть памятник выносливости и терпению. Земледелие здесь создано сохой и для сохи.

Задача освоения «второй целины» — переделать землю современной техникой для современной техники. И для современных сборов: идеал урожая зерна поднялся от ста пудов до ста центнеров. «Вторая целина» — это только про размах.

Если на целине символом нового земледелия стал плоскорез, то здесь, где «дебри, болота, места непроходна», образом обновления может служить алая гончарная трубка. В ней треть метра. Она должна лечь в землю и стать частью кровеносных артерий пашни.

Взглянем с Валдая на запад.

Есть человек, уложивший (вместе с помощниками) таких

трубок миллиард с большим гаком. Второй миллион гектаров преобразует закрытым дренажем Советская Литва, и ко всей этой громадной программе прямо причастен Ионас Ионасович Величка, министр мелиорации и водного хозяйства Литвы.

Он повез меня в городок своего студенчества. В тенистом Кедайняе, литовской глубинке, при буржуазной власти была школа мелиораторов, здесь, при карликовых, по теперешнему времени смехотворных масштабах осушения, и начинал крестьянский сын Ионас Величка.

Надо вместе с министром проследить в элементах процесс сотворения земли.

Уборка валунов — следов ледниковой поры — труд титанический. Иную каменную бомбу стосильные тракторы сдвигают на край массива бечевой, как бурлаки. Раскорчевка кустарников, леса, пней... Затем — самое тонкое: дренажный экскаватор, идя по натянутой стальной струне, роет канаву, и мастер-мелиоратор укладывает алые трубки встык.

— Ничем не скреплены, Ионас Ионасович?

— Только вот мох... В зазор между трубками должна поступать лишняя вода. Сбегать ей положено в коллектор, а потом в реку.

— Их засыпят, похоронят, и как работает система — уже не увидишь...

— На то и *закрытый* дренаж. Дело совестливое.

— А сколько может служить подземная сеть?

— Хорошо сделать—хватит внукам наших внуков. Есть участки под Таллином— действуют второй век.

Заровняли канавы — и все, можно сдавать? Нет. А дороги, мосты? Ведь надо иметь доступ к новому массиву в любое время года. Затем — испытать массив водой (как дренаж служит) и растением. Мелиораторы Литвы сами превращают освоенные площади в культурные пастбища, засевают наборами трав. Вот когда непроходимое болото станет тучной плантацией трав — тогда можно сдавать. Только надо еще помочь сселению хуторов в новые колхозные поселки...

По сто шестьдесят тысяч гектаров в год осушают литовские мастера. Уже видно время, когда все земли республики, исключая леса, горы, массивы под застройкой, будут пронизаны осушительной сетью. Величка говорит: почвы как бы перенесены километров на пятьсот южнее, раньше наступает весна, исчезли туманы, урожай за десять лет удвоился, теперь только давай удобрения, иных тормозов к росту сбо-

ров нет. Мелиоративное ведомство, замечает министр, ежегодно словно бы прибавляет сельскому хозяйству две тысячи работников: выше выработка, лучше используют машины...

Навек — вовсе не значит «медленно». Мы увидим крупные массивы, где мелиорация проведена в считанные недели: между уборкой ярового и посевом озимых, месяца за полтора. Хозяева колхозов говорят: «Нам такой темп навязали, что пришлось из кожи лезть: надо же было успеть вывезти на каждый гектар тонн по сто органики». Скорости века НТР.

При въезде в колхоз имени Снечкуса стоит памятник: стела из гончарных оранжевых трубок, над нею — чеканное литовское солнце, а внизу — бронзовая плита:

Мелиораторам,
ум и руки которых
прибавили сил нашей земле.

— Памятник при жизни, а, Ионас Ионасович?

— Это тем, кто все лето в грязи, в тучах комаров, в такой работе, какую народ делает один раз в своей жизни. Они заслужили...

Только в пятилетку 1976—1980 годов страна намечает осушить 4,7 миллиона гектаров земель. В Российском Нечерноземье планируется осушить 2,3 миллиона гектаров. Вопрос о том — всюду ли вкладывают в термин «осушение» тот литовский емкий смысл? И нужно ли добывать землю для тех, у кого ее, земли, избыток?

Снова Верхняя Волга, места под Калинином. Пора сенокоса.

В кочкарнике, среди зарослей прутняка и молодой ольхи косят траву люди в резиновых сапогах. Нет, это не нарядный, не праздничный сенокос, как на полотне Пластова, а тяжелая, пóтом заливающая работа.

Человек пятидесяти лет, явно крестьянин сноровкой (и литовка его хорошо отбита, и захватил широко, подметает под корень, и точит косу умело, звук от паждака ритмичный, чистый), он среди колхозников потому, что весь колхоз, от мала до велика, должен выйти на луга, иначе не справиться. Николай Александрович Батурин, давний мой приятель, — председатель колхоза «Кушалино».

— Тысяча двести гектаров таких вот клочков в колхозе. Технике не войти: кочки, кустарник, лес. Маемся вручную. Двести пятьдесят человек полтора месяца машут косами, а

толк? У нас такая же площадь под клевером, поля приличные, и вот двадцать механизаторов — всего-навсего! — убирают сено за месяц, получают кормов втрое больше.

— Земли в колхозе избыток — по двадцать пять гектаров на работника, — рассказывает Батурин уже в «газике», дорогой. — Прорва земли, я говорю, не обработаешь. И одновременно — мало земли, тесно, не развернешься. Дали нам деньги, проект на молочный комплекс в восемьсот голов — стройте! Кажется, счастье привалило. А мы отказались: в одном месте не продержать такое стадо. Мелкий контур, дробные участки — на них фабрику молока не поставить. И строительство ферм, и сселение поселков, и применение новых машин — все упирается в окультуривание земли. Само выравнивание условий труда и жизни между городом и деревней у нас тут зависит от мелиорации.

Колхоз «Кушалино» не ждет манны с небес. Это его собственные бульдозеры, его трактористы отодвигают наросший после войны лес, канавами осушают болотца — уже добыто полтораста гектаров. Но хозяйству непосилен современный метод, закрытый дренаж, чей символ — обожженная глиняная трубка.

Первая полутысяча гектаров колхозной земли уже осушена за государственный счет местной механизированной колонной. Доволен ли механизаторами председатель?

— Да на другое же лето после осушения мы здесь взяли по тридцать центнеров зерна! Пашешь, сеешь, убираешь, когда надо, не когда погода позволит. Только... с едой приходит аппетит. Наши мелиораторы боятся леса, болота: осушают, как правило, пашню. И работают начерно: заложил трубку — подписывай акт, уходим. А ведь нужна дорога к полю, так? Нужно то поле накормить, удобрить, дать полную норму торфа, навоза. Надо засеять этот массив культурным разнотравьем, чтобы колхоз принимал уже полнокровную работающую землю!

— То есть — как в Прибалтике, Николай Александрович?

— Именно! Мы радуемся, что в Литве, Латвии, Эстонии так широко шагнули. Это же академия для всех. Но раз есть уже умный опыт, значит, не половинь его, не гонись за дорогой дешевизной, не растягивай средства «всем сестрам по серьгам». Добываем ведь пашню один раз — и навеки!

Только в эту пятилетку Российское Нечерноземье в полную ширь развернет преобразование своей нивы. Только в эту пятилетку может быть остановлено зарастание северной

пашни лесом, начнется обратный процесс: наступление пашни. Дело громадное, оно требует огня.

Огня в печах керамических заводов, где ту гончарную трубку надо производить миллиардами штук.

Огня для асфальта —без сети современных дорог сегодняшнее земледелие невозможно.

Огня в мартенах — натиск ведут машины, на болота пойдут тысячи тонн ревущего металла.

И огня молодости, энтузиазма, ибо без хорошего настроя, без манящей идеи землепроходец — плохой ходок.

Сделавший навеки понимает цену своему труду, и законно его желание сохранить свое имя потомкам. В Эстонии, под Тарту, под Пярну, на краю мелиорированного массива часто оставляют большой, ледниками отесанный, шар гранита, высекая на нем, кем и когда это поле подарено народу.

В российских областях такого обычая нет.

Но когда у Михайловского, по дороге к Пушкину, видишь ровные стопы трубок, экскаваторы, людей в робах, перепачканных глиной, когда корчуют чернолесье на виду у колоколен куполов Торжка, когда под Ленинградом, у самых бастионов белой крепости Копорье, дивишься хребтам вывороченных валунов, а среди них уже ровные как ствол поля пшеницы и клевера, то и без надписей понятно и верится: такой богатырский труд не забудется, сделанное на земле дедов войдет в века.

* * *

Вернемся же мы на Ленинские горы в золотую осень, когда наш с Васей ручей засыпят желтые и алые листья кленов, и красота над Москвой-рекой будет такая, что ни в сказке сказать, ни пленкой передать. Вася чуть подрастет, дед станет старше...

В самом центре Москвы, под квадригой Большого театра, людское течение смешивает языки, возрасты, одежды. Народ становится по-московски торопливым, и вчерашнего степняка, прибалтийца, горца не отличишь от моторного уроженца Арбата. Дела, суета, будни.

Но стоит среди человеческого потока образ высоколобого мыслителя, изваянного скульптором в цельной скале гранита. Мыслитель этот произнес слова, звучащие заветом социалистического гуманизма:

— Даже целое общество, нация, даже все одновременно существующие общества, взятые вместе, не есть собственники земли. Они лишь ее владельцы, пользующиеся ею, и, как добрые отцы семейства, они должны оставить ее улучшенной последующим поколениям.

И завет этот вошел в революционную книгу «Капитал».

1976

ИВАН ВАСИЛЬЕВ

О хлебной ниве, ромашковом луге и спокойной совести

Приходилось ли вам наблюдать рождение тропинки? Обыкновенной полевой тропинки. Ну, когда по нетоптаному лугу, по росистой траве пройдет кто-то впервые, оставляя темный след, а за ним — другой, третий... Говорят даже, что по тропинке, по тому, как она проложена, можно определить характер того, кто шел первым. Впрочем, все это так многократно и так красочно описано в книжках, что не стоит повторяться, и вам если не доводилось наблюдать, то читать наверняка читали и представление, конечно, имеете. Заговорил я о тропинке совсем не для того, чтобы еще раз воскликнуть: ах какая прелесть — первый след на лугу! Мне хочется... поворчать, более того, сердито крикнуть: что вы делаете? Остановитесь!

Вот если бы можно было, хоть на мгновение, из всех звуков, не умолкающих над землей, выделить какие-то по желанию, то я обратил бы ваше внимание сейчас, в субботнее утро, на такие.

Прислушайтесь: гудят тракторные моторы. Трактористы готовят железных своих коней к выезду в поле. Это — в деревне. А в городе, на окраине, там, где вытянулись длинными рядами низенькие сараи под общими крышами, именуемые личными гаражами, там тоже стоит шум: прокатывают на всех режимах моторы «Жигулей», «Москвичей», «Запорожцев», «Уралов», «Планет»... Там тоже готовятся к выезду.

Пробьет час, и два потока — сельские трактористы и го-

родские туристы — вырвутся из гаражей, покатят по дорогам и вот тут, на поле, на лугу, столкнутся в... острейшем конфликте.

Казалось бы, совершенно разные пути у них: трактористу нужно поле, а туристу — лес, река, озеро. Где им столкнуться? На ниве. Потому что путь к лесу, к реке лежит через ниву, через луга. А нива и луг — рукотворные. Нива — хлебная, луг — молочный.

Присутствовал я однажды на собрании механизаторов в одном верхневолжском колхозе. Подводили итоги года, прикидывали, на какой урожай можно замахнуться в будущем. Одна цифра запала у меня в памяти. Экономист Иван Петрович Горбачев сказал, что, по приблизительным подсчетам агрономов, колхоз потерял двадцать пять тонн хлеба только за счет тропинок и дорог, проторенных и наезженных без особой надобности через поля. Он еще перевел эту цифру в литры молока и килограммы мяса для убедительности, но я не стану их приводить, полагая, что каждый способен представить хлебный магазин, в который завезли двадцать пять тонн хлеба. Их-то вот и затоптали сапогом и колесом в землю. Скажу, что трактористы, взявшись за наведение порядка на поле, в один год подняли урожайность гектара на восемь центнеров, в числе которых были и килограммы, сбереженные за счет тропинок и дорог.

В нашем крае нет больших нив, таких, чтобы раскинулись на сотни и тысячи гектаров. У нас не степь, самое большое поле в два-три десятка гектаров. К какой бы речке или озеру ни захотелось пройти-проехать — поля не минете. Тут и предстоит решить задачу: искать кружной путь или — напрямую через хлеб. В девяноста случаях из ста турист выбирает второй вариант.

Каждую весну я наблюдаю такую картину: по шоссе вдоль Волги катят «Жигули». Чтобы попасть к реке, надо свернуть с шоссе, а поле уже вспахано, засеяно, на свет пробились розовые шильца всходов.

«Жигули» останавливается на краю. Хозяин выходит, осматривается. О чем он думает? О том, сколько загубит хлеба, если ринется через поле? Едва ли. Если бы помнил о хлебе, не стал бы и раздумывать. Достаточно одного взгляда — поле засеяно! — ступать на него нельзя, ищи объезд. Он думает о другом: прикидывает, проедет ли по взрыхленной почве, не сядет ли на мосты, не повредит ли машину. Еще пройдет по полю, потопчется и, убедившись, что опас-

ности нет, тронется. Тихо едет, осторожно, на малом газку. Он одного побаивается: как бы комом земли или камнем, вылетевшим из-под колес, не повредить свою великолепную «карету». Он очень бережлив, этот хозяин «Жигулей». Потом следом за ним поедет второй, третий, четвертый, накатают дорогу и, уже не остерегаясь, не опасаясь, мчат на полной скорости, разъезжаются, разворачиваются, а розовые шильца превращаются в зеленые побеги, выбрасывают колос и ложатся и ложатся под колеса. И уже не возникает вопроса: ехать через хлеб или не ехать — путь проложен! Едут с абсолютно спокойной совестью. Ну, а у того, первого, она шевельнулась, заворочалась беспокойно? Или совсем уж беспробудно спит?

Стою на краю поля и воображаю такой немыслимый случай: этот самый владелец «Жигулей», проторивший первый след, застрял в луже, а рядом амбар с зерном, и идет он к амбару, насыпает мешок зерна и вываливает под колеса. Чушь? Конечно. В амбар он не пойдет, знает, как это называется и что за это бывает. Еще более абсурдно представить, что этот человек войдет в магазин, наберет охапку булок и выстелит ими дорогу. Но позвольте, какая же разница? Ведь слабый росток, едва пробившийся на свет, побег, не ставший еще колосом, и зерно в амбаре, и батоны на прилавке — это одно и то же, называется одним словом — хлеб. Так почему же он со спокойной совестью втаптывает всходы и не трогает буханки? Нельзя же всерьез говорить, что в магазине он сознательный, а на поле несознательный. В другом дело — в неотвратимости наказания. За амбар, за магазин наказание последует неизбежно, за ниву спросить некому: сторожа на ней нет. Сторожем должна быть наша собственная совесть, а она, бедная, почему-то не выносит свежего воздуха, едва хозяин ступит на поле — мгновенно засыпает.

Мой давний знакомый — председатель колхоза «Сознательный» Борис Иванович Чистов рассказал случай. У деревни Саблино поле засеяно льном. А лен, когда цветет, чудесную картину представляет — голубизна необыкновенная.

— Еду, — говорит Борис Иванович, — утром, любуюсь полем и вдруг вижу: машинный след! Совсем свежий, прямо в лен. Кого, думаю, нелегкая занесла, не иначе, ночью кто-то без света блудил. Выхожу из машины, иду по следу и что, ты думаешь, вижу? Лежат двое, нежатся на утреннем солнышке посреди голубого поля. Начинается у нас неприятный разговор. Оказывается, образованные люди, он — медик,

доцент, она — инженер. «Красотой, — говорят, — захотели насладиться». — «Да красота-то, — отвечаю, — дороговато стоит, вы тут не меньше чем на сотню рублей волокна загубили». Извиняться начали, не знали, мол, что цветочки льном называются. Поверил я им, простил невежество. Думаешь, помогло? Черта с два! Через неделю опять встречаю любителей красоты во льне, только на другом поле. Ну, уж тут я разошелся, выдал им сполна.

Был у меня похожий случай. Шли мы как-то с поэтом Александром Гевелингом берегом Волги, видим, трое «Жигулей» стоят — рыбаки приехали, шестеро мужиков. Солидные люди, одеты прилично, лица интеллигентные, не какие-нибудь там барыги. И расположились культурно: раскладные столики, палатки, кастрюльки, бутылки... И место выбрали со вкусом, не пустырек бурьянистый, не песок у воды, а яркий, цветущий ароматный клевер. Тоже красоту обожают. Ну, взялись мы стыдить интеллигентных рыбаков, к совести их взывать, а у них ответ прост: «Какое ваше дело? Вы, что ли, тут пахали, сеяли?» Нас двое, их шестеро — долго не поспоришь. Неподалеку трактористы работали. Мы говорим: «Вот сейчас позовем тех, кто пахал и сеял». Слетела спесь-то! Покладистыми стали ребята. М-да, нахален, хамоват стал этот частновладелец кареты, уважает только силу. Заскоруз он в своем ложном представлении о вседозволенности.

Думал, может, только у нас, на Верхней Волге, порядку нет, оказывается, в других местах — то же. Прочитал выступление Дмитрия Кузовлева из Вологодской области, много лет был он председателем колхоза, секретарем райкома партии, так что знает, что и как добывается на земле. Кузовлев говорит (цитирую по журналу «Литературное обозрение»): «Больно глядеть, как захламляются луга, леса, как уничтожаются посевы, то есть культурные нивы. Мне не раз приходилось останавливаться и доказывать туристам, что по льну, например, ходить нельзя, а горох, если хочешь сорвать стручок, не обязательно губить охапками вместе со стеблями — ведь это корм скоту. Слышишь обычный ответ: «А ты кто? Тебе больше всех надо? Культурный... Все понимаешь?» Находясь в Подмосковье весной, я наблюдал, как отдыхающие буквально за какие-нибудь два-три часа пребывания на лоне природы ликвидировали клеверное поле в 25—30 гектаров. Это было дикое зрелище! Накануне механизаторы вносили подкормку, боронили его. А в субботу поехали горо-

жане на автомашинах в лес, а в лесу было еще сыро, тогда расположились на опушке и затоптали все поле».

Явление это уже повсеместное. Значит, пора принимать меры. Был я свидетелем того, как наказывают за потраву. Во всех колхозах принято постановление об ответственности за потравы посевов, лугов, пастбищ, и если его применять, то защитить сельхозугодья, очевидно, можно. Только ведь, прежде чем наказать, надо поймать. А ловить некому, не снимать же людей с работы, чтобы делать обходы-объезды. Все же один раз дружинники собрались в обход. Задержали одного владельца «Жигулей», он по пшеничному полю ехал. Высчитали сумму ущерба, составили акт, взыскали. Этот, возможно, не станет по пшенице кататься. Но вот вопрос: возмещает ли штраф загубленный хлеб? Нет, не возмещает. Деньги есть не станешь. Едят хлеб. А втоптанный в землю колос — потеря невосполнимая. Семя, росток, колос — это живая жизнь, и, однажды загубленная, она не может воспрянуть, возродиться, чтобы дать жизнь другому, сущему. Значит, втоптанный хлеб — это злодейство (другого слова не найду). Такой приговор и должно выносить общественное мнение уснувшей совести.

Но в одной ли совести дело? Не становится ли в представлении некоторых людей неуважительное, наплевательское отношение к плодам чужого труда некоей нормой? Расскажу историю, случившуюся на колхозном озерке в августе прошлого года.

Хроника, то есть точное, беспристрастное перечисление фактов во времени, не терпит лирических отступлений. А тут на каждой странице — чувства: то радость, то тяжкий вздох. Человек, писавший письмо-хронику, хотел быть спокойным, а не вышло. И не могло выйти, потому что его... обокрали. Грубо, с ухмылкой украли радость, чтобы обратить ее в собственное удовольствие.

Письмо, озаглавленное «Хроника одного дня», передал мне мой старый знакомый, председатель колхоза на Волге Михаил Ефимович Голубев. Приведу выдержки:

«...19 августа 1977 года, суббота, 6 часов утра. Проезжая по дамбе, я останавливаюсь и любуюсь красотой, которую совсем нетрудно создать, если есть желание. Всего четыре выходных дня понадобилось нам, чтобы сотворить искусственное озерко площадью 12 гектаров. Было болото — стало озеро. Всем польза. Коровам — водопой, дамба связала кратчайшей дорогой две бригады, ребятам — купальня и рыбалка

(весной мы купили и выпустили 10 тысяч мальков толстолобика), уткам — гнездовье, цаплям — кормушка.

Стою и любуюсь выводками. В десяти метрах от меня кряква ведет утят, быстро-быстро ныряют они, а по краю, в густой траве, словно сторожа, стоят двенадцать серых цапель. Тишина и покой. Всходит солнце. На несколько минут отступают от меня заботы, я отдыхаю душой, заряжаюсь добрым чувством, которого, знаю, хватит на весь трудный страдный день. Мы создали эту красоту, она помогает нам.

...14 часов того же дня.

Получил сообщение, что вокруг озера ходят какие-то люди с ружьями. Трактористы мне говорят: «Плакали наши утята, Ефимыч, завтра открытие охоты». Защемило сердце. Что делать? Идет уборка урожая, все на полях, выставить охрану — ни одного свободного человека. Звоню в Ржев, в милицию, прошу помочь уберечь утят. Отвечают, что к нам выехал сам председатель общества охотников Майданник Василий Стратонович, но если этого мало, то пришлют патруль. Благодарю за понимание и спокойно занимаюсь делами. Созываю правление, обсуждаем, как скорее завершить уборку хлеба.

...21 час того же дня.

Кончилось заседание, еду на озеро проверить, что там делается. Беспокойно как-то на душе. Подъезжаю, смотрю: стоят двое с ружьями. У одного красная повязка на рукаве. «Дежурите?» — спрашиваю. «Дежурим, — отвечает, — безобразия не допустим». — «Спасибо, друг,—говорю патрульному и с благодарностью жму руку. — Очень прошу, охраните утят». Напарник, низенький такой, неприятный на вид, хохотнул и говорит: «Охраним, охраним твоих утят». Засосало под ложечкой, да успокаиваю себя: ведь присланы же люди, с повязками стоят. Уехал отдыхать.

...20 августа, воскресенье, 4 часа утра.

Не спится. Со смутной тревогой вслушиваюсь в предрассветную тишину. И вдруг... Это напомнило фронт, когда на передовой после тихой ночи начиналась неожиданная, беспорядочная и оттого пугающая пальба, я вскакиваю и, на ходу застегивая ремень, выбегаю на улицу. Из десятков стволов гремит в рассветной тишине ружейная пальба. Потом все стихает, минут через десять—редкие одиночные выстрелы. «Ну, —думаю, — все, добивают подранков». Подъехал шофер Коля Комаров, бледный, возмущенный: «Все, Ефимыч, озеро чистое, только пух плавает».

Примчался председатель на озеро, ходит от одной группы охотников к другой, записывает номера машин, фамилии, поднимает утят на ладони, прикидывает на вес — граммов по сто, не более, — и все допытывается, зачем взрослые, солидные люди расстреляли птенцов. Неужели так истосковались по утятине? Ему отвечают:

— Что я тут делаю? Отдыхаю от трудов тяжких.

— А какое твое дело? Охочусь, потому что наступил сезон. Билет имею, путевку взял, все по закону.

— Утятина? Нет, утятина меня не интересует, я ради удовольствия, люблю это делать.

В том же духе отвечает и Майданник: он, дескать, наблюдает за порядком, нарушений не обнаружил, а что касается озера, то никто не оспаривает, что оно колхозное, а вот на уток, коль они завелись, уж извини, председатель, у нас полные права.

«...21 августа, понедельник, 6 часов утра.

Проезжаю по дамбе, гляжу на тихую гладь воды. Пусто. Ни живой души. Изредка разойдутся круги по воде — это гуляют мои толстолобики. Они в воде. Неужели и им уготована такая же участь? Приедет братия Майданника и вычерпает начисто. На душе горечь и обида.

Вижу: с другой стороны, из ямы, выбирается на дорогу утенок и, прихрамывая, бежит через дорогу к озеру. Уцелел, чертенок! Ну, долгой тебе жизни, плыви, дорогой! Встанешь на крыло, улетишь, авось и вернешься. Будь уверен: охраним, мы теперь стреляные. Я верю, красоту истребить нельзя!»

Вот и вся история. Банальная, не правда ли? Возможно, и выглядела бы банальной, если б Голубев ограничился бесстрастным изложением фактов. А то взял да и выплеснул всю свою радость, всю свою боль и всю свою веру созидателя: «Верю, нельзя истребить красоту!»

Давайте все же, насколько это возможно, поразмыслим спокойно. Что за конфликт произошел на колхозном озере? В каком, так сказать, плане он лежит: материальном, юридическом, нравственном?

Одни своим трудом умножили красоту и богатство, другие приехали и истребили. Одни радовались, глядя на сотворенное своими руками, другие... тоже наслаждались, отдыхали, испытывали удовольствие. Первые, полюбовавшись красотой, заряжались на целый день хорошим настроением и работали с удвоенным желанием. Вторые тоже любовались,

заряжались и в понедельник встали к станку или сели за стол, готовые отлично поработать. Так в чем же конфликт? А в том, что вторые с удовольствием и наслаждением расстреляли радость первых. Обокрали. Нахально, с ухмылками. Подобная «душевная зарядка» обществу не нужна, она ничего, кроме вреда, не приносит, значит, она антиобщественна.

Историю с утятами, может быть, следовало бы отнести к теме защиты природы. Но она правомерна и тут, в разговоре о хлебном колосе. О защите природы в последнее время мы говорим и пишем много. И много делаем. Но вот какие гримасы иной раз получаются. Плывет по Волге школьная экспедиция. Очень нужное дело делают ребята: берут на учет муравейники в приволжских лесах, нумеруют, описывают, беседы с населением устраивают. Остановилась эта полезная экспедиция за нашей деревней, высадилась на берег и по пути в лес такую дорогу через пшеничное поле просадила, будто колонна тракторов прошла, — постелью прикатали пшеничку. Говорю с укором учителю: «Ну, как же так? Ведь хлеб затоптали!» А он отвечает: «Пшеница не на месте посеяна. Приречная полоса не должна возделываться». Возьми ты за рубль двадцать этого защитника природы! Муравьи для него — «бедная природа», а хлеб — не на месте посеян. И ведь говорят, заботливый человек: в школьном буфете дежурит — строго надзирает, чтобы недоеденные булочки в мусорный ящик не кидали...

Такое, к сожалению, происходит и с некоторой частью «культурных» туристов. Елочку не срубят, березу не обломают, а на лугу такое устроят, что после них без специальной очистки косилки не пустишь и сено корове не дашь — полно бутылочных осколков.

Почему же так получилось, что, бросившись всем легионом на защиту белой березы и муравьиной кучи, мы обошли вниманием хлебную ниву и ромашковый луг? Может быть, потому, что у нивы есть хозяин — колхоз, совхоз, который обязан ее охранять. Но вопрос: как охранять? На заводе есть вахтер, в магазине сторож, в лесу лесник, на железной дороге путевой обходчик... Есть штатная должность охранителя, очерчены обязанности, положен оклад. На ниве сторожей не ставят: не наберешься, весь колхоз пришлось бы зачислить в охранники. Да ведь нужды не было — испокон веков хлебная нива для земледельца священна, а набегов на нее, кроме зайцев, совершать было некому. Нынче зайцев

стало меньше, зато появился моторизованный турист, число его множится, он в поисках собственного удовольствия весьма неразборчив и эгоистичен. Нужда пришла на порог. Хлебная нива нуждается в экстренных мерах по защите.

Хлеб нужен всем, он — богатство и сила державы. Мы очень радуемся, когда слышим, что вот на наших бедных подзолах трактористы научились выращивать кубанские урожаи — по двадцать — тридцать центнеров зерна на гектаре. И это не на делянках, а целыми хозяйствами и даже районами. А напряжение борьбы за хлеб не спадает, наоборот, возрастает. Так давайте же отнесем к числу слагаемых урожая и охрану поля, ибо посеять, но не убрать — это беда двойная.

Рассказал я о беде, нависшей над хлебной нивой, по радио, написал в газету и получил в ответ сотни писем. Хоть бы одно возражение, все одобряют, разделяют, поддерживают.

Итак, все согласны: хлебную ниву надо строго оберегать. Я обратился к хозяину нивы. Показал папку с письмами представителю колхоза Михаилу Ефимовичу Голубеву, тому самому Голубеву, дневник которого я цитировал выше. Коль болеет человек душой о диких утках, о хлебе-то, надо полагать, — тем более. Голубев почитал, задумался и сказал:

— Да, делать что-то надо. Поедем в колхоз.

Перед этим я побывал в ГАИ, встретил там полное понимание и поддержку. Вместе с нами поехал автоинспектор.

Позволю себе сделать одно отступление от темы, пусть не покажется оно странным, — расскажу, как убирают по утрам в нашем городе улицы. Идет автомобиль со щетками, старательно скребет асфальт, сзади туча пыли — весь песок, нанесенный за день машинами, перегоняется на тротуар. Потом выходят дворники с метлами и песок с тротуаров сметают на проезжую часть улицы. На следующее утро все повторяется сызнова. Каждый делает свое дело... отпихивает от себя. Нечто похожее, как убедился я дальше, происходит и с хлебной нивой.

Итак, мы ехали в колхоз. А дело было в конце апреля. Весна стояла худая — холодно, дожди, дороги долго не просыхали. Шоссе, называемое по-старому Торопецкий тракт, разбито до такой степени, что местами совсем непроезжее, а дело весеннее, сев уже идет, грузы везти надо, значит, дви-

жение по дороге не закроешь — и машины ищут объезды, лезут на вспаханное поле, на клеверища. И вот начинается своеобразный поединок хозяина поля — в данном случае совхоза «Ржевский» — с шоферами всех, как говорится, рангов. Совхоз выслал бульдозер, который стальной лопатой старается преградить путь на поле — нагребает в местах съездов земляные валы, отгораживает дорогу от поля. Он обваловывает в одном месте, шофера пробиваются в другом. На протяжении десятка километров выросли земляные насыпи, дорога садится все ниже, ямы на ней все глубже, буксующих машин все больше.

Вот первый повод вспомнить принцип уборки городских улиц — всяк от себя. Что же происходит на дороге? Поле защищать надо, что с похвальным старанием и делает совхоз. Но и водителей обвинять язык не поворачивается: они везут запасные части, семена, удобрения, то есть работают на то же поле, на тот же урожай. Младенцу понятно: надо привести в порядок дорогу. Кто сделает? Может, два совхоза и колхоз, которых питает эта артерия? Или два карьера, которые гонят по ней ежедневно сотни кубометров щебенки и гравия? Или известковый завод? Или заводские турбазы и пионерские лагеря? Или строители газопровода? Всем дорога позарез, все без дороги ни туда и ни сюда, но каждый отпихивает от себя: а почему я должен, у меня свой план, своя задача. И прут на поле такой лавиной, что даже земляные валы удержать не в силах.

Кто должен положить конец? Кто должен сказать: хватит, товарищ, пора и за ум браться? Тот, кто облечен властью, — местный Совет, в данном случае исполком Ржевского районного Совета народных депутатов. Но там как рассуждают? Потерпим, скоро прибудут строители плотины, им включено в план строительство дороги с твердым покрытием. Это «скоро» длится уже несколько лет и, похоже, продлится еще неизвестно сколько. Не сказал бы, что у работников исполкома болит за хлебную ниву душа. Так вот и «перегоняют пыль» с улицы на тротуар, с тротуара на улицу. Да если бы только на дороге.

Начинаются владения колхоза. У деревни Кокошкино среди березовых рощ поднимается городок — новый центр колхоза, рядом корпуса животноводческого комплекса. Эта уже ставшая привычной сельская картина, радующая всех, кто живет проблемами села, имеет другую сторону, касающуюся как раз нашего разговора. Под новое строительство

отведена добрая сотня гектаров старой и самой плодородной пашни. Вместо нее надо ввести в оборот другую, а это не так скоро делается, как думается. Значит, каждый клочок угодий, затоптанный, заезженный, становится вдвойне нужнее и дороже. Вот хотя бы эта заливная луговина, на которой мы остановились, образованная Волгой и Сишкой. Деревня упирается в нее околицей. Из года в год пасет тут колхоз молочное стадо. Сейчас пойма крайне необходима, без нее просто не обойтись, потому что стадо в связи с вводом в строй комплекса выросло раза в четыре. Но пойму-пастбище явочным порядком занимают горожане на машинах. Теперь уж тут больше дорог и черных кострищ, чем зеленой пожни.

Председатель колхоза говорит инспектору ГАИ:

— Надо оградить пастбище, иначе мне коров негде пасти.

Инспектор отвечает:

— Это просто сделать. Вот тут, у дороги, поставьте знак «стоянка», площадка большая, места хватит, а чуть подальше — «кирпич»: въезда нет. Знаки можете изготовить в своей мастерской, размеры мы дадим. Но я скажу вам вот что: знаки надо охранять, знак, тем более запрещающий, действует тогда, когда его силу поддерживает человек, имеющий право взыскать за нарушение. ГАИ, как вы сами понимаете, не в силах взять на себя: нас слишком мало.

— Как быть? — спрашивает председатель.

— Пусть ваши шоферы подадут заявления, чтобы их приняли в общественные инспектора. Мы постараемся это дело ускорить.

Потом мы побывали в других местах, на других дорогах, и всюду инспектор ГАИ давал дельные советы. Надо кроме знаков поставить щиты с призывами беречь угодья, может быть, как-то оборудовать стоянки, хорошо бы привлечь школьников, организовать их, ну, скажем, в «хлебный патруль» — по примеру «зеленых» и «голубых» патрулей, не мешало бы должность своего объездчика ввести. Что и говорить, советы дельные, председатель сам видит, что все это необходимо и, главное, возможно, — никаких особенных затрат не требуется, взяться да сделать.

Часом позже председатель отдал соответствующее распоряжение механику, агроному, поговорил с работниками сельсовета, с учителями. Казалось, делу дан ход. Через две недели я справился, сделано ли что-нибудь. Ничего. Прошел целый месяц — ничего! Как видите, и здесь тот же принцип, что на уборке городских улиц: всяк от себя.

Между тем законом точно и ясно сказано, кому дано право на охрану сельскохозяйственных угодий: местному Совету. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 11 января 1955 года «Об ответственности за потраву посевов в колхозах и совхозах» определил меры материальной ответственности: за проезд по посевам или насаждениям на гужевом транспорте с виновных взыскивается штраф до пяти рублей, а за проезд на автомобиле, тракторе, комбайне и других машинах — до десяти рублей. Взыскание штрафа производится по решению исполкома сельского Совета.

Я весь свой век прожил в деревне и хорошо помню, как действовали сельсоветы в этом направлении, теперь же, вот уже много лет, ни на сессиях, ни на заседаниях исполкома, ни на сельских сходах этот вопрос и не ставится. Почему? Не знаю. Загадка какая-то. Со многими работниками сельских и районных Советов говорил я на эту тему, допытывался, почему они забыли одну из главных своих обязанностей — охранять землю, которая всех нас кормит, и ничего вразумительного в ответ не слышал. Одни говорят: не принято, другие более откровенно: указаний не поступало. Да, конечно, учитывать надо, что за последние годы в Советы избраны молодые люди, они не помнят прежней остроты «хлебного вопроса», на их долю достались другие, не менее сложные и важные дела, и они за этими делами не заметили, как над хлебной нивой нависла иная опасность — не деревенское стадо в десять — двадцать коров, а сотни и тысячи резиновых колес. Что ж, может быть, для таких молодых работников и не грех спустить директиву. Но только я думаю, надо бы и самим зрячими глазами вокруг глядеть да мыслить подальше своей околицы. Осмелюсь напомнить, что совсем недавно, на XVIII съезде комсомола, Леонид Ильич Брежнев сказал: «...сделать бережное отношение к материальным ценностям, принадлежащим народу, первым законом жизни и труда советских людей». Первым законом! Вот как ставится нынче вопрос.

Задача поставлена весьма своевременно, ибо фактов нерадивого, небрежного, а подчас и хищнического отношения к народному достоянию становится, увы, все больше. В первой части заметок я говорил главным образом о горожанах: туристах, рыболовах, грибниках, просто выехавших отдохнуть на природу. Их много, они неразборчивы, случается, и нахальны, все это так. Но когда хозяин, как говорится, показывает власть, гости становятся весьма послушны-

ми и деликатными. Теперь вот и поговорим о хозяевах.

Люди пожилые вспоминают, как бережно относился к земле крестьянин раньше. Я тоже помню те времена, и теперь вот, немало поездив по колхозам и совхозам, дивлюсь, что стало с земледельцем? Почему он с такой легкостью едет на тракторе, на автомобиле по той самой ниве, которую сам же засевал? Когда этот вопрос задаешь на селе, в ответ слышишь, как правило, ссылку на дорогу: дескать, разбитая, не проехать и так далее. Правильно, машины стали тяжелее, проселки для них — не дороги, раз-два проехал — и лужа по ступицы, водители выруливают на сухое, а там тоже на один проезд — глядишь, проселок превратился в полигон. Внутрихозяйственные дороги — это в наших местах задача номер один.

Значит, что же, посчитаем причину уважительной? Разведем руками и скажем: а что делать? Не научились еще тракторы по воздуху летать. Я назову для примера колхоз имени Калинина под Зубцовом. Там решили эту проблему сами механизаторы. Когда за тракторными бригадами закрепили землю, дали им хозрасчетные задания, оценку труда и оплату поставили в зависимость от конечного результата, то есть от урожая, вот тогда сами трактористы сказали: хватит, товарищи, пора положить вольностям конец. Лучше послать к застрявшей в грязи машине буксир, чем месить колесами хлеб. И все, кончились вольности. Трактористы почувствовали себя хозяевами. В колхозе имени Калинина не оставят в поле несжатый колос, невыкопанную картофелину, здесь все, что выросло, убрано и прибрано. Я видел немало таких хозяйств на Калининской, Смоленской, Псковской земле. Но есть и другие, где сжигают неподнятую тресту, незастогованную солому, запахивают невыкопанную картошку. И вот когда это делает тот самый тракторист, который пахал и сеял, да не единожды, а из года в год, у него вырабатывается безразличное отношение к ниве, он с бездумной легкостью поедет по посевам на чем угодно.

Бережливое отношение к хлебной ниве немыслимо в условиях беспорядка. Корень, первопричина кроются в отношении вообще к общественным, народным ценностям. Вот почему партия устами своего Генерального секретаря и говорит (я повторяю еще раз эти слова): «...сделать бережливое отношение к материальным ценностям, принадлежащим народу, первым законом жизни и труда советских людей». Для этого надо немного и... очень много. Надо, чтобы везде

и всюду, в каждом коллективе, на каждом рабочем месте, каждый человек работал не по принципу уборщиков городских улиц — всяк от себя, а по высшему долгу советского гражданина — беру на себя. Беру на себя... Вот это-то и есть «очень много», ибо тут новая психология, полное осознание себя настоящим хозяином страны. А начинается оно с детского сада, со школы, с семьи. Посидите в каком-нибудь городском сквере и понаблюдайте, какую психологию закладывают бабушки в своих внуках. Вот ведет бабушка за руку мальчонку лет пяти мимо цветочной клумбы. «Ах, какая прелесть, — восклицает чувствительная бабушка, — ты только погляди, внучек. Сорви, пожалуйста, вот этот. Не нравится, ну кинь, достань вот тот, понежнее». Семя брошено. Семя потребительности и вседозволенности. А вот другая, она внушает: «Нельзя рвать. Глядеть гляди, а рвать нельзя. Цветы для всех посажены. А если каждый сорвет по цветку, останется голая клумба, и смотреть не на что. Вырастешь — сам сажать будешь, других красотой радовать». И тоже семя посеяно. Семя созидания. Ну, а потом школа. Я встречал на Верхней Волге немало школ — Слабцовская, Мануйловская и другие, — вокруг которых растут великолепные парки. Они посажены детьми. Из года в год каждый ребенок сажает дерево, умножает красоту своей земли. Но видел и другие примеры. В Ржеве осенью и весной заводские рабочие сажают деревца по берегам Волги, но мальчишки нещадно ломают их — берега остаются голые. Сегодня цветок сорвал, завтра дерево сломал, потом станок бросил, по пшенице поехал — все дозволено, ублажай свою не знающую удержу натуру.

Когда мы с председателем колхоза и инспектором ГАИ рассуждали, где, какие запретительные знаки поставить, нас услышал некий гражданин и изрек следующее: «Ну, знаете, товарищи, отдыхать тоже надо, не для того мы завоевывали и отстаивали, чтобы вы тут еще «кирпичей» понавешивали». Чувствуете, куда ведет? Не смейте мою натуру ограничивать, мне все дозволено, потому что «мы завоевывали и отстаивали». К сожалению, он не одинок. Вглядитесь в них, и увидите, что на самом деле они ничего не завоевывали и не отстаивали (хотя бы по возрасту), они — из наследников, из тех, кому досталось готовое. Тот, кто завоевывал и защищал, тот бережлив, ибо знает цену поту и крови, а вот наследники... Они-то чаще всего и случаются с непомерными потребностями. Чем завершается подобная, с позволения сказать, философия, покажу на маленьком примере.

Деревня, в которой я живу, стоит на берегу речки Дёржи. Летом Дёржа совсем мелеет и зарастает водорослями. Возле кладок, с которых жители зачерпывают воду, есть небольшой чистый омуток. В омутке живут плотвички. Они привыкли к людям и не разбегаются. Но вот в деревне появился дачник, увидел плотвичек, воскликнул: «Богато живете!» Взял сетку да и вычерпал малявок. Развел костерок, понизал рыбешек, размером с детскую ладошку, на лозовый прут, сидит и коптит. И такие у него вожделенные глаза, как будто его год не кормили. Поджарил, понес в рот. У меня что-то случилось со зрением. Я не вижу лица, не вижу человека, у меня перед глазами один рот — огромный, чавкающий, жадный, нахальный рот — приемное устройство Госпожи Ненасытной Утробы.

В заключение хочу высказать еще одну мысль — мысль о правах хозяина поля. Я уже говорил, что указ Президиума Верховного Совета СССР «Об ответственности за потраву посевов в колхозах и совхозах» возлагает право взыскивать штрафы на местные Советы. Но для того чтобы взыскать, надобно составить акт, да чтобы обязательно подписал его сам нарушитель, потом принять решение, а в случае неуплаты в добровольном порядке взыскать через суд. Стоит ли овчинка выделки?

Председатель колхоза Голубев говорит инспектору ГАИ: «Пожалуй, я тоже вступлю в общественные инспектора. Мне необходимо право». В самом деле, как председателя Голубева любой браконьер может послать, извиняюсь, подальше, что, если вы помните, и случилось на колхозном озере, когда хозяин колхоза заступился за утят. Но стоит председателю показать удостоверение общественного инспектора, как любой браконьер становится милым и покладистым. А в чем тут дело? А в том, что у инспектора право немедленного воздействия, право наказания за нарушение закона на месте. А у председателя колхоза, главы большого коллектива, за которым государство закрепило навечно тысячи гектаров угодий и с которого требуют хозяйского их использования, такого права, как у инспектора, нет. Нарушение правил дорожного движения опасно для жизни. А варварское отношение к хлебу, к земле, ко всему сущему на земле — разве не угрожает жизни?

Хлеб — это жизнь. А жизнь надо защищать.

1978

БОРИС МОЖАЕВ

Еще не скошены луга

Я только что приехал с берегов Оки; вдоволь нагляделся там на неохватные просторы заливных лугов, расцвеченных белой да красной кашкой, малиновыми шапками плакун-травы, золотыми россыпями шаровидных бубенчиков купальницы да синей прошвой вязеля и касатика. Давно уж не было таких добрых травостоев. Сунешься в лиловую рощицу — и там трава по грудь, буквально кустарник глушит.

И вдруг где-то в эту светлую сенокосную пору, вместо того чтобы до седьмого пота тешиться с косой в руках на лугах да на лесных опушках, людей заставляют брать топоры, рубить березы и вязать веники. Что за прихоть досужая?

Береза-де сорняк, поля губит. Но вырубают не мелкую поросль — ольху, да березу, да лещину, не поля расчищают, не покосы готовят под косьбу — рубят лес, валят взрослые деревья.

«Комсомольская правда» недавно напечатала об этом письмо студентов Осташковского ветеринарного техникума: «...Каждый из нас срубил около 40 березок. А в группе нас 25 человек. Но ведь ездит не одна наша группа, и не только мы «решаем» кормовую задачу с помощью подобного браконьерства. С этим можно было бы смириться, если бы больше не было выхода из создавшейся бескормицы. Но если уделять больше внимания заготовке сена и не гноить его под осенними дождями, то отпала бы необходимость калечить лес... Неужели наша природа охраняется только на словах?..»

Случилось так, что я побывал еще до этой публикации в тех же местах, о которых писала молодежная газета, и письмо то видел, и авторов письма видел, и говорил с ними. И не только с ними... Да, это — кампания! Одно дело, когда скоту не хватает кормов и приходится рубить ветки. Другое же — когда травой все леса забиты.

Помню, ехал в Осташков и думал, гадал с каким-то странным чувством недоумения и горечи. Что за нужда? Зачем с топорами в руках идти на порубку белоствольных лесных стражей речного и озерного полноводья? Да еще где, в каких местах? На Селигере! В истоках великих рек наших. В самой колыбели Волги, Днепра, Западной Двины. Что случилось? Почему с топорами, а не с косами? Может, по научному грандиозному открытию установлено, что сено и силос потеряли питательную силу, и посему решили заменить их березовыми вениками? Были же кандидаты от науки, которые на всю страну кричали: искоренить луга, поскольку травополье устарело.

А может, не пилят и не рубят березы? Ну, может, просто заламывают, как это делали спокон веку на Руси? Перестарались, может, ребятки из техникума, сочиняя письмо? Их послали на недельку в лес позагорать да веточек поломать. А они тревогу подняли...

В старом здании Осташковского ветеринарного техникума, разместившегося в бывшем Коммерческом банке, я встретился с завучем Николаем Васильевичем Балашевым. Он ввел меня в свой кабинет и буквально со всех сторон обложил документами и фактами совсем не шуточного характера. Во-первых, из-за этих веников техникум вынужден отменить производственную практику будущих ветеринаров — вместо того чтобы наблюдать за животными на фермах, изучать их, ухаживать за ними, студенты должны все лето валить лес, ломать ветки и вязать их в пучки. Во-вторых, эта веточная кампания чрезвычайно осложнила поступление в техникум абитуриентов. Дело в том, что кампания эта охватила не один Осташковский район, а всю область. В каждом районе имеется план на веники, доведенный не только до школы, но и до каждого ученика персонально, так сказать.

— В Торжокском районе, например, каждый ученик должен заготовить и сдать тысячу двести веников весом не меньше килограмма каждый. В нашем и Кувшинском районе эти заготовительные цифры колеблются в пределах от пятисот

до полутора тысяч штук на школьника. Тут полагаются на совесть каждого директора, — Николай Васильевич усмехнулся и добавил: — Совесть, впрочем, находится под строгим контролем. Каждую неделю наш директор, по вторникам, ездит на заседание в исполком отчитываться — сколько связано этих самых веников.

— А сколько березок срубили? Об этом не спрашивают?!

— Древесина, лесные заломы и прочее — это все отходы производства. Кто ими интересуется? У нас ведь как налажено дело? Ветки, которые помельче, вынь да положь. А крупные сучья, стволы — это все пропади пропадом. Представьте себе на минуту такую картину: заготовители яблок пришли в сад не с лестницами да с подставками, а с топорами да с пилами. Спилили деревья, собрали яблоки и ушли. Вот так и мы заготовляем веники.

О нет, ему не смешно. Он смотрит на меня печально, с укором даже. Двадцать пять лет проработал он ветеринаром, не один зуб, как говорится, съел на этом, волосы потерял... И ему ли не знать, что веником корову не накормишь!

— На днях у нас ЧП было. Повалили ребята большую березу на этих заготовках и оборвали высоковольтные провода. Чуть не поубивало их — вздохнул и головой покачал. — Ребятня! И работа и баловство — все у них вперемежку. Пошлют на группу одну лаборантку. Кто ее слушает? Они и шуруют в лесном царстве. Не то еще фехтование затеют на секирах. Того и гляди головы посносят.

— А польза от этих веников есть?

— Относительная... если не считать вреда, который в десятки раз перекрывает эту пользу. Кто ест эти веники? Овцы да козы. И то, если они завялены как подобает. Но у нас навесы для этого не строят, сараев нет. А если и есть где старые, так их не хватает. Поэтому сушат веники чаще всего прямо на жердях, тут же, в лесу. Они совершенно высыхают, лист отваливается, не то желтеет и, по сути, ничем не отличается от палого листа. Так не проще ли осенью собрать этот палый лист? Зачем же губить березы? Ведь гибнут миллионы берез не за понюшку табаку. Вы знаете, сколько у нас овец в районе? Всего две тысячи голов. А корова эти веники есть не станет. Да и поголовье коров довели до шести тысяч... — сказал более для себя, потом поглядел на меня пристально и строго — глаза у него синие, печальные. — А знаете, сколько было до войны в нашем районе одних лошадей? Сорок тысяч голов! И крупного рогатого скота не

меньше. И падеж был ничтожный, обходились без веников.

— Много пало скота за зиму?

— Он и сейчас падает.

— Почему?

— От дистрофии. Он ведь у нас вроде как ленинградскую блокаду перенес. Истощился. Съел сам себя.

— Значит, веники не помогли?

Усмехнулся:

— Вот если бы в марте приехали сюда да сходили бы на фермы... Там ноги не протащишь, как на дровосечной деляне. Зимой осиновые ветки везут. Тут чем крупнее, тем лучше. Кору гложут... Н-да. Не то еще хвою заготовляем. В зимнюю пору наточим ее по лесу, соберем в кучи да оставим, как муравейники. Летом чуть искра попадет в такую кучу, она, как порох, вспыхивает.

Да, идея заготовки веников для скота и прочий лесной деликатес, так сказать, сопряжены с весьма серьезными потерями. Неожиданно для себя я натолкнулся еще на одну неприятную сторону.

— Беда в том, что у нас частенько при этих заготовках нарушают закон о всеобщем образовании, — сказал Балашев.

— Каким образом?

— Не выдают документы об окончании школы. Задерживают до тех пор, пока не заготовят веники. Вот в этот журнал у нас внесены подобные факты нарушения закона.

Читаю записи в журнале:

«В пречисто-каменской восьмилетней школе Ртищева О. изъявила желание учиться в техникуме. Родители согласны. Но директор свидетельство об окончании школы не выдает...» По той же самой причине — не заготовила веники... «Отказал в категорической форме, сославшись на постановление районо и райисполкома о заготовке кормов».

Таких записей много. Вот еще одна:

«19 июня 1980 г. посетила красносельскую школу Торжокского р-на. Две девушки из поселка Селихова, Сомова и Васильева, изъявили согласие учиться в техникуме. Документы не дают — не наломали веников».

Вошла в кабинет Любовь Михайловна Балашева, преподаватель техникума.

— Она тоже ездила по школам, — говорит Николай Васильевич, представляя мне свою племянницу. — Спросите ее.

— Не отпускают учеников. Была я в боровской школе. Охотники поступать в техникум есть, да не дают документы:

«Какое мне дело до вашего техникума, — говорит директор. — Вот положат мне веники, тогда поговорим». — «Так вы же, — говорю, — закон нарушаете! Вы же не имеет права задерживать свидетельство. Я буду жаловаться». — «Идите куда хотите!» Вышла из-за стола такая сердитая да могучая. А я маленькая, страшно стало, — смеется. — А в другой школе выдали на выпускном вечере свидетельства, потом опять отобрали. Директор говорит: «Я за вас веники ломать не стану. Вас много, а я одна».

— Значит, с боем собираете студентов? — спрашиваю Николая Васильевича.

Рукой махнул:

— Не говорите... Летом собираем, а осенью разбегаются.

— Почему?

— Другой кампании не выдерживают, картофельной. Та посерьезнее этой. Ведь дети еще! Только что восьмые классы закончили, от родителей оторвались. А их на два месяца бац — на картошку да на лен! Живут бог знает где и бог знает как. Завшивеют, чесоткой покроются. Промокают, простуживаются, ну и разбегаются от такой науки.

А в общежитии техникума чистота и порядок, пятиэтажный новый корпус, комнаты светлые, удобные. Просторный зал отдыха, синие кресла, телевизор.

Нашли мы и «виновников» нашей внезапной поездки — Марину Бадаеву и Манешина Игоря. Держатся настороженно и эдак на взводе, как у стола экзаменатора: на любой вопрос ответим, но ежели сбивать станете, не уступим. Марина даже брови свела и подбородок вскинула. И только убедившись, что упреков не будет, вроде бы расслабились.

— Сколько же вы березок погубили? — спрашиваю Марину.

— Сорок девять.

— А вы, Игорь?

— Шестьдесят семь, — и улыбка во все лицо. Я же, мол, мужчина. Об чем тут говорить?

У него щербинка в передних зубах и розовые пятна во все щеки.

— А веники куда складывали?

— В сарай, — отвечает Марина. — Старые выбросили, а новые положили. До будущего лета, — и даже ноздри ее подрагивают от возмущения.

— Где же вы работали?

— В совхозе «Путь к коммунизму», в крутецком отделении.

Мы еще заедем в село Крутецкое, поглядим на эти веники и на срубленные березки. Но пока нам хотелось поговорить с руководителями района, послушать их — что они думают на этот счет.

Один высокий руководитель нас не принял, просил подождать. Другой хоть и принял, но просил не называть его, чтобы всякие сведения, которые он давал мне, не обернулись во вред для него.

Что ж, не будем называть его, да и не в имени тут дело. Он говорит, что земли у них много — одной пашни двадцать с лишним тысяч гектаров, а угодий раз в пять больше. Крупного рогатого скота очень мало, всего пятнадцать тысяч голов, конечно, это не скот для такого пространства. Но вот беда — луга запущены, пастбища заросли. Машинную уборку наладить трудно, вручную — косить некому. Потому и ломают веники. Студентов от дела отнимаем? Известно. Школьникам по тысяче двести веников! Мало, надо еще больше. Бескормица. Бывает ежегодно... Что веники не спасают положение — знает. Что травы не выкашиваются — знает. Что травостои нынче неплохие — знает. Что вред наносит лесу — знает. Что есть падеж — ого, как еще знает! Правда, в этом году падеж был меньше, чем в прошлом. Тогда пало почти полтысячи голов, а теперь — на сотню голов меньше. Усмехаюсь: достижение за счет веников? А вы не смейтесь, говорит; вон по науке открыли, что коров надо кормить опилками. Жаль, говорю, что не дорожным песком. Ведь опилки-то еще напиливать надо да на фермы отвозить.

Почему бы все-таки тех же студентов и школьников, да и взрослых не на рубку берез посылать, а на сенокос? Это сложно, косить они не умеют. Кто их теперь обучит? А еще и потому, отвечает, что на веники есть особая разнарядка. План из области! А планы-де выполнять надо. И потом, это особая кампания. Когда она проводится, тут рассуждать некогда. Тут все разом навались, как по пожару. Быстрота и натиск...

Да ведь лес губим. Свое же добро! Ну да, так и погубишь его, лес-то! Его вон сколько, глазом не окинешь.

Заезжали мы и в Крутецкое. Село небольшое, десятка полтора дворов. Большей частью старые дома, обшитые тесом. И крыши все тесовые, почерневшие от времени. На краю

села нашли тот самый покосившийся сарай, из которого выбросили старые веники и повесили новые.

А неподалеку от него, по дороге на Раменье, на лесной опушке у болота, валялось множество, больше тысячи, срубленных берез. И травы кругом в пояс.

— Это еще не трава, — говорит нам бригадир Галина Ивановна Лебедева. — Вот ступайте по дороге в Раменье. На машине не проедешь туда. Вот там травы! И по реке Сороге еще больше. Раньше здесь столько скота водили, что теперь нам и не снится. И всю траву выкашивали. И сена вдоволь было, и силос закладывали. Теперь же вся трава пропадает. А березы губим. Этим березам, что срубили да бросили, по двадцать, по тридцать лет. Ну-ка поди же, когда она новая-то вырастет? А трава каждый год под снег уходит. Или это не озорство?

В том сарае шесть тысяч триста веников. Двадцать пять человек десять дней трудились, вязали их. Но что это за корм? Только считается, что по килограмму на веник. А для еды овце — не более двухсот граммов, листочки да кончики веток. Дня на четыре, на пять, не более. Воз сена! А если бы они эти десять дней сено заготовляли или силос? Двадцать пять человек-то?! Они бы тут на целую зиму запасли бы нам.

Живет она неподалеку, в соседнем селе Заболоть. И здесь в траве утопают старые бани да сараи на задах, прясла да заборы скрываются в ней, улица в траве, как в джунглях, и куда ни глянешь — до самого дальнего облесья — все травы да травы.

— Прямо тонем в траве. И косить никто не хочет.

— Или скотины нет у хозяев?

— Четыре коровы на все село... А совхоз не больно старается.

Сидим у нее в просторном доме, детвора снует вокруг, хозяин от окна поглядывает, ждет свой черед, чтобы словечко вставить. Вошел со двора молодец в клетчатой рубашке, рукава закатаны, плечами поигрывает, что-то поискал в горнице, задержался у порога. Мать ласково в его сторону:

— Я все приготовила, Сережа. — И мне поясняет: — Завтра угоняют их на веники. А мы ждали, думали: вот приедут помощники и покосят нам траву. Он с приятелем учится в Осташевском ПТУ, на второй курс перешли. И на тракторах работают, и косилки знают. Сами косцы. Да поди ты, угоняют их на веники. До конца июля!

— Куда ж их угоняют?

— В дальний совхоз.

— А здесь почему нельзя остаться? Здесь же тоже совхоз!

— Такая разнарядка. Они всей группой едут веники заготовлять. И норму дали им — по двести веников в день на человека.

— Ба-атюшки мои! И это все стараются для двух тысяч районных овец?

— А кто их знает, для чего они стараются?

— Стараются не для овец, а для порядку, — вставляет хозяин свое словцо и круто поводит головой. Видно, что человек навеселе.

— У них сегодня получка, — глянув на хозяина, сказала Галина Ивановна. — Он токарем работаем в охотохозяйстве.

— Совхозу-то помогаете? — спрашиваю.

— Зимой привозим хвою для них, — отвечает. И, снова тряхнув головой, произносит со значением на лице: — Мы не простое охотохозяйство, а всесоюзного значения. К нам приводят охотиться иностранцев. Ба-альшие деньги платят. Вот, к примеру, привел его егерь на глухаринный ток. Стреляй! Каждый выстрел — двадцать пять рублей.

В обратный путь напоили меня молоком холодным, прямо из колодца. Прекрасное молоко! И корова стоит на дворе упитанная, сильная.

— Вениками не кормите? — спрашиваю.

— Эта веники есть не будет, — весело отвечает хозяин, — не того сервису.

Поздно вечером возвращались мы по отличной шоссейной дороге: на Торжок, на Калинин, на Москву. Когда-то по этому старинному торговому тракту скотогоны гнали огромные гурты скота. Здесь на лесных пастбищах, по отаве на заливных лугах, на пожнях нагуливались они перед тем, как идти на шумный Осташковский рынок, на скотобойни, на колбасные, на знаменитые кожевенные заводы. Осташковский хром, спиртовые подошвы, красная юфть мягкой, шелковой выделки на вес золота ценились на своем и заморском рынке. Нет, не березовыми вениками восстанавливать славу осташковской кожевенной промышленности. Не судорожной суетливостью всеобщей кампании подымается престиж животноводов, а постоянным увеличением поголовья скота, привесов, надоя молока и сохранностью каждой животины. А для этого следует серьезно улучшать луга и пастбища, находящиеся в плачевном состоянии, восстанавливать в районе совершенно заброшенное травосеяние. И подходить к этому

следует не наскоком, как по пожару, а терпеливо и упорно продвигаться в трудном деле освоения земельных угодий. Пора уж уяснить, что, отрывая людей от своего занятия, бросая их скопом то на поля, то на луга, то в леса, мы создаем только видимость азарта, а на самом деле плодим равнодушие и поголовную безответственность.

Жалко и коров, которые должны жевать пересохшие прутья, обидно за студентов, превращающихся из практикантов в лесорубов; обидно за всех этих бесчисленных уполномоченных, живущих неделями вдали от семей своих, где-то на «переднем крае», прямо как на фронте. С кем воюем-то, братцы? С березами? Опомнитесь!

Но более всего жаль безответную природу. Берез жалко. Телами своими, белеющими как мертвые кости на поле брани, усеяли они «трудовые плацдармы» нашего неразумного усердия. И как тут не подивиться и не порадоваться трезвому голосу, поданному в защиту берез детьми малыми! Как тут не спросить вместе с ними самих же себя, оглянувшись во гневе и недоумении: неужели наша природа охраняется только на словах?

1980

МИХАИЛ ПЕТРОВ

По клюкву-ягоду

1

Подснежной, манежной, то есть перезимовавшей, клюквы в нашем в недалеком прошлом клюквенном краю уже нет. Всю ее успевают собрать в сентябре — октябре, а в последние годы и раньше...

Осенью, в клюквенную страду, перед выходным днем в Калинине уже с утра не найдешь ни в одном пункте проката ни резиновых сапог, ни штормовок, ни рюкзаков, а вечером, если вы человек чувствительный, вас непременно объемлет непонятная тревога. Быть может, вам даже бросится в глаза, что в эти предвыходные вечера прохожие и спешат-то как-то целеустремленнее, а покупатели в полупустых гастрономах становятся похожими на водителя рейсового автобуса или таксиста, вбежавшего в магазин на секунду купить пачку сигарет, печенья или бутылку воды; вам может даже показаться, что все в каком-то тайном сговоре друг с другом и завтра утром начнется что-то такое, о чем не знаете только вы...

Тревожной будет и ночь с пятницы на субботу. Владельцы автомашин, чьи гаражи далеко от дома, будут до полуночи пристраивать свой транспорт под окнами квартир; те, у кого нет своей машины, ради такого случая подгонят и служебную, и вам очень повезет, если часа в два ночи ваши окна не задребезжат от рычания КрАЗа, который какому-нибудь, счастливчику удалось выпросить у диспетчера на субботу. Много будет и застенного стукотка — соседи, собираясь в лес, будут доставать из кладовок болотную амуни-

цию, собирать на завтра припасы. А часов в пять утра город снова на ногах. Добрая половина всех наличных окон города осветится, по ним замечутся тени, захлопают двери подъездов, и по-походному одетые люди с рюкзаками за спиной торопливо устремятся вон. Выглянувшему в этот ранний час спросонья во двор может помститься, что началась срочная эвакуация или весь город нацелился в лес, в партизаны...

Я окрестил это явление *зеленой лихорадкой*.

2

Машин столько, что минуты две не могу перейти проспект 50 лет Октября, одну из главных загородных дорог. «Жигули», «Волги», «Москвичи», «Запорожцы», мотоциклы и мопеды всех марок, автобусы, грузовые машины, специально оборудованные для перевозки людей, инвалидные коляски, битком набитые фургоны и фургончики — все устремились за город, в лес.

Каждый нацелился на свое (или чужое) заветное место, каждый лелеет мечту привезти из лесу по меньшей мере ведро клюквы. Едут в деревню, где родились, к родственникам, к знакомым, а чаще всего — отдавшись стихии слухов, что на таком-то километре по такому-то шоссе в таком-то болоте клюкву гребут лопатами. Едут за десять, двадцать, пятьдесят, сто и двести километров, растекаются по лесам, и вырубкам, и болотам тысячами дорог, троп, тропинок. С рюкзаком за спиной спешу и я к проходной машзавода, откуда на шесть часов утра назначен отъезд ягодников и где меня ждет мой приятель, урбанистически настроенный молодой поэт, которого я сманил в болото.

У проходной завода уже порядочная толпа. Большинство тут старых, испытанных лесных асов. У этих все пригнано, притачано: если корзина, то с широким ремнем для носки через плечо, если вещмешок, то хорошенько обмятый. Этих узнаешь и по выражению лица — оно серьезно и будднично.

Не то среди лиц случайных и новичков. Эти глядят друг на друга, как новобранцы после бани, впервые увидевшие друг друга в форме. Смеются над плановиком Бутылиным, не без умысла явившимся в кожаной, как у директора, шляпе, подшучивают над медичкой Ларисой, которая по просьбе мужчин прохаживается перед пожилыми женщинами в шуршащих, как сухие веники, дерматиновых брюках, показывают друг на друга пальцами, весело хохочут, будто ждут начала карнавала.

Всех интересует, однако же, куда едем? Причина такого единодушного волнения — неурожай клюквы. Многие при этом спрашивают, здесь ли Булыгина? И слышат в ответ с особым значением произнесенное: «Здесь. В диспетчерской».

Булыгина — фигура в этой компании. Зимой, говорят, спелой земляники набрать может, если захочет. А уж болота, по общему мнению, знает такие, где клюквы не оберешься. Но тем и знаменита Булыгина среди ягодников, что не открывает своих мест никому. Напротив, ей ничего не стоит привезти 20—30 человек на пустое место, сбежать от них в одиночку, по-предательски, километров за шесть, нагрести корзинищу ягод, а затем замести следы, уехав домой с попутной машиной, сказав на другой день, что заблудилась и ничего не набрала. За эти лисьи хитрости была она не раз бабами ругана и даже будто бы бита. Числятся за ней и другие грешки, кои перечислять не стану, зато уж если расщедрится, говорят, все приедут с ягодами. И хоть в бытность мою такого не случалось, каждый раз, собираясь в лес, все отчего-то ждут, что скажет Булыгина...

3

— О-о-о! И ты едешь?! Вот хорошо, хоть поговорить мне с кем будет! А то я хотел оглобли поворачивать! — Меня крепко хлопают по плечу, я оборачиваюсь и вижу сутулую, высокую фигуру в длиннополом дождевике, сшитом из плащпалатки. — Познакомь с другом-то!

Знакомлю. Это еще одна знаменитость — Саня Кащей.

Саня из тех людей, о которых в театре сказали бы: «С отрицательным обаянием». У всех-то они вызывают раздражение, все над ними посмеиваются, все считают долгом отпустить на их счет шуточку. Но с Сани все как с гуся вода. На шуточку ответит двумя. На смешок — насмешкой. На ясность и понятность каждого — собственной загадочностью. Всем известно, что сантехники Гога и Магога ездят в лес больше за тем, чтобы выпить под автобусом. Купцов и Лямкин — набрать лишнюю корзину грибов и вечерком толкнуть ее у магазина, супруги Грищенко из-за патологической жадности (всю жизнь едят варенье третьего-четвертого года); зачем ездит в лес Саня Кащей — непонятно никому. Непонятно, почему, получая офицерскую пенсию, он пошел токарить, а не протирать штаны где-нибудь в ОТК; непонятно, зачем ему дачный участок, на котором ничего не растет,

«Жигули», на которых он не ездит, зачем ему грибы и ягоды? Живет-то один?

— Автобусы пришли, — сообщает нам Саня, — вы в какой?

— Нам все равно.

— В принципе и мне тоже, — говорит Саня, но занимать место не спешит.

Не спешат и другие. И не только потому, что давно прикинули: свободные места будут. В промедлении своя корысть. Все ждут, куда сядет Булыгина.

А Булыгиной нет.

— Товарищи, прошу занимать места! — голосом старого энтузиаста кричит супруг Грищенко и совсем как баран-провокатор устремляется ко второму автобусу, увлекая за собой добрую половину наивной толпы новичков в лесном деле. Его супруга в это время, будто бы по рассеянности, садится в первый автобус. Асам эти хитрости давно известны: они сейчас займут друг другу места в разных автобусах и будут спокойненько ждать, куда сядет Булыгина, чтобы потом спохватиться и перебежать к супругу(ге).

— Где же твоя Булыгина? — спрашивает меня приятель.

— Держит паузу, — отвечаю я. — Чувствует, что сегодня ей от баб не отвертеться.

В это время рождается слух — Булыгиной нет потому, что она собирается уехать на «рафике» с завгаром и главным энергетиком. Одни этот слух поддерживают, другие опровергают, кто-то грозится пожаловаться директору завода: шум подымается необычайный.

Наконец на пороге проходной появляется сама Булыгина — коренастая старуха в плаще с капюшоном. За ней выходят (видно, нет дыма без огня) завгар Плесовских и главный энергетик Азаров, стараясь всем своим видом показать, что они гуляют сами по себе. Следом за ними, как-то уж очень стеснительно, выскальзывают их жены. Все замолкают.

— Трам-тара-рам! Что стоите как гуси перед двумя колодами? Не все равно, на какой голову оставлять? Сказала, не знаю, где нынче клюква!..

— Ладно, пошли, мужики! Пусть она подавится своей клюквой, — неожиданно психанул Гога и решительно зашагал к ближайшему автобусу. Его дружок Магога и еще несколько человек последовали за ними. Те, кто смекнул, что Булыгина теперь наверняка поедет в другом автобусе, молчком устремились к нему. Только что единодушная, готовая

дать отпор Булыгиной толпа в мгновение ока дала трещину и раскололась надвое. Правда, Булыгину не так-то легко вывести из себя. Еще без десяти шесть, и она спокойно, назло всем, остается на крылечке проходной и закуривает.

«Бунтуйте, бунтуйте, — всем своим видом говорит она. — Посмотрим, кто кого?»

А в нашем автобусе все идет по старинному чину. Отвергнув Булыгину, все несколько присмирели от собственной дерзости и теперь решают миром, куда ехать. Претендентов на роль лидера несколько — уже известный нам Гога, Саня Кащей, которого заведомо никто всерьез не принимает, и вулканизаторщик Рыбин.

— А я говорю, поедем и наберем! В Язвицах хоть по бидончику, да наберем! — кричит Гога так, что на шее у него вспухают вены, и кажется, что от того, куда мы поедем за клюквой, зависит вопрос его жизни и смерти.

— Погоди, Костя, — удерживают его женщины из бухгалтерии. — Посмотрим, куда она тех повезет.

— Пусть везет куда хочет! — не сдаются цеховые. — У нас вон сколько мужиков, неужели на клюкву не привезут?

Мужиков, кроме нас с приятелем и Сани Кащея, пятеро, и все они грибники: водитель автобуса Крайский, седой, красивый поляк, небезызвестные Лямкин и Купцов, которые едут за корзиной опят на продажу, сторож дядя Рома и Рыбин с молоденькой лайкой у ног, которую он везет выгулять. Как говорится, ноль плюс ноль плюс ноль равно нулю. Есть еще Грищенко, но он молчит, ему бы Булыгину не упустить.

— Заткнись ты со своими Язвицами! — обрушивается на Гогу Рыбин. — Позавчера туда Юрка с полиграфа гонял — ни шиша не привез. Хотите клюквы набрать — езжайте под Сутоки. Верно вам говорю!

— В Язвицах нет? Да позавчера туда моя теща ездила! Ведро клюквы набрала и бельевую корзину опят.

— Ну и кончай базарить! — в голос крикнули Лямкин и Купцов. — Заводи, Станиславович, поехали!

— Ну что, поехали, Кость? — оборачивается к нему Крайский.

И тут с Костей происходит метаморфоза. Он сникает, стушевывается, на лице появляется растерянная улыбка.

— Нет, на фиг... Езжайте куда хотите... — мямлит он смущенно.

Теперь уже все растеряны. Даже невозмутимый Край-

ский. И вдруг раздается истошный вопль супруга Грищенко!

— Стой-ой!.. Пропустите! Уехали!.. Булыгина уехала!..

Все поворачиваются направо: куда там! Автобуса и след простыл. И, глядя, как мечется по проходу растерянный Грищенко, все разражаются гомерическим смехом. А когда отсмеялись, Крайский сказал решительно:

— Еду за Ривицы. Кому не нравится — можете вытряхиваться.

4

Болото за Ривицами — место известное. И верное. Хоть полведерка да наберешь, какой бы неурожайный год ни был. Но не везет нам сегодня. Перед Ривицами нас неожиданно остановил милиционер.

— Дорога перекрыта ветнадзором, — козырнув, объяснил он нам. — В совхозе подозрение на ящур. Точный анализ будет известен часам к десяти.

Около сооруженного наспех шлагбаума по широким зеленым обочинам, словно разноцветные козявки, замерли штук сорок легковушек и три автобуса. Большинство «Жигулей» с московскими номерами. Никто, конечно, постовому не верит, люди все бывалые, да и задерживает он машины, идущие только в одном направлении, не препятствуя движению со стороны Ривиц. Москвичи, проделав путь в двести пятьдесят километров, обвиняют в произволе местное начальство, собираются куда-то писать, по одному и делегациями подходят к постовому, спрашивают, почему транспорт задерживается только в одном направлении. Постовой, деревенского вида паренек, с напускной строгостью на лице отвечает одной фразой: «Приказу не было». И поправляет на голове фуражку.

Причины перекрытия дороги ясны как божий день. В субботу болото за Ривицами принимает добрые пятьсот человек. Хотя это всего лишь мои домыслы, никто и никогда сборщиков ягод на болотах не подсчитывал, и, если бы местные власти распорядились перекрыть дорогу только для того, чтобы их подсчитать, это было бы достойно похвалы. Так вот, если учесть, что в тот день все свободные люди в районе копали картошку, можно понять желание местных властей не испортить людям настроение тем, что живут у болота, а сходить за клюквой не могут. И вот москвичи мечут стрелы в местное начальство, мы косимся на москвичей, жители

района на нас, а местное население, живущее у болота, на всех вместе.

Проблема эта, конечно, сложная. С одной стороны, нужно решать хозяйственные задачи, чему болото в какой-то мере мешает, отвлекая рабочую силу от страды. С другой стороны, какое мне дело до всех до вас, если я отработал уже и в колхозе, и на овощебазе, а теперь хочу в свой выходной день побродить по болоту, по лесу, так как завтра у меня такой возможности может и не случиться.

И так мы постояли, постояли, попеняли на свою судьбу, на то, что и болот-то уж скоро не станет, потосковали о прошлой вольности, повспоминали, сколько ягод родилось в былые годы, и, развернувшись, поехали домой.

5

Пригодился и Гога. Когда отъехали от постового, вспомнили, что Язвицы, куда склонял всех поехать Костя, где-то по пути в Калинин. И теперь, когда дело проиграно и терять больше нечего, почему бы не завернуть на всякий случай в эти самые Язвицы?..

Хватаются за Гогу, как утопающий за соломинку. Но Костя, оказывается, не знает даже, в какой стороне Язвицы — слева или справа от шоссе? Нет, он, конечно, не раз был тут, но случайно запамятовал. Приглаживает завитые волосенки слободского сердцееда и сердито переговаривается с дружком. Но уже загорелось, засвербило. Останавливаемся около каждого встречного, спрашиваем, где Язвицы, которые у болота. Одни показывают в одну сторону, другие — в противоположную. С горем пополам в десятом часу добираемся до деревеньки, окруженной не лесами — дебрями. Как всякая приболотная деревенька, она вся сизая. Сизые крыши, избы, сизые жерди на поскотинах, сруб колодца, щепа посреди двора, заготовленная, видно, для ремонта крыши. То ли воздух тут влажнее, то ли туманы тут падают раньше, а рассеиваются позже, только некрашеное дерево у болот быстро и по-особенному сизеет. И в ясный солнечный день силуэт такой деревеньки весь в ореоле сизого пушистого света...

У женщины, идущей навстречу автобусу с полными ведрами, спрашиваем, как проехать к болоту.

— Вот туда поезжайте, — показывает она за деревню.

— Не знаете, клюква есть?

— По ведерку, может, наберете...

Наши переговоры слушает старушка с голиком в руке. Словоохотливость женщины, видно, не очень-то ей нравится. Что-то буркнула ей по-карельски, а когда автобус тронулся, бросила под колеса голик и, погрозив вслед кулаком, заковыляла во двор.

— Ну, бабы, ночевать кому-нибудь из вас сегодня в болоте, — пошутил Рыбин. — Вот посмотрите.

Все посмеялись шутке, и час спустя, гуськом прошествовав километра три по заболоченному лесу, мы ступили на мхи. Перед тем как разбрестись по болоту, условились еще раз: в четыре часа быть всем у автобуса. Полчаса обедаем — и домой. Особенно строго предупреждаем новичков. Небо затянуло тучами, подул холодный ветер, заблудиться в такую погоду — дважды два. Для ориентира наклоняю березку у входа в лес, Зина Жильцова привязывает к ее вершине красную тряпицу.

— Все видели? — переспрашивает Крайский. — Смотрите не теряйтесь, ждать не буду...

6

Только мы соступили с тропки, как со всех сторон послышались радостные выкрики: «Клюквы-то!» И тотчас справа и слева от нас зазвенели, забренчали, загремели посудины — ведра, обливные бидончики, звонкие и легкие подойники, застрекотали застеленные газетами донышки корзинок и кузовков.

Набрал и я первую горсть крупных, холодных, влажных от мха клюквин и сыпанул их в капроновое ведерко. Упруго, будто бубен из воловьей кожи, отозвалось оно. За первой горстью — вторая, за второй — третья, и пока отзывается ведро, ревниво прислушиваешься, когда же наконец закроется донышко и прекратится барабанная трель.

Между прочим, как и во всяком деле, на ягодах тоже самое трудное начать — закрыть донышко и кончить — набрать посудину с верхом. И хоть донышко всегда у́же верха, всегда кажется, целый час пройдет, прежде чем оно закроется и ягода упадет на ягоду.

Закрывши донышко, надолго забываешь о детском своем нетерпении. Впереди два, три, а то и пять часов (судя по тому, что собираешь и каков урожай) тяжкого, внаклонку труда. Но вот все тучней и тучней становится стук дужки о край ведра, и тобой вновь овладевает нетерпение. Все чаще

начинаешь заглядывать в ведро и все тоскливей думать: «Господи, скоро ли конец?» (Эх, да не так ли жизнь проходит — между детским нетерпением: «Скоро ли начнется?» — и старческим томлением: «Скоро ли конец?») Но нет, заколдовали твое ведро — не прибавляется ягод. Проходит еще полчаса, час — дело ни с места. Покажется даже, убыло в ведерке. Спина одеревенела, мошкара и комарье разъели шею, руки. Под коленками будто горчичники поставили — так устали связки от долгого сидения на корточках. Глухо, темно, одиноко в лесу. Все куда-то запропастились, никто уж не аукается, не кричит твоего имени. И вдруг невесть откуда приходит в голову: «Да не заколдовал ли тебя Берендей? Не заморочил ли леший? Вдруг да пока ты набираешь спиной к ведру горстку ягод, серая волосатая рука шасть из-за куста можжевельника в твою посудину! Загребла столько, сколько ты только что туда высыпал, и, давясь от смеха, набивает им свою нечистую пасть...» Зашуршит сзади трава, стремительно оглянешься, а за кустом и впрямь кто-то маячит. Вскочишь на ноги, а это какой-нибудь ягодник вроде тебя. Подойдет, заглянет в ведро и скажет:

— О, почти полное!..

Полное, да не совсем. Попотеешь еще добрых полчаса, прежде чем ведро действительно наполнится. Недаром только матерые сборщики, асы своего дела, набирают, к примеру, ведро земляники или черники с *верхом*. Большинство, как правило, недобирают, кому на сколько натура позволит. И не только ведро недобирают, недобирают и трехлитровый бидончик — кто сколько набрать себе наперед положил. Наберут бидончик по горловину, скажут себе: «Хватит, три литра есть!» И закроют крышкой. Только все равно это *не с верхом*. И в душе каждый об этом знает.

Тем временем многие ягодники ушли в глубь болота, думая, если уж с краю такая клюква, в болоте ей оббору не будет. Мы же решили судьбу не испытывать, остались на закрайках. К слову сказать, по закрайкам ягода всегда крупнее, как рожь при дороге и по опушкам. Опытные ягодники прекрасно знают это и никогда закрайками не брезгуют, особенно на хоженом месте. Зовут товарки какую-нибудь тетю Маню подальше в лес или в болото, а та, держась для большей убедительности за поясницу, скажет:

— Куда мне, коряге старой, за вами тягаться! Идите уж, я по закрайкам поброжу, может, на пироги наберу.

Глядь-поглядь, тетя Маня и из ягод первой выйдет,

поесть, отдохнуть успеет, и посудинка у нее полная, а товарки только возвращаются — красные, руки-ноги дрожат, и в посудинках не так уж полно.

Биологи различают два основных вида клюквы — болотную и мелкоплодную. Болотная — вечнозеленый кустарник с тонкими ползущими стеблями длиной до восьмидесяти сантиметров. Дает урожаи до семнадцати центнеров с гектара. (Сто пудов!) Стебли мелкоплодной много короче, ягоды мельче, темно-карминного цвета, и урожаи ее соответственно меньше. Видов-то, может быть, два, но сортов клюквы много больше. Есть клюква крупная, величиной с вишню, есть не крупнее горошины. Есть ягоды сплюснутой формы, есть продолговатые, как виноград сорта «дамские пальчики». Есть мягкие, прозрачно-розовые, почти кремовые, так и тянет положить ее на язык и раздавить, прижав к нёбу, есть твердые, почти черные. Они и на вкус разные. Можно набрать клюквы горьковатой, ягодники называют ее почему-то волчьей, а можно и сладкой. Когда собираешь клюкву и час, и два, и три, все эти разности — форма ягод, их цвет, спелость, мягкость, вкус — превращаются в знаки непереводимого, понятного только сердцу языка, которым природа рассказывает тебе, кто ты есть. Собираешь, будто необыкновенную повесть по буковке сочиняешь, будто подбираешь удивительную мелодию, где особенность цвета и формы ягод, их величина и твердость как особенность звуков; где сходишь с одного сорта ягод, как теряешь тему; где совершаешь открытия, любишь, тоскуешь, огорчаешься, радуешься, переживаешь удачи и неудачи, где можешь заблудиться и сгинуть, найтись и воскреснуть; прийти на место привала с пустым ведерком и с полным рюкзаком.

7

Не прошло и двух часов, как наши искатели стали возвращаться назад. У нас к тому времени было уже почти по ведру, даже рюкзак моего приятеля оттягивали добрых полведра тяжелой, как картечь, клюквы, у них — что взяли с краю, то и было. (К слову сказать, спелая, здоровая клюква тяжелее воды. Клюква, собранная зеленой, в августе, когда браконьеры собирают ее мешками, в воде всплывает.)

— Это москвичи все! — села на своего любимого конька тетя Тоня, техничка административного корпуса, ярая противница моторных лодок, личного транспорта, ракет и атом-

ной энергетики. — Понакупали машин, куркули, грабят природу, налетчики. Гриба взять как следует не умеют, с грибницей выдерут, а ягод больше потопчут, чем соберут...

— Да при чем тут москвичи! — возразил ей дядя Рома. (У него дочь жила в Москве и зять имел машину.) — Наши лучше, что ли? Мы вон в прошлом году выходили вот так же из болота по просеке, воды почти по пояс. Смотрим, а навстречу нам прет «Урал». По кочкам, по кустам, по воде. Около нас — «пш-ш-ш»... Из кабины высовывается рожа: «Мужики, клюква есть?» Мы говорим, нет, куда же вы едете, сволочи! Они: «Да пошли вы к такой-то матери, указчики нашлись!» Развернулись — и назад. Лес аж трещит. А в кузове их человек пятьдесят, ей-богу. Все в одинаковых штормовках, в вязаных шапочках, ладные такие, поджарые, как волки. В кармане, наверное, у каждого по комбайну из нержавейки. И все калининские!..

— А комбайны, наверное, на полупроводниках и аккумуляторах, — откликнулся кто-то сзади. — Водишь его по болоту на поводке, он клюкву сам собирает.

— И в целлофановые пакетики фасует...

— Надо больше дачных участков людям давать, — предлагает тетя Тоня.

— При чем тут участки? — спрашивает Саня Кащей.

— Чтобы сами себя ягодой обеспечивали. Кто участок имеет, в лес, в болото не полезет, ему на даче делов хватит. А когда в кладовой пусто, он и будет по лесам шнырять, как мой сосед Колька Прокудин. Зиму рыбачит и охотится, лето на мотоцикле и на моторке по области рыскает. Все грибы-ягоды его. Жена у него под стать. Руки, как снегоочистительная машина, так к себе и гребут: «В зеленой клюкве, тетя Тоня, витаминов больше, я читала». — «А я, — говорю, — читала, Лиза, что на Западе за зеленую сажают». Она так и заткнулась...

— Здорово ты ее, — завистливо откликается Грищенко.

— Грищенко, когда ты успел полную корзину нахапать?

— Бегать не надо, и ты б набрала. Тут жешь не стадион, а болото, надо было идти да по краю собирать...

Но к тому времени и все закрайки уже обчистили.

Сколько бы мы ни шли по краю — и вправо и влево, — везде была одна картина — измятый, истоптанный, похожий на зеленое силосное месиво мох; резко белела на зеленом яичная скорлупа, ветер катал комья смятых газет. Пройдя с километр в сторону Никольского, мы столкнулись с ягодни-

ками, идущими в сторону Язвиц. Оказалось, они шли сюда в поисках клюквы. Посетовав, что слишком поздно приехали на болото, мы повернули и побрели восвояси, каждый к своему автобусу.

8

Как ни аукали мы своих на выходе из болота, как ни считались, одного человека все же оставили в болоте. Вообще-то редкая поездка обходится без заблудшего. Набродится человек по лесу, нахватается кислороду, потеряет ориентировку и... заплутал. Ждут его полчаса, час, два, кричат, волнуются, и наступает момент, когда заблудившегося решают оставить. Семеро одного не ждут...

Меня поразило это, помню, страшно, когда бросили в лесу сварщика Козлова. Это был большой, серьезный, «положительный» мужчина. Он имел дачу и в лес редко ездил, но в тот раз чего-то взял и поехал.

Ждали мы его минут сорок. Как всегда, под недовольные выкрики тех, кто хотел успеть в Полубратово до закрытия магазина на обед. Не хватило им, как всегда, того, что они с собой прихватили. Подождали бы еще, да больно страшная надвигалась туча. Налетел ветер, пыль поднялась, почернело, и шофер испугался: «Засядем в низине».

Когда тронулись, все замолчали. Вдруг. И те, кто просил подождать, и те, кто кричал: «Дома дети ждут!» Отвернулись и замолчали. Я тоже накуксился, глядя в окно. Полил дождь, представлялось, как спешит, волнуется где-то в темном лесу Козлов, на душе было черно. Бросить товарища по работе одного в лесу, за сто верст от дома, куда ни дороги, ни транспорта?! А если ему стало плохо? Если его змея укусила? Да как они завтра смотреть ему в глаза будут?

И себя я презирал. Что значит товарищ по работе? Братья мы друг другу или?..

Гроза пронеслась, обдав огнем, водой, громом. И в магазин мы успели до обеда. Когда, всколыхнув пенную лужу, автобус остановился у сельмага, все увидели на крыльце Козлова. Он стоял у пирамиды из ящиков, напоминающей очертаниями Вавилонскую башню, раскачиваясь как шланг. Грешным делом, я думал, что его разорвут. Нет!!! Ругались только те, кто требовал ждать в лесу Козлова, несмотря на грозу. Остальные поматерились на ходу и проскочили мимо него, шарясь в карманах. Дескать, говорили, никого ждать не нужно, кому надо — сам найдется...

Сейчас недосчитывались женщины — Зины Жильцовой, той, что привязала к вершине березы красную тряпицу у входа в болото. Женщины вообще-то редко блудятся (боятся уходить далеко). Жильцова же была известной трусихой и никогда раньше не опаздывала. Бывало, в лесу дальше чем на пятьсот метров от стоянки не отойдет. А тут болото. Все встревожились.

Покричав минут сорок с опушки, стали искать виновного, на кого бы можно было спихнуть вину. Вскоре выяснили, что в лес она приехала не одна, а с подругой; подруга и видела ее последней, но по глуховатости своей перепутала голоса и пошла на голос тети Тони. О Зине, естественно, тут же забыли и переключились на подругу:

— Что ж ты ее бросила?! Приехали вместе, так и держались бы друг друга!.. Оставить ее здесь, пусть сама Зинку дожидается! Мы-то при чем?! — закричали со всех сторон. Громче всех — Лямкин и Купцов, набравшие две бельевые корзины опят и пришедшие от этого в необыкновенное возбуждение. — Вечно насадят в автобус кого попало, а своим и сесть негде!..

Бедная женщина вынесла со слезами свои и Зинины вещички, положила их под сосну и молча пошла вдоль опушки. Мы с приятелем переглянулись и последовали ее примеру. Рюкзаки с клюквой повесили на сук рядом с автобусом. И пошли. Никто нас, конечно, не остановил, но никто и не поддержал. Только Рыбин крикнул вслед:

— Смотрите, сами не заблудитесь!

Мы пошли по знакомой уже тропинке к болоту, время от времени останавливаясь и крича: «Зи-на-аа!» Приятель мой едва держался на ногах, его щегольские бахилы с белой окантовкой по швам были увожены грязью. Ни мне, ни ему не хотелось говорить, все было и так понятно. У самого болота перешли по двум жердочкам узенький ручеек. Он тек уже не равномерной струей, как утром, а то усиливаясь, то ослабевая, будто где-то неподалеку медленно качали воду ручным пожарным насосом. Вода была мутная, по ней плыли лохматые нити мха, хвоинки, желтые листочки с болотных березок; маленькие, с мелкими, как у почтовой марки, зубчиками по краям. От этого журчания, от зубчиков мне стало радостно, и, как это часто бывает в минуты душевного просветления, слева блеснуло неяркое, с прозолотой вечернее сентябрьское солнце. (Не знаешь в такие минуты, то ли

от твоей нечаянной радости солнце выглянуло, то ли сердце, предчувствуя солнышко, обрадовалось ему.)

Покричали в кустах ивняка и вышли на чистину, к березке с тряпицей на вершине. И вот тут-то в вечерней тишине мы были поражены открывшейся картиной. Насколько хватал глаз освещенное низким солнцем болото показалось безжизненным, страшным, черным. Зеленый моховой покров был прорван и изрыт, перемешан с торфом и грязью, словно здесь много лет находился загон для скота. Долго мы не могли сказать друг другу ни слова, так это вдруг поразило нас.

— А ведь это чье-то родное болото, — словно оправдываясь перед приятелем, сказал я, — и кому-то, быть может, той самой старушке, что бросила в нас голиком, здесь знакомы каждая кочка, каждый кустик. Представляешь, каково ей, наверное, видеть все это после очередного субботнего нашествия. Это же все равно, что у тебя в доме в твое отсутствие похозяйничали незнакомые люди. Не спросясь.

— Это с ее точки зрения. А с их точки, — приятель указал распухшей рукой в сторону автобуса, — ничего страшного не случилось. Все засвидетельствовали свою любовь к родной природе... И заметь, все вели себя вполне достойно. Я, грешным делом, думал, приедут, костры разведут, берез нарубят, бутылок набьют, как это частенько в газетах пишут. Нет, никто и не свинячил очень уж. А смотри, какая жуткая картина открылась!..

— Ты хочешь сказать, «мы то всего вернее губим, что сердцу нашему милей»?

— А что?.. Вполне может быть и так.

Крикнув несколько раз в пустынное болото, мы заспешили назад, хотя и не надеялись застать автобус на месте. Но нас ждали. По вечернему лесу далеко разносилось:

— Эгей-ей!.. Ау-у!..

— В болото ходили, что ли? — спросил нас Рыбин, помогая снять с сосны рюкзаки.

— Ну да, — ответил я.

— Глухо, как в танке?

— Ага...

— Тут ее бесполезно искать. Она сейчас с испугу километров за двадцать упорола.

Автобус встретил нас молчанием. Кто-то, вероятно, злился, кто-то одобрял наш поступок. Но ждать больше не стали. Поехали.

9

Прекрасно поздним вечером вернуться домой и увидеть, что тебя ждут; ступить на прохладный пол разгоряченными подошвами, снять с плеча ношу и почувствовать себя корнем рода своего, кормильцем, сыном родной земли...

Развязав рюкзак, я взял его за углы и высыпал клюкву на расстеленное посреди пола одеяло. Глядя на образовавшийся темно-рдяной холмик, все мои домочадцы сказали уважительно: «Ого, сколько!» И по квартире распространился запах болота, ягод, ночной темноты.

— Ты знаешь, женщину в болоте оставили, — сказал я жене, глядя в тарелку с супом.

— Как оставили?

— Ну так... Не вышла она из болота. Все вышли, а она нет.

— Что же вы не поискали?

— Искали! Часа три искали. Рыбин говорит, рядом ее бесполезно искать, она где-нибудь километров за двадцать.

— Нашли кого слушать! Рыбина!

— Искали, пока не стемнело... Дольше нельзя было, сами бы заблудились... Мы потом деревенских предупредили, если кто ночью кричать будет, чтоб отозвались. Мужик сказал, что ночью стрельнет раза три из ружья...

— Господи, хоть бы не ходила ночью-то по болоту, а то попадет в топь.

— Деревенские сказали, в их стороне трясин нет. Если к озеру не пойдет, все нормально будет...

Я говорил почему-то, как преступник на суде: вроде бы правду и в то же время как бы оправдывая себя. Искали? Да, искали. Три часа? Не меньше! С Рыбиным разговаривал? Разговаривал. Но там, на месте, все было как-то равнодушней, трусливей, чем сейчас, на словах.

— Ладно хоть поискали, — вступилась за меня мать. — А то ведь такие пошли, что и не поищут. Люди-то... В газетах вон пишут, в горах альпинисты друг друга бросают. А тут что за стихия?! Не тайга, не горы, кругом деревни. Выйдет!

И не тайга, и не горы, а спокойно не заснешь. Кажется, один ты и виноват во всем. Да что говорить, кто не оставлял человека в лесу одного, не кричал ему до хрипоты в горле, тот не знает, каково тем, кто вернулся домой. Думаешь, лучше сам бы заблудился. И все мерещится, как неудобно, страшно ей на кочке без костра, как холодно, сыро. Вздыха-

ют, колышутся топи, оживают пузыри земли. И вспоминается пустынный ландшафт при заходе солнца — длинные тени от кочек, черные дыры во мху, зеленая скатерть-самобранка, втоптанная нами в грязь так, будто она побывала под ногами колхозного стада.

И приходит в голову пугающая, первобытная мысль: «Болото жертву взяло...»

К счастью, все обошлось благополучно. Пропащая приехала домой даже раньше нас. Оказывается, приняв чей-то голос за голос подруги, она перешла болото поперек и очутилась в другом районе, у другой деревни, перед другими людьми. Сгоряча хотела бежать назад, да люди отсоветовали. Время было четыре, а болото шириной шесть километров. Муж с женой довезли ее на мотоцикле до станции, дали полтинник на билет, и она в слезах приехала домой.

Узнав об этом наутро от Сани Кащея, я поспешил позвонить приятелю, успокоить его: «Нашлась пропащая!» А через несколько дней, в среду или четверг, позвонил мне он сам:

— Ты, если можешь, не пиши о болотах, — заговорил он вдруг. — Прочитают, захотят тоже сходить. «Вчера с Васей в болото сходили...» И пойдет дело. Осушат не техникой — штанами. Каждый по разу сядет в болото, и осушат. Честно тебе говорю... Да потому что слишком часто просвещение доброму делу боком обходилось. Книги сейчас расхватывают кому не надо. Трав названия узнали — пластают кому не лень и когда не лень, тащат с прогулки по охапке, а потом в мусоропровод выбрасывают. Теперь подскажи им, что болото — антистрессовое средство!.. Давай лучше потихоньку сами съездим в Язвицы! Походим, размагнитимся...

10

И не писал бы, да пора пришла защитить болото. Защитить от общего мнения, для которого болото в лучшем случае — кладовая дешевого топлива и дармовых удобрений, в худшем — дурное пространство, которое следует окультурить, засадив картошкой; от браконьера, пришедшего в болото за клюквой с комбайном да еще в августе; от прошлого, которое населяло его болотной нечистью, и даже от поэзии, для которой болото продолжает быть символом застоя, однообразия и коварства. Будущее уже пошатнуло эти представления. Наука доказала, что сжигать торф в топках ТЭЦ нера-

ционально, равно как и расточительно осушать клюквоносные болота. Болото болоту рознь. Одни — бесплодные кочкарники, поросшие кипреем и кустарником, — необходимо превращать в поля и пастбища, другие нужно охранять и гордиться ими, как жители Швейцарии гордятся своими вершинами.

Что касается болотной воды, то только для человека, никогда не бывавшего в болоте, она болотная; человек, померивший ногами топи, знает, что нет ничего чище, холоднее и вкуснее воды из верхового болота. Именно эту воду наливали в бочки русские мореплаватели, отправляясь в дальние экспедиции, потому что она сохраняется дольше речной, родниковой, колодезной и кипяченой. От гниения воду предохраняют фенолы клюквы, сохраняющие от порчи и саму ягоду. Так что верховое болото — это своеобразный «родничок», вырабатывающий воду высшего качества, по антисептическим свойствам не имеющую в природе аналогов. Эта вода сохраняет и всякий предмет, попавший в болотную толщу, о чем прекрасно знают археологи. Несколько лет назад уникальными находками одарило калининских археологов и историков болото у деревни Языково Кашинского района, но это уже другая тема...

Поэтам же, воспевающим горы и моря, хочется сказать, что болото не менее величественно, чем гора, хождение по болотам не менее опасно, чем по горным кручам, и требует физических сил и моральных едва ли не больше, чем для восхождения на вершину горы. Вершин непокоренных много ли, а попробуй-ка летом пересечь Оршинский мох — уникальное по красоте болото всего в ста с небольшим километрах от Москвы! Вы едва ли слыхали о нем. А ведь посреди этого болота лежит озеро Великое с островами и деревнями на островах. Когда-то их жители могли попасть на Большую землю только зимой, по льду, теперь к озеру через болото прорыт канал. Давно бы сделать Великоозерье туристской меккой. У нас же живописные островные деревеньки постепенно вымирают.

В болоте и думается по-другому. И непременно о том, о чем не придет в голову задуматься ни в лесу, ни за рабочим столом, ни в чистом поле, ни на берегу реки, ни на снежной вершине. Мне иногда кажется, что болота — это горы вершинами вниз. Разве с их моховых вершин не стекают реки? Да ни одни европейские горы не породили на своих вершинах такую великую реку, как Волга...

Осушительные работы, торфодобыча, можно сказать, стирают с лица земли тверской клюквоносное болото. Первыми забили тревогу по этому поводу кооператоры. Закупка клюквы в области по сравнению с 1970—1974 годами упала более чем в сто (!) раз. Если в пятилетии 1970—1974 годов по нашей области закупалось у населения в среднем около 1500 тонн за год, то в 1978 году закуплено 21,5 тонны, а в 1979-м — всего 13! Сбросим со счетов то, что перехватывается из рук заготовителей автотуристами, все равно цифры окажутся внушительными.

Огромный вред ягодникам на болотах приносит сложившаяся практика вывоза торфа на поля. Для этого зачастую выбирают ближайшее к хозяйству болото и без чьего бы то либо ведома разрабатывают — отводят воду, берут торф. На первый взгляд это всем выгодно. Колхозу бесплатно, чужими силами удобряются поля, Сельхозтехника тоже не внакладе — чем ближе к полю торф, тем легче выполнить план, да к тому же прибавляется клочок осушенной земли...

Встречаясь с заинтересованными в щадящем режиме болот специалистами из разных ведомств, я сделал для себя одно интересное открытие. Клюквоносное болото оказалось универсальным по своим качествам. Где б я ни заговаривал о болотах — в облпотребсоюзе, Московско-Окском бассейновом управлении, Обществе охраны природы, Обществе охотников и рыболовов, — везде назывались одни и те же названия болот. Клюквенное болото — это обязательно источник ручья или речки, здесь, как правило, сосредоточены гнездовья глухаря, белой куропатки, водоплавающей дичи, а то и редких для нашего пояса животных и птиц. Вот описание Оршинского болота. Оно имеет научное значение — здесь уникальный болотный ландшафт; водоохранное — в центральной и восточной части болота группа Петровских озер площадью семь тысяч гектаров; болото на большей площади клюквоносное, является местом обитания благородных оленей, белой куропатки, скопы, черного аиста, бобра. Озеро могло бы стать вторым Селигером, построй на островах туристические базы, но именно это уникальное болото продолжает разрабатывать объединение Калининторф.

Прибавим к сему растущее с каждым днем племя туристов, грибников, ягодников. Растет оно не только количественно, но и качественно, оснащаясь техникой — автомашинами, мотоциклами, моторными лодками. Едут в калининские леса москвичи, туляки, куряне; встречаются на опушках

машины с номерами и еще более южных областей. Вытаптываются известные черничники, корневая система которых особенно чувствительна к этому (после трех-четырех лет интенсивных сборов он резко сокращает урожайность), земляничники в районе Тутани, плодоносные грибные опушки вдоль шоссейных дорог. На моих глазах почти полностью погиб черничник за Полубратовом Калининского района. Было время, когда можно было набрать здесь ведро черники почти не сходя с места. После того, как совхоз «Комсомолец» стал пасти в лесу коров, черничник погиб.

Могу сказать, что в лесу, в болоте с каждым годом будет все люднее. Придут сюда не только с практической целью — набрать грибов, ягод. Побродить по зеленым зыбям, по проваливающимся под ногами сугробам мхов, потеряться, забыть, кто ты и где ты, пережить ни с чем не сравнимое волнение, видя, как в пяти метрах от тебя колышется черная, бездонная пропасть — все, «что опасностью грозит», тоже будет манить человека. Беда в том, что мы даже не можем представить последствий этих двух явлений, так площади ягодников никем не мерены, не считаны, равно, как, осушая болото, никто не интересуется сегодня, клюквенное ли оно, вырубая лес, грибной ли он, ягодный ли?

В ближайшем будущем не обойтись, вероятно, и без регуляции отношений между человеком и болотом, особенно в нашей Калининской области, принимающей летом и осенью тысячи и тысячи туристов и сборщиков ягод, грибов. Такова реально изменившаяся ситуация, при которой врагами природы становятся даже ее друзья, если их много, люди, которые любят лес, которые и костер без надобности не разведут, и обязательно его затушат, и мусор после себя закопают, и гриб по всем правилам возьмут. Это с их невольной помощью вытоптаны многие ягодные места, многие продолжают ветшать, требуя ремонта или хотя бы отдыха. Но некому вынести пока подобного заключения. Некому остановить и наказать хама, прущего на машине по ягоднику, а то и по колхозному полю, наложить штраф на ханыгу, продающего грибы с выдранными грибницами, рвущего мешками клюкву еще в августе, еще зеленой. А ведь безнаказанность малого варварства поощряет варварство большое...

Закончить свой очерк мне хотелось бы мыслью В. О. Ключевского, высказанной им более восьмидесяти лет назад, но не потерявшей актуальности и сегодня. Отдав должное вековечной борьбе русского человека с болотами на

севере, оврагами и воздушной эрозией на юге страны, он, однако же, писал в «Курсе русской истории»:

«Рассматривая влияние природы на человека, надобно видеть и действие человека на природу: в этом действии также обнаруживаются некоторые особенности последней. Культурная обработка природы человеком для удовлетворения его потребностей имеет свои пределы и требует известной осмотрительности: увеличивая и регулируя энергию физических сил, нельзя истощать их и выводить из равновесия, нарушая их естественное соотношение. Иначе природа станет в противоречие сама с собой и будет противодействовать видам человека, одной рукой разрушая то, что создала другой, и географические условия, сами по себе благоприятные для культуры, при неосмотрительном с ними обращении могут превратиться в помехи народному благосостоянию. Природа нашей страны при видимой простоте и однообразии отличается недостатком устойчивости, ее сравнительно легко вывести из равновесия. Человеку трудно уничтожить источники питания горных рек в Западной Европе, но в России стоит только оголить или осушить верховья реки и ее верхних притоков, и река обмелеет...»

Будем же осмотрительны на родной своей земле все — и проектировщик, создающий проект осушки земли, и мелиоратор, прокладывающий искусственное русло, и ягодник, пришедший в лес, в болото всего лишь с маленьким лукошком в руке...

1981

ЮРИЙ БОНДАРЕВ

Об экологии

(Выступление на V сессии Верховного Совета РСФСР)

Говорят, что своеволие людей, бьющих в колокола тревоги, обеспокоенных судьбой земли, воды и воздуха, есть экологический пессимизм или же непонимание, что предел роста — не предел развития, ибо бесконечны способности человека изыскивать новые виды сырья. Возможно, это так, если согласиться с жизнерадостными идеалистами, что «мнения правят миром», то есть с помощью внушений теоретиков можно управлять и здоровьем, и поведением людей, и даже окружающей средой. Этот оптимизм — не что иное, как легкоатлетическое забегание вперед прогресса.

Подобно тому, как маленький наш земной шар можно облететь за 90 минут, так и все имеет свои пределы, свои критические границы: рост в единородном качестве, развитие в единственном варианте, жизнь человека, красота, разум, сезоны природы, само пространство и бесконечность во Вселенной.

Согласимся с тем, что в современном мире не может быть национальной науки, как нет национальной таблицы Менделеева, согласимся с тем, что ускорился ритм истории, обострился конфликт человека с природой, неестественно разрослись города и промышленное производство достигло драматически высокого уровня. Согласимся и с тем, что на протяжении последних тридцати лет во всяком серьезном разговоре каждое произносимое слово прямо или косвенно относится к социологии или природе. Я вспоминаю слова академика Акселя Ивановича Берга, который в одной из наших бесед сказал:

«Как мне жаль порой ребятишек всего мира, которые с непокрытой головой бегают под летним дождем».

Тот, кому приходилось летать над Европой, хорошо, вероятно, помнит, какие ядовитые желтые облака ходят над ней, как дымят внизу гигантские трубы заводов, напоминая чудовищные дредноуты, и миллионы тонн выбрасываемой копоти, окислов серы и азота, частиц свинца, олова, цинка, кадмия, асбестовой пыли кочуют, блуждают в воздухе, гонимые ветрами, затем выпадают «кислотными дождями» вместе с ливнями, снегом, неся болезни человечеству.

«Свежий воздух» крупных и не только крупных городов Европы так насыщен химическими смесями чрезвычайно вредных для человеческого организма веществ, что в крови обследуемых больных обнаруживают ртуть и свинец и, как это ни парадоксально, городские садовники теперь более всех подвержены заболеванию раком легких.

Приведу одно высказывание из западногерманского журнала «Штерн»: сначала мор напал на овец. Потом настала очередь плодовых деревьев: они не дали листвы. Пострадали и люди: крестьянка, употребив в пищу капусту с собственного огорода, тяжело отравилась... Почва в этой местности отравлена таллием, содержащимся в выбрасываемых отходах цементного завода «Дикерхоф». Таллий — сильнодействующий яд, два грамма этого вещества — смертельная доза.

Да, человечеству стало трудно дышать из-за вредных сернистых соединений и примесей в атмосфере, которую «технологическая цивилизация» превращает в гигантский мусорный ящик всемирной индустрии, ядовитую свалку отходов, передвигающуюся над нашими головами. Но то, что выбрасывается вверх, должно когда-нибудь обязательно упасть на землю. Необъявленная химическая война охватила почти все индустриально развитые страны, кислотными осадками разрушая здоровье людей, губя лесные массивы, озера, реки, пагубно воздействуя на плодородие почвы и даже на архитектурные сооружения, памятники старины, жилые дома. Земля — наше ценнейшее богатство. Не вследствие ли этого социалистическое государство принимает законы об охране окружающей среды и обращается с международными призывами к промышленным странам установить контроль за состоянием атмосферы, качеством воздуха и воды.

Воздушные потоки и ветер не имеют дипломатических виз, беспрепятственно нарушая границы государств, по нескольку раз «меняя гражданство», а земной шар не имеет

форточки, чтобы вселенскими сквозняками проветрить атмосферу. Ни одно государство на земле не отъединено от экологических опасностей, никто не может отгородиться непроницаемыми стенами и непроницаемой крышей, тем более что небо — одно. Экологический оптимизм неунывающих бодряков, построенный на известной формуле «все обойдется», — не что иное, как легкомыслие человека, который плюет вверх, не зная, что в конце концов свой либо чужой плевок попадет ему же на нос.

Я трезво отдаю себе отчет в том, что нельзя остановить создание новых промышленных районов в развитых странах, но я убежден и в том, что науку и технический прогресс можно и необходимо поставить на службу охраны окружающей среды и, пока не поздно, приступить к «генеральной уборке» и лечению планеты.

Но когда же это наступит? Не оставим ли мы своим внукам круглую пустыню?

Ненасытная жадность машинной цивилизации повела человека в бой с природой, не спросив ее согласия. Западный мир был испорчен властью золотого тельца, конкуренцией множества предметов, сверхпотреблением, и появился культ сиюминутного, навязывающий массовую моду, подчас уродливую, подчас бесполую, граничащую с пошлостью, массовую синтетическую роскошь, стандарт, культ ложных и пышных фраз, утверждающих тотальную эксплуатацию природных ресурсов во имя вещей и «эстетики» крылатых ракет и нейтронных бомб, когда типичным становится, по словам Ленина, не столько «ужас без конца», сколько «конец с ужасом».

Власть над природой дана человеку не для того, чтобы постоянно умерщвлять ее, превратив в рабыню, а для того, чтобы внести разум и целесообразность в мироустройство. Однако и наша социалистическая промышленность порой нарушает священный и естественный союз земли, воды, неба и человека.

Замедленное течение Волги, оскудевающей рыбой, зарастающей в теплую пору во многих местах водорослями; опасно зацветающий Енисей, усохшие 42 озера в Кокчетаве; некогда вкуснейшая вода Днепра теперь зловеще-красного цвета возле Запорожья; понижающийся уровень Балхаша, Иссык-Куля, Байкала, еще полностью не защищенного от загрязнения отходами целлюлозы, вырубки сибирского кедра на площадях 50—100 тысяч гектаров ежегодно; гипотеза «антирек», угрожающая климату и землям России, поэтому

нуждающаяся в глубочайшем изучении, несмотря на успокоительные, но малодоказательные, почти что стихийные по непродуманности проекты экологических оптимистов, — не говорит ли это все о том, что и мы переступаем какие-то дозволенные природным балансом границы.

Здесь я хочу вспомнить письмо Карла Маркса Энгельсу и мудрейшую фразу его: «Культура, если она развивается стихийно, а не направляется сознательно, оставляет после себя пустыню».

Проектировщики переброса северных рек в Волгу предполагают подъем уровня грунтовых вод, подтопление на расстояние 70—100—150 километров и более от водостока в обе стороны. Представьте огромную территорию, залитую водой, и миллиарды кубометров оставленного на дне невырубленного леса, гниющего и умертвляющего «антиреки». Замечу, что очистка речного дна от леса потребует около 25 лет, но эта очистка в планы не входит. Кроме того, проектировщики переброса как бы упустили из виду, что значительный подъем грунтовых вод, когда реки потекут вспять через старинные русские города, потопит Каргополь, Великий Устюг, весь подол Вологды со знаменитой исторической архитектурой и Софийским собором; будет затоплена примерно на 1,5 метра и жемчужина зодчества гениального творения рук человеческих Кирилло-Белозерский монастырь; наполовину уйдут под воду Спасо-Прилуцкий и Спасо-Каменный монастыри, неповторимые шедевры XVI века, а над поверхностью образовавшегося моря останутся лишь часть стен и башни Ферапонтова монастыря, известного всему миру непревзойденными фресками великого Дионисия.

Где же целесообразность и разумная направленность этого проекта, если он принесет невосполнимые потери нашему климату, нашей культуре, если безвозвратно исчезнут с лица северной России не только сотни деревень, но и около 15 тысяч памятников русской истории? Неужели мы так беспощадны к самим себе? Не станем ли мы потом горько и мучительно сожалеть об этом, как сожалеем о так называемых «неперспективных» деревнях, ставших причиной миграции населения, отрыва многих людей от земли. Ведь понятие «Родина» — понятие конкретное, связанное с природой и культурной средой. Жизнь прожить — не поле перейти, и, конечно, ошибок избежать невозможно. Но зачем планировать непоправимую ошибку, некий памятник недодуманности проектировщикам переноса рек?

Вот уже 20 лет трагически гибнет на наших глазах толстовская Ясная Поляна, в то время как принят ряд охранных решений правительства СССР и РСФСР. За последние годы из-за вредных выбросов Щекинского химкомбината исчезли еловые аллеи, старые уникальные дубы, гибнут знаменитые яснополянские сады, посаженные самим писателем, теперь наступил черед дальних лесов Груманта и Абрамовских березовых чащоб, выращенных Толстым, погибнут, разумеется, и новые посадки. В судьбе заповедника, этого величайшего символа бессмертия нашего народа, этой мировой святыни, настал тот роковой момент, когда для спасения его нужна немедленная консервация Щекинского химкомбината, а затем постепенное перемещение его на другое место. Эта боль и тревога были выражены группой писателей в письме, напечатанном газетой «Советская Россия». И тут мы получили ответ, исполненный странной экологической бодрости, которая заключалась в том, что спасти Ясную Поляну невозможно без коренной реконструкции, установки нового оборудования, что должно ограничить выбросы. Можно было бы лишь озадаченно улыбнуться такого рода «государственности» руководителей Министерства по производству минеральных удобрений, если бы за этим ужасающим оптимизмом не проглядывало равнодушие к гордости нашей и всемирной культуры и хладнокровная формула, заимствованная у западных прагматистов: вне материального пользы нет.

Однако гибель Ясной Поляны не окупится никакими миллионными затратами, ибо здесь нет измерений в деньгах. Так пусть наступит наконец пора здравомыслия, этой спасительной и вечной добродетели. Коли не поможет она, должны быть введены самые строгие персональные наказания, судебные санкции к тем, кто будет признан виновным в загрязнении почвы, воздуха и воды.

Безликое современное буржуазное общество все же имеет фальшивое, но заманчивое лицо — это вещь, вернее — калейдоскоп предметов, развращающих обывателя своим множеством, обещанием удовольствий и прикрывающих духовную его пустоту. Цивилизация незаторможенных инстинктов, принеся в жертву духовную суть прогресса, потеряла себя.

К сожалению, в последние годы вещь становится неким владыкой и в нашей стране, подчас отталкивая в сторону доброе, нравственное, чем всегда были мы так сильны, и утверждая превыше всего материальное, машинно-мотоциклетное, гарнитурно-мебельное, сервизо-ковровое...

Так что же выше — вещь или человек? Что согревает нас в жизни — доброта, совестливость, порядочность или хватательный инстинкт?

Экологическое сознание — это лестница, соединяющая в единый союз землю, небо и человека.

Нет, душа людей не должна стать собственностью вещи, этой позолоченной пилюли, навязанной ложной буржуазной цивилизацией, ставшей безжалостным грабителем планеты, ее наемным убийцей, не желающей знать, что ресурсы земли для бездумного и расточительного производства предметов ограничены и за все надо платить здоровьем человечества.

Никакие самые соблазнительные блага цивилизации не заменят людям чистый воздух и чистую воду — первооснову их существования.

1982

ВАЛЕНТИН РАСПУТИН

«Послужить Отечеству Сибирью»

— Что есть Сибирь? Привлекавшая к себе внимание всегда, во все времена, с начала пятидесятых годов она на устах всего мира. Ее изучают, о ней пишут и снимают фильмы. Она стала синонимом богатства, а сибиряки — эталоном надежности. Заглавное место отводится Сибири и в наших социально-экономических программах, и в прогнозах на третье тысячелетие. Так что же есть Сибирь сегодня, чему радуется и чем озабочена, с чем идет в день завтрашний? Что думаете об этом вы, человек, живущий в Сибири и Сибирью?

— Что есть Сибирь в географических и климатических единицах — об этом сказано в справочниках. Но в восприятии цифр существуют пределы, за которыми наше представление как бы закашливается. Есть цифры, которые не прочитываются, не вмещаются в наше сознание — так не объять умом огромные миллионы квадратных километров от Урала до Тихого океана и от южных гор до берегов холодных морей. Их нужно проехать. Для жителей, предположим, теплой Молдавии и 40 и 60 градусов мороза не имеют чувствительной разницы, и то и другое для них за пределами реальности. Для нас — имеют.

В границах Сибири у нас свое ощущение и расстояний, и климата. Часто летая в Москву, я не могу привыкнуть, что середина моего пути в Омске. В моих представлениях навсегда отложилось, что до Омска рукой подать, он внутри Сибири. Точно так же требуется усилие, чтобы поверить,

что половина дороги на поезде от Москвы до Владивостока — неподалеку от Иркутска. Станция так и называется — Половина. Разделение зауральской стороны на Сибирь и Дальний Восток условно, оно не столько территориальное, сколько климатическое. Там, где зима мягче, где, по присловью, палку посади — оглобля вырастет, там в наших ощущениях Сибирь кончается.

Я хочу тем самым сказать, что огромные просторы, постоянное преодоление климатических трудностей отформовали характер сибиряка особым образом. Он не просто ближе к природе, чем южный житель, он воспринимает ее, как часть своей души. Он более прямолинеен, скорее, молчалив и замкнут, чем эмоционально красноречив. Он научен суровой своей родиной не отступать и в малом, чтобы не потерять большего. Он бережлив и запаслив, но поделиться последней краюхой хлеба для него так же естественно, как местом у таежного костра или местом под солнцем. Он прост, бесхитростен, но, уверяю вас, далеко не простофиля... Словом, за столетия освоения и обживания сибирской стороны мы получили характер крепкого закала, и не случайно, видимо, в сибиряки охотно пишутся все, кто живал здесь, хоть недолго, в цене прошедшие школы сибирских строек кадры.

— Но в последние десятилетия сибиряк-первожитель, носитель столь симпатичных качеств, практически растворился в массе приезжего люда. Кто приехал сюда «за запахом тайги», кто за рублями, кто-то вскорости уехал, кто-то избрал Сибирь новой родиной, есть и категория живущих здесь десятилетиями, но считающих себя временными. Формально все — сибиряки. Но кого считает своим Сибирь?

— Кто в Сибири живет — вопрос важный. Сегодня, как и во все времена, Сибирь нуждается в человеке, который бы ее любил и оставил здесь свой род. Это проблема проблем дальнейшего освоения края, который призван послужить Отечеству. На него принято смотреть, как на колодец неисчерпаемых богатств, и он действительно богат. И потому, что богат, важно, чтобы Сибирь прибавлялась не случайным людом, озабоченным приисканием легкой удачи и денег или движимым короткими и неспелыми романтическими пробуждениями. Нужны жители, пускающие корни глубоко, навечно.

Что касается богатств... В теории «бездонности» их есть свои корни. Издавна усилия человека сводились здесь к тому, чтобы при меньших затратах больше взять. Встарь Сибирь без обиняков называли колонией и хозяйничали в ней, как в колонии, не слишком заботясь о местном жителе.

В человеческой натуре нет, пожалуй, ничего более консервативного и неподвижного, чем установившийся взгляд. Ныне Сибирь далеко не та, чем была она и сто, и пятьдесят, и даже тридцать лет назад. Но по привычке мы продолжаем считать, что на ее немереных просторах и в непуганых лесах втуне лежат несметные богатства, которым никогда не будет конца.

Просторы сократились. Непуганых лесов не осталось. Земля переворочена. Экономисты говорят о пределе природных запасов, особенно леса, а в нас все тот же мотив — «Ой, полна, полна коробушка...»

Давайте вернемся, как говорится, к исходному лексическому рубежу и вспомним, что богатство — это запас, резерв. Быть богатым, между прочим, занятие не из легких — нужно разумно пользоваться запасом, заботиться об его восполнении. Вспомним также, что в сражениях, экономических ли, военных ли, всегда выигрывал тот, кто расчетливее, умнее распоряжался резервами. Исторически сложилось, что Сибирь во все времена была для нашего Отечества силой «про черный день». И не только природно-сырьевыми запасами. Осенью сорок первого, в самые напряженные дни войны, подоспели к московскому сражению резервные сибирские полки. Впоследствии с сибиряков началась история советской гвардии. Это была дань Сибири великому делу Победы, и слава о надежности сибиряков, думаю, окрепла в те дни, лихие и тяжкие.

— Общеизвестно, каким подспорьем стали для нашей экономики природно-сырьевые ресурсы Сибири после войны. Мы могли бы сейчас назвать астрономические цифры кубометров леса, киловатт-часов электроэнергии и тонн угля, железной руды, алюминия — результаты создания в новых районах мощного промышленного потенциала. Но оставим экономику экономистам и попытаемся ответить, какие нравственные устои преподал нам этот период?

— Я бы не стал разграничивать экономику и нравственность, они взаимосвязаны. Мы привычно и по праву востор-

гаемся тем, что за четверть века создали в глухой тайге современные производства, Братск и Усть-Илимск стали романтическими адресами героического подвига молодежи. Помню, как все мы, журналисты, писатели и читатели, таяли от умиления — в Зеленом городке, палаточном поселке строителей Братской ГЭС, у ребят зимой волосы к пологу примерзают! И никто ведь не задумался, что кто-то повинен в этом «героизме». Не задумывались и над тем, как начинаем новую Сибирь — со слепленных на скорую руку времянок, с неразумной бравады бытовыми трудностями.

Но когда не жалеют человека, не жалеет ничего и человек. Сколько мне приходилось бывать на великих наших стройках, а все не могу привыкнуть к тому, что не по-сибирски на них хозяйничают. Там новенький самосвал вдрызг разбили, там бульдозер среди дороги бросили, там рубят сосну, где хватило бы ветку обломить. А уж что касается рыбных рек, ягодников, кедрачей — истинное разорение. Но заденем вот какой аспект — не «как посмели?», а почему так ведут себя в общем-то симпатичные ребята, хорошие работники с 8 до 17, а если надо, и дольше? Да потому, что в Сибири они — на время. Кто же будет пускать корни в суровую сибирскую землю, если десятилетиями живет во времянке, если школа в три смены, в кинотеатр не попасть, театра нет... К сожалению, и к Сибири применимо печально крылатое изречение, тысячи раз проверенное и подтвержденное практикой, — нет ничего постояннее временных сооружений.

Вот мы и говорим: освоение. Освоить — это обратить во благо, в пользу. Так, и только так это следует понимать. А теперь подставим в эту формулу финансовый термин — освоение капиталовложений. Оно идет по плану, по месяцам и годам, за него отчитываются, рапортуют, получают премии. Но кому во благо пошел погубленный лес, которым выстелены сейчас берега Братского и Усть-Илимского морей? Ни одна сосна не была вывезена из зоны затопления Саяно-Шушенской ГЭС, все пошло под воду. Уже сейчас ясно, что пропадет лес и в зоне затопления Богучанской ГЭС.

Простите, а по какому праву? Пусть ответят мне и моим землякам министры энергетики, лесного хозяйства, Госплан: по какому праву транжирится наше богатство? Если так поступают, значит, есть резоны, соображения выгоды? Пусть поделятся с нами этими соображениями. Ведь уже не толь-

ко хозяйственники знают, что, выполняя планы любой ценой, во многих районах края, еще недавно считавшихся по сырью неисчерпаемыми, мы начинаем скрести дно.

Это — расплата за временность, за неистребимое «на наш век хватит».

— В подобного рода просчетах, как правило, обвиняют ведомства и ведомственность. Но при этом, как мне кажется, мы забываем, что не меньшая «заслуга» в расточительстве природных богатств принадлежит рядовым рабочим, инженерам и техникам, служащим. Все мы вместе и есть народ, главный хозяин. И мы же пускаем по ветру свое, народное добро...

— А почему? Задумаемся, почему призывы к бережливости нередко расходятся с делами? Ну, скажите, как заставить рабочего леспромхоза бережно относиться к дереву, если он видит миллионы кубов древесины, гниющей по берегам рек, на складах, если треть ее по технологии сжигается на лесосеке? С этой «огненной технологией» у нас вообще в последнее время завелась большая дружба. Отполыхали костры из прекрасного леса на бамовской просеке, а теперь дошла очередь до АЯМа. И там лес рубят, присыпают грунтом, перемалывают гусеницами...

Но где же ответственность? И ответственные? Думаю, было бы хорошо, если бы мы знали поименно тех, кто спроектировал город Братск столь неуютным. Кто собрал в этом городе такой «букет» предприятий, что на сто верст окрест чахнет тайга. Кто превратил прекрасную речку Вихоревку в сточную канаву лесопромышленного комплекса. Кто сумел доказать, что илимские пашни, кормившие в прежние годы половину нашей области и северные районы, возродятся на раскорчеванных делянках. Ушла пашня под воду, утонула вместе с ними и слава илимских землепашцев.

Уже в третий раз земляки избирают меня в областной Совет народных депутатов. Решая важные для области дела, Совет не раз натыкался на ведомственную непреодолимую стену. И я не могу избавиться от ощущения, что министерства и ведомства стали у нас чем-то вроде удельных княжеств на Руси. Их критикуют, их ругают, а они и ухом не ведут.

Если подвести под сказанным черту, то первопричиной

наших трудностей я все же считаю недостаточность развития социальной инфраструктуры и новых и старых районов Сибири, о чем прямо было сказано недавно на авторитетном совещании в Тюмени. В моем родном поселке Аталанка, созданном из шести затопленных приангарских деревень, вот уже 25 лет клуб помещается в бывшей общественной бане. Между тем хозяин поселка — леспромхоз, и только из отходов его древесины можно было бы египетскую пирамиду построить, а не то что клуб. От таких-то «забот» и снимаются с насиженных мест даже коренные сибиряки, не говоря уже о приезжих. А залогом успеха в освоении нашего края может быть только постоянство человека, его привязанность и любовь к Сибири.

— Валентин Григорьевич, не значит ли такое пристальное внимание к экономическим проблемам, что им будет посвящена ваша новая книга?

— Я работаю сейчас над книгой о памятных, заповедных местах Сибири. Эпопея промышленного освоения так или иначе влияет на их судьбы.

— Старая, быть может, даже вечная проблема — появление человека, его активная промышленная деятельность всегда болезненны для природы. Получается, что за свои богатства она же и страдает...

— Представления о богатствах меняются. Вчера это были золото и меха, сегодня дороже золота стали нефть и уголь, завтра... даже и не завтра, а сегодня (в этом смысле мир заступил уже в завтра) нет ничего важней пресной воды. Запомнилось из прочитанного: четвертая часть людей на земле испытывает трагический недостаток в пресной воде, в некоторых странах Ближнего Востока литр воды в два-три раза дороже литра нефти. К счастью, нам эти беды неизвестны, они нами «не прочитываются». У нас еще есть и чистые северные реки, и Байкал с пятой частью мировых запасов пресной воды, словом — богаты, с запасом.

Нынешним летом я проехал Сибирь с юга на север —

от пограничной Кяхты до устья Колымы. И убедился вот в чем. Если бы нам удалось даже на нынешнем уровне чистоты сохранить в Сибири ее воздух, воду и землю, наше богатство в скором времени оценивалось бы не рублями, не валютой, а самой жизнью. Значит ли это, что я против освоения Сибири? Нет, я против покорения, которое на практике оборачивается безоглядным покорительством. Первый пример у меня под боком. От Байкала до Черемхово, вдоль Транссиба, размещено столько энергоемких производств, что и в неоглядной Сибири дышать трудно. Иркутский областной Совет еще в 1968 году принял решение, запрещающее размещение здесь вредных предприятий. Однако строительство продолжается. Мы, все наше общество, терпим от этого убытки, которые уже не измерить рублем, как потери на таежной лесосеке, — это можно назвать убыточным жизнепользованием.

Помнится мне, «Известия» дважды писали о нездоровой экологической обстановке в Братске. И «Неделя» рассказала, что Госарбитраж оштрафовал Братский алюминиевый завод на пять миллионов рублей за погубленный лес. А вода? А воздух? А самое главное — здоровье людей?

Сейчас пришло время, скажем так — давно пришло и как бы не прошло, когда не обойтись без массовой работы по экологическому воспитанию вообще человека, где бы, в каком краю он ни жил и чем бы ни занимался. Эта работа должна охватывать все сферы деятельности — от школьного образования до министерского рукоположения, когда лицо, вступающее в высокую хозяйственную должность, давало бы своего рода клятву заботиться об убережении родной природы.

Человек незаметно сдвинулся со многих нравственных оснований, и пример тому — подмена ценностей. Нам говорят: строительство природовредных предприятий вызвано необходимостью, и мы со вздохом соглашаемся — что же делать, коли так... Считается, что другого выхода нет. Но в том-то и штука, однако, что самая-то крайняя необходимость — сохранение жизнедающих воды, воздуха, земли. Числитель, первополагающая величина, перешел у нас в знаменатель, и мы приняли это как должное. Фактор обеспечения жизни сделался зависимым от фактора повреждения жизни. Очевидно, эта перестановка совершена была не сознательно, но она тем не менее произошла, и наша психология, наш взгляд на вещи с нею смирились.

Возвращаясь к Сибири, я хочу напомнить вам Тимирязева: «Культура поля всегда шла об руку с культурой человека». Эти слова справедливы и в отношении экономического освоения новых территорий. Я бы назвал это не просто культурой, которую у нас путают с образованием, и даже не культурой нравственности, что уже ближе к цели, а культурой патриотизма.

Все мы считаем себя патриотами своей Отчизны. Не быть патриотом неприлично. Но патриотизм — рабочее понятие, требующее действия. А всякое ли действие, делающееся якобы во имя страны, полезно стране? Те, кто уничтожал «неперспективную» деревню, тоже прикрывались патриотизмом. Только это — патриотизм наизнанку. Ретивость в союзе с неразборчивостью и духовной безграмотностью, с беспринципностью и желанием угодить — первые враги любого преобразования.

В том и скажется глубина и культура патриотизма, что человек, облеченный властью и силой, равно, как и человек, выполняющий распоряжения, соотнесет свои действия с пользой родной земле. Не только с сегодняшней выгодой, которая может завтра обернуться бедствием.

Старое правило советует: если хочешь понять человека, попытайся встать на его место. Попробуйте теперь встать на место крупного ученого, на место министра, на место ответственного и облеченного властью работника, сыгравших в 60-е годы роковую роль в судьбе Байкала. Ошиблись? Искренне заблуждались? Двадцатилетний опыт показал — целлюлозный комбинат в Байкальске травит славное, бесценное море. Ученый должен был предвидеть последствия, а гражданин почувствовать в своей душе благоговение к этому чуду природы и увидеть в нем незаменимую, неповторимую часть Родины. Но — не отозвалась в душе струна. Как быть сегодня? Логика подсказывает: если не казнить за ошибки, то исправить ошибки! Увы, Байкальский ЦБК вредит природе, вредит экономике. Да-да, экономике тоже. До супер-суперкорда он так и не поднялся, следовательно, свое предназначение не исполнил, выпускает обычную продукцию, которую можно производить на любом целлюлозно-бумажном заводе. Потребляя чистейшую байкальскую воду, комбинат ежесуточно возвращает озеру 250 тысяч кубометров очищенных и 150 тысяч условно чистых стоков. Даже после стократного разбавления они далеко не безвредны. А теперь подсчитайте — по Малинину и Буренину — каж-

дый кубометр байкальской воды стоит 2 копейки. Умножьте эту сумму на 364 — комбинат работает без выходных. И умножьте еще на 20 — на количество лет производственной деятельности. Не забудьте и про лишний день в каждом високосном году — народные деньги следует считать точно...

С грехом пополам можно понять министра, всеми силами препятствующего переводу своего комбината на безвредное производство. Ему не хочется упустить свою ведомственную выгоду, у него — план, у него своя арифметика. Но где, позвольте, в министре сын Отечества? Мы стали забывать об этой первейшей должности человека, кого бы из себя он ни представлял.

Конечно же проблемы экологии не существуют обособленно, они соразмерны с нашими проблемами экономическими, нравственными. И решать их нужно не обособленно, а в комплексе с ними. Как? Одно я знаю наверняка. Мы должны решать их всем миром, народом. Необходимым условием такой работы должна быть гласность, повороту к которой мы все так радуемся. Потому что важно не только не ошибиться, а вовремя исправить ошибку. У меня есть все основания так говорить, потому что наш народ, как никакой другой, способен дать правильную, принципиальную оценку самым сложным явлениям. У нас у всех на памяти, как мы сообща переосмысливали десятилетние периоды истории. И это не сделало нас слабее, наоборот — сплотило. Ведомственная же таинственность всегда служила и служит ширмой для лжепатриотов, конъюнктурщиков и посредственных специалистов. Вчера, быть может, она еще вписывалась в нашу жизнь, но теперь время другое. Теперь время перемен к лучшему, время откровенных оценок и конкретного дела, а не обещаний, заверений и славословия.

Это оздоровление жизни нуждается в развитии и укреплении, оно запустит в работу такой мощный механизм, который зовется истинным патриотизмом.

Вел беседу *Л. Капелюшный*

1985

ВИКТОР АСТАФЬЕВ

Из «Затесей»

ХВОСТИК

Смеется, заливается, хохочет мальчик...

Овсянский остров напоминал когда-то голову — туповатую с затылка и заостренную, чубатую со лба. В любое время года была та голова в окладе венца — бледная зимняя плешь обметана чернолесьем; весной плешь острова нечесано путалась серо-свалявшейся отавой, взятой в кольцо багряно-мерцающих тальников, которые не по дням, а по часам погружались в глубину вспененного черемушника. Пока черемуха кружилась, метелила по берегам острова, в середине его вспыхивала и, стряхнув в себя рыхлый цвет, оробело останавливалась прибрежная гуща, утихали листом тальники, ольхи, вербы, черемухи, отгородившись от пожара полосой небоязного к огню смородинника...

В осени мягкий лист кустарников бронзовел, и выкошенный, чистый остров в ровной стрижке зеленой отавы победно возносил мачту над высоким стогом сена. И всю-то зимушку покрыто было боязливое темечко земли пухлой шапкой сена и серебряно звенел венец, надетый на чело острова. Желтая птица кружилась и кружилась над зимним стогом. Ветер с Енисея гнал ее встречь бурям, и алым флагом вспыхивало крыло высокой птицы под широкой зарею в часы предвечерья.

Гидростанция зарегулировала реку, откатилась вода, и стал Овсянский остров полуостровом. Захудала на нем некошеная трава, усохли кустарники. По оголившейся отноге и пологим берегам налет зеленого помета — цветет малопро-

точная вода. Перестала цвести и рожать черемуха, обуглились, почернели ее ветви и стволы; не полыхают более цветы — они вытоптаны или вырваны с корнем. Лишь живучий курослеп сорит еще желтой перхотью средь лета да жалица и колючий бурьян растут по оподолью бывшего острова.

Прежде были в заречье деревенские покосы и пашни, но где они были — уже не найти. Нынче сооружен здесь деревянный причал. Валом валят на эти берега хозяйственные дачники, чтобы холить и выхаживать на личных огородах и в теплицах редкую овощь, цветы, ягоды. В субботу и воскресенье — пароход за пароходом, теплоход за теплоходом, катер за катером, «Ракета» за «Ракетой» прилипают к причалу и выделяют из себя жизнерадостный народ.

Под бравую песню «То ли еще будет...» расползаются они по затопленному клочку земли, глядя на который еще раз убеждаешься, что в смысле выделения мусора и нечистот никто сравниться с высшим существом не может — ни птица, ни зверь... Берега и поляны в стекле, жести, бумаге, полиэтилене — гуляки жгут костры, пьют, жуют, бьют, ломают, гадят, и никто, никто не прибирает за собою, да и в голову такое не приходит — ведь они приехали отдыхать от трудов.

Оглохла земля, коростой покрылась. Если что и растет на ней, то растет в заглушье, украдкой, растет кривобоко — изуродованное, поцарапанное, битое, обожженное...

Хохочет мальчик на берегу. Увидел что-то не просто смешное, а потешное, вот и хохочет.

Подхожу, обнаруживаю: возле вчерашнего воскресного кострища, средь объедков и битого стекла, стоит узкая консервная баночка, а из нее торчит хвостик суслика, и скрюченные задние лапки. И не просто так стоит банка с наклейкой, на которой красуется слово «Мясо», на газете стоит, и не просто на газете, а на развороте ее, где крупно, во всю полосу нарисована художником «шапка»: «В защиту природы...»

«Шапка» подчеркнута не то красным ломаным карандашом, не то губной помадой, через всю полосу шатающиеся, промоклые красные буквы, из них составлено слово: «Отклик».

— Что же ты смеешься, мальчик?!

— Хво... хво... хвостик!

Да, хвостик суслика смешон — напоминает он ржаной

колосок, из которого выбито ветром зерно, жалкий редкостный хвостик — не сеют нынче в заречье хлеба. Дачными ягодами суслику не прожить, вот с голоду и подался крошки по берегу подбирать, тут его поймали веселые гуляки и засунули в банку, судя по царапинам на обертке, засунули живого. И «отклик» на газете, догадываюсь я, написан не карандашом, а кровью зверушки.

КОСТЕР ВОЗЛЕ РЕЧКИ

Все-таки я встретил тех, кто не только сорит, но и убирает.

Нет, не на родине, не в Сибири. В Подмосковье встретил.

Ехал из аэропорта Домодедово и возле березовой рощи увидел седого, легко одетого мужчину, с полиэтиленовым мешком, в резиновых перчатках, и женщину, одетую в спортивные штаны, в рубашку мужского покроя, тоже в перчатках и тоже с мешком.

Они неторопливо двигались по опушке рощи, о чем-то беседуя, время от времени наклонялись и складывали в мешок бумагу, коробки от сигарет и папирос, фольгу, обрывки полиэтилена, окурки, раскисшие куски хлеба, старые обутки, лоскутье — все, чем сорит вокруг себя человек.

— Видал чокнутых? — почему-то со злобой воскликнул шофер-таксист, везший меня в Москву. Я поглядел на него вопросительно. — Академик с бабой своей. Дача у них тут недалеко. Как идут на прогулку, прихватывают с собой мешки и лопату. Какой мусор приберут, так сожгут возле речки, чё где выправят, чё где закопают. Цветки рвать не дают, прямо за грудки берут, и-иы-ди-о-оты! Да разве за нами, за поганцами, все приберешь? И-иы-ы-ди-о-о-оты-ы!..

Он резко крутанул руль. Двое пожилых людей исчезли за поворотом.

...Всякий раз, как еду в аэропорт Домодедово и вижу дымок костерка над речкой Пахрой, с тихой радостью думаю: это они, терпеливые люди, делают посильную добровольную работу, так необходимую уставшей земле, — жгут мусор возле речки.

И МИЛОСЕРДИЯ...

Девочка в красном пальтишке, в меховых башмаках, в пуховой шапочке кормила голубей из кулька.

И они кружились вокруг девочки хороводом, раздув зобы, хлопаясь, долбя друг дружку, оттирая боком. Девочка смеялась, сыпала крупу с крошками и все повторяла: «У, какие! У, какие!..»

А на скамейке сидел ее отец, курил, жмурился от несильного, но уже пригревающего солнца и поощрял девочку, хвалил ее за усердие, а ночью он сгребал лопатою мертвых голубей в кузов машины, и когда нагреб их полный кузов, отвез на свалку и сжег там.

Вернулся он домой наутро, осторожно прошел мимо кровати дочки, которая спала глубоко, руки ее были хорошо, с мылом отмыты, и девочка сладко причмокивала губами, даже чему-то улыбалась.

И когда я услышал от этого спокойного отца, спокойно рассказывающего о том, как «несмышленая» девочка кормила голубей отравленной пищей, полученной им в санэпидстанции, потому что голуби стали болеть, могли заразить людей и животных и нужно было их истребить, то вспомнил, как в другом месте, другие «борцы» за здоровье людей, обсыпали предвесенний лес дустом, чтобы убить энцефалитного клеща. Но клеща в эту пору не убить — он, оцепенев, спит в гнилых пеньях, колодинах и под корой, а вот птицу в той местности истребили всю подчистую.

А птицы там было, птицы! Уже отравленная, но все еще живая, способная двигаться, птица — глухари, тетерева, рябчики вылетали на солнцевосход, грелись и падали замертво на узкую, «обогревную» тропинку, и так их много упало, что, когда я шел весной по этой тропе, под ногами у меня хрустели птичьи скелеты и сапоги по щиколотку уходили в перо, и было идти тяжело и вязко, будто по мягко проседающему мху.

Но я шел, шел, ослепленный слезами, и не мог проклинать, а молил каким-то полузабытым отрывком из старой молитвы себя, детей своих, всех людей, таких беззаботных и жестоких: «Боже, милосердия ми воздаждь... и милосердия ми воздаждь... и милосердия...»

ПАДЕНИЕ ЛИСТА

Я шел лесом, затоптанным, побитым, обшарпанным, в петлях троп и дорог. Не колесом, а плугом вроде бы ездили здесь, вроде бы воры-скокари ворвались в чужой дом среди

ночи и все в нем вверх дном перевернули. И все-таки лес жил и силился затянуть травой, заклеить пластырем мхов, припорошить прелью рыжих гнилушек, засыпать моросью ягод, прикрыть шляпками грибов и ушибы и раны, хотя и такой могучей природе, как сибирская, самоисцеление дается все труднее и труднее. Редко перекликались птицы, лениво голосили грибники, вяло и бесцельно кружился вверху чеглок. Двое пьяных парней, надсажая мотор, с ревом пронеслись мимо меня на мотоциклах, упали по скользкому спуску в ложок, ушиблись, повредили мотоцикл, но хохотали, чему-то радуясь. Всюду по лесу чадили костры, и возле них валялись наехавшие из города труженики. Была середина воскресного дня. Разгоняя гиподинамию, горожане рубили, пилили, ломали, поджигали лес, притомились уже и загорали под солнцем, с утра скрывшимся за такой громадой туч, что казалось, и месяц, и год не выпростаться ему оттуда. Но совсем легко, как бы играючи, солнце продрало небесное хламье — и скоро ничего на небе не осталось, кроме довольного собою, даже самодовольно бодрого светила.

Впереди, чуть выдавшаяся к дороге, стояла некрупная, коленом изогнутая черно-пегая береза, вся прошитая солнцем, трепещущая от тепла, истомы и легкого, освещающего дуновения, происходящего в корне, наверное, это и было дыханием самой кроны. Горькой струей сквозящую печаль донесло до меня — так может пахнуть только увядающее дерево, и не слухом, не зрением, а каким-то, во мне еще не отжившим ощущением природы я уловил неслышное движение, заметил искрой светящийся в воздухе и носимый воздухом березовый листок.

Медленно, неохотно и в то же время торжественно падал он, цепляясь за ветви, за изветренную кожу, за отломанные сучки, братски приникая ко встречным листьям — чудилось: дрожью охвачена тайга, которой касался падающий лист, и голосами всех живых деревьев она шептала: «Прощай! Прощай!.. Скоро и мы... Скоро и мы... скоро... скоро...»

Чем ниже опускался лист, было ему падать все тягостней и тягостней; встреча с большой, почти уже охладевшей землею страшила его, и потому миг падения листа все растягивался, время как бы замедлилось на размытом далью обрыве, удерживало себя, но могильная темь земли, на которую предстояло лечь листу, погаснуть, истлеть и самому стать землею, неумолимо втягивала его желтое свечение.

Я подставил руку. Словно учуяв тепло, лист зареял надо

мной и недоверчивой бабочкой опустился на ладонь. Растопорщенный зубцами, взъерошенный стерженьком, холодящий кожу почти невесомой плотью, лист все еще боролся за себя, освежал воздух едва уловимой горечью, последней каплей сока, растворенной в его недрах.

Упругости листа хватило на полминуты, не более, жилы и жилочки его ослабели, распустились, прогнулся серединой лист и обрывком искуренной бумажки расклеился на моей ладони. Обшаривая глазами березу, в чуть колеблющейся, как бы случайно здесь присутствующей, тонкой нити я обнаружил не прочерк, не проседь, а слегка лишь приморившуюся струйку зелени. Там, вверху, в зеленой березовой семье, жил и этот листок, величиною с гривенник. Самый маленький, самый слабый, он не удержал своей тяжести, у него не хватило силы на все лето, и суждено ему было первому подать весть о надвигающейся осени, первому отправиться в свой единственный, беспредельный полет...

Как он пробудился и занял свое место в лесу? Не замерз весною, не засох в июльской жаре? Сколько сил потратила береза, чтобы этот ее листок выпростался из немой, плотно заклеенной почки и зашумел веселым шумом вместе со всеми листьями, стал частицей того мира, в котором с таким трудом прорастает и утверждается все доброе, нужное, а злое является вроде бы само собою и существует, совершенствуется в силе и наглости.

Земля наша справедлива ко всем, хоть маленькой радостью наделяет она всякую сущую душу, всякое растение, всякую тварь, и самая бесценная, бескорыстно дарованная радость — сама жизнь! Но твари-то и, прежде всего, так называемые разумные существа не научились у матери-земли справедливой благодарности за дарованное счастье жизни. Людям мало просто жить, просто радоваться; к сладкому им подавай горькое, а лучше — кровавое, горячее, они сами над собой учиняют самосуд: сами себя истребляют оружием, но чаще словом, поклонением богам и идолам, которых сами же и возносят, целуют им сапоги за то, что те не вдруг, не сразу отсекут им головы или щедро бросят отобранный у них же кусок хлеба в придорожную пыль.

Их были тысячи и тысячи, ублюдков, психопатов, чванливых самозванцев. И все они, начиная от инквизитора Торквемады, дубиной проламывавшего неразумным черепа, чтобы вбить в них самую справедливую веру в господа бога, от конквистадоров, миссионеров и всевозможных благодете-

лей, пекшихся о «свободе» и «чистоте души» человеческой, до припадочного фюрера и великого кормчего, — упорно пытались искоренить «людские заблуждения». Всего лишь миг космического времени разделил божьего слугу с Пиренейского полуострова от современных азиатских сверхвождей, но эти вместо бога вбивали уже себя, и не дубьем — новейшим оружием и все той же, вроде бы ветхой, однако во все времена пригодной моралью: дави слабого, подчиняй и грабь ближнего.

Повторялись «благодетели», повторялся смысл и дух новых нравоучений, от которых все так же отвратительно смердило древней казармой и балаганом, но лист, оставаясь листом, никогда и ни в чем не повторялся. Даря земле, тайге, березе и себе радость вечного обновления, он расцветом и сгоранием своим продолжался в природе. Увядание его — не смерть, не уход в небытие, а всего лишь отсвет нескончаемой жизни. Частица плоти, тепла, соков и этого вот махонького листа осталась в клейкой почке, зажмурившейся скорлупками ресниц до следующей весны, до нового возрождения природы.

Падает лист, маленький, бледный. Наступает еще одна осень, всегда пробуждающая потребность в самоочищении. Пройдет неделя-другая, и всем ударам себя подставившая придорожная береза отодвинется от леса, от мира, от людей. Да, она будет стоять все тут же, все так же, на виду, и в то же время сделается отчужденной, в себя самое погруженной, и лес по горам оцепенеет в неслыханно ярком наряде, все силы, всю свою мощь, всю тихую тайну выставив напоказ.

Скорбь уходящего лета напомнит нам о наших незаметно улетающих днях; что-то древнее, неотступное стронется в нас, замедлится ход крови, чуть охладится, успокоится сердце, и все вокруг обретет иной смысл и цвет.

Нам захочется остановиться, побыть наедине с собой, заглянуть в глубину себя.

Но и это робкое желание невыполнимо. Остановиться уже невозможно. Мы мчимся, бежим, рвем, копаем, жжем, хватаем, говорим пустые слова, много, очень много самоутешительных слов, смысл которых потерян где-то в торопливой, гомонящей толпе, обронен, будто кошелек с мелочью. Воистину, как в шотладской пословице: «Чем хуже дела в приходе, тем больше работы звонарю...»

Ах, если бы хоть на минуту встать, задуматься, послушать себя, душу свою, древнюю, девственную тишину, про-

никнуться светлой грустью бледного листа — предвестника осени, еще одной осени, еще одного, кем-то означенного круга жизни, который совершаем мы вместе с нашей землею, с этими горами, лесами, и когда-то закончим свой век падением, скорей всего не медленным, не торжественным, а мимоходным, обидно простым, обыденным — на бегу вытряхнет из себя толпа еще одного спутника и умчится дальше, даже не заметив утраты.

Притихла земля. Притихли леса и горы. Воссияло всей глубиной небо, чтоб отражение листа в нем было нескончаемо, чтоб отпечатался его лик в беспредельности мироздания, чтоб сама земля, приняв форму листа, похожего на слабое человеческое сердце, легко и празднично кружилась среди звезд, планет и там продолжилась в стремительном движении неведомых нам миров.

Я разжал ладонь. Лист еще жил, слабо дыша воедино сплетенными жилками, однако не впитывал света, тепло солнца не проникало в глубь его. Все силы листа растратились на чуть желтоватый, бледный цвет, на этот краткий и бесконечный миг падения к подножию дерева.

И возникла простая и такая будничная мысль: пока падал лист, пока он достиг земли, лег на нее, сколько же родилось и умерло на земле людей? Сколько произошло радостей, любви, горя, бед? Сколько пролилось слез и крови? Сколько свершилось подвигов и предательств? Как постигнуть все это? Как воссоединить простоту и величие смысла жизни со страшной явью бытия?

Осторожно прижав выветренный лист к губам, я пошел в глубь леса. Мне было грустно, очень грустно, хотелось улететь куда-то. Показалось даже, что у меня за спиной крылья и я хочу взмахнуть ими, подняться над землею. Да пересохли, сломались и отмерли мои крылья. Никуда не улететь мне. Остается лишь крикнуть что-то, душу рвущее, древнее, без слов, без смысла, одним нутром, одним лишь горлом, неизвестно кому, неизвестно куда, жалуясь на еще один, улетевший беззвучным бледным листком год жизни. Сколько их еще осталось? Сколько еще предстоит томиться непонятной человеческой тоской и содрогаться от внезапности мысли о тайне нашей жизни? Страшась этой тайны, мы все упорней стремимся ее отгадать и улететь, непременно улететь куда-то. Быть может, туда, откуда опали живым листом, в пути обретшим форму человеческого сердца, чтобы зеленью устелить планету, объятую пламенем, сделать

ее живодышащей, цветущей или дожечь в слепом, безумном огне и развеять пепел в немой бесконечности?

Кто скажет нам об этом? Кто утешит и успокоит нас, мятущихся, тревожных, слитно со всей человеческой тайгой шумящих под мирскими ветрами и в назначенный час, по велению того, что зовется судьбою, одиноко и тихо опадающих на землю?

1982

РЭМ БОБРОВ,

заместитель министра лесного хозяйства РСФСР

Резервы русского леса

1

Сколько стоит лес? На этот далеко не праздный вопрос можно ответить хотя бы примерно так: из кубометра древесины можно изготовить 165 килограммов искусственного волокна, 200 килограммов бумаги, 65 килограммов белковых кормов, 60 квадратных метров древесностружечных плит или 200 квадратных метров фанеры. И это далеко не все товары, которые при желании можно получить из одного кубометра. Да, универсальный материал — дерево. И в этом лишний раз убеждаешься, стоит лишь оглянуться вокруг: вряд ли найдется предмет, который бы прямо или косвенно не был связан с лесом. Вот почему нет ничего удивительного в том, что цены на лесоматериалы постоянно растут. В США они за последние десять лет поднялись на 160 процентов, в Финляндии — на 187. Не остаются стабильными цены на древесину и в нашей стране: по различным причинам себестоимость ее увеличивается и будет увеличиваться.

Известно, что лесозаготовители в первую очередь рубят то, что получше и что находится поближе. Так было всегда, так есть и так будет: под пилу прежде всего попадают самые удобные в эксплуатации массивы. Черед тех лесов, что похуже, наступает лишь тогда, когда кончаются хорошие. И древесина в них стоит дороже, да и качество ее будет не то.

Исходя из этой неоспоримой истины, основным принципом в использовании лесных ресурсов сейчас считается их рациональное и полное использование. И на это было особо

обращено внимание на XXVI съезде КПСС. Реализация этого положения на практике зависит как от лесоводов, так и от лесозаготовителей.

Что должны делать лесоводы? Они обязаны своевременно и с точностью информировать заготовителей и планирующие организации о фактическом наличии и качестве лесных ресурсов. Последние успехи крупномасштабной аэро- и космической съемки, а также современное состояние электронно-вычислительной техники позволяют это сделать. В 1980 году, например, с помощью ЭВМ было отведено две трети всех поступивших в рубку делянок. Заканчивается также разработка программ отпуска леса с учетом имеющихся у лесозаготовителей производственных мощностей и сырьевых запасов.

Таким образом, работники лесного хозяйства могут теперь точно сказать, где и сколько есть древесины, какого она качества и в каких размерах ее можно заготавливать, не опасаясь нарушить непрерывный цикл пользования лесом. И теперь уже от лесозаготовителей зависит, как будут соблюдаться эти научно обоснованные рекомендации. За последние десять лет по внедрению их в жизнь сделано, в общем, немало, рубка леса сверх рекомендаций лесоводов сократилась вдвое. Но перерубы, к сожалению, все еще встречаются. В 177 лесосырьевых базах леспромхозов, расположенных главным образом в европейской части РСФСР и на Урале, древесины заготавливается больше, чем позволяют здешние запасы лесного фонда. И, что особенно обидно, при этом ее немало теряется. Например, в Карелии, на делянках Пудожского леспромхоза объединения «Кареллеспром» бросают до 40 кубометров древесины в расчете на гектар лесосеки. И это в краю, где уже ощущается большой дефицит в лесе. Не лучше обстоят дела и в некоторых других областях. Так, в Архангельской, например, потери лесосечного фонда при рубке леса ежегодно оцениваются в 2,8 миллиона кубометров, в Вологодской — 2,4, в Коми АССР — 3,9.

Особенно много теряется леса при так называемых условно-сплошных рубках. Во время них на делянках вырубают лишь самые лучшие деревья, а похуже оставляют на потом. Но чаще всего они со временем падают под напором ветра, а если и сохраняются, то из них образуются низкотоварные редины. Вот почему в отдельных районах скопились сейчас огромные массивы обесцененных такими рубками лесов. Чтобы представить себе их дальнейшую участь,

приведу выдержки из письма, пришедшего из объединения «Вологдалеспром» на имя начальника Северо-Западного лесоустроительного предприятия Ю. И. Агапова: «Вологодское управление лесного хозяйства и объединение «Вологдалеспром» доводят до сведения, что значительная часть лиственных лесов области с запасом древесины в 70 миллионов кубических метров, хотя и числится в лесосечном фонде лесосырьевых баз леспромхозов, в результате бессистемных рубок эксплуатироваться не может. В итоге завышаются реальные к освоению запасы лесов, что отрицательно сказывается на планировании лесозаготовок».

Большая часть пройденных условно-сплошными рубками лесов и оставшихся после заготовителей недорубов обречена на гибель, и в данном случае их площадь превышает полмиллиона гектаров. Вряд ли на таких площадях когда-либо вырастет хороший лес: сажать его искусственным путем под страхом получить травму от постоянно падающих деревьев никто не рискнет. Леса эти сформируются скорее всего из низкокачественной поросли деревьев, забракованных лесорубами. Ну, а в том, что лес будет низкого качества, сомневаться не приходится.

Вина за нерациональное использование лесов лежит прежде всего на тех, кто их рубит. В не меньшей степени, конечно же, ответственны за беспорядки, допускаемые при разработках, и лесоводы. Но, к сожалению, имеющиеся в распоряжении лесной охраны меры воздействия на нарушителей не всегда оказываются эффективными.

Начнем с мер материальных, которые по идее должны поставить экономический заслон на пути бесхозяйственного отношения к лесу и которые состоят в плате за право рубить лес и штрафных санкциях за нарушение правил рубки. И те и другие по своей сумме в настоящее время столь мизерны, что их трудно считать какой-либо серьезной мерой экономического стимулирования в рациональном лесопользовании. Большинство штрафов начисляется в процентах от стоимости выросшего, но еще не срубленного дерева, цена которому, по существующим таксам, просто копейки. Например, взрослая деловая сосна средних размеров в таежных лесах оценивается для лесозаготовительных предприятий по 20—30 копеек за штуку, а береза и осина — по десять. Круглый лесоматериал, выпиленный из них, стоит раз в 25 дороже. Спрашивается: неужели растить деревья сто лет в 25 раз дешевле и проще, чем их спиливать? Вот и выходит,

что практически одним возом вывезенных материалов заготовители полностью окупают право на рубку целого гектара леса. За рубежом, кстати, стоимость попенной платы (то есть за каждое дерево) в себестоимости заготовленных круглых лесоматериалов составляет до 80 процентов. Вполне понятно, что, заплатив большие деньги за деревья, принятые в рубку, хозяин их не допустит потерь при разработке делянок, у него все пойдет в дело, даже сучья. Вот почему в целях рационального использования древесины назрела необходимость увеличить попенную плату за деревья, передаваемые в рубку.

Устойчивое снабжение лесом зависит от решения многих проблем, с которыми приходится сталкиваться лесоводам. Назову одну из них: лишь немногим более половины всей заготовленной древесины приходится на специализированные предприятия Минлесбумпрома СССР, остальное рубят десятки других ведомств, многие из которых не имеют опыта работы в лесу и вдобавок плохо оснащены техникой. За лесозаготовки они берутся из крайней нужды в лесоматериалах и отсутствия централизованных фондов на них. Спиленные бревна такие «самозаготовители» разделывают, исходя из своих текущих потребностей — бревно и дрова, — так что выход деловой древесины у них получается намного меньше, чем у настоящих лесорубов.

Как это ни парадоксально звучит, но и таежные лесхозы нередко оказываются в числе таких «самозаготовителей». Если раньше при создании лесохозяйственной отрасли промышленное производство велось в ограниченном размере, главным образом в малолесных областях, то теперь оно разрослось и перешагнуло границы таежных лесхозов. Во многих из них производство стало превалировать над лесохозяйственными делами. На долю прямых обязанностей в некоторых лесничествах приходится намного меньше половины трудозатрат. Большую часть своего времени они тратят на лесозаготовки, деревообработку, сбор корья и прочие мало относящиеся к лесоводству дела. В Пермской области, например, из объема работ в 140 миллионов рублей, выполненных за последнее пятилетие, на долю лесохозяйственных мероприятий приходится лишь 57 миллионов рублей, в Архангельской области это соотношение составило соответственно 102 и 38, в Костромской — 78 и 30, в Кировской — 134 и 45, в Свердловской — 177 и 57.

Может, и не было бы большого греха в том, что лесни-

чие без отрыва от основного производства нарубили и отправили потребителям лишний эшелон древесины или напилили тысячу-другую досок на хозяйственные нужды края, если бы доверенный им лес не страдал из-за недостатка внимания. Но в том-то и дело, что леса в некоторых областях из-за недосмотра лесхозов, занятых не своим делом, хиреют, а лесосечный фонд используется плохо. В лесах таких хозяйств сокращаются площади хвойных посадок или разрастается лиственный молодняк. В итоге, например, в Вологодской, Новгородской и Кировской областях увеличивается площадь заросших мелколесьем территорий. Обидно и то, что для большинства побочных производств по соседству с лесничествами можно найти отличных умельцев — лесопромышленников, которые эту несвойственную лесоводам работу делают быстрее, дешевле и лучше. В хозяйствах Минлесбумпрома СССР квалифицированные лесорубы ежегодно заготавливают по три-пять тысяч кубометров древесины. В лесничествах, чтобы заготовить такое количество материалов, 10—15 человек должны, забросив все свои прямые дела, в том числе и контроль за рубкой леса, работать всю зиму. И в этом нет ничего удивительного. В леспромхозах для промышленных заготовок все есть: специальная техника, квалифицированные рабочие, прекрасно оборудованные склады, и весь труд здесь направлен на то, чтобы быстро и легко рубить и отправлять потребителям материалы.

Не бедно живут и в лесхозах, но техника у лесоводов другая, и предназначена она для посадки деревьев и ухода за ними. Наши специалисты в лесничествах достойны всяческого уважения. Они умеют и знают, как ухаживать за лесом, хорошо знакомы с биологией, им известны достоинства и недостатки всего того, что произрастает и обитает в лесных чащах. Казалось бы, прямой резон рубить деревья лесорубам, а лесоводам не отвлекаться от дела, к которому они приставлены, то есть лучше сохранять и приумножать урожай лесной нивы, почаще бывать там, где рубят лес, и своевременно пресекать любые проявления бесхозяйственности во время заготовок. Тем более что польза от леса заключается не только в деревьях. И тогда у лесоводов появится больше времени, чтобы побеспокоиться о благополучии зверей и птиц, подчистить лесные покосы и пастбища. А разве заготовка березового сока, ягод, грибов, орехов, лекарственных трав не требует забот? Правда, слишком малая доля этих даров природы попадает на прилавки магазинов, по-

тому что лесным хозяевам не до них: они едва успевают рубить и пилить, оказывая при этом нередко медвежью услугу леспромхозам и деревообрабатывающим комбинатам. У первых лесхозы отхватывают лучшие куски сырьевых баз, а у вторых оттягивают дефицитные лесоматериалы на собственное, плохо оснащенное деревообрабатывающее производство.

В последнее время появилось понятие «лесной комплекс». Спору нет, хорошо, если работы в лесу приобретают свое законченное выражение: лес сажают, ухаживают за ним, пилят, перерабатывают, заготавливают ягоды, грибы, сено, и все это делается на высоком мировом уровне, с использованием последних достижений науки и передовой практики. Но вот если все эти работы вести без соответствующего материально-технического обеспечения, при нехватке кадров, то подобные комплексы приобретают уродливую форму, сходную разве что с обычным натуральным хозяйством. Так оно, к сожалению, и происходит кое-где в таежных лесхозах, где «комплексность» пошла в ущерб лесному хозяйству.

Да, возможности наших лесов возрастут, если их будут рационально использовать специализированные лесозаготовительные предприятия, а лесхозы будут заботиться лишь о повышении продуктивности лесных земель, тем более что оснований для оптимизма в их оценке у нас мало. Начнем с того, что из 1,2 миллиарда гектаров, отнесенных к категории лесных земель, треть практически не является лесом. Это болота, пески и другие не покрытые лесом пространства. Да и среди тех площадей, которые обычно принято считать лесом, есть немало таких, которые имеют ограниченную товарную ценность, — низкорослые древостои, чахлые перелески, произрастающие в горах, на Крайнем Севере и на юге страны, на заболоченных или засушливых почвах. Ежегодный прирост древесины в них крайне скудный, и вполне понятно, что для промышленности эти древостои интереса не представляют: прокладка к ним дорог и затраты на эксплуатацию не окупаются.

К чести работников лесного хозяйства России можно сказать, что они, несмотря на объективные и субъективные трудности, времени зря не теряют. За последние пять лет у нас в стране сократились площади горельников, пустырей, увеличилась территория ценных хвойных лесов. На месте вырубок с 1970 года посажено более десяти миллионов гектаров леса, а на двух миллионах гектаров появились леса,

где их раньше не было: это на сыпучих песках, в оврагах, в засушливых степях и полупустынях. Сделано много, но впереди дел еще больше, ведь лес надо не только сажать, но и чистить от хлама, вводить новые лесные породы, благоустраивать места отдыха. Кроме того, предстоит увеличить размеры лесоосушенных территорий, расширить дорожное строительство, усилить противопожарную службу. Все это в итоге должно обеспечить более высокий урожай древесины, спрос на которую растет из года в год. Уже сейчас у нас заготавливается почти 400 миллионов кубометров лесоматериалов в год, а к концу столетия ежегодная потребность в древесине возрастет по крайней мере еще на 100—150 миллионов.

Объемы лесозаготовок предстоят, прямо скажем, солидные, а между тем уже в наши дни рубка леса становится непосильной для некоторых исконно лесных районов. Например, в Карелии спелых эксплуатационных лесов осталось немногим более 400 миллионов кубометров и практически нет приспевающих, способных восполнить со временем дефицит леса в республике. За последние пять лет запасы спелого леса в Карелии уменьшились на 41 миллион кубометров. Такая же сложная обстановка складывается и в Архангельской области, где за то же время израсходовано 67 миллионов кубометров спелого леса. А если исключить из оставшихся лесных участков, пригодных в рубку, те, что расположены на болотах, а также гектаров недорубов, обесцененных приисковыми рубками, то окажется, что оснований для оптимизма в оценке так называемых «безбрежных» лесных просторов северо-запада европейской части страны тоже не так уж много. Не лучше обстоят дела и на юге Коми АССР, в Пермской, Свердловской, Горьковской, Костромской, Кировской и других областях. Вот почему большинство ученых предсказывают неминуемое уменьшение лесозаготовок в ближайшие десятилетия там, где исстари сложилась мощная индустрия и работают крупнейшие в стране бумкомбинаты и деревообрабатывающие предприятия.

На первый взгляд самый простой выход — использование сибирских и дальневосточных лесов. Если наши зеленые богатства представить в виде дерева, раскинувшегося от западных границ до Тихого океана, то за Уралом окажется весь ствол (три четверти древесины), а в европейской части лишь вершина. Но нельзя забывать, что путь леса из Сибири до целлюлозно-бумажных и деревообрабатывающих комби-

натов и мебельных фабрик в европейской части страны немалый и перевозка одного кубометра древесины стоит около десяти рублей. При этом следует помнить, что большая часть лесов на востоке страны удивляет нас скорее обширностью своей продукции, чем качеством ее. И в этом смысле нас привлекает другой путь — получение максимального количества древесины там, где ведутся сейчас заготовки. А это возможно, если включить в хозяйственный оборот все те потери, которые бывают на разных стадиях заготовки и переработки древесины.

2

Пока, к сожалению, нет надежных оценок так называемых «прижизненных возможностей леса», то есть способностей очищать воду и воздух от пыли, грязи и газов, предохранять почву от эрозии, а также благотворного влияния на здоровье человека. Но эти свойства леса, разумеется, известны. Достаточно сказать, что гектар лесонасаждений за год очищает и регенерирует до 20 миллионов кубических метров отработанного машинами и людьми воздуха. Нетрудно себе представить сложность изготовления и дороговизну искусственного кондиционера, способного справиться с такой задачей.

Как и любой живой организм, леса проходят все стадии жизненного развития. Они рождаются, мужают, старятся и умирают. Сила их экологического воздействия на окружающую среду при этом, естественно, меняется. В расцвете сил деревья дают не только больше органической массы, но и обладают максимальными защитными свойствами. В районах, где экологическая обстановка особенно сложна, уничтожение лесов может нарушить природные связи и вызвать непоправимые последствия. Поэтому там леса надо держать вечно сильными и молодыми, своевременно убирая отжившие свой век деревья, взамен которых из поросли поднимутся молодые деревца.

Но сделать это не просто. Выборочные рубки требуют высокой квалификации лесорубов, и, кроме того, технология таких лесозаготовок дороже обычных. Но в конечном счете государство выигрывает от них, поскольку отпадает необходимость в собственно лесовосстановительных работах: в районах, где ведутся несплошные рубки, сохраняется нормальный экологический баланс, повышается продуктивность лес-

ных земель. По данным доктора сельскохозяйственных наук Д. П. Столярова, еловые леса, уже через полвека восстанавливают вырубленную постепенными рубками часть древостоя, и производительность лесного гектара при этом увеличивается в полтора раза.

И еще один момент. Выборочная или постепенная рубка леса не обезображивает ландшафт. Народ же наш, особенно горожане, настолько приучен любить и охранять лес, что вряд ли допустит устроить по соседству с городом или на берегу озера, куда ездят отдыхать, промышленную лесосеку размером в квадратный километр. Рубить защитные леса надо другим, более аккуратным, щадящим, что ли, способом. И эти способы в общем-то разработаны нашей наукой и уже внедрены в практику передовыми предприятиями Ленинградской, Новгородской, Брянской и Тульской областей, где объемы постепенных и выборочных рубок возросли за последние пять лет на треть.

В Аракском лесхозе Татарской АССР постепенными рубками за последние десять лет пройдено 1340 гектаров, при этом заготовлено более ста тысяч кубометров древесины. «Обработанный» рубками лес в итоге стал расти вдвое быстрее, и он по-прежнему надежно служит как стабилизатор окружающей среды. В Московской области постепенные рубки ежегодно ведутся на площади 1187 гектаров, в Карелии они используются на 13 процентов, в Архангельской области — на 7, в Мурманской — на 5.

Запас спелой древесины в защитных лесах исчисляется ныне почти в четыре миллиарда кубометров, и только за последние пять лет он пополнился на 800 миллионов кубометров. Процесс перехода эксплуатационных лесов в защитные необратим, но это вовсе не означает, что надо прекратить их использование. Наоборот, при разумном, грамотном ведении хозяйства они могут дать не меньше древесины, чем обычные промышленные леса.

В первые годы жизни на лесном гектаре насчитывается до 300 тысяч всходов. Но к возрасту спелости доживает лишь 600—1000 деревьев, остальные отмирают, попадают в рацион грибков, насекомых и рассыпаются в прах. Специалисты считают, что за все время жизни леса в землю уходит половина созданной природой биомассы.

Да и вообще природа образует растительные формации, не считаясь с нашими представлениями о целесообразности. Из огромного количества всходов выживают самые сильные

и удачливые растения, а не те, которые бы нам хотелось видеть в пору их зрелости. И если человек своевременно не придет на помощь, буйно лиственное племя нередко в считанные годы расправится и с хвойным самосевом, и с посаженными лесоводами елочками, сосенками и кедрами. В отдельных лесничествах это становится настоящим бедствием. За двенадцать лет на территории РСФСР осиновые и березовые леса потеснили хвойные на площади почти в 15 миллионов гектаров, что ведет к большим убыткам: гектар хвойного леса дает продукции до десяти тысяч рублей, а лиственный в лучшем случае до трех. Древесина лиственных пород сейчас просто не находит спроса, и почти сорок миллионов кубометров ее ежегодно остается неиспользованной только в европейской части России. Посему задача лесоводов в первую очередь заключается в том, чтобы помочь вырасти кедру, сосне, ели, дубу, буку и деревьям других ценных пород, и добиться этого можно только одним путем: вырубить те деревья, которые мешают расти нашим избранникам. В одних лесах это сделать проще, в других сложнее: однако даже в самых тяжелых условиях получение ценной древесины в лесах, где производятся рубки ухода, оказывается дешевле, чем завоз ее из отдаленных сибирских леспромхозов.

В уходе нуждаются все леса, это бесспорная истина. За последние десятилетия в наших степных районах поднялись защитные лесополосы и противоэрозионные насаждения на площади в полтора миллиона гектаров. Но многие из них теряют свои благородные защитные свойства все из-за того же, что своевременно не были проведены рубки ухода. И с этим надо спешить, иначе наши степные леса превратятся в обузу для полей, что уже, к сожалению, произошло в отдельных местах. Не случайно нет-нет да и раздаются голоса об их бесполезности в ряде колхозов и совхозов. Плохие, неухоженные посадки порой действительно приносят земледельцам больше вреда, чем пользы.

В местах традиционных заготовок лесов, нуждающихся в уходе и пригодных для эксплуатации, сейчас, по подсчетам специалистов, около 100 миллионов гектаров. И здесь можно заготавливать рубками ухода по крайней мере втрое больше древесины, чем раньше. Но для этого надо расширить сеть дорог, создать новые современные валочно-трелевочные и валочно-пакетирующие машины, способные работать под пологом леса. К сожалению, все существующие

образцы этих машин разработаны исключительно для сплошных концентрированных рубок, хотя уже давно назрела необходимость в механизмах, способных работать выборочно, не затрагивая соседние деревья. В любом случае создать такую современную технику и внедрить ее в практику заготовок окажется опять же проще и дешевле, чем перебазировать лесное хозяйство, целлюлозно-бумажные и деревообрабатывающие комбинаты за Урал.

Резервы лесного фонда находятся рядом, по соседству с существующими леспромхозами, но использовать их можно лишь новыми методами, отличными от тех, которыми пользовались в течение многих десятилетий.

Ценность древесной продукции зависит не только от качества материала, но и способа его переработки. Кубометр осины годится разве что на дрова, и цена ему пять рублей. А вот мебельные заготовки, выпиленные из него, уже можно продать за сто рублей. И вообще из кубометра осины можно изготовить 20 тысяч коробков спичек, 60 костюмов или четыре тысячи пар чулок. Вот и попробуйте прикинуть, сколько это стоит. Из древесины изготовляется почти 20 тысяч видов продукции. Наряду с изделиями, биография которых исчисляется веками, — лодки и обозные товары, строительные материалы, паркет, мебель, посуда и многое другое, — появилась и продукция более современная, дорогу которой открыла химия и глубокая переработка: искусственные шелк и шерсть, каучук и целлулоид, кормовые дрожжи...

Знаменитый наш соотечественник Д. И. Менделеев говорил, что отапливать помещения нефтью подобно тому, что топить печи ассигнациями. То же самое можно сказать и о древесине. И хотя ею кое-где перестали топить печи, ее все же оставляют гнить в лесу или в отвалах деревообрабатывающих предприятий. Происходит это потому, что пока еще не хватает мощностей по ее переработке, а существующие предприятия используются порой недостаточно полно. Лесоводам все это далеко не безразлично, поскольку в тех случаях, когда у комбината нет возможности квалифицированно перерабатывать низкосортную древесину в нужные товары, необходимые заготовки делаются более простым способом, но уже из древесины высших сортов. Чтобы изготовить, положим, столовый гарнитур из крупномерных бревен, достаточно иметь пилораму и рубанок, а вот если мы захотим смастерить его из тонкомерных, потребуется построить целый завод древесных плит.

Есть такая закономерность: чем хуже сырье, тем сложнее должно быть оборудование для его переработки. Поэтому основная тенденция как в заготовке древесины, так и в ее переработке заключается в усложнении производства, повышении его капиталоемкости. А современные предприятия, как известно, способны использовать всё — вплоть до коры и опилок. Показателен в этом смысле опыт Псебайского лескомбината Краснодарского края. Здесь ежегодно перерабатывается продукции почти на шесть миллионов рублей. Такой эффект достигнут за счет полного использования низкосортной древесины и различных отходов. За год здесь выпускается сувениров на полмиллиона рублей. Они делаются в основном из сучков осины, вербы, ольхи, тополя. Переработка отходов в дорогостоящие товары позволяет получать комбинату из кубометра заготовленной древесины товарной продукции почти на сто пятьдесят рублей.

Есть такой термин — «расчетная лесосека», который означает допустимый размер рубки на территории того или иного предприятия. При этом, разумеется, прямо или косвенно учитывается производительность лесов. Способность наращивать древесину у различных лесов разная, и зависит она от плодородия почв, климата, древесной породы, возраста леса и многих других обстоятельств. Заветная мечта лесоводов — иметь леса наивысшей производительности, ежегодный прирост древесины в которых достигал бы на каждом гектаре десяти кубометров, а то и больше. Например, посадки известного лесовода К. Ф. Тюрмера в Подмосковье в 80 лет имели запас древесины на гектаре более чем тысячу кубометров. И это, по утверждению ученых, не предел. Климатические условия центральных областей России позволяют получать и более высокие урожаи, разумется, при соответствующем уходе. Пока же наши леса растут вполсилы.

Из 70 миллионов лесных гектаров, отнесенных к лучшим, половина находится на сравнительно небольшой территории европейской части РСФСР вблизи городов по соседству с крупными деревообрабатывающими предприятиями, старинными, хорошо оснащенными техникой и людьми леспромхозами. Казалось бы, и не велика площадь этих лесов, но они по праву считаются нашим золотым фондом. В таких лесах природа щедро отзывается на заботу человека. Километр осушительной канавы в Калининской области окупается дополнительным приростом древесины уже в ближайшие два-три года, а в Якутии для этого потребуется пятнадцать лет.

Так же обстоит дело и с минеральными подкормками. Если в центральной части России каждые десять килограммов удобрений добавляют к естественному урожаю леса как минимум по кубометру древесины, то на каменистых сопках Красноярского края минеральные подкормки могут вообще оказаться мертвым капиталом, поскольку лес там большую часть года из-за короткого лета находится в сонном состоянии.

Если бы удалось реализовать потенциальные возможности каждого гектара в хорошо обжитых частях страны и выращивать лес на плантациях, то мы смогли бы гарантировать бесперебойное снабжение народного хозяйства древесиной, не забираясь далеко в Сибирь. Очередь до тех запасов дойдет, но лучше это произойдет тогда, когда они станут комплексно обживаться и осваиваться.

Конечно, природа не так щедро раздает свои блага. Заполучить их можно только трудом, и трудом нелегким. И лесоводы это хорошо себе представляют. Только за последние пять лет в центральных областях страны осушено около двух миллионов гектаров переувлажненных лесов: на площади в шесть миллионов гектаров осуществляется уход за древостоями, и на полутора миллионах гектаров посажены молодняки. Ныне стали широко внедряться в производство научные рекомендации по лесной генетике, выделены угодья для получения селекционно-посадочного материала. В последние годы лесоводы приступили к закладке плантаций по выращиванию сырья для целлюлозно-бумажных комбинатов. Все это позволяет ежегодно получать дополнительно десять миллионов кубометров древесины. Эти успехи одновременно и радуют и озадачивают лесоводов, поскольку мы понимаем, что сделаны лишь первые шаги в большом и очень нужном государству деле.

В прошлом народное хозяйство обходилось естественной урожайностью лесных земель. Иное дело сейчас, когда естественный прирост уже не успевает за объемами рубки, а в некоторых областях он отстает от них чуть ли не в полтора раза.

Для создания лесов будущего в европейской части страны, вблизи промышленных центров Сибири и Дальнего Востока предстоит расширить работы по реконструкции малоценных древостоев, увеличить объемы ухода за лесом. В общем, предстоит выполнить весь комплекс работ, который принято называть интенсификацией лесного хозяйства. И в этом направлении сейчас многое делается. Достаточно ска-

зать, что за последние десять лет производительность труда нашей отрасли за счет внедрения различных инженерных, технических решений увеличилась в полтора раза. Многое из того, что рассчитано в наших конструкторских бюро и уже выпускается промышленностью, можно оценить на уровне мировых стандартов. Например, новые универсальные лесопосадочные машины, способные проходить по пескам, болотам и крутым склонам. Прекрасно зарекомендовали себя корчеватели, машина для расчистки полос на вырубках, плуги для создания микроповышений.

Так что уже сейчас у нас есть возможности для создания надежных систем комплексной механизации большинства видов работ, выполняемых предприятиями отрасли. Но, к сожалению, пока еще в лесу остается много тяжелых работ, требующих ручного труда, а исполнителей отыскать все труднее и труднее.

В связи с повышением продуктивности угодий встает вопрос о химикатах, особенно гербицидах, без которых немыслимо современное выращивание деревьев. Среди потребителей этих крайне эффективных средств лесоводы, как правило, оказываются в самом конце очереди. В результате выход посадочного материала в питомниках все еще довольно низкий, посевы и посадки деревьев на плодородных землях обильно зарастают сорняками.

Большую выгоду сулит лесному хозяйству и применение удобрений, что тоже вполне понятно: во время заготовок вынос азота, фосфора, калия и других веществ из леса неизбежен. Но и удобрений пока мы получаем обидно мало. Все эти затруднения, уверен, временные, и вовлечение в хозяйственный оборот дополнительных сырьевых ресурсов, в том числе древесины, потребует их быстрейшей ликвидации. И если вовремя позаботиться о лесе, то наши лесные богатства никогда не оскудеют, даже там, где они становятся ограниченными.

3

Нашей стране больше, чем какому-либо другому государству, повезло с жизненным пространством. Плотность населения у нас — десять человек в расчете на квадратный километр. Далеко не каждая страна на планете имеет такой земельный достаток. Однако цену своей земли мы хорошо знаем и, наверно, потому, что не балует нас она легкими плодами. Что и говорить, суровые земли у нас: в одних ме-

стах их заливают дожди, в других почва трескается от засухи, вечная мерзлота сковала чуть ли не треть Сибири и Дальнего Востока и почти такую же территорию занимают горы и безводные пустыни Средней Азии. Если сбросить со счетов все эти неудобия, то надел угодий, пригодных для жизни, в расчете на душу населения уже не покажется таким большим.

Нельзя забывать и о том, что ежегодно значительные площади уходят из хозяйственного оборота под строительство. В европейской части страны, например, только под гидроэлектростанции было отведено более 2,5 миллиона гектаров. Есть и другие неизбежные потери земли. Например, на каждый миллион тонн добываемого каменного угля требуется территория в 50 гектаров, которая уходит под терриконы, отвалы, здания и сооружения. В Кемеровской области, где горнодобывающая промышленность развита особенно хорошо, за последние тридцать лет под карьеры и объекты промышленного строительства было отведено 500 тысяч гектаров. Все это ведет к тому, что обеспеченность пахотными угодьями у нас в стране уменьшается. И если в 1958 году на каждого жителя у нас приходилось 1,06 гектара пашни, то сейчас эта цифра составляет 0,83 гектара. И быть уверенным в завтрашнем сытном дне можно лишь при условии постоянной заботы о земле и всеобщем участии в делах сельскохозяйственных. Причем с лесоводов спрос особый, поскольку в их распоряжении находится почти половина земельных угодий государства. Лесоводы, кстати, всегда считали себя крестьянами, и резервы леса видят не только в прибавках древесины, но и в той дополнительной продовольственной продукции, которую он способен дать. Наши хозяйства могут многое сделать и для того, чтобы лесные сенокосы, а их только в российских лесах насчитывается более 3,92 миллиона гектаров, давали не шесть — восемь центнеров плохонького сена, а в три — пять раз больше душистых, высококалорийных травянистых кормов.

В длинном списке продукции, получаемой из древесины, в последние годы внимание животноводов стали привлекать кормовые добавки из древесины. Крестьяне ими пользовались исстари, правда, в неурожайные годы. Ветви деревьев, кора и сам ствол содержат те же составляющие, что и трава, — целлюлозу, гемицеллюлозу, лигнин и некоторые другие включения. Разница только в том, что в дереве при-

рода все эти составляющие спрессовала. Ферментам и микроорганизмам желудка у животных не так-то легко пропитать и разложить грубые древесные ткани на химические вещества, которые могут быть усвоены организмом. Современные промышленные технологии упрощают эту задачу. Древесину дробят до пуховой консистенции, пропаривают, сдабривают аммиаком, щелочами, кислотами, сушат, гранулируют и отправляют на животноводческие фермы. Такими кормовыми добавками не брезгуют даже страны с хорошим кормовым балансом. В США, к примеру, создан ряд промышленных установок по получению из лесного сырья объемистых кормов повышенной питательности и углеводных добавок. Такой корм по своим свойствам равен сену среднего качества. В Канаде, в свою очередь, создана промышленная установка непрерывного действия производительностью шесть тонн кормов в час, обрабатывающая древесные и другие отходы паром высокого давления, организована обработка опилок паром высокого давления в присутствии кислоты также в Австрии.

В этом направлении ведутся разработки и в нашей стране. По самым осторожным подсчетам ученых, с помощью добавок из древесины в лесной зоне можно на треть увеличить запасы грубых кормов. При этом заметим, что пока возможности леса оцениваются по явно устаревшим взглядам, что при дефиците сельскохозяйственных угодий в стране вряд ли оправданно. Более того, кое-где даже хорошо зарекомендовавшие себя агролесомелиоративные меры не находят должной поддержки, а ведь не секрет, что защищенные лесными насаждениями поля сильно страдают от эрозии. За последние сто лет вследствие этого в мире было уничтожено два миллиарда гектаров угодий, ровно половина того, что земледельцы имели тогда на своем балансе. Процесс эрозии продолжается и сейчас. Ежегодно из-за размывов и пыльных бурь в мире уничтожается шесть-семь миллионов гектаров сельскохозяйственных площадей, причем большая часть их теряется из-за водной эрозии. У нас в стране треть площадей находится под угрозой этой эрозии.

Излишек дождей и талых вод, естественно, стекает в реки, и ничего плохого и необычного в этом нет, лишь бы вода стекала по низинам неторопливо, вдосталь напоив всю землю влагой и, что самое главное, не размывала по пути почву. Сравнительно ровные понижения поверхности земли называются балками, и на их долю приходится в некоторых рай-

онах страны до 20 процентов всех площадей. При разумном ведении хозяйства в балках сеют хлеб, сажают овощи, косят траву, пасут скот, главное — правильно распорядиться балочными площадями. На пологих склонах не принесет беды и осторожная безотвальная вспашка земли поперек склона, а вот на более крутых склонах ее лучше оставить под лугами и пастбищами, поскольку прочная дернина надежно укрывает почву от размыва. Еще более крутые склоны пригодны в лучшем случае для умеренного выпаса скота. Ну а самые крутые склоны имеет смысл отводить под лес, который лучше всего защитит землю от размыва. Полосы из деревьев и кустарников служат надежными барьерами на пути стекающих вод. По подсчету ученых Всесоюзного института защиты почв от эрозии, полоса березового леса в возрасте тридцати лет способна поглощать до 500 мм воды, что втрое больше, чем возможности обычного склона. На засаженных лесом склонах течет практически чистая вода.

Лесные насаждения как почвозащитный фактор выполняют двойную роль: они участвуют в создании и сохранении потенциального плодородия почвы, а также способствуют его повышению. Эта роль древесных посадок особенно ярко видна в естественных лесах, не тронутых хозяйственной деятельностью человека. Сохранение плодородия здесь обусловлено практически полным отсутствием эрозии почв под пологом леса. Благодаря лесной подстилке и другим особым свойствам почв они обладают исключительно высокой водопроницаемостью, что практически полностью исключает поверхностный сток из леса.

Даже при самом пристрастном распределении балочных земель для леса все же можно найти достаточно площади. Дело вот в чем: обследование этих земель показывает, что от 10 до 22 процентов их не пригодны для сельскохозяйственного использования, поскольку представляют собой склоны с сильно смытыми почвами, крупные овраги либо бугристые оползни с каменистыми засоленными почвами. За счет облесения таких не пригодных для сельского хозяйства земель можно повысить лесистость степи до восьми — десяти процентов, приблизив ее к тому минимальному уровню, который гарантирует оптимальные хозяйственные и бытовые условия для жизни в этой зоне.

Не следует, конечно, приуменьшать сложность и дороговизну создания таких устойчивых, долговечных и эффективных в мелиоративном отношении лесов на оврагах и балках.

Здесь существует немало биологических и технологических трудностей. Но сделать это все же легче, чем вести тут сельское хозяйство. Урожай на защищенных лесом площадях увеличивается и полностью компенсирует тот недобор хлеба и кормов, который неизбежен при изъятии земли у колхозов и совхозов под лес. Причем в засушливые годы наличие противоэрозионных насаждений дает прибавку урожая от трех до шести центнеров зерна и пяти — четырнадцати центнеров трав. Эти лесополосы, хотя и не широкие по размерам, превосходно защищают землю от воды и от ветра, причем опасность ветровой эрозии слишком велика.

Случались годы, когда пыльные бури напрочь уничтожали посевы на сотнях тысяч гектаров. Они сносили зерно и верхний плодородный слой в низины, засыпали реки, поселки. Как тут не вспомнить тяжелый 1969 год, когда в Ростовской области ветер достигал 30 метров в секунду и погубил почти все посевы озимых культур. Тогда воочию было видно благотворное влияние леса на урожай. В совхозе «Меркуловский», например, хлеба, находившиеся под защитой лесных насаждений, сохранились и дали урожай в 200 пудов с гектара, а на соседних, безлесных участках не удалось собрать и посеянных семян. И это при том, что по сравнению с другими противоэрозионными мероприятиями посадки леса обходятся дешевле.

О благотворном влиянии леса на землю люди знали давно, и убедились они в этом не вдруг, а на основании горького опыта. В прошлом, когда в лесостепных и степных районах страны было достаточно много посадок, пыльные бури реже бушевали над полями да и овраги не так быстро поедали землю. Помещичья жадность и крестьянская нужда поубавили лесов в России. По данным известного исследователя М. А. Цветкова, в европейской части России за период с конца XVII века до начала первой мировой войны было сведено не менее 70 миллионов гектаров лесов. В южной части страны к концу прошлого столетия лесистость уменьшилась в пять и более раз, причем главным образом в хорошо обжитых и сравнительно малолесных краях.

Дорогой ценой заплатило сельское хозяйство за ошибки прошлого. Впрочем, было бы неправильно считать, что борьба с почвенной эрозией для земледельцев — дело новое. Она велась давно, а в конце прошлого столетия к этой работе подключились и лесоводы. Первый опыт был заложен в селе Моховое Орловской области. В 1903—1912 годах профессор

Н. И. Сус, руководивший Камышинской песчано-овражной партией, уже дал первые научные рекомендации по лесомелиоративным и гидрологическим способам закрепления оврагов.

В широких масштабах закрепление оврагов лесами стало практиковаться после Великой Октябрьской революции. В «Основном законе о лесах», подписанном В. И. Лениным в мае 1918 года, указывалось на необходимость всеми мерами увеличивать площадь лесов, где это необходимо для достижения норм лесистости, а также организовывать облесение песков, оврагов, неудобных земель и т. п.

На сегодняшний день в России насчитывается более двух миллионов гектаров защитных лесонасаждений, из них более 600 тысяч занимают приовражные и прибалочные лесные полосы. Они успешно выполняют свое назначение, способствуют созданию хороших условий хозяйствования на земле. И не случайно еще сто лет назад Д. И. Менделеев сказал: «Вопрос засадки лесом южных степей принадлежит к разрешимым задачам... И я думаю, что работа в этом направлении настолько важна для будущего России, что считаю ее однозначной с защитой государства».

По подсчетам ученых, нам необходимо иметь у себя 14 миллионов гектаров защитных лесов, в том числе четыре миллиона полезащитных, но пока что у нас есть лишь 2,4 миллиона гектаров. Работы впереди много, и это совсем не простое дело — разведение защитных лесополос. Леса требуют постоянного ухода, иначе они могут превратиться из друга пашни в ее врага. Неухоженные лесные посадки «тянут» на себя снег, который весной тает медленно, образуя непроходимую для техники грязь. Земля в степных посадках добрая и влажная — настоящий рай не только для деревьев, но и сорняков, которые в избытке разрастаются здесь под защитой лесного полога. Это, как правило, происходит там, где у лесоводов не хватает сил держать свои посадки в порядке. Конечно, завидно иметь поле с законченной и обихоженной системой агролесомелиоративных сооружений. Урожай зерна здесь в среднем выше на три-пять центнеров. Однако голое поле лучше, чем поле с плохим лесом. Потому-то агрономы все чаще и отказываются от услуг лесоводов. И причина тому — несостоятельность лесников при уходе за защитными лесами.

Тот, кому приходилось бывать в сухих полупустынных степях в знойный летний день, видел, как животные прячут

головы, стараясь хоть как-то укрыться от нестерпимо жарких солнечных лучей. Нетрудно себе представить, какая благодать для животных — тень деревьев и кустарников, высаженных в обожженной солнцем степи. Они смягчают климат, способствуют рациональному использованию выпадающих здесь осадков. Гектар земли с посадками саксаула, тамариска, джузгука и других засухоустойчивых растений может существенно повысить продуктивность обсаженного деревьями и кустарниками гектара. И там, где раньше паслась одна овца, себе найдут пропитание три. В активе лесоводов уже имеются сотни тысяч гектаров облагороженных таким образом полупустынных пастбищ. Удалось вернуть к жизни с помощью леса и тысячи гектаров движущихся песчаных барханов. Но сколько еще таких скудных земель ждет участия лесоводов!

Преждевременно списывать с нашего земельного баланса и земли, обезображенные горными и торфяными разработками. Все так же, с помощью леса, их можно вернуть в хозяйственный оборот. Прекрасный опыт такого подхода есть опять же в Кузбассе. Лесные посадки там прочно сковали десятки тысяч гектаров бывших терриконов и горных отработок. В прекрасные сосновые леса превращены руками лесоводов фосфатные карьеры Московской области и торфяники Приладожья.

Сейчас у нас в стране насчитывается полтора миллиона квадратных километров бесплодных земель, промышленных пустынь и полупустынь, и, что самое обидное, многие из них возникли на месте бывших ценных земель. Из всего сказанного следует сделать один важный вывод: лесоводы могут и должны работать лучше и больше, чем они это делают сейчас, и красота и благополучие нашей земли зависят от них в такой же мере, как и от труда крестьян, работающих в поле. Лесовод тот же крестьянин, только урожай, который он выращивает, созревает гораздо дольше. А все остальное сходно: забота о земле и обо всем том, что на ней обитает.

И еще об одном мне хотелось бы поговорить. Профессия лесовода от других крестьянских специальностей отличается тем, что многие люди, часто сами того не замечая, в лесных делах принимают самое непосредственное участие. Действительно, если на стройке не пропадают без дела пиломатериалы, значит, в следующий раз их потребуется меньше, если на мебельной фабрике экономно расходуется древесина, этим тоже сбережется лес; лесозаготовители стали бережли-

вее относиться к поступающим в рубку делянкам — это тоже пойдет на пользу деревьям; случайный человек предупредил возможный лесной пожар — этим он уберег лес и помог лесоводам. Да что там говорить, перспектива развития нашей отрасли целиком зависит от того, как к лесу относится общество, как заботится о нем каждый человек. К. А. Тимирязев писал, что лесовод — человек не столько сегодняшнего, сколько завтрашнего дня. С этим нельзя не согласиться. Из леса мы берем то, что досталось нам в наследство от предшествующих поколений, и одновременно закладываем основу будущих, завтрашних лесов. И задел у нас должен быть таким, чтобы его хватило на многие поколения людей.

Наша страна справедливо считается лесной державой — четверть лесных ресурсов мира находится у нас. Но на службу людям эти богатства не придут сами собой, и не так-то просто восстановить то, что уже взяли. Труд лесоводов в этом смысле достоин всяческого уважения и благодарности. За последние десятилетия многое изменилось в профессии лесовода, другим стал и жизненный уклад лесников. Прежде всего лесники перестали быть хуторянами: кордоны, на которых они жили раньше, превратились теперь скорее в экзотическую достопримечательность, чем в традиционное место жительства. Лесничества переехали в крупные благоустроенные поселки, где телевизор, холодильник, водопровод — обычное явление. Да и сам лесник стал другим, хотя нет-нет еще да и промелькнет о нем в повествованиях современных авторов рассказ, как о каких-то бирюках, угрюмо шагающих по тайге с берданкою наизготовку.

Большинство проблем, которые сдерживают рациональное использование и воспроизводство лесов, сходны с теми, что ощущают труженики сельского хозяйства. Именно потому редеют кадры лесоводов на местах, оказываются нереализованными отдельные проекты, которые разрабатывает наше лесное ведомство. Сейчас, думаю, невозможно да и неразумно отделять лесников от колхозников и работников совхозов, и отношение к ним при определении перспективы развития предприятий, обустройства лесных поселков, обеспечении их жизненными благами должно быть соответствующее. Заботу общества о себе лесоводы оплатят сторицей, а резервы для этого у русского леса есть.

1985

РОАЛЬД ФЕДОРОВ

Не храм, а мастерская

...Катер шел вниз по Свири. В низовьях до впадения в Ладожское озеро река служит естественной границей созданного несколько лет назад Нижне-Свирского заповедника. По левому берегу — деревни и поселки, на правом природа сохраняется в первозданном покое. Но не везде и всюду. Внимание мое привлекли выкошенные луга, копны свежего сена, запах которого долетал и до середины реки.

— Здесь на пойменных заливных лугах располагаются традиционные сельские покосы, — упреждая мой вопрос, заметил Г. А. Носков, ленинградский орнитолог, кандидат биологических наук, один из инициаторов организации этого заповедника, в пору нашего разговора бывший заместителем его директора по научной работе. Георгий Александрович и пригласил меня тогда в поездку. — Конечно, теперь мы вправе запретить сенокос — земля отдана заповеднику. Но вот ведь какое дело: пойменные покосные луга — неотъемлемый элемент прибрежного ландшафта наших рек. Однако же рукотворный элемент. Если не выкашивать их, пойма зарастет ивняком и ольшаником, уйдут в другие места птицы и прочая живность, свойственные именно луговым биоценозам. Поэтому думаем, что и в заповеднике надо бы продолжать сенокос. Именно для того, чтобы сохранить сами заповедные ныне луга...

Тот разговор на реке Свири вспоминается мне всякий раз, когда речь заходит о природоохранных проблемах. Сегодня ведь нередко можно слышать крайнюю точку зре-

ния: мы, дескать, столько наломали дров, так навредили природе, что лучше уж, по возможности, совсем не вмешиваться в ее жизнь.

Но ведь не вмешиваться — не можем. Вмешиваемся с той поры, как человек стал человеком. Рукотворны не только города и хлебные нивы. С деятельностью человека связаны, например, лесные опушки вокруг среднерусских деревень. Здесь либо гуляла коса, либо паслось деревенское стадо, так или иначе не позволяя земле ощетиниться кустарниковой порослью. Кстати, это способствовало тому, что именно опушки были самыми грибными местами леса. Косой, как уже сказано, созданы и луга — на месте ли вешних разливов реки, в логовине ли, где дольше всего не тает снег, на низкой ли и сырой поляне у края леса. Но поглядите, как вдумчиво относились деревенские наши прадеды к природным закономерностям: землю пахали там, где она теплее, где скорее освобождалась от снега и излишней вешней влаги, а где холоднее и влажнее — отдавали «диким» травам.

«Природа не храм, а мастерская, и человек в ней работник». Иван Сергеевич Тургенев вложил эти слова в уста особенному своему герою — Базарову, человеку с «мужицкой» закваской (вспомните базаровскую гордость своей родословной: «...мой дед землю пахал»), с внимательным и зорким взглядом ученого-естествоиспытателя (его реплика: «...рисунок наглядно представит мне то, что в книге изложено на целых десяти страницах»). Признаюсь, этот герой понравился мне со школьных лет и навсегда. Базаровский «нигилизм» воспринимался как своего рода самоотречение его от суеты будничной жизни во имя науки, в которой во главу угла поставлены не книжные знания и ссылки на авторитеты, но точные наблюдения и эксперимент.

Возможно, что это опять-таки личное восприятие, но очень сходным с образом тургеневского героя представляется мне сложившийся в моем воображении (каждый читатель — своего рода режиссер прочитанному) образ великого русского ученого В. В. Докучаева, начинавшего в прошлом веке свои исследования тоже в деревенских, с детства знакомых ему местах. Докучаева называют основоположником научного почвоведения. Однако же заслуги его куда многограннее, чем «узкая» эта специальность, велик он именно широтой мышления — говоря современным языком, экологичностью мышления. В книге «Наши степи прежде и теперь», с которой он обратился к читателям после жестокой

засухи, неурожая и голода 1891 года, ученый выдвинул программу «упорядочения водного хозяйства России» — по сути, программу всесторонней мелиорации (что переводится словом «улучшение») степного земледелия. Эффективность предложенных им мер наглядно иллюстрирует преображенная трудом человека Каменная степь — обширная площадь в середине Воронежской области, район из наиболее пострадавших в те далекие годы, когда В. В. Докучаев писал свою книгу. Ныне здесь — поля опытного хозяйства НИИ сельского хозяйства Центрально-черноземной полосы, носящего имя ученого. Поля, которые не знают засух.

Очерки — точнее, газетные репортажи, — предлагаемые вниманию читателя, посвящены не сельскохозяйственным мелиорациям. Тематика научных работ, о которых в них рассказывается, иная. Но их герои, как представляется автору, движимы той же оптимистической идеей: природу — на основе понимания ее законов — можно и нужно улучшать на благо человеку. Она не храм, но мастерская. Природа требует творчества. Тем более творческого исправления ошибок и просчетов, допущенных человеком при вмешательстве в «первозданную» ее жизнь.

СТЕРЛЯДЬ ДЛЯ ВОЛГИ

По традиции трал протащили по руслу близ устья впадающей в Волгу реки Нерль. Улов был небогатым: несколько лещей с бронзовеющей от возраста чешуей, пяток больших саблевидных чехоней, пара мутноглазых судаков, с десяток серебристых густерок. На сей раз профессора Лукьяненко более всего интересовала именно густера. Биохимический анализ гемоглобина — а его пока никто не делал для этого вида — должен был, по его убеждению, подтвердить или отвергнуть мнение о принадлежности ее к тому же роду, к которому систематически относят леща и синца. Вопрос частный, однако же опись живого населения планеты должна строиться по системе, всесторонне обоснованной.

Втайне же Владимир Иванович надеялся еще раз встретить стерлядь. Впервые она попалась здесь в трал лет десять назад, с той поры и стало для него это место траления традиционным. Некогда рыба эта была для Волги обычной, чуть ли не рядовой. Сегодня она редка практически по всему ее течению, а выше рыбинской плотины вообще пропала.

Та, пойманная десять лет назад, не была коренной уроженкой здешних мест. Рыбоводы из города Конакова, что стоит на Иваньковском водохранилище, договорились с Волгоградским рыбоводным заводом: получают оттуда ежегодно несколько тысяч мальков, выведенных в заводских условиях из икры нижневолжской стерляди, подкармливают и подращивают их у себя в марлевых садках, потом выпускают на волю. Идет эксперимент.

Данные научных уловов говорят, что в Иваньковском водохранилище стерляжьи мальки почему-то не задерживаются — скатываются вниз по течению, проходят через плотину и, возможно, в большей своей части гибнут на лопастях турбин здешней ГЭС. А вот в следующем на Волжском каскаде — Угличском — редко, единично, но попадаются. Не раз уже встречали здесь стерлядок ихтиологи Верхневолжского отделения ГосНИОРХа — научно-исследовательского института озерного и речного рыбного хозяйства. Из семиграммовых мальков вырастали шестисот-, семисотграммовые рыбины. Значит, условия для их жизни подходящие, естественная кормовая база имеется.

Профессор В. Лукьяненко заведует отделом экологической биохимии рыб в Институте биологии внутренних вод АН СССР и непосредственного отношения к тому стерляжьему эксперименту не имеет. Но следит за ним заинтересованно. Мечта вернуть Волге исконно волжскую рыбу — это и его мечта. Работа, которая ведется в его лаборатории, — изучение особенностей фракционного состава белков крови у рыб из разных популяций одного и того же вида. Несмотря на ее академичность, к практике, в частности к решению стерляжьей проблемы, она имеет отношение самое прямое.

Дело в том, что, с точки зрения современной биологии, нельзя говорить о стерляди вообще, так же, как вообще о любом другом виде животных или растений. Вид состоит из популяций — условно говоря «стад», каждое из которых обитает в определенных географических границах и в каждом из которых все особи генетически связаны между собой, восходят к каким-то общим предкам. Состав белков крови служит, в частности, «биохимической меткой», по которой можно отличить представителей одной популяции от другой.

Изучение волжской стерляди показало, что прежде всего можно выделить два типа, резко отличающихся по биохимическому составу крови, — дельтовую, обитающую в самом нижнем течении Волги, и типично речную стерлядь,

которая встречается еще в районе Городца, чуть ниже плотины Горьковского гидроузла, или в районе Тетюшей на Куйбышевском водохранилище. Дельтовая, кстати, отличается от речной и по своей биологии: она нерестится в реке, на быстрых участках ее, а на нагул может уходить даже в опресненные морские воды.

По мнению Лукьяненко, для заселения вод Иваньковского водохранилища более подходили бы мальки не нижневолжской — дельтовой — стерляди, а выведенные из икринок речной, «домоседки» по характеру.

— Кстати, по гастрономическим качествам речная стерлядь выше, чем дельтовая, — замечает Владимир Иванович. — Но здесь уже дело не столько в наследственных качествах, сколько в питании. Меню дельтовой — в основном мелкие донные моллюски. Речная же питается преимущественно личинками насекомых. На этом рационе и откармливались воспетая Г. Державиным «шекснинска стерлядь золотая» или, скажем, не менее знаменитая сурская.

На Шексне теперь нет стерляди. Не потому, что повывелись насекомые, личинками которых она питалась. Пока еще хватает в здешних местах и безобидных комаров-дергунов, чьи личинки, так называемый мотыль, хорошо известны любителям рыбалки, и надоедливых «кусачих» комаров, также в большинстве своем проводящих свое «детство» в воде. Но, по сути, теперь нет и реки Шексны с достаточно быстрым течением, промывающим русло и создающим на быстринах так называемое хрящеватое, устланное галечником и чистым песком дно, где и откладывает икру стерлядь. Река стала просторным и малопроточным Шекснинским плесом Рыбинского водохранилища. Заилились хрящеватые перекаты, и стерляди стало негде нереститься.

Стерлядь в России была достаточно обыкновенной рыбой. Конечно, деликатесной: стерляжья уха — праздник, а не каждодневное блюдо, но все-таки совсем не редкой. Высокая живучесть делала стерлядь важным объектом торговли. Иные торговцы рыбой покупали по дешевой цене стерляжью молодь — «пиковок», как назывались эти остроносые рыбешки, и запускали на откорм в пруды, где они нагуливались на естественных кормах. Быстрый рост и прекрасные вкусовые качества стерляди не оставляли их внакладе.

Кстати, усиленный промысел «пиковок» — тогда казалось, что нет числа и не будет убыли плотным стаям этих рыб, — привел к тому, что уже в конце прошлого века запа-

сы стерляди на Волге были сильно подорваны. Играло роль и начавшееся загрязнение реки промышленностью, нефтеналивными судами, что шли по Каспию и Волге из Баку. Однако в начале нашего века в России еще ловили от 30 до 40 тысяч центнеров стерляди в год. Но потом началось на Волге гидротехническое строительство.

Кажется, никуда не денешься: электроэнергия волжских ГЭС необходима, и ради стерляжьей ухи никто, наверное, не откажется даже от телевизора, а тем более не помыслит вернуться к свечам или лучине...

— Нет, такое противопоставление неправомерно, — возражает Лукьяненко. — Волга может давать и электроэнергию, и рыбу. Стерлядь вполне способна жить и расти на просторах волжских водохранилищ, где кормовая база для нее имеется. Дело за тем, чтобы наладить искусственное воспроизводство ее, построить специально для размножения стерляди рыбоводные заводы. Впервые мысль о них была высказана еще в начале века. Неоднократно поднимался этот вопрос учеными-ихтиологами на протяжении последних двух десятилетий. Однако до практического решения его у руководителей рыбного хозяйства никак не доходят руки. Возможно, потому, что главная забота Министерства рыбного хозяйства СССР — океанический промысел, его развитие. Волга, за исключением осетрового промысла в ее низовьях, отдана, как и прочие внутренние водоемы, республиканскому министерству, у которого на такое строительство не хватает ни сил, ни средств. Нет у него и достаточного опыта — имеющиеся осетровые рыбоводные заводы принадлежат союзному министерству. Между тем решать вопрос надо безотлагательно. Естественное воспроизводство стерляди на Волге продолжает сокращаться, мы можем остаться без маточных стад.

Разговор с профессором Лукьяненко начался с его биохимических исследований. Как они могут помочь организации заводского воспроизводства стерляди?

— Мы уже говорили об особенностях дельтовой стерляди и близкой к ней нижневолжской, опыт выращивания которой проводился на Волгоградском рыбоводном заводе. Ею, по моему мнению, заниматься не следует, — размышляет Владимир Иванович. — Ведь известна ее «охота к перемене мест». Кроме того, на Волге ниже Волгограда есть для нее места нереста. Думаю, волгоградский завод нужно целиком переориентировать на воспроизводство средневолжской стер-

ляди и выпускать ее мальков в Волгоградское и Саратовское водохранилища, где имеются отличные условия для их роста. Самым перспективным и большим стерляжьим водоемом видится мне Куйбышевское водохранилище. Для его зарыбления необходим рыбоводный завод под Казанью. Здесь, кстати, есть хорошие маточные стада «вольной» стерляди — скажем, в районах Тетюшей, Зеленодольска. Третий завод следовало бы, думаю, поставить на нижней Оке и ориентироваться на окское маточное стадо. Полученных здесь мальков можно будет выпускать и в Горьковское, и во все расположенные выше него волжские водохранилища. Три стерляжьих завода — это программа-минимум. И с ее выполнением надо спешить, чтобы совсем не потерять волжскую стерлядь.

...Над Угличским водохранилищем опускался вечер. Лучи низко висевшего солнца силуэтно резко высветили застывшую па спокойной воде лодку с рыболовами. Вспомнились есенинские строчки:

Каждый труд
благослови, удача.
Рыбаку — чтоб
с рыбой невода...

Неводов, конечно, не было: лодка «ощетинилась» удилищами. На вечернюю зорьку вышли любители. Но Волга просторна, разливы ее водохранилищ могут прокормить немалые рыбьи стада, восстановить промысловый лов — в том числе и деликатесной стерляди. Надо только помочь рыбе.

УТЯТА ИЗ «ЯСЛЕЙ»

К первоначальной теме разговора жестикуляция вовсе не относилась. Просто досаждали комары, и приходилось поминутно махать руками, хлопать себя то по лбу, то по щекам. Все-таки иным надоедам удавалось напиться моей кровушки и благополучно улететь.

— Выходит, я невольно способствую приумножению комариного племени, — шутливо повинился я.

— Что ж, это, может, и к лучшему, — отозвался А. Шипилов, директор охотничьего хозяйства «Мещера» Главохоты РСФСР. — В прошлом году, например, было мало комаров и мало питающихся ими стрекоз. И к началу охотничьего сезона дикие утки не успели перелинять. Видимо, им не

хватало животных кормов — личинок тех же комаров и стрекоз...

Природа насквозь, как почва корнями растений, пронизана такими вот взаимосвязями. Порой неочевидными, порой совершенно ясными, как то, например, обстоятельство, что ведущиеся ныне в Мещерской низменности работы по осушению заболоченных земель уменьшили число мест, пригодных для гнездования диких уток, и тем самым существенно снизили численность водоплавающей дичи в охотничьих угодьях. Оттого, в частности (но не следует сбрасывать со счетов и то, что «Мещера» — одно из лучших по культуре работы охотничьих хозяйств), и выбраны были здешние места для строительства фермы по разведению диких уток.

...Извечный спор о том, яйцо или птица было вначале, решила топография. Первым на нашем пути оказалось инкубационное отделение. С него и началось знакомство с фермой. Зоотехник Л. Чужова приоткрывает дверцу одного из инкубационных шкафов. Мамашам-птицам дети достаются чуть хлопотнее, чем живородящим млекопитающим: яйца приходится периодически поворачивать на девяносто градусов, да к тому же следить, чтобы они постоянно смотрели острым концом вверх — там располагается воздушная камера. В инкубаторе лотки с яйцами поворачиваются автоматически. Но нужны глаз и внимание, чтобы вовремя, на исходе четвертой недели, переместить лотки из инкубационного шкафа в выводной, где утята выходят из яиц, обсыхают.

Манит поглядеть на «новорожденных». Но — нельзя! Есть у этологов, специалистов по поведению животных, такой термин — импринтинг, в переводе — запечатлевание. Первое живое существо, которое увидит новорожденный детеныш млекопитающего или только что вылупившийся из яйца птенец, признается им за мать, малыш доверчив к нему. Для домашних уток доверчивость к человеку естественна и не страшна. Но здесь — дикие. Им надо научиться бояться человека. Оттого, например, в вольеру птенцов переводят из выводного шкафа в плотных сумерках. Еще лучше было бы, если удалось бы обойтись вовсе без человеческого вмешательства. Но пока еще не придумана здесь такая автоматика.

Та же задача — не дать утятам привыкнуть к человеку, сохранить у них опасливое к нему отношение — остается злободневной на протяжении всего месячного срока содержания их на ферме. Кажется, это удается. Завидев нас, сот-

неголовые утиные выводки тревожно разбегаются. Часть птенцов — те, что ближе к огороженной сеткой части пруда, на берегу которого расположились постройки фермы, — ищут защиты на воде. Другие спешат под крышу птичника. Там, кстати, для младших установлены электрические грелки, в тепле которых утята чувствуют себя комфортно, как под крылом у наседки.

Водная гладь пруда нужна утятам не только для того, чтобы плавать. В кормушки им насыпают сухой комбикорм. Делать влажную мешанку нельзя — быстро прокисает, а это приведет к желудочным болезням. Потому-то, потолкавшись у кормушки, птенцы спешат к воде — запить сухую пищу. И снова к кормушкам. Путь недалекий, но и не два шага: даже человеческих поболее десятка, а утиных — ой, сколько! Так что утята, как на воле, постоянно в движении.

Однако же прежде яйца была все-таки птица. Инкубаторы и грелки не могут исключить надобность в утке-маме. Точнее — в маточном стаде. Знакомством с ним мы и заканчиваем осмотр фермы. Дикая кряква в природе откладывает в гнездо десяток или чуть более яиц — большего количества птенцов ей не высидеть и не выходить. Инкубатор и «ясли с детским садом» позволяют получить от пяти сотен уток-несушек 17 тысяч птенцов.

Маточное стадо постоянно обитает на ферме. Особых хлопот с ним нет. Может быть, потому, что это — кряквы, от которых произошли все нынешние породы домашних уток. Дикаркам приходится лишь подрезать маховые перья на крыльях, чтоб укротить неумершее у них желание полета. А потомство их в месячном возрасте выпускают на волю. Новым домом для десятитысячного выводка становятся тихие лесные острова на мещерском озере Великом.

Поначалу предполагалось, что ферма будет выращивать именно десять тысяч утят. Но работники «Мещеры» перекрыли проектную цифру: в прошлом году, например, вырастили 17 тысяч. «Излишки» отправляют в другие хозяйства. Спрос пока превышает предложение. Естественное воспроизводство водоплавающей дичи во многих областях страны невелико и не позволяет надеяться на удачную утиную охоту по осени. Но, как видим, человек способен восполнить убыль природных охотничьих ресурсов.

— Итак, месячных утят «снимают с довольствия», и, выпущенные на свободу, они целиком переходят на подножный корм. И утка, добытая охотником, оказывается более

дешевой, чем выкормленная на ферме домашняя утка?..

— Не совсем так, — возражает А. Шипилов. — Мы продолжаем подкармливать утят в местах выпуска. Иначе разлетятся по окрестным просторам в поисках обильных кормами мест, уйдут за пределы территории хозяйства. Наша же цель — порадовать удачной охотой тех, кто по путевкам приедет к нам осенью...

— ...и уменьшить охотничий пресс на диких водоплавающих, тех, что селятся и без нашего участия размножаются в природных угодьях, — добавляет кандидат биологических наук О. Габузов, ведающий вопросами разведения дичи в Центральной научно-исследовательской лаборатории Главохоты РСФСР. Кстати, здешняя ферма построена по проекту, разработанному ее сотрудниками. — Если же смотреть с точки зрения вклада в решение Продовольственной программы, то следует — и это предусмотрено нашим проектом — выращивать здесь не только диких уток «под выстрел», но и домашних. Ведь «дикарями» ферма занята лишь с апреля по июнь. Позже выпускать утят в охотничьи угодья нет смысла — они не успеют вырасти и окрепнуть до поры отлета на зимовку. В остальное время ферма должна работать, как обычная товарная утиная ферма...

Из этой заботы охотоведов о подготовке выпущенных ими птиц к осеннему перелету можно было заключить, что далеко не все они попадают на мушку охотникам.

— Конечно же, — подтверждает О. Габузов. — Мы окольцевали часть выращенных птиц. Возврат колец показал, что наши утки замечены были на зимовках в Турции и Иране, причем побывали там не раз, а две и три зимы. Вернулись кольца из наших прибалтийских республик, из Скандинавских стран. Ферма, оказывается, работает не только на Мещеру.

Но и на Мещеру тоже. После экскурсии на утиную ферму нам предстояло пройти на моторке к тем островам, куда выпускают подросших птенцов. Выходя на дощатый причал, вспугнули пару крякв — утку и селезня.

— Это наверняка прошлогодние наши «выпускники», — заметил А. Шипилов. — Дикие никогда не селились так близко к человеку. А вот у выросших на ферме все-таки остается доверчивость к нему...

Подумалось: утята, подрастающие на ферме, надежно защищены человеком от хищников — и пернатых, и четвероногих. Кряквам, можно сказать, повезло. Их численность

будет, наверное, увеличиваться. Но не за счет ли других видов? Хочется, чтобы, в частности, здесь, в Мещере, и впредь водились и серая утка, и свиязь, и широконоска, и другие.

— В планах ЦНИЛ Главохоты РСФСР, — рассказывает О. Габузов, — предусмотрены исследования, нацеленные на разработку технологии разведения названных видов уток. Здесь возможны сложности — наверное, не случайно из многих видов уток одомашнена человеком была лишь кряква. Но надеемся преодолеть их. Ведь у нас уже накоплен определенный опыт, мы научились, в частности, разводить серых гусей, канадскую казарку, занесенных в «Красную книгу» сухоноса и белого гуся. На первом этапе нужно получить полудомашнее маточное стадо, научиться круглогодично содержать его...

Весной просторный разлив озера Великого оправдывает громкое его название. Человеку по силам сделать так, чтобы этот простор был полон жизни.

1985—1986

АНАТОЛИЙ ИВАЩЕНКО

Земля

Я буду беседовать с вами о царе почв,
о главном, основном богатстве России...
В. В. Докучаев

Едешь, бывает, в командировку с четко определенным заданием, уже в вагоне или в самолете стараешься представить людей, с которыми надо встретиться, думаешь, как построить очерк или статью, а прибыл на место — все не так. Факты не подтверждаются, авторы письма смущены, конструкция, прорисовавшаяся в пути, валится.

Вот и сейчас отправился я на Ставрополье написать о первых шагах РАПО, поинтересоваться локальным вопросом: как работают с землей в одном из трудных районов? Разговоры оказались сложней, интересней, чем думалось в дороге. И увели меня в давнее и недавнее, далеко и близко от этой степи.

В памяти всплывали то залитые дождем окопы Миус-фронта; то споры с Лысенко из-за дубрав, не выросших в Сальской степи; вдруг виделся трактор, запряженный в плуг на минном поле и управляемый, вроде лошади, вожжами; первые палатки и снега казахстанской целины; потом Яшка, отправленный на колбасу; темень среди дня в черную бурю; злоключения Золотарева...

Но расскажу все по порядку.

1

Совсем еще молодой, в здешних местах недавно, первый секретарь Шпаковского райкома партии Александр Егорович Селиванов сразу после майского Пленума стал заме-

чать, как приосаниваются председатели — тверже голоса, цепче взгляды — и, напротив, как сутулятся их вчера еще всесильные партнеры, притихают в споре, соглашаются даже с тем, против чего недавно стояли горой. На бюро, собраниях, полевых станах возникали неожиданные вопросы, вносились противоречивые, а то и вовсе исключающие одно другое предложения. Перемены в настроении радовали. Но все ожидали итогов осени, чтобы точнее знать: с каких точек отсчета начнет свою жизнь районное агропромышленное объединение?

Когда все сосчитали, выяснилось, что только за 1981—1982 годы фонды хозяйственного назначения возросли в районе на 44 миллиона 500 тысяч рублей, или на 33,9 процента. Поставки техники и удобрений поднялись соответственно на 19 и 27 процентов. За это же время энерговооруженность каждого занятого в колхозах и совхозах увеличилась на 17,9, зарплата — на 15 процентов... Всего за два года!

А отдача? Задолжали государству много молока, шерсти, подсолнечника, овощей, плодов, картофеля... Рентабельность хозяйств, входивших в РАПО, снизилась с минус 18,1 до минус 33 процентов. Убытки составили больше 20 миллионов рублей. Вот уже поистине в долгах, как в шелках.

Это про колхозы и совхозы. У партнеров же все оказалось, как всегда, в полном, по местному выражению, абажуре. Прибыли! Тепло, светло, уютно... Нигде комар носа не подточит.

Тут нужны были меры кардинальные. Новая стратегия и новая тактика. Начали с ломки стиля в самой работе: полное доверие руководителям хозяйств и специалистам, никаких уполномоченных по проведению кампаний из райцентра не посылать, перекрыть поток бумажных указаний, от понедельника до пятницы ни один человек не может быть вызван в инстанции, былые накачки заменить семинарами на местах, рабочие совещания проводить кратко и только в субботу, совету РАПО собираться раз в месяц для обсуждения самых принципиальных проблем...

В объединение вошли 13 из 22 колхозов и совхозов. Как видим, не все. Не вступили три предприятия Птицепрома, два звероводческих хозяйства — одно осталось за Министерством сельского хозяйства РСФСР, другое за Роспотребсоюзом. Хозяйства научных учреждений — их 5 — тоже не стали членами РАПО... Словом, на первых порах с 13 колхозами и совхозами объединились Сельхозтехника, Сельхоз-

химия, Межколхозстрой, городской молочный завод, передвижные мехколонны, Райпотребсоюз, хлебоприемные предприятия, Межлесхоз, ветеринарная станция, ветбаклаборатория...

И все же объединение получилось внушительное. Перво-наперво здесь занялись формированием централизованных фондов, чтобы, не распыляя средства, работать на перспективу, быстрее вводить в строй то, что годами не поднималось выше фундаментов. Стали отчетливее проступать многие прорехи. Самой большой из них был откорм крупного рогатого скота. В свое время на паях его сосредоточили в откормсовхозе № 1, принадлежавшем Скотопрому. На деле получилось так, что колхоз вез сюда не только бычка, но и концентраты для него, травяную муку, зеленую массу, сено и даже солому. Что касается Скотопрома, то он не давал совхозу ни средств, ни материалов. Те бычки томились тут осенью и зимой под открытым небом, барахтаясь по брюхо в грязи. Какие уж тут привесы? К весеннему теплу и зеленой траве «отвес» стада достигал 150 тонн.

Велся откорм не то что без прибыли, а давал убытки. Делить пайщикам было нечего. Конфликт следовал за конфликтом. Идет председатель в Управление сельского хозяйства, а оно беспомощное, влиять на Скотопром власти не имеет. Дорога одна — в райком партии, и речи одни: «Найди, дорогой товарищ первый секретарь, управу на этих захребетников».

С упразднением «прома» знающие специалисты отправились в совхоз не просто зафиксировать недостатки, а найти систему мер для прибыльного откорма. На поверку оказалось, что если перестроить структуру посевных площадей, оказать помощь в строительстве, то на тех же площадях можно выращивать в достатке все корма и за год откармливать 4700 голов скота.

Так оно и обернулось потом на деле — корма своим бычкам колхозы не возят, а прежний «отвес» превратился за первую же зимовку в 150 тонн привеса. Раньше совхоз должен был продавать по 600 тонн зерна. Теперь эти тонны взяли на себя пайщики, а совхоз меняет свой хлеб на комбикорм. Выиграли все, начали считать не убытки, а прибыли. И вот почему.

Те же дотошные специалисты, которых освободили от текучки и сочинения справок, сосчитали, что в среднем за год район забивает на мясо до 2500 телок, не давших при-

плода. Последовало предложение не отправлять телушку на мясокомбинат, а отдать в совхоз № 1, откормить, получить теленка, выпоить, поставить бычка на откорм, а молодую корову, если хорошо доится, вернуть на молочную ферму, если плохо — забить.

Что это дало? Ни много ни мало, а до 1500 тонн дополнительного мяса в год. Резерв? И какой!..

Потом совет объединения начал «выяснять отношения» с химиками. Дело в том, что из края по старой привычке им довели план в тоннах. РАПО это не устраивает. Объединение требует, чтобы Сельхозхимия в новых условиях, как здесь говорят, «комплексно ремонтировала поля, отвечала за конечные результаты». Начинать эту работу надо было перво-наперво с паровых полей — 7500 гектаров! — которые свободны все лето. Причем заправить удобрениями так, чтобы растениям хватало основной пищи в восьмипольном севообороте на восемь лет, пока ниве опять дадут отдых.

Химики упирались — при двойном подчинении не выберешься из-под двух огней, — но с советом РАПО не считаться не могли, вынуждены были кооперироваться с хозяйствами и вместе ремонтировать истощенные поля.

На 1983 год Шпаковскому району уже не диктовалось, сколько, когда и чего сеять. Был только заказ на продукцию, а это меняет ситуацию. Раньше сюда спускали команду: занять зерновыми 56 тысяч гектаров. 50 процентов пашни! При такой структуре подсолнухи возвращались на исходные поля не через восемь лет, а через пять-шесть. Пшеницу по пшенице сеяли два, а то и три года кряду. Отсюда болезни, низкая урожайность.

Площадь под зерновыми здесь не просто сократили, а основательно пересмотрели структуру их посевов. Больше места отвели кукурузе, ячменю. Что касается главного богатства ставропольских степей — озимой пшеницы, то ее решили размещать по пару, гороху, эспарцету, люцерне, обогащающем почву дефицитным азотом.

Сколько же поколений агрономов, председателей колхозов, зоотехников, директоров совхозов мечтало об этой поре! Прятали люцерну за пшеницей, пары выдавали засеянными. Наживали инфаркты, получали выговора, а берегли как могли землю, понимая, что у нее суровая память, что ее не обманешь.

У их преемников руки теперь развязаны. Из краевых инстанций в район вскоре приехали 14 специалистов. Увяли

былые краснобаи, виднее стали те, кто действительно знает дело. Каждый специалист рабочего аппарата РАПО не менее двух-трех дней в неделю проводит в хозяйствах. Молодые называют все это сменой составов по ходу игры, ветераны — боем с марша. Но и те и другие пристально оглядываются в прошлое, чтобы сделать выводы из ошибок, благих и не благих намерений, яснее представить день завтрашний.

— Помните большое совещание в ЦК партии восемнадцатого апреля восемьдесят третьего года? — раздумчиво говорил Селиванов. — Там прямо отмечалось, что надо обеспечить устойчивость земледелия, переходить на зональные системы. Да, они разработаны практически повсеместно, но внедряются медленно, рекомендации ученых и специалистов годами лежат на полках, а земледелие ведется по старинке. Это ведь и про наш район. Что называется, не в бровь, а в глаз. Пора капитально заняться землей...

Потом, знакомясь в Управлении сельского хозяйства с залежавшимися бумагами и просто глядя на эти места из окна машины, я не раз вспоминал легенду, услышанную от старого украинского писателя Александра Елисеевича Ильченко: «Когда землю первый раз пахали, то по бороздам текла кровь. Всевышний в своем заоблачном далеке услышал мольбу земли и сказал: терпи, в том твое предназначение».

Легенда легендой, но вот горькая статистика. С 1871 по 1895 год, когда в ставропольских степях площадь распашки с 15 процентов возросла до 30, было всего 4 пыльных бури. С 1896 по 1920 год (за такой же период) припахали еще 10 процентов земель, и пыльные смерчи бушевали уже 6 раз. За последующие двадцать четыре года (1921—1945) дополнительно распахали всего 5 процентов — бури случились 7 раз. С 1946 по 1970 год плуг властвовал на 70 процентах пахотнопригодной площади. А плата? Было 14 пыльных пожаров. В 1969-м здесь полностью погибло 758 тысяч гектаров озимых, выдуванию подверглось почти два миллиона. На следующий год последовал новый удар. Буря вымела 300 тысяч гектаров. Во многих местах сорвало весь пахотный слой. До гальки! До глины!..

Пыльные пожары полыхают и поныне, хотя в разной степени. Нет никакой гарантии, что катаклизм 1969-го не повторится. А ведь кроме эрозии ветровой не прекращается водная. Протяженность овражно-балочных систем в Шпа-

ковском районе достигла угрожающих размеров — 1319 километров. Из них более 200 километров появилось за пять последних лет. В этом районе почти 100 тысяч гектаров эродированных почв. Расположенный на склонах Ставропольской возвышенности, этот район очень разнообразен как по рельефным, почвенным, так и по микроклиматическим условиям.

В 1955—1965 годах здесь было распахано много склоновых земель. Площади под пропашными культурами необоснованно расширили до 33 процентов. Наполовину урезали многолетние травы. Из-за того, что гигантские площади озимых не успевали ко времени засеять, только треть их уходила в зиму раскустившимися и могла укрыть землю. Остальные поля, особенно отвальная зябь, и являются поныне очагами ветровой эрозии.

Сильнее других пострадали в буревые 1969-й и 1970-й колхозы имени Свердлова и имени Ленина. Они практически не получили урожая ни озимых, ни яровых культур. На отдельных полях выдуло слой почвы от 10 до 20 сантиметров. И сегодня в колхозе имени Ленина за лесными полосами лежит 3 миллиона кубометров плодородного мелкозема, снесенного с полей. Протяженность этих валов — почти 30 километров, ширина до 50 метров. Потребуются огромные средства, чтобы вернуть землю земле.

Как все это увязывается с требованием партии о бережном отношении к природе? С задачей, которая выдвигается и на двенадцатую пятилетку? Нет, никак не увязывается. А идти можно только этим курсом. Другого не дано.

2

Давно сказано и многократно повторено: если трактор тащит за собой не только сеялки, но и шлейф пыли, то надо бить тревогу. А как же без пыли? Она ведь образуется еще при вспашке, из-за чего степь потом и полыхает черным огнем. Верно, здесь повинен отвальный плуг, особенно современный со своими всесокрушающими лемехами. Я не раз в своих статьях и книгах обрушивал на плуг гневные филиппики. Но только ли от плуга страдает земля?

Чтобы получить ответ на этот непростой вопрос, из космоса через особые светофильтры сделали снимки опытного участка, обработанного без плуга, только противоэрозионными орудиями. Проявили пленку, сделали отпечатки и ах-

нули — пыль лежала на каждом гектаре десятками тонн, будто здесь работала дьявольская мельница. Откуда? Ведь пыль здесь не могла образоваться! Однако была.

В свое время великий русский ученый В. И. Вернадский назвал почву биокосным телом, обозначив так биологическую структуру, расположенную промежуточно между живой и мертвой природой. Но как трактовать это слово «косное»? Невосприимчивое, приверженное к привычному, неподвижное, инертное?.. Если так, то обидно за почву. Животворящая, питающая, она не механический конгломерат инертных частиц. В каждом грамме почвы живет около 100 миллионов микроорганизмов, бесчисленное множество не зримых глазом беспозвоночных, личинок... В почве непрерывно идут процессы обмена, вершится одно из сложнейших таинств природы — круговорот веществ.

Мы ходим, ездим, давим и крошим по живому и живое, ибо неживое родить не способно. Вернадский превосходно знал это, и его термин более многогранен, чем кажется с первого прочтения, ибо слово «косная» по отношению к почве может означать также молчащая, безгласная, беззащитная.

Если бы матерь наша земля имела голос, она бы сегодня уже не стонала, а кричала от боли, которую мы, наделенные разумом и титулом властителей природы, причиняем ей. Что такое, скажем, годовой проход по полям наших тракторов? Примем во внимание машины тяжелее 2,5 тонны. Их у нас сегодня больше двух миллионов. Если сложить кромка к кромке колеи их шин и гусениц, то ширина такого непрерывного макси-следа составит величину в 1652 километра. Примем, что тракторы движутся по полю 400 часов в год со средней скоростью 4 километра в час. Вот и получается, что площадь, покрываемая следами ходовых систем, составит 264,5 миллиона гектаров. Это на 38,5 миллиона гектаров больше всей пахотной земли нашей страны!

Мы взяли для расчетов лишь тяжелые тракторы. А ведь, кроме них, поля бороздят и более легкие, и комбайны, и грузовики с прицепами и без прицепов, тележки. Всего на поля за сезон наваливается более 6 миллионов всевозможных ходовых систем плюс свыше 15 миллионов разных других орудий и устройств, имеющих по два или по одному колесу. Каждая пядь пашни за сезон как минимум 2, а в среднем от 3 до 5 раз подвергается действию ходовых систем. Если учесть, что, например, один трактор «Беларусь», работая на сухих фонах, образует на каждом гектаре по 13—14 тонн

пыли, то станет понятно, почему и без черных бурь ежегодно сносятся миллиарды тонн плодородного слоя.

Названные выше 13—14 тонн пыли на гектаре — это еще цветики. Ягодки особенно быстро вызревают на торфяниках. Здесь трактор оставляет после себя на гектаре 350 тонн пыли.

На координационном совещании по воздействию ходовых систем на почву, которое проходило в 1983 году в Мелитополе, известный белорусский ученый А. М. Кононов рассказывал, как быстро иная тракторная колея превращается в промоину, затем в канаву и дает начало еще одному оврагу. Еще раньше мне запомнились слова главного агронома Целиноградского района Ю. Захарченко о том, что колеи, оставляемые двенадцатитонными «Кировцами», не удается заделать потом никакими орудиями. «Поэтому стараемся все предпосевные работы выполнять только гусеничными тракторами. В результате увеличивается влагообеспеченность, снижаются потери урожая из-за переуплотнения». В технической литературе уже появился термин «машинная деградация почвы», сокращенно МДП. Так наречен комплекс вредных последствий массированного воздействия на нее ходовых систем и рабочих органов почвообрабатывающих орудий. Сюда входят переуплотнение и истребление почвенных микроорганизмов, нарушение структуры, снос перемолотой земли водой и ветром. Только из-за переуплотнения, по словам вице-президента ВАСХНИЛ В. А. Кубышева, урожай зерновых снижается на 20 процентов, бесполезно расходуется до 40 процентов минеральных удобрений и 18 процентов горючего.

В Благовещенском сельхозинституте подсчитали, что один трактор Т-150К, возделывающий сою на 500 гектарах плантации и снижающий из-за переуплотнения урожай только на десятую часть, наносит годовой убыток почти в 30 тысяч рублей. Эта сумма в 2,5 раза превышает стоимость самого трактора.

Подобные примеры приводить можно до бесконечности. Что касается общей картины в стране, то, по данным ВНИИ защиты почв от эрозии, в крайне опасном состоянии у нас находится 120 миллионов гектаров пашни — 53 процента. Ежегодно сносится 1,5 миллиарда тонн почвы, что равноценно утрате 180 миллионов тонн зерна.

Тут мне могут заметить, что Россия еще ковыряла землю сохой, а Америка вовсю пахала, что там есть тракторы

и потяжелее наших оранжевых богатырей и не она у нас, а мы у нее покупаем зернецо. Да, пока покупаем... Но вот слова фермера Эдварда Фолкнера из его сенсационной книги «Безумие пахаря», вышедшей еще в 1943 году: «Мы снабдили наших фермеров бо́льшим тоннажем машин на человека, чем любая другая нация, наше сельское население стало использовать эти машины так, что почва разрушается у нас гораздо быстрее, чем это делается у любого другого народа. Вряд ли можно этим гордиться». Машинная деградация почвы получила глобальный характер, а опыт США показателен в том смысле, что природа капиталистического способа производства, его сущность проявилась и в отношении к почве. Потребность постоянно наращивать прибыли, создавать все более сложную технику привела к преувеличению роли универсальности трактора, совмещению в одной машине пахаря, автомобиля и укладчика асфальта. В США колесных тракторов 97 процентов! А они, как известно из практики, создают пыли в 3—4 раза больше гусеничных.

Америка долго задавала тон в мировом тракторостроении. Наши специалисты тоже рассуждали в том духе, что капиталисты, мол, умеют считать деньги и знают, какие направления развивать в технике. Тем не менее сверхрасчетливые янки часто поступают близоруко и потом дорого расплачиваются за ошибки. Яркий пример тому пшеничный бум, который кончился катастрофическим пылевым котлом. Интенсивная распашка, сев хлеба по хлебу истерзали почву, ветер поднял ее с такой силой, что не только перемело железные дороги, засыпало фермы, но завалило даже городские крыши. Фермеры бежали от этого бедствия как от чумы. А те, что переселились в США из России и Украины, вспомнили непризнанного агронома Овсинского, восставшего против плуга еще на рубеже XIX и XX веков, и перестали пахать. За тем опытом наши специалисты ездили потом за океан, чтобы спасти закурившиеся поля целины.

На выездной сессии ВАСХНИЛ вот тогда-то, в начале 1969 года, слова попросил донской агроном Прокофий Золотарев. Свое выступление он начал так:

— Чтобы получать высокие урожаи пшеницы, землю не надо ни пахать, ни дисковать, ни культивировать, ни бороновать, ни лущить, ни прикатывать. Надо только сеять и убирать урожай.

В зале раздался смех, затем иронические аплодисменты. Собственно, эти аплодисменты и заставили Золотарева уй-

ти с трибуны, не закончив выступления. Но прежде чем вернуться на свое место, он, повернувшись к президиуму, задал один вопрос:

— Товарищи академики, доктора наук! Почему бывает сплошь да рядом так: пшеничное поле засорено молочаем, овсюгом, а рядом на целине — ни одной осотины, молочаины, овсюжины? Ведь семена этих сорняков разносятся на десятки километров. Значит, есть они и на целине. Так почему они все-таки не прорастают на почве нетронутой?

Выступлению Прокофия Тихоновича на сессии предшествовала многотрудная и долгая работа. Началась она со скандала. Нагрянул в поле глава областного треста совхозов и ахнул — озимую пшеницу сеют прямо по стерне! В тот же день главного агронома хозяйства П. Т. Золотарева приказом по тресту с работы уволили, а материалы передали органам отнюдь не агрономическим — для привлечения к ответственности.

На суде один из народных заседателей резонно заметил, что разбирательство можно отложить до урожая, дабы «не упечь человека ни за что ни про что». На это Золотарев ответил: раз, мол, тут сидят люди, разбирающиеся в хлеборобском деле, то можно рассудить и по всходам. Комиссия выехала в поле. В двадцати местах кидали шапку и там, где она падала, считали среди жухлой стерни пробивающиеся зеленя. Теперь пришла очередь ахать другим: полевая всхожесть составила по двадцати тем пробам от 92 до 97 процентов! Для знающего толк в таких делах тут хоть стой, хоть падай.

Перебрались на посев по «культурной вспашке». Опять двадцать раз кидали шапку — взошедших семян было где 50, где 80 из 100.

«Дело Золотарева» пришлось прикрыть «за несостоятельностью обвинения», но на работе Прокофия Тихоновича не восстановили. Стал он трудиться в другом хозяйстве, еще пять лет ставил опыты. Ни одно орудие, кроме плоскорежущей сеялки, сделанной самим агрономом, земли у него не касалось.

В сравнении с пахотным контролем прибавка урожая озимой пшеницы по годам образовала такой ряд: 4,1—5, 5—7, 7—20, 4—13,3 центнера. В четвертый год выскочка в 20,4 центнера объясняется тем, что озимые тут повсеместно вымерзли и контрольный участок пересевали весной яровыми. А так как дождя с весны до 14 августа не было, то

яровое даже не косили. Контроль дал, таким образом, только убытки, а урожая — нуль. Тогда как золотаревская озимь, пройдя через мороз и засуху, принесла ему все-таки почти 20,5 центнера зерна. Без дождя!

Это было еще дерзновенней, чем у агронома Овсинского, дерзновенней, чем у Мальцева. Чудо? Никакого. У Золотарева даже в жару «дождь идет под ногами», почва сохранена, она не распылена и не укатана колесами.

Еще И. Овсинский писал: «Дневная роса... осаждается обильнее в том слое почвы, температура которой более низкая, т. е. обыкновенно в более глубоких слоях, где господствует температура более или менее близкая к температуре погреба. Но так как нам нужна влага в верхнем, более теплом слое, то поэтому необходимо, чтобы: 1) влага, осаждающаяся обильнее в глубине, могла свободно подниматься вверх, что возможно только тогда, когда почва капиллярна, и 2) чтобы почва достаточно энергически проводила теплоту, ибо тогда верхний слой будет иметь температуру более низкую и сам по себе сможет осаждать росу. Достигается это тем, что верхний 2-х дюймовый рыхлый слой предохраняет почву от перегрева. Получается, таким образом, что почва здесь работает как насос, собирающий влагу как раз у корней».

Тут вроде все понятно, но вывод?

«Так как дождь не идет всякий раз, когда это желательно, то приверженцам глубокой вспашки остается только одно: беспомощно ждать дождя да жаловаться на хорошую погоду. Я применял новую систему... где засухи приносят очень много вреда, и, несмотря на это, я всегда был рад хорошей погоде, потому что мне не нужно было прерывать полевых работ, земля же всегда была настолько влажна, что можно было лепить из нее шарики».

Вот на этом-то фундаменте растил свои хлеба и Золотарев. В четвертый год опытов температура воздуха в донских степях поднималась до 40 градусов, земля трескалась, а на опытном поле верхний слой не нагревался выше 23 градусов. Сорняки Золотарев не подрезал в предпосевные культивации, как это делали Овсинский и Мальцев. Во второй год опыта сорняков здесь было уже вдвое меньше. На третий осталось немного. С четвертого пропали вовсе. Отсюда и вывод Прокофия Тихоновича: 1) растения — как дикие, сорные, так и культурные — имеют общие объективные закономерности роста, питания и размножения, 2) утверждение

о наличии каких-то особых преимуществ у сорной растительности по сравнению с культурной является ошибочным, 3) гибель открыто расположенных на поверхности почвы семян сорной и культурной растительности — объективная закономерность, 4) любая отвальная вспашка, проводимая после осеменения сорных и культурных растений до зимы, является одним из методов накапливания семян...

Казалось бы, теперь переноси, агроном, все это в широкое производство, предъявляй свои опыты на суд ученых и руководящих инстанций. Не вышло. «Дикую» сеялку Золотарева велено было переехать тяжелым гусеничным трактором. Сел за чертежи, чтобы сконструировать, раз уж так обернулось, другую, попросил помощи у конструкторов. Из ВНИИМЭСХ ответили на это: «С выводами Золотарева, отрицающего необходимость ряда операций по подготовке почвы, в частности, вспашку, согласиться нельзя».

Пришлось дальше действовать уже на маленьких делянках. Озимую пшеницу и ячмень «кубанец» он три года подряд размещал на одних и тех же местах по непаханой земле. За три года пшеница в пересчете на гектар дала урожаи: 39,6—43,8—58 центнеров. Ячмень: 32—38—51,5 центнера. Ну, а потом была та сессия и тот конфуз. И еще было в перерыве знакомство Золотарева с тогдашним начальником зернового главка МСХ СССР И. И. Хорошиловым. Выслушал он агронома и заметил: «Не пришлось бы нам и за этим опытом ехать в Канаду, как ездили смотреть плоскорезы, стерневые сеялки и так далее. Но И. И. Хорошилов по возвращении в Москву запросил мнение о дерзком агрономе у Донского научно-исследовательского института сельского хозяйства и получил ответ: «При рассмотрении истории развития системы обработки сплошное рыхление с оборотом почвы, применяемое в настоящее время, он называет варварским земледелием и видит в нем основную причину снижения почвенного плодородия. ...Ранний срок сева яровых культур т. Золотарев считает анахронизмом и рекомендует сеять «в момент оживления природы». Тов. Золотарев категорически отрицает глубокую вспашку, в то время как с переходом на пропашную систему и расширение посевов кукурузы и свеклы размеры ее применения должны будут увеличиваться».

Вот этой бумагой и заслонились от Золотарева. Но к нему мы еще вернемся, и по поводу еще более важному. А пока продолжим о тракторах.

По инерции погоня за лошадиными силами продолжается, растет масса тракторов, что приводит к повсеместному переуплотнению пахотных и даже подпахотных слоев почвы. В поисках выхода из положения сдваивают и страивают шины, чтобы увеличить площадь опоры, но это не спасает от переуплотнения, и вдобавок пылят такие колеса еще больше. Тяжелые колесные тракторы за последние пятьдесят лет в США погубили, например, около 40 миллионов сельскохозяйственных угодий, еще на 40 миллионов смыто больше половины почвенного покрова. Эрозии здесь подвержено не 53, как у нас, а 75 процентов пашни. Расчеты показывают, что к концу века Америка потеряет еще не менее 20 миллионов гектаров угодий. Почвоведы предсказывают стране в первую очередь падение урожайности, а через десять лет — нехватку плодородных земель более острую и тревожную, чем энергетический кризис. Уже сейчас с полей и лугов здесь выдувается и уносится с водой питательных элементов больше, чем потребляют растения и пасущийся скот.

США не считаются с этим и экспорт зерна используют для политического давления на другие государства. Бывший министр сельского хозяйства Дж. Блок откровенно говорил: «Я думаю, что продовольственное оружие — самое мощное оружие, которым мы располагаем сегодня. Так будет и в течение ближайших двадцати лет, пока другие страны будут зависеть от Америки в отношении своего питания».

Есть, конечно, за океаном и интересный опыт. Особенно в улучшении условий труда человека, сидящего за рулем или рычагами. Там, к примеру, широко переходят на прицепные комбайны. Двигатели наших самоходов работают 30 дней в году, а 11 месяцев являют собой мертвый капитал. Пока мы клепаем отвальные плуги, в Штатах создали прекрасную машину для поверхностного рыхления полей. Создали и великолепную сеялку точного высева. У нас решение о создании подобной конструкции уже лет пятнадцать пылится в архивах Минсельхозмаша. Серийными рядовыми сеялками мы бездумно валим в землю до трех центнеров пшеничных семян, ошибочно полагая, что «запас» поднимет урожай, а он падает. Американцы так густо не сеют. Эффекта они достигают разумным распределением растений по площади питания.

Но вот ошибки в тракторостроении мы упорно продолжаем копировать. В результате почва стала ареной, где стол-

кнулись два крупных процесса. Один — нарастающие дозы удобрений, все более интенсивные сорта, мелиорация. Другой — расширяющиеся последствия машинной деградации почвы. Вот почему так медленно растут или застыли на одном месте урожаи, не дают проку удобрения, влага не впитывается почвой, а скатывается грязевыми потоками. Причина тому теперь не столько в химических, сколько в фактических характеристиках почвы.

Ведущие наши почвоведы и специалисты по ходовым системам пришли к единому мнению: если в ближайшее время не будут приняты кардинальные меры, то машинная деградация почвы приведет сначала к частичной, а затем и к полной абиотичности ее, то есть к омертвлению.

Означает ли это, что тракторы, и в первую очередь колесные, надо немедленно прогнать с поля? Конечно, нет. Не будь у нас теперешних 2,6 миллиона этих машин, мы не имели бы хлеба насущного. Другое дело, что агронома уже не могут удовлетворить созданные по устаревшим и ошибочным зарубежным меркам ходовые системы. Они должны быть агрофильными — почволюбивыми, обладать комплексом качеств, исключающих переуплотнение и растирание комьев в пыль, не допускать повреждения травостоя на лугах и пастбищах.

В нашей стране уже пробовались первые машины с агрофильными ходовыми системами — пневмокатковый вноситель удобрений, опытные пневмогусеничные тракторы «Эврика», «Руслан», «Прометей», обутые в легкие резиновые «лапти». Кроме этого, на смену колесным тракторам скоро придут многоосные и многоопорные машины. Наибольшие изменения коснутся конструкции самих колес, ибо нет сейчас у поля более опасного врага после плуга, чем десятки миллионов тракторных, комбайновых и автомобильных шин. При конструировании их не учитывают требований сохранения плодородия, все усилия отдаются, как и прежде, отвлеченно-рекордным показателям тяги. Но ведь тяга, которая уничтожает землю, антисоциальна, и если колесо вредит хлебу, то не нужны ни это колесо, ни нормативы, по каким его делали. Наиболее несовершенны в этом отношении грузовые автомобили. Даже комбайны так не душат почву, как заезжающие на поля с удобрениями самосвалы, а в жатву — грузовики с прицепами. Автостроители отмахиваются от жалоб агрономов, а когда их припрут в стенке, то в качестве особого успеха указывают, что «уплотняющее и разру-

шающее давление уменьшено до уровня этого воздействия колесных сельскохозяйственных тракторов». Сейчас создаются новые грузовики, предназначенные двигаться рядом с комбайнами завтрашнего дня. И тут встает вопрос: можно ли допустить, чтобы машины, которые будут работать в тринадцатой и четырнадцатой пятилетках, продолжали разрушать поля? Ведь пыль, снятая из космоса, была образована именно колесами.

Завидную дальновидность в этом направлении проявили Всесоюзный НИИ торфяной промышленности и ленинградское производственное объединение «Красный треугольник». Они создали пневмогусеничный движитель к трактору К-701. Эта конструкция полностью реабилитирует наш самый большой трактор. Кроме движителя, сделан большегрузный самосвальный прицеп с кузовом объемом в 40 кубометров. Он при таких внушительных габаритах не трамбует землю и позволяет вывозить удобрения прямо на поля. Белорусский политехнический институт и «Красный треугольник» создают пневмогусеничные движители к «Ниве», новому рисоуборочному комбайну и ряду других машин. Словом, задел есть, но он пока невелик, с ним не решить проблем, вызванных машинной деградацией почвы. Здесь нужна целевая комплексная программа, объединяющая воедино усилия почвоведов, экологов, агрономов, агрохимиков, мелиораторов, конструкторов почвообрабатывающих орудий и ходовых систем.

Задача сохранения почвы и наращивания плодородия затрагивает сферы многих ведомств, она неразрешима в рамках какого-либо одного министерства, а тем более района. Здесь, на местах, приходится действовать подручными средствами, чтобы на первых порах хоть притормозить разрушение почвы.

3

В Шпаковском районе после всесторонней оценки состояния владений решили специализироваться на производстве животноводческой продукции. Ученые и специалисты по защите почв рекомендовали совету РАПО организовать для этого 9 узкоспециализированных предприятий. Производство мяса и яиц предложили сосредоточить на трех птицефабриках, размещенных на землях с расчлененным рельефом. 55 процентов говядины, показали расчеты, может поступать

из откормсовхоза № 1, расположенного на недоразвитых эродированных почвах. Производство семян зерновых сосредоточили в опытном хозяйстве «Михайловское» и в колхозе имени Чапаева, имеющих земли с незначительным уклоном. Семена бобовых и злаковых трав предусмотрели выращивать в совхозе «Верхнедубровский», чьи поля наиболее сильно подвержены влиянию эрозии.

По новой структуре зерновые земли заняли 43, технические — 5,5, а кормовые — 40,8 процента площадей. Почему пропашные зажаты до 6,7 тысячи гектаров? Да потому что это максимально возможная площадь для размещения их посевов на участках с крутизной не более трех градусов. Посей больше — смоет, как уже смывало не раз.

Комплекс почвозащитных мероприятий здесь включает в себя почвозащитную организацию территории, почвозащитную технологию возделывания культур, лесо- и гидромелиоративные работы. Пока здесь преобладает прямоугольная организация территории, при которой длинная сторона полей направлена поперек господствующих восточных ветров. По мысли вроде правильно. Но делалось это без учета рельефа. Такой подход, вполне оправданный в равнинных условиях, на склоновых землях вызывает буровые стоки ливневых и талых вод.

Для преодоления совместного действия ветровой и водной эрозии предложена новая модель, контурно-полевой организации угодий. На основе топографического плана выделяются водосборные участки, однородные по крутизне и экспозиции склона, почвенному покрову. Но мешает сложившаяся сеть искусственных рубежей — дороги краевого и районного значения, границы хозяйств, которые не ты проводил, полезащитные полосы, не тобой посаженные.

Продумали обмен участками между землепользователями: колхоз имени Ленина предложил совхозу «Дружба» Изобильненского района взять у него 100 гектаров, а он получит столько же неподалеку, чтобы обоим соседям лучше организовать свои владения. Колхозу имени Свердлова и совхозу «Заозерный» предстояло обменяться 250 гектарами...

На первом этапе переустройству намечено подвергнуть 32 тысячи гектаров угодий. 80 процентов севооборотов здесь будут носить почвозащитный характер — включение многолетних трав, полосное размещение, промежуточные посевы. Все это заставит механизатора впредь работать как бы зиг-

загами, поперек склона, а не пахать по прямой от неба до неба. Тут ничего не попишешь — другого пути не дано. Размещать пары надо полосно, ибо они в наибольшей степени подвержены обеим эрозиям: смыв достигал в районе 150—200 тонн с гектара за один ливень. В науке такие факты называют катастрофическим разрушением почвы.

У шпаковцев под лесными полосами было занято 2,7 тысячи гектаров — 2,2 процента к площади пашни. Решили, что на первом этапе надо иметь вдвое больше. Кроме горизонталей, предстоит сажать деревья вокруг балок и оврагов, водоемов, ферм. Перед вершинами оврагов предстоит соорудить водозадерживающие валы, распылители стока. На склоновых землях вырыть канавы для отвода воды, чтобы не порождать новые овраги. Планируются также работы по устройству прудов, водосбросов, плотин в устьях оврагов и балок. Как видим, молодому Шпаковскому РАПО на первых порах было что взять с полок и переложить на свои исстрадавшиеся поля. И не только ему.

Та статистика, которую я приводил по Ставропольскому краю, ничуть не лучше у соседей — краснодарцев и ростовчан. В начале буревого 1969 года я бродил в пылевом армавирском коридоре, натянув на голову полиэтиленовый пакет. По дорогам, занесенным черными сугробами, днем мы ездили с зажженными фарами. Видел, как до верхушек заносило лесополосы, как бульдозерами откапывали фермы.

В Ростове поразился цифре. При наложении карт послевоенных аэрофотосъемок на современные выяснилось: длина овражно-балочных систем увеличилась только по правобережью Дона более чем на 7 тысяч километров!.. Летя солнечным безоблачным днем из Москвы в Волгоград, глянул я на изъеденные оврагами берега и оцепенел: это страшнее воронежских и днепровских овражных систем, не раны на теле земли — уже метастазы.

А ведь когда-то все здесь было не так... После ледниковой поры холода отступили к северу, сверкавшие под солнцем ледниковые языки, упиравшиеся в Крым и устье Дона, растаяли, и на месте нынешних таврических и донских степей распростерлась неоглядная тундра. Она-то и положила начало нашим степным пространствам. Природа творила здесь почву, чтобы укрыть некогда мертвую породу одеялом, стеганным травами и лесами.

К новым условиям приспособились не успевшие перебраться на север олени, каспийский тюлень и лососевые ры-

бы. К высоким широтам переселились хвойные деревья, песцы, белые куропатки... Пониже воцарялись царственные дубы и грабы, а еще южнее — травы. Здесь, в умеренно теплой и влажной степи, отмирая, они творили наилучшие в мире почвы, имя которым на всех языках и наречиях — чернозем.

Удачный водный режим, не палящее, а достаточное тепло, благодатные тихие дожди, частые туманы позволили развиваться пышной, сочной растительности. Она не перегорала по осени, осыпая травы, а медленно прела, укрыв степь мягкой, но плотной подстилкой, которая постепенно разлагалась снизу, превращалась в черный жирный перегной. Лучшие наши черноземы залегали в глубину на 100—110 сантиметров. Если учесть, что голоцену[1] десять тысяч лет, то выйдет: на создание сантиметрового слоя чернозема природе требовалось примерно сто лет.

В Париже есть Международное бюро мер и весов, где — все это знают — при постоянной температуре под стеклянным колпаком хранится эталонный метр. Но мало кому известно, что там же хранится и кубический метр русского чернозема, привезенного из-под Воронежа в качестве эталона для оценки качества почвы. Плодородные равнины есть на всех континентах планеты — это степи Европы и Азии, саванны Африки, Австралии, прерии Северной и пампы Южной Америки. Самые лучше свои земли венесуэльцы называют льянос, бразильцы — кампос. Но наиболее точным мерилом остается оценка: в какой степени они приближаются по своим достоинствам к кубу того чернозема. Именно приближаются, ибо превзойти его нельзя. И поныне там, в Каменной степи, оберегается участок земли в том виде, в каком она была с изначальных своих времен. Не просто любопытно, а весьма поучительно рассмотреть естественный срез той почвы, рассмотреть и глубоко задуматься.

Вот колышутся на ветру серебряные нити ковыля. Разгреби его — и увидишь в приземном слое недавно отмершие травы. Живые и мертвые стебли, корни растений образуют как бы плотный войлок, как его еще называют, дернину. Под нею толстенным пластом лежит маслянистый и темный перегной. Чем глубже он, тем черней и смыкается с материнской своей основой.

---

[1] Последний этап четвертичного периода, продолжающийся и сегодня.

И как озарение приходит: боже, да ведь это же страница за страницей перед тобой лежит история целых десяти тысячелетий земли! Как же было мучительно трудно первым прапрарастениям уцепиться за каменистый грунт, дать проростки, неброско отцвести и увянуть, чтобы оставить после себя крупицу плодородного перегноя — гумуса! С него начиналась в земле жизнь многосложной почвенной флоры и фауны. Через отверстия от перегнивших корней сюда все глубже проникали тепло, вода, воздух, черви, насекомые, в доступную для усвоения форму переходили химические элементы подстилающей породы... Да это же подземная кладовая солнца и всепланетарной атмосферы. И сегодня растения берут из почвы для своего формирования лишь десятую часть строительного материала, все остальное дает небо. Но как важна та десятая часть!

Тучные черноземы до распашки и хищнической перегрузки содержали 8—12, иногда 16 процентов гумуса, а это 700 и более тонн на одном только гектаре. Потому-то В. В. Докучаев утверждал: «...нет таких цифр, какими можно было бы оценить силу и мощь... нашего русского чернозема».

К концу прошлого века не только не стало травяных лесов — лучшие черноземы были распаханы, скудели. Но еще не все было потеряно. «Однажды взволнованно, с непокрытой головой вы пройдете по шумящим, почти дворцовым залам в Каменной степи, где малахитовые стены — деревья, а крыша — ослепительные, рожденные ими облака». Эти проникновенные слова принадлежат перу Леонида Леонова, а написаны они о крае, где в 1891 году разразилась жесточайшая засуха, которая охватила черноземные губернии России, Поволжье, Украину... Тогда голодали более 35 миллионов крестьян.

Такая «крайняя пагуба», по выражению В. Короленко, встревожила лучшие умы государства, ее приняли близко к сердцу Л. Толстой, К. Тимирязев, А. Чехов, Д. Менделеев... Следующей весной в знойную, уже изрезанную глубокими шрамами — оврагами Каменную степь и прибыла первая подлинно комплексная экспедиция специалистов во главе с профессором Петербургского университета В. В. Докучаевым «по испытанию и учету различных способов и приемов лесного и водного хозяйств в степях южной России».

Проработала экспедиция здесь только четыре года, затем лесной департамент не счел нужным выделять «дальнейшие ассигнования», несмотря на то что в результате

хищнической эксплуатации почв, массовой их распашки, вырубки лесов мелели реки, падал уровень грунтовых вод, а недороды грозили повторяться все чаще. В этой обстановке горстка энтузиастов вопреки позиции чиновного Петербурга и косности многих ученых-коллег успела совершить подвиг, до сих пор поражающий размахом, мудростью и дальновидностью, подвиг, зримо показавший людям, как надо обращаться со своим богатством — землей, хранить и приращивать ее хлебородную силу.

Главным в борьбе с засухой и эрозией почв Докучаев считал лесные полосы и пруды. Первопроходцы-исследователи создали в Каменной степи систему защитных лесонасаждений, облесили балки и овраги, создали пруды и водоемы. Все это превратилось в уникальный оазис — рукотворную лесостепь, где коренным образом изменился микроклимат, а урожаи стали гарантированными.

...Середина осени, а дни стоят удивительно ясные, теплые и безветренные. Мы ездим и ходим по Каменной степи, раскинувшейся на водоразделе живописных рек Битюга и Хопра, и любуемся мощными полосами леса, останавливаемся у затянутых зеленым покрывалом когда-то глубоких, мрачных оврагов, приветливо сверкающих прудов. Особое чувство вызывают здесь у каждого уникальные памятники природы — заповедные столетние залежи, где бережно сохраняется все, что росло в степи многие века назад.

Но это оазис. Общая же картина остается тревожной. Из-за неразумного хозяйствования плодородие почв катастрофически рушится. В центрально-черноземных областях полей, которые содержали бы не то что 16, а даже 13—10 процентов гумуса, не осталось. А их-то было почти 3 миллиона 600 тысяч гектаров. В конце прошлого века пашни с 10—7 процентами гумуса насчитывалось почти 8 миллионов гектаров — осталось чуть больше трех. Почв с 7—4 процентами гумуса набиралось 4 миллиона, а теперь уже 11. Площадь черноземных полей, имевших 4—2 процента гумуса, возросла на 35 процентов, а с содержанием гумуса 1—2 процента почти в 4,5 раза. В подавляющем большинстве районов зоны черноземные почвы, имеющие около 2 процентов «чистого элемента», по плодородию уже приравниваются к подзолам, которые во время работы экспедиции В. В. Докучаева встречались лишь отдельными, очень редкими пятнами.

Уже тогда Докучаев писал: «Огромная часть (во многих местах вся) степи лишилась своего естественного покрова — степной, девственной, обыкновенно очень густой растительности и дерна, задерживавших массу снега и воды и прикрывавших почву от морозов и ветров; а пашни, занимающие теперь во многих местах до 90% общей площади, уничтожив свойственную чернозему и наиболее благоприятную для удержания почвенной влаги зернистую структуру, сделали его легким достоянием ветра и смывающей деятельности всевозможных вод».

Его волновало, что создавшаяся в степи ситуация даже при сохранении прежнего количества осадков должна была неминуемо вызвать обострение почвенных и атмосферных засух, понижение уровня грунтовых вод, оскудение источников, что начался уже «энергетический, все более и более увеличивающийся смыв плодородных земель со степи и загромождение речных русл, озер и всякого рода западин песком и иными грубыми осадками». «...В таком надорванном, надломленном, ненормальном состоянии находится наше южное степное земледелие, уже и теперь, по общему признанию, являющееся биржевой игрой, азартность которой с каждым годом, конечно, должна увеличиваться». Подводя итог своим наблюдениям, Докучаев писал: «...само собой разумеется, что так дело продолжаться не может и не должно, никакой даже геркулесовский организм не в состоянии часто переносить таких бедственных случайностей, какая выпала в настоящее время на долю России. Безусловно должны быть приняты самые энергические и решительные меры, которые оздоровили бы наш земледельческий организм».

Как все это виделось сделать, какие предпринять меры, Докучаев обстоятельно изложил в своей книге «Наши степи прежде и теперь», где намечалась конкретная программа перехода от экстенсивного земледелия к интенсивному, являющемуся одновременно и природоохранным. Сюда входили не только более совершенная обработка полей, внедрение севооборота, надежных сортов, но еще и управление обрабатываемыми почвами путем воздействия на ландшафт самой степи: регулирование как поверхностного, так и грунтового стока, борьба с эрозией, защитное лесоразведение, посадки деревьев и кустарников на песчаных массивах, заовражных склонах, орошение речными, паводковыми и артезианскими водами.

Кочковатая тундра не вдруг превратилась в донские,

калмыцкие, таврические или заволжские степи. На этих сильно увлажненных растаявшими льдами пространствах сначала разрослись могучие леса. Они шумели под ветром от Каспийского моря до Черного. Но вот запасы обильной влаги пошли на убыль, леса выкачали ее в атмосферу, климат становился суше, жарче, и леса шаг за шагом отодвигались и уступали место травяной растительности. Деревья здесь сохранялись по берегам рек и озер, в низинах, на горных склонах. Это были самой природой созданные водоохранные зеленые массивы, где лес и степь соседствовали в прекрасном сочетании. Но с массовой распашкой под топор ушли те боры и куртины, оголились предгорья и горы. Вот почему и сегодня исключительно важно предложение Докучаева о выработке «норм, определяющих относительные площади пашни, лугов, леса и вод; такие нормы, конечно, должны быть соображены с местными климатическими, грунтовыми и почвенными условиями, а равно и с характером господствующей сельскохозяйственной культуры и пр.».

Такой опыт к тому времени уже был. Еще по указанию Петра Первого под Таганрогом посадили рощу «Дубки». Затем, уже в XIX веке, заложили лесные полосы и леса для защиты полей в ряде других мест черноземной степи. Известность получили примеры успешного укрощения оврагов облесением и постройкой простейших гидротехнических сооружений. Кое-где практиковалось и лиманное орошение.

К числу таких «счастливых островов» в безбрежном море экстенсивного земледелия относился и хутор Трудолюб неподалеку от Полтавы. Здесь В. Я. Ломиковский вел древопольное хозяйство, которое, по его определению, «есть и самое привлекательное, и самое близкое к природе, потому что здесь человек, засевая землю насущным хлебом, на одном и том же месте извлекает сугубые пользы и от дерев лесных и плодоносящих, так, чтоб зернистые класы и цветные травы могли в свое время озлащаться теплым светом солнечным, а порой прикрываться прохладною тению дерев, умножающих сребристую росу и охраняющих влаги от преждевременного высыхания».

Но острова есть острова, они не могут составить материк. Так и здесь. Приемы рационального земледелия и пользования природой существовали разрозненно. И только Докучаев объединил их в четкий комплекс. Уже к 1917 году в России было посажено 130 тысяч гектаров полезащитных лесополос. Еще шире эта работа развернулась в наше время

после коллективизации деревни. В первые десятилетия после Октября черноземы без всяких удобрений, только за счет накопленного в них плодородия, без капитальных затрат кормили исстрадавшуюся страну хлебом. Под такими землями у нас сегодня лишь 8,6 процента территории, но с них мы берем почти 80 процентов зерна, много подсолнечника, свеклы, кормов, плодов, винограда...

4

В эти края собирался я давно, едва прочитал леоновский «Русский лес». Но было все недосуг. И только теперь наконец-то удалось пройти «по шумящим, почти дворцовым залам в Каменной степи...». Действительно, это походило на созерцание шедевра, который до этого видел только в плохих копиях. И вот он передо мною во всей своей величавой красе: вековые ковыльные залежи, обросшие зеленой оторочью глубоченные овраги, приветливая голубизна озер, разлив озимей.

И трудно вообразить, что это вот здесь, на выжженном юру, стояла под соломенной крышей бревенчатая хатка, в которой поселился со своей особой экспедицией автор знаменитого «Русского чернозема» Василий Васильевич Докучаев; потрескавшаяся земля, линялое от зноя небо, профессор с белой патриаршей бородой в окружении мужиков у распаханной полоски с крохотными прутиками-деревцами.

Да, это было здесь. Но какими большими стали те дубы и ясени! Им за девяносто лет, взметнулись к небу и на двадцать и на двадцать пять метров. Какие-то из них сажал своими руками Докучаев. А деревьям этим еще расти и расти. Для них первый век — детство. Было время, когда тому, что ученый сделал здесь с горсткой энтузиастов всего за четыре года, изумлялись, потом интерес гас и вновь вспыхивал, сюда ехали учиться, отсюда черпали идеи преобразования природы. Потом опять следовало забвение, раздавались даже предложения пустить все это под топор на деловую древесину, поскольку, мол, деревья, посаженные одновременно, так же враз засохнут.

Что касается лет не столь давних, то здесь одни настроились по отношению к лесу в степи воинственно, утверждая, будто он обедняет плодородие черноземов, превращает их в скудный подзол, грабит поля, забирая себе и снег, и вешние потоки, и небогатые летние дожди. Другие добавляли: лесо-

полосы стали рассадниками сорняков, гнездилищем вредителей. А раз так — корчуй, распахивай, засевай...

Рубили, понятно, не все. А вот ухаживать за недавно еще зеленым другом бросили в степи почти все, лесоводческие звенья что в колхозах, что в совхозах распались. Черные бури драматического 1969 года, когда лесные посадки приняли на себя удар такой катастрофической силы, что кору с деревьев сточило, словно кожу, до кости, заставили одуматься. Только ненадолго.

На Всероссийском совещании по совершенствованию систем земледелия, которое проходило менее чем в двухстах километрах от Каменной степи — в Воронеже, начальник Управления лесовосстановления Минлесхоза РСФСР Д. М. Гиряев с горечью говорил, что объемы работ по посадке полезащитных и противоэрозионных насаждений повсеместно и резко сокращаются, некачественно и несвоевременно проводится уход за существующими лесополосами, допускается потрава скотом, повреждение лесных культур транспортом и химикатами.

За восьмую и девятую пятилетки под влиянием постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О неотложных мерах по защите почв от ветровой и водной эрозии» в Российской Федерации были заложены лесные насаждения примерно на одинаковых площадях — 740 и 738 тысяч гектаров. В десятой пятилетке наметился спад — посадки чуть больше 500 тысяч гектаров. Что касается одиннадцатой пятилетки, то на всю ее было запланировано уже в два с лишним раза меньше, чем сажали после постановления.

К 1985 году производство зерна в хозяйствах Центрального Черноземья намечалось довести почти до 14 миллионов тонн против 11 миллионов, полученных в среднем за каждый год в предыдущем пятилетии. А это значило, что надо было поднять урожайность зерновых до 24 и даже до 26 центнеров с гектара. Кроме того, планировалось поднять валовой сбор сахарной свеклы с 12 652 тысяч тонн до 17 700 тысяч, подсолнечника — с 359 тысяч тонн в год до 605 тысяч. Для выхода на такие рубежи Центральное Черноземье получило крепкую материально-техническую базу. За пятнадцать лет энерговооруженность хозяйств возросла более чем в два раза, огромные средства были выделены на мелиорацию, возросли поставки удобрений. А отдача? К сожалению, темпы роста урожайности замедлились, а в ряде областей урожаи зерна и свеклы застыли на месте. Воронежцы уже

три пятилетки кряду собирают в среднем всего по 18 центнеров зерна с гектара. А урожаи свеклы даже упали. Почему?

Засуха за засухой.

Действительно, бедствие это приходит все чаще. Засуха 1984 года схожа с той сушью, которая нагрянула в 1899, 1921 и 1933 годах. Ее действие усугубилось большим дефицитом почвенной влаги с весны, малыми осадками летом, жарой. Особенно тяжелыми выдались апрель и май — всего 20 миллиметров осадков вместо обычных 80.

Главный агроном таловского колхоза «Луч Октября» Семен Захарович Шишленников, работавший ранее в научно-исследовательском институте Центрально-черноземной полосы, невесело рассказывал:

— Приедешь в бригаду, а у механизаторов в глазах отчаяние. Порой нам казалось, что даже семена не вернем. И еще в лицах людей читался немой вопрос, что же, агроном, агитировал, сулил золотые горы, а лесопосадки твои не работают, только июль, но с берез падает лист. Да, деревья сохли. Тут уж было не до хлеба, хоть бы не сгорели деревья. Слабые они у нас еще. В шестьдесят седьмом году была всего одна лесополоса, чуть больше гектара. А к нынешнему году, если вытянуть в длину, они заняли бы девяносто четыре километра. Это больше трех с половиной процентов по отношению к пашне. Иными словами, облесили хорошо, но... листопад летом — я такого еще не видел. Хлеб не сгорел только у посадок, хоть они сами еле выжили. От этих картин в душную ночь не уснешь. И знаете, что я делал? Читал Докучаева, Костычева, Вильямса. А в самый зной заворачивал хоть ненадолго в институт, чтоб там отдышаться.

И впрямь Каменную степь вроде бы стороной обходят засухи. Она всегда с хлебом. И в этот раз кругом все горело и никло от жары, безводья, пыльных смерчей — тут же все красовалось и росло под защитой зеленых бастионов. В одном из хозяйств, где давно занимаются лесом, мне привели разительный факт. На расстоянии пяти высот деревьев от посадки озимая пшеница дала летом до 26,5 центнера с гектара. Отступили на десять высот, пустили комбайн, взвесили намолоченное зерно — и оказалось, что урожайность упала на 10 процентов с гаком. На расстоянии двадцати пяти высот брали меньше 13, а вне зоны действия лесополосы намолот оказался совсем мизерным — 7 центнеров.

Вот ведь как!

Не десять, не двадцать и даже не пятьдесят лет назад столкнулся местный пахарь лицом к лицу с бедами земли. Вот выдержка из стародавних «Записок Воронежского уездного комитета по выявлению нужд сельскохозяйственной промышленности», где говорится буквально следующее: «В короткий пореформенный период местность уезда изменилась до неузнаваемости. Леса поредели, и сократились их площади, реки обмелели или местами совершенно исчезли, летучие пески надвинулись на поля, сенокосы и другие угодья (распаханные), поля поползли в овраги, и на месте когда-то удобных земель, появились рытвины, водоемы, рвы, обвалы и даже зияющие пропасти; земля обессилела, производительность ее понизилась... количество неудобий увеличилось, природа померкла, естественные богатства истощены, а естественные условия обезображены. Вместе с тем в самой жизни населения появилась скудность, обеднение, вопиющая нужда».

Только в 4 уездах Воронежской губернии с 1880 по 1905 год овраги поглотили 50 тысяч десятин пашни, а неудобий стало на 70 процентов больше. Места, почти наполовину покрытые лесами, куда царь Петр приказал силком «сволочь» мужиков (отсюда оскорбительное «сволочь»), чтобы строить флот, оказались без своих достославных боров и рощ. Приехав сюда после страшного голода 1891 года, Василий Васильевич Докучаев пообещал: «Мы попытаемся реставрировать наши черноземные степи, эту общепризнанную житницу России, которая, к великому сожалению, оказалась пустой в самое нужное и тяжелое для нас время».

Собираясь в командировку, я взял с собой не так давно вышедшую книгу «Великая степь» и с большим интересом прочитал главы, принадлежащие перу кропотливого исследователя журналиста А. Мурзина. Он, собрав по крупицам все сведения о происхождении наших степей, их прошлом и настоящем, с тревогой смотрит в будущее. О многом заставляет задуматься эта книга, по-другому посмотреть на вещи, еще вчера казавшиеся привычными и незыблемыми.

И раньше было известно, что перегной — это подлинный клад всех питательных элементов, необходимых для питания растений. Под воздействием микроорганизмов, воды, воздуха и температур эти элементы высвобождаются в форме различных соединений и только тогда становятся доступными для большинства растений. Есть и обратная связь: леса, разрушенные горные породы дали начало гумусу, но

и гумус активно воздействует на минеральную часть почвы. Потому что только он способен поднимать из глубин новые запасы чистых минеральных веществ, переводить их в доступную для растений пищу.

«В этом — и только в этом! — смысле можно говорить о бесконечном плодородии земли, — пишет А. Мурзин. — Без бережного же отношения к почвенному слою, без наращивания его, без увеличения запасов гумуса в нем (даже при условии минеральных добавок), говорить о «неисчерпаемом» плодородии наших полей не приходится. Оно так же исчерпаемо, как исчерпаемы нефть, уголь, леса или рыба в океане, как небеспредельны на планете любые ее ресурсы, созданные неживой, а часто и живой природой.

Тем более не вечен гумус... он относится к трудно восполнимым природным ресурсам».

Эти строки я читал вечером в гостиничном номере, а утром в тишине институтского музея думал о Докучаеве, которому, как и всякому человеку, не суждено было войти в лес, посаженный его руками, и смотрел на образцы чернозема, спасенного лесом. Вот она под стеклом, метровая толща земли, взятой с участка «некосимой залежи». Как свидетельствует табличка, в верхнем ее слое 12,4 процента гумуса. Чистое золото! Рядом образец, взятый с обычного выпаханного склона, — 4,7 процента. И наконец, монолит из балки Таловая — метровая толща богатейшего чернозема, одинаково темного сверху донизу.

Как тут не согласиться, что блестящий многолетний опыт полезащитного лесоразведения, осуществленный в Каменной степи, являет собой величайший из научных подвигов. Каменная степь — наша национальная гордость, общенародное достояние. Здесь, в самой экстремальной части юго-востока Центрально-черноземной полосы, создана модель экологически и энергетически рациональной системы земледелия, надежно обеспечивающей высокие и стабильные урожаи всех культур, прекратившей все виды эрозии почв, обеспечившей расширенное воспроизводство плодородия знаменитых русских черноземов.

В Каменной степи уже давно работает ордена Трудового Красного Знамени Научно-исследовательский институт сельского хозяйства ЦЧП, носящий имя Докучаева. Здесь трудится большой коллектив ученых и специалистов разных областей знаний. Их работы по преобразованию степи ведутся теперь не на ограниченном экспериментальном участке

докучаевского оазиса, а в трех крупных опытно-производственных хозяйствах института. У них только пашни больше 15 тысяч гектаров. Мне показывали сноп озимой пшеницы с селекционного участка, которая по чистому пару и в сухом году дала по 60 центнеров великолепного зерна. Объясняется это тем, что агролесные комплексы, представленные системой лесополос, в результате биологического взаимодействия лесных и агрокультурных биоцензов образуют идеальные биологические модели с оптимальными условиями для стабильного повышения урожаев, интенсивного развития всех звеньев агропромышленного комплекса. Здесь на деле доказано, что в Центрально-черноземной полосе и в ряде других регионов без защитного лесоразведения нельзя добиться уверенного наращивания урожаев, не причиняя ущерба плодородию черноземов. Почти сто лет назад Докучаев, анализируя причины деградации «царя почв», установил, что лесостепь, представляющая собой «явление вполне естественное, от века существующее», сформировала эти почвы, а поэтому восстановление уничтоженных здесь в прошлом лесов посадкой лесополос следует считать естественноисторической и вполне обоснованной мерой для сохранения и наращивания плодородия полей.

Именитые «авторитеты» до недавнего времени, радея за «рациональное использование каждого клочка земли», своими докладными записками в партийные и советские органы, выступлениями на всякого рода совещаниях и личными советами специалистам корчевали степные леса, разводили долгие годы словопрения, какими должны быть полосы — узкими или широкими, продувными или плотными... Хотя ответы на такие вопросы можно давно найти в Докучаевском оазисе. Здесь есть старые посадки в один, два ряда, густые и редкие, посаженные шеренгами и вразбивку, поперек ветров и по горизонталям. В этих посадках с прошлого века испытываются дуб и терн, шиповник и липа мелколистая, крушина и ясень обыкновенный, ракитник и сосна, жимолость татарская и клен остролистый, вяз и ясень американский, акация и береза, яблоня и берест, можжевельник и груша. Более девяноста лет наблюдают за ними ученые, их записи — банк ценнейшей информации, которая сегодня дает возможность строить безошибочные модели.

При пересмотре взглядов на лес как не вдуматься, например, в такие вот сведения. По сравнению с открытой степью почва под защитой лесопосадок промерзает на мень-

шую глубину (до 50 процентов), скорость ветра падает на треть, а то и наполовину, в полтора-два раза больше накапливается снега, который распределяется равномерно, и после таяния в почве остается значительно больше (до 45 миллиметров) влаги, непроизводительный расход ее сокращается чуть ли не наполовину. Вдвое быстрее под защитой леса протекают процессы накопления в почве питательных элементов, на процент и полтора содержится больше гумуса. За одну минуту в почву лесополосы просачивается 0,37 миллиметра влаги, на межполосном поле — 0,17, а на открытом безлесном массиве только 0,08 миллиметра, вынос мелкозема черной бурей сокращается в 24 раза. Нельзя переоценить значения водоохранных лесов, которые обеспечивают защиту больших и малых рек от обмеления и загрязнения, сохраняют дебит и чистоту всех источников питьевой воды, чьи запасы на планете сокращаются угрожающими темпами.

Специалисты однажды занялись кропотливой работой и, перелопатив статистические отчеты всех 445 воронежских колхозов, установили, что при облесенности пашни до процента средняя урожайность зерновых составляет 16,4 центнера, с облесенностью от 1,1 до 2 процентов — уже 17,8, от 2,2 до 3 процентов — 18,8, а там, где лес занимает больше 3 процентов пашни, — 20,2 центнера с гектара.

Убедительно? Вполне. Выходит, выгодно отводить «ценные пахотные земли» под лес, который «не скоро будет давать эффект и биомассу, превышающую по своему объему массу урожая полевых культур». Полезащитные лесные полосы начинают оказывать положительное влияние на поле уже на следующий год после посадки, и это влияние усиливается по мере роста деревьев. Через десять лет зона защиты составляет уже 35—40 процентов межполосной площади, и только одной прибавкой урожая полностью окупаются все затраты на создание зеленых оазисов и уход за ними.

5

Наши нивы все чаще страдают от засух, и засухи эти чем дальше, тем глубже вторгаются в регионы, где их никогда не знали. В XVIII веке было 9 острозасушливых лет, в XIX — 26, в первой половине нынешнего столетия — 17. Если в первой четверти XIX века отмечен лишь один засушли-

вый год, то в первой четверти XX века их было 9. Почти после каждого из них бушуют черные бури.

Одни ученые происхождение засух объясняют вырубкой лесов, чрезмерной распашкой, перетравливанием пастбищ скотом, что нарушило единство между почвой, влагой и растениями. Другие — циклической активностью Солнца, которая порождает области устойчивого антициклона в ясную теплую погоду. Третьи исследователи объединяют эти два подхода и строят на них свою концепцию, которая тоже до конца не раскрывает сути проблемы. В результате рекомендации науки для преодоления засухи и сегодня сводятся к агротехническим и мелиоративным мероприятиям для удержания естественных осадков, защиты полей лесными ветроломами: орошению, посеву многолетних трав, соблюдению севооборотов. Все эти меры полезны и в разрозненном виде, а еще больше в комплексе. Но, увы, они не устраняют губительного воздействия зноя на растения, почву и урожай, а лишь ослабляют удары стихии.

Где же выход?

Недавно я услышал ответ на этот проклятый вопрос многовекового земледелия. Помните донского агронома Прокофия Тихоновича Золотарева? Того самого, который выступил на выездной сессии ВАСХНИЛ в Целинограде?

После долгой разлуки Прокофий Тихонович сидит передо мной. Тот же богатырский рост, пристальные черные глаза мыслителя под густющими бровями, почти не тронутая сединой шевелюра... Говорит неторопливо, каждое слово будто чеканит:

— Годы опытов, наблюдения, литература, анализ фактов привели меня к открытию: почва обладает свойством порождать засуху.

Я остолбенел, в недоумении закрыл глаза, встряхнул даже головой и растерянно выдохнул:

— Быть этого не может!..

Чуть придя в себя, вспомнил Терентия Семеновича Мальцева, который вот так же ошеломил меня когда-то, сказав: «Не однолетнее растение убивает землю, а плуг».

— Каким же это образом земля сама на себя вызывает напасть? — Я в нетерпении уставился на Золотарева.

И он начал объяснять:

— Земля ничего на себя не вызывает. Вызывать беду заставляем ее мы. Да-да... Только лучше изложить все по порядку. Для начала то, что известно. В прошлом поверх-

ность девственной степи вмещала в себя годовые осадки целиком и плавно отдавала воду родникам. Земля была укрыта на полтора-два сантиметра отмирающими остатками трав, ниже шла подстилка. Едва высохнув, верхний слой весной разрыхлялся, и всякое испарение влаги тут же прекращалось. Никакого поверхностного стока не было. Земля под подстилкой постоянно лежала влажной. Засух не было, а растительность развивалась пышно. Теперь установлено, что солнечная радиация за время существования биосферы существенным колебаниям не подвергалась. Зафиксировано и то, что голая, разрыхленная почва, лишенная обработкой растительного покрова, нагревается до пятидесяти, а то и до восьмидесяти двух градусов. А закрытая органическим одеялом — только до восемнадцати — двадцати трех градусов. В три-четыре раза слабее! Замечу — голая почва так сильно раскаляется только в самом верхнем, сантиметровом, слое. На глубине трех — пяти сантиметров здесь нет даже суточных колебаний температуры. Значит, в отличие от девственной степи, где почва прогревается глубже и равномернее, вспаханная и распыленная поверхность не аккумулирует энергию Солнца. Истерзанная впрах земля не впитывает и воду. Она долго стоит лужами или скатывается. Будучи плохим проводником тепла, воздух здесь нагревается в точке соприкосновения с почвой. Турбулентный поток срывает его и бросает вверх. К нагретой поверхности тем временем подаются все новые и новые массы воздуха, они нагреваются и поднимаются. В атмосфере возникают конвекционные токи, за которыми тянется целая цепь других изменений. Под влиянием суховея обнаженные верхние слои влажной почвы могут быть высушены буквально за один день.

Это было как удар молнии, среди кромешной ночи вдруг высветившей вокруг все до мельчайших деталей. Вот оно, текучее марево над парующей свежевспаханной нивой. Земля отдает здесь влагу быстрей, чем испаряют ее листья пшеницы. А это, это же...

— Дальше будет понятней, — продолжает излагать Золотарев. — Иссушение верхнего слоя угнетает всходы, задерживает развитие корней, затухает жизнь микроорганизмов, даже самая богатая почва хуже отдает питательные элементы. Все это сказывается на формировании всех частей растения. А если жажда не утоляется долго, они вообще могут погибнуть. И никакой это не парадокс, когда на непродук-

тивное испарение в засуху тратится пятьдесят — шестьдесят процентов осадков.

Я слушал и видел перед собою раздольную степь. Почти вся еще в росных травах, посеребренных тяжелыми росами, редкие хутора по берегам тихой речки, озеро поодаль, а за ним лес. Степь распахана кое-где небольшими лоскутами. И солнце в зените. Пашня нагревается, как сковородка, воздух от нее столбом метнулся было вверх, но тут повеяло от озера прохладой, «сковородка» остыла. Но вот лоскуты становятся шире и шире, подпахали речной берег чуть не до воды, теперь уже почти вся разогретая степь тянет на себя влажный воздух с озера, окрестных лесов, иссушает их и отторгает горячий воздух к безоблачным небесам. От картины этой стало страшно. Золотарев же добивал меня теперь вселенскими доводами:

— Экспериментально и теоретически установлено неизвестное ранее явление — образование засухи почвой, возникающее при взаимодействии обнаженной, разрушенной поверхности земли с открытой солнечной радиацией и атмосферой, приводящее к излишнему поглощению тепловой лучистой энергии Солнца, расходуемой исключительно на перегревание и обезвоживание почвы и атмосферы. То есть на образование почвенной и атмосферной засухи.

После этой суховатой, но точной формулы открытия Прокофий Тихонович предложил мне проследить за механизмом возникновения и развития очаговой засухи на самой истории земледелия. Участки, вовлеченные в хозяйственный оборот, он называл земледельческими оазисами. Здесь формировался свой микроклимат, оазисы были окружены естественной флорой и фауной. Тем не менее эти расширяющиеся вкрапления все больше влияли на окружающую среду. Наиболее ярко климатическая индивидуальность оазисов проявлялась летом, что объясняется совершенно противоположной реакцией поверхности, покрытой растительностью, и черной разрушенной пашни в течение семи, а то и восьми месяцев в году. Распаханный оазис прогревает над собою воздух на высоту более двух с половиной километров. На многие километры осушение распространяется и в горизонтальной плоскости.

Оазисные перегревы, сливаясь воедино, создают уже крупную земледельческую засуху, которая взламывает извечный климат местности. Деревья начинают суховершить, падает уровень грунтовых вод, меняется ботанический на-

бор растительности, учащаются пыльные бури, смыв вызывает овражную эрозию... Но это лишь начало, а потом... Потом рождаются полупустыни и наконец пустыни. Впрочем, не наконец. Земледельческие засухи, объединяясь с устойчивыми пустынными, образуют региональную, а потом глобальную сушь.

Я читал раньше, что пустыни и полупустыни занимают уже 53,3 миллиона квадратных километров — более трети земной поверхности. Но только теперь осмыслил размеры наступления песков. Они убивают каждую минуту 44 гектара плодородной земли. А ее-то на планете лишь 10 процентов.

Если на море большая часть радиационного тепла расходуется на испарение воды, формирование атмосферных осадков, повышение относительной влажности воздуха, то в пустыне оно целиком уходит на согрев песка и создание суховея.

Распределение атмосферного давления и его колебания вызываются и будут всегда вызываться циркуляцией воздуха. Что касается погоды, то она складывается из атмосферного давления, температуры воздуха, силы ветра, облачности, дождей, туманов, метелей, гроз... Там, где теплый воздух поднимается, формируется область низкого давления. Это центр циклона. Где давление высокое — образуется антициклон. Осадки и влажный воздух атмосферы движутся из области высокого давления в направлении низкого. На своем пути они перемешиваются с обезвоженной воздушной массой, рассасываются, уменьшаются, обедняются. И дождь, которого так ждали пахари, здесь уже не прольется. Его не хватало и донской и приволжской степи в прошлом году, и в позапрошлом, и в позапозапрошлом...

Непродуктивная для урожаев потеря влаги на распаханной земле из-за нерегулируемого уже стока и интенсивного испарения достигает теперь 60—80 процентов. При годовых осадках в 460—600 миллиметров для Северного Кавказа и Украины это потеря 3 и даже 4 тысяч кубометров воды на каждый гектар. Той самой воды, которая в прошлом насыщала почву, питала растения, поднимала уровень грунтовых источников и пополняла реки.

Но мало кричать по такому поводу караул. Землю надо лечить.

Задавшись целью восстановить русские черноземы, Василий Васильевич Докучаев начал не только с посадки леса

в продутой всеми ветрами Каменной степи. Одновременно он создавал здесь в балках и овражных провалах систему прудов и водоемов, поля орошения... И диву даешься, какими темпами все это делалось. Если к 1894 году успели заложить всего 8 первых лесополос, то через четыре года их уже было почти 50!

Сейчас только на территории Докучаевского опытно-производственного хозяйства зеленые бастионы поднялись уже на площади, превышающей 500 гектаров. Число прудов приблизилось к 30, и вмещают они 3,5 миллиона кубов воды!

Скупые на реки края — и такое богатство воды. Откуда? Все за счет местного стока. Здесь научились ловить и дожди и вешние потоки. В последнюю сушь воду приходилось качать днем и ночью, многие поля поливали по десять раз, чтобы не принести в жертву засухе. И выстояли, хотя к осени пруды оказались пустыми чуть не до дна.

Чтобы заполучить эти спасательные резервуары, все овраги и балки надо было облесить, сделать все разумно, на века. Одни деревья и кустарники здесь давно отжили, другие еще входят в силу, растут и будут служить нашим далеким потомкам.

Вода в Каменной степи после летних ливней не скатывается бурными мутными потоками, нет, в посадках она как бы проваливается под землю и с водоразделов от этажа к этажу опускается все ниже, питает поля и попадает в хранилище идеально чистой. Ее можно пить.

В областях Центрально-черноземной зоны сейчас насчитывается около 90 тысяч прудов и водоемов: более полумиллиарда кубометров воды. Они, конечно, улучшают микроклимат, ослабляют влияние суховеев. Но этого слишком мало, если учесть, что площади орошения здесь уже достигли 300 тысяч гектаров и увеличить их в значительных размерах невозможно из-за того, что просто нет богатых рек. Значит, как и в Каменной степи, надеяться можно только на местный сток, чего пока в своей земледельческой стратегии хозяйства зоны не учитывают.

Вода расходуется здесь не столько для растений, сколько на разрушительную эрозию. Плодородный гумусный слой, ежегодно смываемый с полей, содержит в себе вдвое больше питательных веществ, чем их вносится со всеми вместе взятыми минеральными туками. Сложилась парадоксальная ситуация: с одной стороны, постоянные жалобы на нехватку удобрений, тревога за судьбу урожая, а с дру-

гой — полная беспомощность перед утратой земного плодородия, когда на глазах еще недавно черные, как вороново крыло, массивы становятся серыми, желтыми и наконец обнажаются мертвый песок или мел.

Вот почему назрела необходимость как можно скорее регулирование стока увязать с непрерывным повышением плодородия земель, добиться устойчивого баланса органического вещества на каждом поле. Между тем органические удобрения по разным причинам долго недооценивались, предпочтение повсеместно и сегодня отдается минеральным тукам, с которыми легче иметь дело. Глубоко ошибочный подход. На деле выигрывает тот, кто поступает иначе.

Воронежский колхоз «13-я годовщина Октября» Нижнедевицкого района долго возглавлял Павел Иванович Иваньшин — сейчас он председатель исполкома Ленинского районного Совета народных депутатов. На выдутых и смытых холмах и косогорах Павел Иванович со своими колхозниками начал поднимать урожай с 16 центнеров с гектара и ушел за 30. Как удалось это сделать? Грамотно работали с землей. Каждому гектару поочередно давали ни много ни мало — по 100 тонн добротно подготовленного навоза.

Даже в засуху по хорошо заправленному черному пару колхоз «Дружба» Верхнехавского района берет в среднем 32 центнера, совхоз «Лискинский» — по 37, а колхоз «Заветы Ильича» Ольховатского района — по 42 центнера озимой пшеницы с гектара. Ежегодно за счет хозяйского использования органики стабильные урожаи получают липецкий совхоз «Красный колос», колхозы «Заря коммунизма» Кореневского района Курской и «Ленинское знамя» Знаменского района Тамбовской областей. Их практикой доказано, что внесение 20 тонн полуперепревшего навоза повышает сборы зерна на 5 центнеров, а сахарной свеклы — на 42 центнера с гектара.

В хозяйствах зоны даже по заниженным прикидкам скопилось не менее 100 миллионов тонн органики. Вывези их — и гектар чернозема получит дополнительно по 10 тонн щедрой подкормки. Но этого не делают и сегодня.

Были у меня в той поездке долгие разговоры с авторитетным знатоком степного земледелия Владимиром Ефимовичем Шевченко. Молодым агрономом сеял он здесь хлеб-пшеницу, долгие годы отдал докучаевскому институту, отстраивал его, разворачивал все более широкие комплексные программы борьбы с засухой, недавно стал ректором Воро-

нежского сельскохозяйственного института... Сидим в общежитии: новый ректор не успел еще тогда получить квартиру.

— Случилось так, что мы все время лечим последствия, до причин же дело не доходит, — говорит Шевченко. — Засухи становятся все более частыми не только из-за скудных осадков или зимнего бесснежья. Нет! Это еще и расплата за то, что было недодано или не сделано совсем, что было недодано или по ошибке принято за истину и пять, и десять, и тридцать лет назад. Сколько надежд, например, связывалось с мощной ультрасовременной техникой! Тут вроде бы одним махом решались проблемы кадров, высоких темпов полевых работ, условий труда. И что же? Сначала обезобразим поле могучим многокорпусным плугом, потом тратим еще больше энергии и времени, чтобы залечить травмы, нанесенные земле. Колесные громады переуплотняют почву под каждой колеей чуть не на полметра. И стоишь перед дилеммой: не трогать больше — влага не впитается, дожди упустишь, удобрения не сработают; пустить легкие гусеничные тракторы, чтобы разрыхлить, вернуть почве нормальную плотность, когда и влага не потеряется, и удобрения не вымываются, — упустишь сроки сева. Допустим, избирается второй вариант. Но он потребует еще больше техники. Тупиковый это путь. Так скоро весь металл будет уходить на полевые машины. То же самое с химией. Негативные ее последствия все чаще превышают полезный эффект. Американцы, скажем, для того чтобы увеличить урожай в два раза, выпуск туков на заводах увеличили в шесть раз. А теперь и вовсе отказываются от них, берут курс на так называемое органическое земледелие.

— Где же выход? — спрашиваю.

— Учиться у природы, — вздохнул ректор, — у земли. Растущее население и потребности людей при ограниченности экологических ресурсов планеты заставляют нас искать новые пути повышения биологической продуктивности почвы. Нам нужны не просто урожайные, а стабильные сорта, минимальная, даже нулевая, бесплужная обработка полей, полосно-контурная организация территорий, совмещенные и повторные посевы. Да еще сочетание поля с лесными культурами и садом, полив не напуском, а увлажнение почвы и воздуха распылением с подачей влаги по команде самих растений, возврат всех органических остатков земле, повышение продуктивности лугов и пастбищ...

Я слушал Владимира Ефимовича и думал: все это так, но ведь не делаются и куда более простые вещи. Недостаточное внесение удобрений, пренебрежение плодосменом, игнорирование севооборотов, перенасыщенность пашни поздноубираемыми техническими культурами — все это распространено слишком широко. Кому не известно, что пахать землю вдоль склона недопустимо, но ведь пашут! Известно также, что зернобобовые культуры обогащают почву азотом, после них остается много подземной органики. Поля, занятые ими, не нужно пахать, они являются прекрасными предшественниками для размещения озимой пшеницы. Воронежские специалисты отвели такой бобовой культуре, как горох, 10 процентов посевных площадей. В Тамбовской же ограничились 4 процентами, а в Курской — 2,5 процента.

Длительное хозяйствование без учета особенностей почв, рациональной структуры земледелия, влагообеспеченности, севооборотов и привело к слабой устойчивости против засухи, к продолжающейся деградации черноземов.

6

Известно, сколько страна понесла жертв за войну, сколько потеряли убитыми и ранеными фронты, армии, полки. Но мы никогда, наверное, не сосчитаем, в скольких бойцов еще летели пули и после мая 1945-го. Летели, настигая в госпиталях и через много лет — дома.

Весной 1943 года текла посередине войны степная речка Миус. До победы отсюда было ползти и топать столь же, сколько отступали до Волги. Сколько окопов, блиндажей, огневых позиций, ходов сообщения нарыл в каменистой здешней земле только наш 107-й гвардейский стрелковый полк. Копали до кровавых мозолей, чтобы уцепиться, удержать тот знаменитый плацдарм под названием Миус-фронт. Потом было наступление, и мы ушли дальше. Остались лишь саперы — разминировать танкоопасные направления, подступы к утратившим смысл позициям. Работа эта еще не кончилась, когда в Матвеевом Кургане появились два худых однолетка — агроном Манченко и учитель Лямцев. Пройдут долгие годы, и один из них станет главным агрономом Матвеево-Курганского района, другой — председателем колхоза «Россия» (сейчас имени Гречко) в соседнем Куйбышевском районе.

А тогда учителям надо было двенадцати- и тринадцатилетних парнишек обучать чтению «по складам», ребят и девчонок постарше агрономы приобщали к пахоте да севу. И хоть по обочинам дорог стояли деревянные таблички с надписями «Проверено. Мин нет» и внизу значились фамилия и звание сапера, а все же страшно сунуться в поле, где еще смердели ржавеющие танки да глядели в небо пушки с развороченными стволами.

Чтобы ребятня не робела, Василий Манченко подавал пример сам. К рычагам управления в кабине трактора вязал хитроумные петли, через заднее окно выводил длинные вожжи, заводил мотор и, дернув за веревку, пускал трактор вперед. Таким же манером переключал скорости, сбрасывал газ и шел за трактором, держа в руках вожжи, как мужик за диковинным железным конем.

День-другой обучения — и, глядишь, пацанва уже шурует вовсю. Валит обросшие бурьяном брустверы, засыпая окопы, заравнивая воронки... И, пусть медленно, растет, ширится распаханное поле. Значит, можно сеять, будет хлеб, и первый раз те пахари наедятся досыта. Но сколько раз из-под гусениц их тракторов или плужных лемехов всплескивались фонтаны взрывов и сколько их, совсем еще мальчишек, не увидело на своем поле даже всходов.

Работали тогда, пока смеркнется. Пахали бы, может, и ночью, но фары без лампочек не светили. К тому же было опасно: в одичавших полях успели развестись волки. Если сидишь в кабине — одно, а шагать за трактором с вожжами... Нет, уж лучше днем.

С вечерними сумерками проводили заседания бюро райкома партии, собрания актива. Вопросов в повестку дня набиралось порой за полсотню. Помощник секретаря с фонариком метался по двору райкома, выискивая в бурьяне среди спящих нужного человека и, светя в лицо, шептал: «Вставай, тридцать шестой вопрос: борьба с нашествием суслика».

С победой потянулись ко дворам уцелевшие трактористы и механики, комбайнеры, плотники, кузнецы, слесари. Пошла техника, развернулась стройка. Только теперь Манченко занялся тем, чему его учили. А Иллариона Емельяновича Лямцева выбрали заместителем председателя райисполкома. Хотя и учитель, а отвечал за сельское хозяйство.

Вместе с Манченко они много ходили пешком по примиусским буграм, ездили на лошадях, пока Лямцев не получил

отслуживший все сроки, латаный-перелатаный «виллис». Замечали: хоть и раненная, но отдохнувшая земля оживает, от весны к весне хорошеет.

Оживая, она подкинула одну головоломную загадку. Везде, где окопы тянулись поперек склонов, ниже оплывших брустверов трава всегда была зеленей, чем наверху, пробивались деревца. Что на пашне или в низинах долго не просыхают лужи, что даже после сильного дождя луговиной идешь почти как посуху, понятно: в траву вода засасывается будто губкой потому, что под травой из перегнивших и живых корней образовался степной войлок. Про это слушано на институтских лекциях и читано у столпов российского земледелия. А вот почему ниже бруствера все растет лучше?

Вопрос долго не давал покоя. Но сразу отодвинулся на задний план, когда объявили о грандиозном Плане преобразования природы. Появился плакат: Сталин склонился над картой страны, разбитой зелеными лесополосами на ровные квадраты. Поверху плаката шли слова: «И засуху победим!»

Спешно создавались лесозащитные и дубравные станции. Большой Академик выдвинул идею сажать дубы квадратно-гнездовым способом. Сказал: «Дуб любит расти сначала медленно, без шапки, но в шубе из других деревьев. Потом он обгонит их». Особый восторг вызывал проект лесополосы от Урала до Каспия, чтобы остановить губительные ветры из пустынь Средней Азии. Молоденькие девчонки — специалистов не хватало — на ватмане повторяли во всех гипроземах те зеленые квадратики, но уже для каждого района, колхоза, бригады...

Посадки заложены были среди прочих как в Шпаковском районе Ставрополья, так и в Матвеево-Курганском районе Ростовской области. Шпаковцы их берутся корчевать только сейчас. На Миусе к такому выводу пришли значительно раньше. И вот как.

Из-за больших перепадов в высотах весной и в пору летних ливней вода скатывалась между посадками, заложенными вдоль склонов, такими мощными потоками, что разрушала и дороги и посадки. По балкам стали расползаться промоины, углубляясь, они образовывали все новые овражки, овраги...

Многие лесополосы работали на себя, собирая сдутый снег в подлеске. По всей ветровой тени пшеница здесь красовалась, лесом стояла кукуруза, чуть же поодаль расте-

ния оказывались на голодном пайке. Рос машинный парк, все больше вносилось удобрений, а урожаи еле-еле карабкались вверх. Засух стало не меньше, а больше. Подпахались до речных берегов, заилили ручьи. Не Миус, а «черти шо». Словно не отсюда мужики когда-то гнали обозами торговать в Москву жирных до прозрачности рыбцов и шемаю. И будто не из-за этого бывшее торжище поныне зовется Миусской площадью...

* * *

Разрозненные мои наблюдения и размышления Золотарев в тот раз выстроил в стройную систему.

Выше я привел только первую часть его открытия о свойстве почвы создавать засуху. Вторую он формулировал так:

— Это свойство исчезает при создании постоянной и полной органической защиты (отенения) поверхности почвы и при содержании пахотного слоя в монолитном состоянии.

Впервые доказывалось не только земное происхождение и сущность засухи, но и определялась возможность ее ликвидации! На основе открытия Золотарева возникает новая концепция о причине и механизме возникновения, развития и прекращения засухи. Определяющая роль в этом процессе принадлежит постоянно возобновляемой и полной органической защите монолитного поверхностного слоя. Подлежат коренной ломке теории, обосновавшие необходимость, полезность, целесообразность и обязательность интенсивной обработки почвы бесчисленными проходами всевозможных орудий.

Основные доказательства верности такого подхода дает сама природа. Тоненький слой почвы даже на каменистых крутых склонах всегда покрыт густым живым и мертвым растительным материалом, не смывается, в достатке обеспечивает травы, кустарники и деревья влагой. Старопахотный же чернозем даже на равнине страдает от почвенной и атмосферной засухи. Или возьмите заветренную сторону любой скирды, где поверхность припорошена соломой и половой. Разгребите их даже в самое сухое лето — и почва здесь окажется влажной. Такие вот факты и надоумили Прокофия Тихоновича заняться выявлением механизма действия засухи. После долгих и многолетних опытов в условиях Ростовской, Воронежской, Донецкой, Харьковской областей и удалось наконец выявить многогранные различия между не-

тронутой и старопахотной землей, осмыслить роль органической защиты для почвы, растений, микроорганизмов, равновесия окружающей среды, климата.

Что такое, скажем, обработка поля? Из учебников явствует: это механическое воздействие на почву, способствующее повышению ее плодородия и созданию лучших условий для роста и развития растений. Правильная обработка рассматривается как одно из главных звеньев формирования высокого урожая, борьбы с засухой, эрозией, деградацией, сорняками, вредителями, болезнями и т. д. и т. п. Все технологические процессы здесь сводятся к удалению ста́рики, стерни, оборачиванию пласта, крошению его, перемешиванию, дроблению, уплотнению, выравниванию, подрезанию прорастающих сорняков, созданию борозд, гряд, гребней. В то же время исследователи признают, что неизбежным результатом вторжения железа в почву является обеднение ее органикой, прогрессивное развитие эрозии, засуха, засоренность полей, убывание естественного плодородия, ухудшение структуры.

Таким образом, налицо серьезное противоречие между теорией, с одной стороны, практикой и природой — с другой, по вопросу все той же целесообразности, полезности, необходимости и всесторонней обоснованности обработки почвы под культуры вообще, а пропашные в особенности.

Как же под современными посевами практически возродить богатое прошлое наших почв, равновесие климата, затормозить губительное дыхание засух, а затем полностью спасти от них планету? Надвигающаяся катастрофа, как уже говорилось выше, к нашему счастью, имеет обратимый характер, и пока дело поправить можно.

Опытным путем Золотареву удалось установить, что процесс полного разложения вызревшей и отмершей растительности в естественных условиях на поверхности длится дольше, чем в запаханном состоянии. В первом случае из года в год в почве устойчиво накапливается органическое вещество как на поверхности, так и под нею благодаря разложению корневых остатков. При вспашке же создать органическую защиту нельзя из-за ускоренного разложения.

Золотарев не пахал. Он заделывал семена на шесть-семь сантиметров плоскорежущей сеялкой. За пять лет на поверхности накопилось столько лежачей стерни, что она сформировала сплошную растительную подстилку толщиной в два сантиметра. Снег здесь ложится ровно, не сдувается. Почва

промерзает меньше, снег сходит медленнее. Количество и сила вешних потоков, а также мутность воды по годам заметно падает, вода стекает все более чистой. Температура нагрева поверхностного слоя летом падает, сокращаются потери влаги на сток и испарение. Пахотный горизонт, пронизанный свежими и отмирающими корнями, приобретает более рыхлое, пористое и структурное строение. Поверхность постепенно задерняется. Ветровая эрозия теряет силу, а водная падает до нуля...

Гибель озимых со второго года исключается вообще. Окраска листьев у растений с каждым последующим годом становится более темной, с усилением специфического блеска. Влажность почвы ежегодно повышается и дольше сохраняется. Трещин в земле здесь нет даже среди лета. Созревают же хлеба позже обычных на пять — восемь дней. Урожаи в сравнении с пахотными участками до образования подстилки и разной степени разложения растительных остатков повышались так: в первый год на 2—3, во второй на 4—6, в третий на 7—9, в четвертый на 8—10 и на пятый год — 10—15 центнеров с гектара.

Все это должно окончательно утвердить беспахотное направление в развитии новой земледельческой науки и практики.

8

Но для этого нужна и принципиально новая техническая политика и новая техника. Я поднимал по этому поводу тревогу, писал письма, стучался в разные двери. И что же? Заявка Золотарева на открытие так и лежит в долгом ящике. Плохо и с агрофильной техникой. Если практика за нее, то ведомства и инстанции навстречу ей поворачиваются медленно.

«Пренебрегать законами, нарушать равновесие, созданное природой, — значит заведомо обкрадывать себя, лишать самого дорогого, что имеет наша планета. По профессии я агроном и прекрасно понимаю, что эти проблемы волнуют каждого, — пишет из Киргизии Е. Нестеров. — Техника — она и польза, она же и вред. Мало того что идет непрерывное разрушение обнаженной почвы, от работающих моторов атмосфера загрязняется вредными выбросами. Вот почему не когда-то, а сегодня, сейчас давайте подумаем — все ли сделано для того, чтобы оздоровить нашу природу? Есть

ли нужда всегда безудержно будоражить, перелопачивать наши поля?»

Старшему научному сотруднику Института ботаники Академии наук УССР Л. Белашеву по роду работы постоянно приходится сталкиваться с результатами перенасыщения полей и лугов колесными тракторами, обрабатывающей техникой, многочисленными орудиями, грузовиками: «Могу засвидетельствовать, что если на пашне наблюдается машинная деградация почв, то на лугах тяжеловесные тракторы и автомобили вызывают настоящую деградацию травостоя. После колес на долгие годы остаются следы в виде зарослей сорной растительности и мелкотравья. Грузовики на вывозке зеленой массы и сена в довольно короткий срок образуют широкую, укатанную, как асфальт, дорогу. Даже специальные машины КСК-100, пресс-подборщики, стогометатели — хорошая в основном техника — образуют глубокие рытвины на влажных участках и выбивают зеленый покров на сухих».

Он считает, что если ставится вопрос о создании для полей машин с агрофильными ходовыми системами, то уже давно пришла пора приступить и к созданию систем пратафильных (луголюбивых). Это особенно важно сейчас, когда повсюду развернулась обширная работа по укреплению кормовой базы ферм, когда поставлена задача резко повысить урожайность естественных кормовых угодий, а хозяйства получили возможность удобрять, подсевать и орошать окультуренные луга.

«Очень интересно было узнать о создании пневмокаткового вносителя удобрений. Он пригодится как в поле, так и на лугу, — пишет далее Л. Белашев. — Такое орудие нужно скорее дать в производство. Ибо поверхностное улучшение пойменных лугов сейчас ведется с гораздо меньшим эффектом, чем оно того заслуживает. С нынешними вносителями удобрений в пойму весной просто не заедешь, а внесение туков и органики летом и осенью дает меньшую пользу».

Моя почта полна примеров, говорящих об утратах, к которым приводит переуплотнение, нарушение водно-теплового режима, распыление структурных зерен, угнетение микрофлоры.

«Помню, еще в годы, когда у нас были единоличные хозяйства, иногда среди мужиков возникали ссоры из-за того, что кто-то проехал через поле повозкой, — пишет из Ровенской области агроном Е. Жигальский. — В этом не было

никаких амбиций. Просто издавна бытовало правило, передаваемое от старшего к младшему, что нужно меньше ходить и ездить по ниве, тем более без надобности».

Что ж, конная повозка ушла в прошлое. Ее сменила мощная техника. И вот иной раз видишь, как трактор К-700 несется с тяжелым прицепом через массив, в прицепе всего несколько тонн зеленки. И возникает у людей вопрос: а не больно ли земле от этого? Чтобы разрыхлить и выровнять верхний слой, применяют культиваторы, потом шлейфы, катки, всевозможные бороны. В засуху для разбивки комьев приходится дополнительно раз за разом утюжить поверхность самыми неожиданными орудиями. Порой даже сваренными в клетки рельсами! Тут уж не над трактором — над всем полем клубится пыль. Причем главными «героями» в этой работе остаются известные еще нашим дедам отвал, культиваторная лапа, колесо и зубья бороны. И снова возникает вопрос: а не пора ли объединить разрозненные агроприемы, создать разнообразные агрегаты, способные решить комплекс задач в один проход? Да, это непросто, это дорого. Но прислушаемся к строкам в одном из писем: «Вы скажете, что овчинка не стоит выделки. Но тогда давайте сложим руки и будем ожидать, пока овчинка совсем исчезнет. Я отсчитываю уже 70 годы, мне не нужно плодородие. Но у меня есть внуки, а у них тоже будут внуки, которые унаследуют поля, которые мы колесуем где надо и где не надо».

На Черкасщине в Лысянском районе проанализировали за несколько лет хозяйственные результаты и пришли к выводу, что поля, которые засевали с помощью колесных тракторов, давали урожай зерна как минимум на 5—6 центнеров ниже, чем там, где посев проводился широкозахватными агрегатами на тяге с гусеничными машинами. Лысянские специалисты считают, что сто раз прав агроном Целиноградского района Ю. Захарченко, когда старается все предпосевные работы выполнять гусеничными тракторами, что не только предпосевные операции, но и сев следует вести этими же машинами.

Проблему использования колесных тракторов на полевых работах в научных кругах обсуждают давно, накоплено много экспериментальных и практических данных, которые говорят не в пользу этих машин. «Министерство сельского хозяйства на этот счет почему-то отмалчивается и не дает никаких рекомендаций, — жалуется главный инженер Лысян-

ского управления сельского хозяйства И. Безвершенко, — а Министерство сельхозмашиностроения все дальше и дальше наращивает без какой-либо необходимости мощности тракторов типа «Беларусь», оставляя без изменения ширину захвата шлейфа, который они тянут».

Основания для такого заключения есть. Со времен выпуска трактора МТЗ-2 мощность двигателя — на машине МТЗ-142 — возросла с 38 до 142 лошадиных сил. Старую марку агрегатировали с культиватором КРН-4,2, сейчас промышленность выпускает КРН-5,6, то есть при росте мощности двигателя у трактора почти в 4 раза ширина захвата пропашного культиватора возросла только на 28 процентов.

Далее. Чтобы повысить выработку, рекомендуется сеять на повышенных скоростях. Даже в заводской характеристике на зерновую сеялку черным по белому записано, что рабочая скорость посева составляет 12 километров в час. Нередко сцепки таких сеялок гоняют и быстрее — до 14—15 километров в час — и это «достижение» даже рекламируется. Что происходит при повышении скорости тракторного агрегата, в частности сеялки? Резко увеличивается тяговое сопротивление сеялки, почва от дисковых сошников отбрасывается далеко в сторону, сухая земля перемешивается с влажной, сошник вибрирует, подпрыгивает, семена ложатся уже не на твердую влажную подошву, а оказываются в рыхлом полусухом слое...

«Уже сегодня надо смотреть вперед. И уж коль мы допустили ошибку, если знаем, какой непоправимый урон наносим почве, так необходимо во всеуслышание признаться в просчете, разъяснить земледельцу, как лучше выполнять полевые работы сегодня. И когда труженики полей будут знать действительное состояние вещей, то смогут при ограниченном числе гусеничных тракторов так организовать дело, что в период напряженных кампаний большинство работ будет вестись на гусеничных, — заключает И. Безвершенко. — А для колесных тракторов на селе есть большой объем транспортных перевозок».

Эти письма еще шли по почте или уже лежали на столе, как в подтверждение каждого из процитированных и не процитированных здесь положений на Дону, Ставрополье, на Кубани опять разразились черные бури. Мело на тысячеверстовом пути, от Волги до Днепра. Опять пыльные смерчи. Почему?..

Ветровая эрозия на Северном Кавказе, как показывают архивные и статистические материалы, а также собственные наблюдения, — явление довольно обычное. А вот масштабы ее проявления далеко не одинаковы, в отдельные годы пыльные бури достигали прямо-таки катастрофической разрушительной мощи. В 1969 году черные бураны воспринимались как непредсказуемое стихийное бедствие. О них и о героизме людей в борьбе со стихией много писали, говорили. О пыльных бурях 1984 года сказано было мало, однако и те и эти стихийные бедствия были вызваны одними и теми же причинами. Сходство обнаруживается как в климатической обстановке, так и в почвенно-агрономических условиях осенне-зимних периодов 1968—1969 и 1983—1984 годов: засушливая осень, слабое состояние озимых посевов, открытый, сильно разрушенный поверхностный слой. Подобные потенциально опасные ситуации фиксировались и в период между 1969 и 1984 годами, но не было ветра или дожди не давали закуриться полям. К тому же площадь зяби, вспаханной с лета отвальными плугами и истерзанной потом ветрами, как правило, не фиксируется в статистической отчетности, хотя известно, что именно такая зябь, распыленная многочисленными проходами орудий, становится добычей бурь.

Специалисты считают так: если на данном этапе управлять природно-климатическими факторами невозможно, то предупредить эрозию или смягчить ее можно лишь направленным изменением тех сторон хозяйственной деятельности, которые ее порождают; поэтому в нынешние зональные системы земледелия, не обеспечивающие защиту почв, следует внести поправки.

Правильную позицию заняла тогда на этот счет Госкомсельхозтехника. В официальном документе, подписанном заместителем председателя комитета В. Дубовиком, сообщается следующее:

«Проблема переуплотнения почвы движителями тракторов, сельскохозяйственных машин и транспортных средств является в настоящее время актуальной. Действительно, насыщение сельского хозяйства техническими средствами имеет и негативные стороны... Назрела острая необходимость создания движителя энергетических и транспортных средств, обладающего минимальным разрушающим воздействием на почву. Проводимые в настоящее время в нашей стране работы по созданию такого движителя ведутся малыми сила-

ми, разрозненны и не координируются. В результате этого пока не создано ни одной работоспособной конструкции. Госкомсельхозтехника СССР поддерживает предложение о необходимости создания под руководством Государственного комитета СССР по науке и технике комплексной программы по сохранению плодородия почвы, куда, по нашему мнению, должны быть включены как вопросы внедрения новых почвозащитных технологий, так и создание новых ходовых систем... с низким удельным давлением на грунт. Со своей стороны Госкомсельхозтехника СССР готова к всесторонним испытаниям технических средств, снабженных новыми видами ходовых систем».

Выдающийся авторитет современного земледелия В. Ковда прислал выписку из решения совместного заседания Центрального совета Всесоюзного общества почвоведов и Научного совета Академии наук СССР по проблемам почвоведения и мелиорации почв, где говорится:

«Одобрить постановку вопроса о машинной деградации почвы, о необходимости осуществления целевой комплексной программы «Плодородие», где поднимается проблема общегосударственной важности, имеющая большое общественное и народнохозяйственное значение, ставится на высоком научном уровне.

Просить президиум Академии наук СССР возбудить ходатайство перед Советом Министров СССР о подготовке постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР о надведомственной целевой комплексной программе «Плодородие» для обеспечения расширенного воспроизводства составляющих плодородие и устранение машинной деградации почв».

А как прореагировали на это те, кому надлежит переобуть полевую технику, сделать ее агрофильной, переложить в металл и резину новые идеи, которые, как известно, уже давно по своему значению приравнивают к богатейшим месторождениям полезных ископаемых? Как отнеслись ко всему этому в Министерстве транспортного и сельскохозяйственного машиностроения СССР? Заместитель начальника технического управления И. Мацеренко сообщает:

«Допустимые удельные давления на почву от ходовых систем тракторов установлены государственным стандартом. Однако исследования ряда организаций указывают на целесообразность уменьшения предельных значений этих давлений. В связи с этим Минсельхозом СССР утверждена про-

грамма работ по исследованию ходовых систем с. х. техники на изменение характеристик почв, урожайность... и установлению допустимых уровней воздействия на почву. Головным исполнителем программы являются организации Минсельхоза СССР. По завершении работ по программе будут уточнены соответствующие государственные стандарты.

Работы в отрасли тракторного и с. х. машиностроения по снижению воздействия на почву ходовых систем ведутся в НПО «НАТИ». Для тракторов Минского и Харьковского заводов, Южного машиностроительного и производственного объединения «Кировский завод» выданы рекомендации на применение шин большего размера, чем применяемые в настоящее время. Эти рекомендации реализуются на тракторах.

Для тракторов Минского и Харьковского заводов разработаны конструкции приспособлений для спаривания ведущих колес. Большие партии этих приспособлений будут изготовлены в текущем году для проверки в различных почвенных зонах страны».

И все! Ни слова о пневмогусеницах для тракторов, новых разбрасывателей удобрений, комбинированных агрегатах, колесах для комбайнов будущей пятилетки... Ни слова о специальных конструкторских бюро, экспериментальных цехах, содружестве с другими отраслями. Обыкновенная канцелярская отписка!

Особенно огорчительным был пространный и благодушный ответ из Государственного комитета СССР по науке и технике, завершавшийся словами: «Организациями сельского хозяйства и промышленности ведутся планомерные научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы». Все, мол, хорошо. Но хочется добавить: за исключением пустяка. Земля в беде, просит защиты. Комитет по науке и технике так и не взялся возглавить разработку комплексной программы «Плодородие». А она нужна нам уже так давно!

9

Когда унялась одна из страшных бурь, Манченко позвал Лямцева съездить с ним посмотреть старые реперы. Сразу после войны Василий Иванович в сырые бетонные плитки вогнал прутья толстой проволоки длиною в метр, нарыл в разных местах такой же глубины ямы, опустил в них свои

реперы, утрамбовал грунт. Пусть стоят. Ни лемеху, ни сошнику не мешают. Да и не видно их — ведь вровень с поверхностью.

И вот приехали. Всходов еще не было. Из земли торчали только железные стержни. На десять сантиметров, на двенадцать, пятнадцать, двадцать два. У Иллариона Емельяновича по спине пробежали холодные мурашки. «Железные всходы... Вон как вылезли. Столько же выдуто и смыто самого плодородного верхнего слоя!»

Зампред разошелся:

— Почему молчал про реперы? Семинар тут проведу. Соберу всех специалистов. Пусть поймут, почему земля теряет черный цвет. Рыжеет, белеет. Это что же получается — новый председатель или там директор совхоза принимают технику, хомуты, ведра, ищут недостающий в наличности пятак, а земля передается по карте. Да ее надо принимать по таким реперам, по анализам на плодородие. Ну и подкинул ежа за пазуху. Теперь я тебе подкину, давно собираюсь. Поехали.

Лямцев привез Василия Ивановича на место, где тот не был много лет, — к старой, еле приметной фронтовой траншее поперек ската безымянной высотки. Вершину ее выдуло почти до гальки. Там чуть пробивалась зеленца. Ниже траншеи шумели на ветру стройные деревья.

— Те малыши? — изумился Манченко.

Да, это были они. Ниже траншеи. И всплыл забытый вопрос: почему?

Ответ на него они получили, когда познакомились в Новочеркасске с директором Всероссийского научно-исследовательского института виноградарства и виноделия Яковом Ивановичем Потапенко, чьи владения тоже страдали от эрозии, особенно водной. Но теперь институт защитил от гибели свои плантации, сады и поля. Оказалось, что класть в основу организации территории со склонами, балками и оврагами зеленые квадраты и прямоугольники для удобств механизации — полный абсурд. А как иначе?

Директор института ответил неожиданно и просто:

— Возьмите картофелину покрупнее, но лучше неправильной формы, разрежьте пополам и половинку похуже плоским срезом положите на стол. Похоже будет на ваши высоты?.. Ну, а раз похоже, то срежем мысленно верхушку, потом еще срез, еще... Теперь сложим кусочки как было. Так вот, если бы посадки сажались криво, по этим срезам,

тогда бы они своей дерниной, своим войлоком поглощали поверхностный сток. Еще лучше, когда перед ними выкопаны, также по горизонтали, канавы и забиты соломой, камышом. Любым гниющим материалом. В этих канавах будет скапливаться вся вода.

У Манченко вырвалось:

— Так мы ж это видели на старых окопах!

— Как?.. — удивился теперь Яков Иванович. — Ничего не понимаю... Приеду, раз приглашаете.

С того в районе и началась организация угодий, названная контурно-полевой. Изыскания помог провести Институт виноградарства, он же составил проект. Как только зарядят осенние дожди, Потапенко надевал плащ поплотнее, на ноги болотные сапоги — и на Миус. У оголовков оврага ставил новые колышки, мерил, на сколько приблизился овраг к старым, следил, чтобы сток из кюветов поворачивали в водосборные канавы, вырытые по горизонталям и кое-где уже засыпанные соломой...

Для выполнения всей этой работы в районе создали межхозяйственный отряд, оснастили его техникой, средствами, материалами. И раз за разом дивились люди: то весной подтапливало дворы, заливало погреба — теперь нет, разросшийся по низинам камыш засыхает, в пустых верховых колодцах опять появилась вода.

Зимой тут, как и на Ставрополье, часты оттепели, почти весь тающий снег скатывается в балки. Теперь вешние воды собирались в канавах. Земля в них не промерзала благодаря теплу разлагающейся соломы. Все проходило здесь, как когда-то в девственной степи.

...Через все это собираются пройти теперь и хозяйства Шпаковского РАПО. Как и где они будут размещать полевые культуры, я уже рассказал. Что касается повышения отдачи естественных угодий, то поверхностному улучшению будет подвергнуто на первом этапе 23 тысячи, коренному — чуть больше 5 тысяч гектаров. Применят в переустройстве способ так называемого буферного освоения. Его уже опробовали в «Михайловском». Малопродуктивное пастбище — едва давало по 5—7 центнеров зеленой массы с гектара — на склоне крутизной от 3 до 8 градусов с эродированными легкими почвами было разбито на контурные полосы шириной в 10—20 метров. Полосы через одну распахали и засеяли тритикале и озимой рожью в качестве промежуточной культуры. Нетронутые полосы оставили как буфера для пре-

дотвращения эрозии. Урожайность зеленой массы здесь сразу же превысила 130 центнеров.

В Шпаковке засели за расчеты. «Минск-32» показала: потребность в удобрениях составляет по азотным — 37 788, фосфорным — 36 695, калийным — 11 042 тонны. Всего 85 525 тонн, ежели считать в стандартных туках. Но на 1985 год району было запланировано этих самых туков 36—40 тысяч тонн. Зияющая пропасть? Не совсем. На фермах района будет почти 60 тысяч условных голов скота, что позволит накапливать за год 340—400 тысяч тонн навоза — более 20 тысяч тонн азота, фосфора и калия в пересчете на те же туки. Приплюсовали все это — и вышло, что потребность в удобрениях будет удовлетворена на 50, от силы на 60 процентов.

Чем покрыть дефицит?

Вопрос пока остается открытым. Как, впрочем, и некоторые иные не менее важные. Например. Для приведения угодий в порядок и перехода к поверхностной обработке вместо классической отвальной пахоты хозяйствам РАПО позарез нужно получить 150 тяжелых дисковых борон, лущильников ЛДГ-15 — не менее 40 штук, культиваторов КРГ-3,6 — 81, штанговых — 50, культиваторов КПШ-5 — 20 единиц, борон зубовых и посевных — 4 тысячи и т. д. и т. п. Попроси сейчас шпаковцы столько удобрений, техники, дай расписку, что производство валовой продукции повысят на 30—40, а продажу на 50 процентов, — в краевых инстанциях за голову схватятся: «А других что — на мель посадить? Размечтались! Сто пятьдесят БДТ-7! Да мы их делим, как когда-то Ставка делила бронебойки. По-штуч-но!»

И все же работать шпаковцам уже стало легче. Не надо по команде сверху расписывать задания по каждой культуре в гектарах. По свистку косить и обмолачивать хлеба не за семь рабочих, а за семь календарных дней, даже если льет дождь. А это уже много. По новой структуре посевных площадей озимой пшенице здесь будут обеспечены лучшие предшественники. В севооборот включили куда больше гороха, сои, нута, чины, гритикале, рапса... Расширение посевов промежуточных культур обеспечит рациональное использование влаги и защиту от эрозии, повысит продуктивность земли на 20—30 процентов.

За годы десятой пятилетки объемы производства и производительность труда в районе выросли лишь на 21,7 и 10,2 процента, в хозяйствах, вошедших в состав РАПО, эти

показатели оказались даже ниже уровня, достигнутого в девятой пятилетке. Сползли потому, что пользовались устаревшей системой управления производством и оплаты труда. Многоступенчатая узковедомственная структура управления не позволяла специалистам, руководителям бригад и отделений сосредоточить усилия на главных проблемах развития каждой отрасли, на период массовых кампаний многие культуры вообще оставались без внимания. Где уж тут печься о плодородии земли! Вот почему здесь начался переход на цеховую структуру управления производством и работу по методу бригадного подряда.

Только принимал это решение не совет РАПО, а бюро райкома партии. Почему? Да потому что другого выхода не было: в объединение входят далеко не все хозяйства, партийная же дисциплина одна.

— И все-таки где нам взять сто пятьдесят тяжелых дисковых борон? — спрашивал меня секретарь райкома Александр Егорович Селиванов. Высокий, статный, в хорошо сшитом костюме, он не походил ничем ни на Лямцева, ни на Манченко, которых я вспоминал в нашем разговоре. Совсем другое поколение специалистов, но заботы те же. — У нас ставят в пример кочубеевский колхоз «Казьминский», — продолжал Селиванов. — Там перешли на укрупненный севооборот. В одном месте сконцентрирована вся колхозная свекла — полторы тысячи гектаров! В другом — весь подсолнух и кукуруза, в третьем — хлеба. Не надо метаться по двадцати массивам в разные точки, техника, люди — один кулак. Идеал! Но там степь ровная, как стол, лесополосы через каждые пятьсот метров. Эрозия не страшна. А наложи эту схему на шпаковские хозяйства — что получится? Три тысячи гектаров пара и зяби черные, незащищенные лежат с лета до весны. А вдруг загудит буря? Она же сорвет землю, засечет озимые. Было уже, было. Нам теперь работать только на контурных полосах, ибо землю довели до ручки...

10

В той ставропольской поездке я подолгу разговаривал со шпаковским секретарем райкома о заботах, неурядицах и проблемах, которые навалились теперь на район и которые так не просто расхлебывать. Выходило, что в Селиванова из давнего далека, как во фронтовых бойцов, тоже летят пули.

Только имя им другое — расплата за старые просчеты, ошибки, попытки одним рывком все и вся догнать и перегнать. Северный Кавказ ведь тоже осваивал целинные и залежные земли, искоренял травополку, сводил на нет овсы и ячменя. Да только ли он?

Помню, как ездили мы по воскресеньям из Сальска сажать дубравы у берегов Маныча. По всем правилам квадратно-гнездовым способом заложил я рощицу и дома. Только не выросли «дубы без шапки» ни в продутой всеми ветрами степи, ни в тихом нашем дворе. Через годы в Институте генетики в Москве на Калужской, 33 грызся я с Лысенко: «Как же вы, Большой Академик, втравили нас в эту авантюру, обманули?..» Чего не наговоришь по молодости лет, да еще в запальчивости. Впрочем, развернул последний «Советский энциклопедический словарь» и прочитал: «Лысенко Троф. Денисович... сов. биолог и агроном, акад. АН СССР... в области агробиологии; ряд положений Л. не получил эксперим. подтверждения и производств. применения». Всего девять строк вялого петита.

Как-то осенью лет семь назад в Москве на Кунцевском кладбище хоронили мы своего коллегу, бывшего сталинградского комбата Александра Польщикова. Когда расходились, чуть в сторонке я остановился у другой могилы: металлическая табличка с давно знакомой фамилией — «Академик Т. Д. Лысенко», даты жизни, давно засохшие цветы, разноцветная яичная скорлупа, занесенная еще весенним пасхальным ветром с соседних надгробий. И больше ничего. Сюда, похоже, никто не приходил сбить траву забвения. Да. Большого Академика нет, но пули и этого рубежа долго летели в нас, и не все раны еще успели зажить.

Не предупреждал ли Терентий Семенович Мальцев и другие знатоки степного земледелия в самом начале распашки ковылей в Казахстане, что при таком подходе быть беде? Предупреждали. Целина закурилась пыльным пожаром уже через четыре года. Вот чем обернулось, когда не послушали разумных предупреждений. Ну а чем дальше в лес — тем больше дров. Крым тогда тоже объявил, что начинает освоение «горной целины». Виноградарский «Магарач» предложил принцип взрывного плантажа: пахать склоны хлопотно и долго. Смыло те участки — 10 тысяч гектаров! И где — на Южном берегу всесоюзной здравницы! Тем подрывникам, прежде чем класть тол, заглянуть бы в гидрологические азы и зарубить на носу, что при увеличении

скорости стока только вдвое разрушительная сила воды возрастает в 64 раза.

Между тем, рассказывают, здесь когда-то каждый кусочек берега ценился дорого. Даже в степи землю продавали так: собьет чабан отару поплотней, обведет посохом вокруг нее черту, потом ударят по рукам, продавец угоняет овец себе, а очерченный круг земли остается чабану. В самой же Ялте цены на нее вообще были кошмарными. Мой давний наставник, не увядавший до глубокой старости садовник Аким Иванович Бомик, рассказывал:

— На самой окраине, выше уж некуда, купил я у чиновника в двенадцатом году, перед первой мировой войной, подворье. Отвалил по купчей четырнадцать тыщ! Привел сад в порядок и за два года расплатился с долгами, вернул те деньги до копейки. Многие ходят ко мне поныне, чтоб научил уходу за деревами.

Все это я записывал, когда Аким Иванович, будто в другую цивилизацию, водил меня в горы показать заброшенные оросительные системы, погибающие сады, умершие при взрывах плантажа источники.

— Какие росли тут табаки! С ума сойдешь! Разницу в ароматах между высшим и лучшим сортом улавливал только дегустатор. Разница же в цене... ну как между однодневным цыпленком и индюком. Ей-богу. Даже воздух был другой — чистейший. Стоишь на этой горе и с соседом за версту переговариваешься на другой. Или взять столовый виноград — кисти прямо неподъемные. Теперь, если выставка, «Магарач» у меня такие берет, а тогда у всех были.

Последнее письмо старик писал мне с болью: «Нету больше моего Яшки. Хотел отдать ребятишкам в лагерь Артек — не берут. «Не лошадь, — говорят, — Пржевальского, простой ишак, нам такая мерзость не нужна». А с кем, спрашивается, сам Черкасов снимался в картине «Дон-Кихот»? С Яшкой. Он есть во всех фильмах, какие делались в Крыму. Заслуженный артист. Даже любил, когда его подкрашивали. Водил и в лесхоз: не везде же, допустим, семена довезешь в горы на машине. Тоже не взяли. Отдал мясокомбинату на колбасу салями, потому как та колбаса без ослятины не делается. Вернулся домой с одной уздечкой. Лучше б не ходил туда. А еще говорят, что даже глупая свинья чует бойню. Ничего мой Яшка не чувствовал, не ждал, наверное, такого предательства».

Что там взрывной плантаж или горькая Яшкина судьба

Все протесты специалистов против строительства Каховской плотины легли под сукно. ГЭС построили. Мощности у нее с гулькин нос, а так как закона сообщающихся сосудов не отменишь, то начало заливать шахты. Для откачки воды каховских киловольт не хватает. К тому же затопленными оказались десятки и десятки тысяч гектаров бесценных украинских черноземов, а те, что не достались морю, подтапливают. Я не раз видел в Полтавской области не то что блюдца, а разливанные озера, не высыхающие до середины лета. Озимая пшеница тут вымокает, ячмень в воду да в грязь не посеешь. Никто тех мокрых, подтопленных морем гектаров с колхозов не списывает, они — «уборочная площадь».

Люди жалуются: «Дичь-то высиживает птенцов по инстинкту природы в привычных местах. А тут накатывает вода. Что творится: дети ночами ревмя ревут, слыша истошный утиный крик. Кто же в том Гидропроекте удумал нам такую кару?»

Или еще одно огорчение. Как-то Василий Иванович Манченко повез меня к берегам Сухого и Мокрого Еланчика. Практически нет уже ни того ни другого. Остался каскад заиленных прудов среди голой степи. Да еще историческое свидетельство: тут царь-бомбардир Петр Первый ходил на кораблях за лесом. Нету больше тех боров и дубрав. А сколько таких Еланчиков, Серебрянок, Овечек, Камышанок, Глазомоек?.. Специалисты прикинули — и вышло, что только в России список погибающих малых рек содержит около 100 тысяч названий. Еще горше, чем Каховское море. Там вода губит черноземы, здесь снесенная земля убивает воды.

Вот оно — покорение природы, вот оно — «и на Марсе будут яблони цвести». С одной стороны, конституционное положение о рачительном отношении к окружающей среде, законы о земле и ответственности за нее. С другой — пробей соответствующие визы и заливай ее, бессловесную, морями, уродуй столбами электролиний, прокладывай дороги, как твоему ведомству выгодно, оно ведь тоже государственное. Ставь, не спросясь председателя, буровую посреди кукурузной плантации, которую завтра косить, огораживай забором, чтобы развернуть новый квартал...

Мы создали спутники, целые космические системы, ощупавшие и Марс и другие планеты. Только вот ни в одной лаборатории мира не воссоздана и крупинка живой земли. У нас она бесценна только потому, что на нее нет цены. В поездке по Америке узнал, что в центре Нью-Йорка на

Манхаттане квадратный метр земли стоит 40 тысяч долларов. Наши политэкономы до сих пор не предложили, как оценивать землю в эпоху социализма. Лишь однажды услышал более или менее конкретное суждение на этот счет от одного председателя: «Заплати за сто урожаев вперед — и тогда хоть копай тут шахту, хоть строй охотничий дом с сауной». Но кто выложит колхозу такие деньги? Он же не владелец, а землепользователь. Хозяин — государство. Значит, и цена должна быть государственной, ставящей всех перед необходимостью комплексного подхода к эксплуатации угодий, будь то луг, сад, плантация или поле.

Это когда-то говорили, что жизни одного поколения мало, чтобы заметить в природе даже незначительные изменения. Сегодня же... Пора бить в набат перед фактом: небрежение обходится нашей стране ежегодной потерей 100 тысяч гектаров земли, которую пожирают одни овраги, 274 гектара ежедневно! А смыв в балки, низины, выдувание, потеря качества... Не слишком ли дорогая плата, чтобы не задумываться, как со всем этим быть дальше? Я завел речь о былом для того, чтобы извлечь из него предметный урок. Не завтра в Шпаковский район пришлют 150 тяжелых дисковых борон. Придется, видимо, механизаторам снимать с плугов отвалы и не переворачивать, а только рыхлить землю. Не завтра очистится Миус — усилий двух районов для этого мало. В планы по реализации Продовольственной программы сегодня можно включить только первоочередные мероприятия по сохранению почвенного плодородия. Но доколе же первоочередные? А перспектива? Не словесная — рабочая!

Я годами готовился к нелегкому этому разговору и не раз задумывался: как же привыкли мы свои ошибки и заблуждения оправдывать необходимостью. Сколько раз в жарком, до хрипоты споре слышал: «Что б вы кусали в своих академиях да институтах, если бы мы не пахали землю? Что?! Да, гнали годами хлеб по хлебу, разводили пилильщика, черепашку, корневые гнили. Теснили траву, занимали пары. А как иначе? Нет, ты скажи, как было жить иначе? Ты голодал хоть раз после войны?»

Что же, все так. Только вот как быть с ленинским завещанием беречь и хранить землю как зеницу ока? Оно ведь — и к первым коммунарам, и к тем, кто будет жить после нас. Мы же не только в горевое лихолетье народных бедствий, а постоянно подтачиваем хлебородную силу земли. Отрадно, что куб земли из Каменной степи и сегодня хранится в Па-

риже как мерило самого большого богатства планеты. Но он и укор нам, напоминание о том, каким русский чернозем был в прошлом. Век назад специалисты подсчитали — и вышло, что если плодородные поля Центрального Черноземья, откуда берут истоки самые лучшие твердые и сильные пшеницы России, совсем не удобрять, то гумусного потенциала хватит, чтобы получать урожаи в 30 центнеров зерна с гектара на протяжении пятисот лет. Правда, при одном условии — гумус не будет разрушаться плугом. Сейчас здесь берут не больше 18—20 центнеров и считают такой урожай нормой.

Где же приумножение, где расширенное воспроизводство почвенного плодородия, которое должно быть первой обязанностью социалистического общества, коль социалистическая революция одним из первых своих декретов сделала декрет «О земле»? Лучше всего, «весомо, грубо, зримо» на вопрос этот, пожалуй, ответит образец того же чернозема, взятого с обычного воронежского поля в наше время и хранящегося под стеклом в музее НИИ сельского хозяйства Центрально-черноземной полосы имени В. В. Докучаева. Никаких ковыльных серебряных нитей, как и иных слежавшихся растительных остатков, на поверхности нет — открытая, голая, обращенная в прах почва не способна выдержать малейшего дуновения ветра. Не черен, мертвен и пласт, следующий ниже. В верхней своей части он переуплотнен, мало проницаем для воды и воздуха. И к тому же не достигает былой метровой глубины сантиметров на 30. Не меньше. Выпахан!

Поставить бы тот изначальный и нынешний кубы чернозема на ВДНХ для всенародного обозрения, чтобы, стоя перед ними, каждый из нас понял наконец, что плодородная почва — то же самое, что пласты нефти и угля, что если бережно к ней не относиться, то через двадцать пять — тридцать лет от русских черноземов останется лишь название. Вот во что выливается та самая все объясняющая и оправдывающая «необходимость».

Были, конечно, в нашем земледелии первоначальные издержки, были промахи и просчеты. Без них, когда первым, не обойтись. Кроме того, имели место явные перегибы и косность, волюнтаризм и боязнь назвать вещи своими именами. А это никак не впишешь в поступательное движение вперед. «Мы научились брать сегодня, — сказал однажды директор того НИИ, где в музее лежит истощенный чернозем, —

а о завтрашнем дне думать завтра. И проблема эта уже далеко не агрономическая — проблема нравственная. Брать займы без отдачи — чего же хуже?»

За годы десятой пятилетки в Центрально-черноземной зоне поступало в почву азота с туками чуть больше 31 килограмма и с органикой еще около 13 килограммов на гектар. Отчуждалось же с урожаями почти по 80 килограммов. В целом, например, за 1981 год по зоне внесена с туками и навозом 521 тысяча тонн азота, а урожаи вынесли его около 800 тысяч тонн. На одиннадцатую пятилетку планировалось в урожайности выйти к рубежу в 24—25 центнеров. При этом растения должны были вынести из земли около миллиона тонн азота. Но из кувшина можно вылить лишь то, что в него налили. Искомого миллиона не было, не оказалось и запланированного зерна. Что могло выручить? Еще более интенсивные сорта? Да, но для этого пришлось бы залезать к земле в еще большие долги.

Как можно было планировать строительство гигантских молочных и мясных комплексов, предприятий по откорму и доращиванию молодняка, яичных и бройлерных фабрик, не изучив и не освоив во всех до последней мелочи аспектах технологию наилучшего использования продуктов жизнедеятельности скота и птицы?! Они же сплошь и рядом идут не почве, а своими стоками отравляют окружающую среду еще хуже, чем стоки промышленных предприятий. А ведь по логике развития можно было ждать, что те продукты будут производиться по плану, как производят мясо и молоко. Нет, просмотрели.

Для того только, чтобы приостановить убыль гумуса, в среднем по стране необходимо ежегодно давать земле 1,6 миллиарда тонн органики, что составит 7 тонн на гектар. Фактически вносится меньше 4 тонн. Но представим, что ситуация резко изменилась, органики стало вдоволь. Увы, ее нечем будет транспортировать. Даже нынешний вал для качественной работы с этими удобрениями требует в 2,5 раза больше погрузчиков и навозоразбрасывателей.

Медленно возводятся и противоэрозионные гидротехнические сооружения, являющие собой неотъемлемую часть почвозащитного комплекса. Общий объем их в Центрально-черноземной области должен составить 270 миллионов кубометров. Дай их — и Черноземье ежегодно станет дополнительно получать около 4 миллионов тонн зерна, 2,5 миллиона тонн сахарной свеклы, почти 2 миллиона тонн сена.

В Каменной степи, о которой подумали вчера, крупное опытно-производственное хозяйство НИИ имени В. В. Докучаева под тем же солнцем и теми же дождями, что идут окрест, получает урожаи в 1,5—2 раза выше, чем берут в среднем по региону. Каменная степь до сих пор остается искусственно созданной экологической нишей, где во многом решена проблема ведения устойчивого интенсивного земледелия. В целом же в Черноземной полосе России, несмотря на колоссальные материальные затраты, урожайность не растет. Более того, игнорирование комплекса мер по борьбе с эрозией, свертывание работ по агролесомелиорации привели к усилению разрушительных процессов. Только за четыре года (1976—1980) площадь эродированных земель, по данным Института земледелия и защиты почв от эрозии, возросла с 2,8 миллиона гектаров (15,2 процента общей площади) до 4 миллионов (28 процентов), ежегодный ущерб от эрозии составляет 400 миллионов рублей. На эродированных землях теряется 30—60 процентов потенциального урожая. Вот они, деньги, которые можно было бы расходовать на воспроизводство плодородия.

Мало? Что ж, поищем еще, 40 процентов минеральных удобрений из-за того, что земли наши слишком утоптаны колесами различной техники, не срабатывают. Другими словами, 4 из каждых 10 заводов химической индустрии страны работают не просто впустую, а во вред земле, отравляют ее.

Но и это не все, даже далеко не все. Десятками лет держа курс не на умение брать с каждого гектара больше зерна, картофеля, свеклы, хлопка или овощей, а на все возрастающее число этих гектаров, чтобы больше было не множимое, но множитель, мы стали по всем параметрам рекордсменами пахоты. В наших степях и лесостепях пашня занимает от 45 до 83 процентов территории, тогда как Франция распахана на 42, «тесные» ГДР и ФРГ — на 32, а США — лишь на 27 процентов. Конечно, у нас меньше осадков, засушливей климат, короче безморозный период, но только этим принципы экстенсивного земледелия не оправдаешь.

Не американские или французские фермеры — наш Чаганак Берсиев проломил потолок урожая проса в 200 центнеров, там же, в Казахстане, звеньевой Ибрай Жахаев взял с гектара по 172 центнера риса. Никем в мире до сих пор не превзойденные результаты. Еще до войны звеньевая Серге-

ева на Алтае получила больше 100 центнеров яровой — не озимой! — пшеницы с гектара. А кукурузовод Марк Озерный, а гвардия украинских свекловодок-пятисотниц во главе со знаменитой Марией Демченко... Всех их роднили не только ошеломляющие рекорды, их роднило еще одинаково хозяйское отношение к плантации, участку, ланке. Собирали по дворам золу, птичий помет, пестовали каждый стебелек, бурячок... Так молодой социализм утверждал свое авторское право на высочайшие образцы ведения земледелия в условиях коллективного хозяйства.

На машинную основу, индустриальные рельсы все это мы не поставили не потому, что технике неподвластно то, что подвластно рукам на малых площадях, а потому, что хотели брать лишь вершки, забыв о корешках, и телегу запрягли впереди лошади. Все возрастающей промышленный потенциал уходил в то, что над землей. Стальные лавины могучих тракторов с их многокорпусными плугами смогли бы сегодня распахать все и вся от Балтики до Тихого океана, от вечной мерзлоты до Кавказского хребта и снежных вершин Памира и Тянь-Шаня. Только зачем тратится столько металла, горючего и труда на каждый гектар пашни? Мы вбухиваем капитал сначала на травмированные почвы, потом, повторяю, на заживку зияющих ран. Пора непомерные вложения переадресовать, отдать «под землю» — для воспроизводства плодородия, ибо без фундамента невозможна ни одна прочная постройка. Никакие самые интенсивные сорта, никакие самые совершенные технологии сева, ухода и уборки не сдвинут урожаи с места до тех пор, пока корешки не обретут в достатке влагу, пищу, благодатное тепло и здоровое дыхание. Пока же урожаи падают не только в Черноземье, но и на нечерноземных почвах Белоруссии, по всей Украине, Поволжью. И не в засухе тут дело — настала расплата, а сук уже сильно подрублен.

Пора задуматься и заняться выработкой долгосрочной комплексной программы возрождения и обновления земли. Будем справедливы, вспомним, в какое время принимался, пусть несовершенный, тот План преобразования природы. Только отгремела война, еще поднимались из руин и пепелищ наши города и села. А средства нашлись. Огромные.

Проблемы, проблемы... От них не уйти. Потому решение их и вошло составной частью в Основные направления экономического и социального развития СССР на двенадца-

тую пятилетку и на период до 2000 года. Эти вопросы остры и сегодня. Еще острее они могут стать завтра.

Нынешняя ситуация диктует необходимость более широкого плана, учитывающего уровень и потенциал развитого социалистического общества. Кропотливая, на долгие годы работа. Без забегания вперед, без рывков, со скрупулезным анализом накопленного опыта работа под эгидой ВАСХНИЛ и институтов Академии наук СССР, где сплавились бы воедино пути сохранения и приумножения богатств окружающей среды — почвы, воды, лесов...

Не на Марсе — пусть на земле цветут яблони.

1986

СЕРГЕЙ ЗАЛЫГИН

Поворот

УРОКИ ОДНОЙ ДИСКУССИИ

16 августа 1986 года было опубликовано решение Политбюро ЦК КПСС, в котором говорилось:

«Рассмотрев вопросы осуществления проектных и других работ, связанных с переброской части стока северных и сибирских рек в южные районы страны, Политбюро в связи с необходимостью дополнительного изучения экологических и экономических аспектов этой проблемы, за что выступают и широкие круги общественности, признало целесообразным прекратить указанные работы. В принятом по данному вопросу постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР предусматривается сосредоточить главное внимание и сконцентрировать материальные средства прежде всего на более экономном и эффективном использовании имеющихся водных ресурсов и комплексном использовании всех факторов интенсификации сельскохозяйственного производства».

Так закончился многолетний спор между сторонниками и противниками проектов переброски.

И это решение есть не что иное, как один из важных и убедительных фактов общего процесса перестройки, которым живет нынче страна.

Отказавшись от надуманных, в узковедомственных интересах проектов переброски речного стока, или, как еще говорилось у нас, «проектов поворота рек», государство наше осуществило поворот в сторону общественного мнения.

Поворот столько же необходимый, сколько и необратимый.

Сколько их было — никто не знает, наверное, не один миллион.

Вероятно, впервые в нашей истории народнохозяйственная проблема так широко, с такой гласностью, с такой же глубиной обсуждалась народом.

Когда шло обсуждение Основных направлений экономического и социального развития СССР на 1986—1990 годы и на период до 2000 года, в нем тоже заметное место занимали проекты переброски («проекты века», как говорили их авторы).

Когда XXVII съезд обсуждал Политический доклад товарища М. С. Горбачева, затем доклад товарища Н. И. Рыжкова, и тут возникла та же проблема.

Специалисты-перебросчики выражали недоумение: с каких это пор технические проекты обсуждаются общественностью? Но в Политическом докладе съезду ответ содержался ясный — с наших дней! Начиная с наших дней вот так и будет — общественное мнение отныне приобретает права гражданства!

И если бы не этот тезис — еще неизвестно, во что вылилось бы ведомственное «недоумение».

Итак, о чем же говорит опыт этой дискуссии, первой в своем роде за всю нашу историю? Каковы ее уроки? Каковы — масштабы? Каково ее происхождение?

* * *

Общественная жизнь страны в минувшем году была более чем богата событиями, а импульсом этих событий был XXVII съезд КПСС, прошедший в начале года. Не составляет исключения и дискуссия, о которой идет речь.

Она велась давно.

Собственно, сначала никакой дискуссии и не было, а было безудержное восхваление «проекта века» его авторами в отечественной и зарубежной печати, суть которого состояла в том, что проектировщики уже всех превзошли, все инстанции прошли и дело за немногим — осуществить проект в натуре; немногочисленные же по тому времени противники проекта вплоть до середины 1985 года вообще не получали слова, по крайней мере в печати.

Во время всенародного обсуждения проекта Основных направлений, как уже говорилось, общественное мнение вполне восполнило это молчание — и периодическая печать оказалась заполненной протестами против переброски. Медики предупреждали, что переброска опасна в санитарно-эпиде-

миологическом отношении, биологи, что пострадает флора и фауна сразу в нескольких речных бассейнах, геологи просто-напросто хватали проектировщиков за руку, поскольку они проектировали трассы каналов в заведомо неподходящих для этого грунтах, историки опасались гибели памятников нашей истории и культуры, агрономы, инженеры, экономисты, крупнейшие ученые приводили доводы против, против, против.

В результате пункт проекта Основных направлений, который предлагал развернуть строительные работы по переброске, был после съезда КПСС изменен — теперь предусматривалась лишь углубленная проработка проблемы.

Общественность успокоилась. Казалось, что и вправду для этого у нее имеются все основания.

Но не тут-то было!

Оказывается, материалы и решения съезда истолковывались далеко не однозначно.

«Углубленная» проработка вопроса? Очень хорошо! — заявили сторонники переброски. Это именно то, чего мы хотели. В порядке углубленной проработки и «эксперимента» мы и перебросим шесть кубокилометров в Волгу! Ну если уж не шесть, так 2,2 кубокилометра. (А это уже совершенно абсурдная цифра.)

И тут же в завидном темпе началась подготовка к строительству. Прибегая к разного рода ухищрениям, Министерство мелиорации и водного хозяйства СССР добилось финансирования и открытия подготовительных строительных работ в Вологодской и Архангельской областях, а журналистам снова (как в прежние времена) «не рекомендовалось» об этих работах писать. Началось фактическое осуществление проекта, который так ведь и не прошел экспертизы в целом, — вот какие были пущены в ход ухищрения. Но и это не все.

Совершенно неожиданно появилось, по существу, директивное письмо за подписью первого заместителя председателя Госплана СССР товарища П. А. Паскаря, в котором говорилось: «В результате работы, проведенной многими научно-исследовательскими и проектными институтами Академии наук СССР, Минводхоза СССР и других министерств и ведомств, подтверждена необходимость первого этапа переброски части стока северных рек в бассейн Волги в объеме 5,8 куб. км».

И это в то время, когда уже пять отделений АН СССР

представили отрицательные заключения по проекту, когда такие же заключения вынесли Всесоюзное географическое общество, Всероссийское общество по охране памятников истории и культуры и многие другие, когда решительно выразили свое несогласие с проектом Совмин Коми АССР, а также областные организации Вологды (хотя ранее они некоторое время этот проект и поддерживали).

Со стороны же общественности самую активную позицию заняли писатели. Напомним, что в резолюции VI съезда писателей РСФСР говорилось: «Делегаты съезда выражают серьезную озабоченность решением экологических проблем в некоторых районах страны. Съезд поручает новому составу Правления СП РСФСР довести эту озабоченность до компетентных органов и, если потребуется, привлечь широкую советскую общественность к участию в обсуждении и решении этих жизненно важных проблем».

И хотя кто-то иронически назвал этот съезд «съездом мелиораторов», в Политическом докладе товарища М. С. Горбачева XXVII съезду была выражена благодарность тем писателям, которые защищают природу, — это ли была не поддержка?

На VIII съезде писателей СССР эта тема была поднята снова, еще раньше, в мае 1986 года, российский Союз провел секретариат в Ленинграде, где вопрос о переброске встал с особой остротой. Секретариат просил депутатов Верховного Совета СССР товарищей С. Михалкова и Ю. Бондарева обратиться с письмом в Верховный Совет СССР, в котором они изложили бы резолюцию секретариата. Такое письмо было передано в Президиум очередной сессии Верховного Совета СССР. Самое активное участие в развернувшейся в Ленинграде дискуссии приняли вице-президент АН СССР А. Л. Яншин, академик Д. С. Лихачев и другие ученые. Министерство мелиорации и водного хозяйства СССР представлял первый заместитель министра товарищ П. А. Полад-заде, а Государственный комитет СССР по гидрометеорологии и контролю природной среды — первый заместитель председателя товарищ В. Г. Соколовский.

Что касается проекта, говорил на этом секретариате товарищ Полад-заде, то в его научном обосновании решающее слово принадлежит Академии наук. Если она скажет, что прогнозы понижения уровня Каспия неверны и для его спасения переброска не нужна, то мы (министерство) первыми будем ходатайствовать перед правительством об отка-

зе от проекта. При этом заместитель министра твердо знал, что его академический союзник (Институт водных проблем) не подведет; для руководства института отстаивание «своего», по существу, антинаучного прогноза стало «делом чести». Знал товарищ Полад-заде и о том, что пять отделений АН СССР высказались решительно против переброски. Знал, конечно, что уровень Каспийского моря стремительно повышается. Знал, но никогда и нигде об этом не говорил, не пытался мнения ученых опровергнуть или даже попросту упомянуть о них. От этих мнений он уходил последовательно и по-своему очень умело.

Товарищ Соколовский на тех же ленинградских заседаниях утверждал, что его комитет никакого отношения к проекту не имеет, не отстаивает его, если же кто-то именем комитета приостанавливает публикацию материалов, критикующих проект, так он об этом знать ничего не знает. Но за примерами лично мне и ходить далеко не надо — из моих статей по указанию Госкомгидромета был выброшен не один абзац.

И вот что интересно: когда почва под ногами Минводхоза и Института водных проблем АН СССР заколебалась, они, чтобы спасти проект, немедленно вступили с общественностью в своеобразный торг. Если на первых этапах объем переброски определялся в перспективе цифрой сто кубокилометров в год, то позже об этой перспективе как будто забыли и последовали более «успокоительные» цифры — шестьдесят, сорок, двадцать, шесть и, наконец, как об этом уже упоминалось, 2,2 кубокилометра. Какое реальное значение имели все эти цифры? А вот какое: шесть кубокилометров могли бы повысить уровень Каспия на... двенадцать миллиметров. Это попросту смехотворная цифра, которая имела только одну меркантильную цель — во что бы то ни стало сохранить проект на плаву, утвердить за ним хотя бы минимальное финансирование. Дело в том, что Минводхоз уже был должен государству около миллиарда рублей, и расплатиться он мог только при новом финансировании под проекты следующего пятилетия (независимо от их целей и целесообразности). Какой смысл имеет переброска 2,2 «экспериментальных» кубокилометра, если самая совершенная гидрометрия может измерять сток Волги с точностью ±8—10 кубокилометров?

Однако не о технических показателях «проекта века» должна идти здесь речь — нынче они потеряли значение, а

вот общественное значение дискуссии со временем возрастает, опыт этой дискуссии обществу, безусловно, еще пригодится.

Мы не можем думать, будто перемены общественной психологии происходят и произойдут только на основании неких умозаключений — вот эта психология лучше, а эта хуже, так принимаем же лучшую! Психология общества меняется с изменением политики. В политически неизменном государстве общественного мнения либо нет совсем, либо оно ведет подпольный образ жизни. Изменилась политика нашего государства по отношению к обществу — вот почему и возникла та дискуссия, о которой идет речь. Итак, напомним еще раз, что в сравнительно узкой среде специалистов и тоже в самом узком кругу творческой интеллигенции, прежде всего — писателей, эта дискуссия возникла лет семь тому назад. Никто ни на каких этажах, ни в каких инстанциях не придавал ей сколько-нибудь серьезного значения, а по проекту тем временем одна за другой защищались кандидатские диссертации (реже — докторские), проектировщики быстро повышались в должностях, наращивалась и численность кадров. В специально созданном «Всесоюзном головном проектно-изыскательском и научно-исследовательском институте по переброске и распределению вод северных и сибирских рек» работали уже шесть тысяч человек, но и тут говорилось: «Мало! Надо гораздо, гораздо больше!» И делали больше: в системе Минводхоза число исследовательских учреждений достигло ста шестидесяти, а общая численность проектировщиков — шестидесяти восьми тысяч человек.

Головной был отнюдь не одинок, как об этом уже говорилось выше, передавая хозрасчетные темы «высокой» науке, он ни много ни мало, по существу, прикарманил академический Институт водных проблем во главе с членом-корреспондентом АН СССР Г. В. Воропаевым, и это тем более интересный ход, что Г. В. Воропаев был выдвинут и на должность председателя Государственной экспертной комиссии Госплана СССР, которая должна осуществлять экспертизу проекта. Легко себе представить, какой могла быть эта экспертиза, если в Институте водных проблем АН СССР последовательно не допускалось никакой критики этого проекта.

Так бы оно и шло дело, и нынче уже перекапывали бы десятки миллионов кубометров земли на трассах запроектированных каналов по полтиннику, а зимой и в полтора-два

раза выше за кубометр, ничуть не задумываясь над тем — а для чего? Каков будет конечный результат?

Но тут — перемены, апрельский (1984 года) Пленум ЦК КПСС, затем XXVII съезд КПСС, затем — последующая деятельность ЦК и Совмина. Если перемены — значит и обновленное и активное общественное мнение, если они есть — значит в обществе происходит разделение на прогрессистов и консерваторов. Происходит не только по оценке дня сегодняшнего, но и предшествующего опыта — что из прошлого нужно сегодня, а что не только не нужно, но и вредно. И это же факт, что нынче уже не в порядке пережитков прошлого, а в порядке собственного опыта у нас сложился свой доморощенный бюрократический советский социалистический консерватизм.

Как и в целом ряде подобных случаев, наш родной консерватизм тоже возник не на пустом месте, а из прогрессивных и революционных идей, вернее всего, из идей и практики конца 20 — начала 30-х годов, когда, решительно распрощавшись с нэпом, мы заодно распрощались и с вариантным мышлением и целиком сосредоточились на главном (и единственном) направлении — на задаче индустриализации и коллективизации страны *любой ценой*. Нам в то время не усложнение действительности нужно было, а ее упрощение, полная ее очевидность, полная безвариантность, потому что мы рассматривали свое положение как положение если уж не военное, так чрезвычайное. Любое отклонение — это был уже уклон левый, а чаще правый, любой уклон — это деяние антиобщественное, антигосударственное, антисоветское. Либо — либо! Или мы победим, или нас победят. Отсюда и «любая цена» во всем, и жертвенность, которую мы тогда проявили, и категоричность суждений («Если враг не сдается — его уничтожают»), и энтузиазм, и нетребовательность в отношении материальном.

Эта однолинейность, этот курс дал нам Кузбасс и Магнитку, Турксиб и Днепрогэс с его «бешеными темпами» строительства, Челябинский и Сталинградский тракторные. Весь мир был удивлен нашими достижениями, и действительно это был опыт мирового значения, он доказывал, на что способен человек, на что способен народ, воодушевленный идеей переделки всей жизни. Динамика этого движения сыграла свою роль и в нашей победе над фашизмом в войне 1941—1945 годов, быть может, решающую роль.

Но вернемся к нашим дням, к «проекту века».

Не случайно в первых редакциях технико-экономических обоснований проектов переброски речного стока утверждалось, что их осуществление еще раз продемонстрирует всему миру неоспоримые преимущества социалистической системы хозяйства, не случайно главными достоинствами проекта почитались его масштабность и даже уникальность. Все та же магия масштабности должна была бесконечно воодушевлять его сторонников и уничижать противников: мы — больше всех, мы — самые грандиозные, а вы против нас — разве так может быть?! И в самом деле, до поры до времени в нашей истории так быть не могло, но только — до поры и до времени. Грандиозное перестало (перестает) отождествляться с безупречным, перестает быть паролем для беспрепятственного продвижения в будущее; наконец-то мы убедились — и еще как убедились-то! — что грандиозное тоже нужно доказывать.

Какой бы путь развития ни был избран государством и народом, в самом начале он всегда более очевиден, чем где-то уже к середине, на полпути. И тут было так же. Еще в начале 30-х годов каждое вновь построенное предприятие существенно поднимало и общий промышленный потенциал страны, и процент годового прироста производства, потому что в абсолютных цифрах это производство было еще очень невелико, другое дело, когда производство возрастает в десятки раз, тут и каждая десятая доля процента — это не одно, а ряд новых предприятий.

Но так или иначе, а чрезвычайное положение 30-х годов потому и было чрезвычайным, что долго оно продолжаться не могло, жизнь переставала в него укладываться; жизнь в нормальном состоянии требует сопоставления вариантов своего дальнейшего осуществления, но вот в чем дело — государственный аппарат оказывается неподготовленным к вариантному мышлению, к деятельности, требующей самостоятельности и ответственности не только перед вышестоящим руководством, но и перед обществом в целом. И тогда-то и возникает «новый» консерватизм, он и есть первый признак этой неподготовленности.

Да, консерватор сохраняет лозунги минувших лет, оберегает их ото всех и всяческих посягательств и гордится этим, но, сохраняя лозунги, он давным-давно утерял чувство времени, в частности — дух того времени, которому эти лозунги принадлежали, он потерял его прежде всего применительно к самому себе.

Вполне вероятно, что он, новый консерватор, был в те 30-е годы еще мальчиком и не помнит их трагизма, их испепеляющей требовательности.

Не помнит коммуналок, в которых жили руководящие кадры, не помнит партмаксимума, чрезвычайных «троек» и «пятерок», ночных бдений на работе, наверное, не помнит и униформы того времени — гимнастерка, галифе (или полугалифе), сапоги, а галстук — это уже признак буржуазности. Ему понятна и желательна полная и безоговорочная самоотдача масс в строительстве социализма, он очень хотел бы и сейчас видеть ее в других. В других, но не в себе. Все общество он хотел бы видеть не изменившимся с тех пор сколько-нибудь заметно и только себя самого — вполне современным, вариантно мыслящим в отношении собственной карьеры, время от времени выдвигающим проекты века, которые только потому, что они величественны, ни обсуждению, ни сомнениям не подлежат, подлежат только выполнению. Они ведь, эти проекты, очень многое ему лично обещают, хотя он — слуга народа и поборник общественного интереса — никогда в этом не признается.

Великий проект, а его творцы маленькие люди, что ли? Нет уж — они тоже великие!

Впрочем, консерватор всегда таков — общество он хочет видеть мыслительно неподвижным, а себя самого мыслящим непогрешимо. И — грандиозно!

Именно такое мышление никак не совпадает ни с нашим временем, ни с той строго логической системой существования мира, которую мы подразумеваем под словом «природа». Не только не совпадает, но и вступает с ней в противоречие, разрушая ее изо дня в день.

При наших-то природных ресурсах — водных, земельных, лесных, минеральных, энергетических, а также и трудовых — если бы мы все эти ресурсы по-настоящему научились ценить, научились использовать надлежащим образом, да ни одна страна в мире никогда не угналась бы за нами в экономическом развитии! Но мы не столько свои ресурсы используем, сколько совершаем над ними самые разные и самые невероятные «пере»: перебрасываем их, перераспределяем, перекапываем, пересматриваем, переделываем. А в результате теряем. И странно — общество теряет, а ведомство — приобретает, приобретает штаты, кабинеты, оклады, премии и престиж. Все тот же престиж масштабности и грандиозности своей деятельности.

Государство и общество интересует проблема охраны природы, а ведомство — максимальное (толковое и бестолковое) использование всех ее ресурсов.

Государство и общество интересует проблема повышения производительности труда, а ведомство — увеличение собственных штатов.

Государство и общество заинтересованы в том, чтобы средства были сосредоточены на важнейших строительных объектах, а ведомства плодят и плодят незавершенку.

Почему так? Причин и условий для этого много, часто это причины серьезные, объективные. Вот государство решает создать новое ведомство и разрабатывает для него широкую, государственную программу деятельности. Но в этой программе разные пункты, одни исполнить сравнительно легко и доходно, другие — трудно и в ущерб собственному бюджету. Каким пунктам программы ведомство будет отдавать предпочтение? Конечно, первым. И вот уже вся его деятельность получает крен, искажается. И в самом деле, почему в применении к любому хозяйству или предприятию принцип материальной заинтересованности признается вполне, а для ведомства он не существует?

И вот уже руководитель ведомства парирует обвинения в свой адрес таким образом: государство и общество требуют и говорят, а делаю-то я!.. а я могу делать только так, чтобы это было и в моих интересах, и уж во всяком случае не вопреки им!

И действительно, государственный аппарат, а Госплан прежде всего, наверное, должен перестраиваться и перестраивать свои отношения с ведомствами. Как? Пока не берусь судить. Берусь только ставить вопрос. Вот появятся в портфеле нашей редакции отклики на эту статью, всякого рода материалы и предложения, вот тогда и подумаем, не без пользы подумаем! Тут и государству и обществу предстоит приложить много сил. Другое дело — контроль над ведомством. Здесь дело проще прежде всего потому, что очевиднее: контроль, а в более широком смысле воздействие на ведомство должно, как правило, вестись не с одной, а с двух сторон, должно осуществляться и государством и обществом. Вот к этому второму виду контроля (воздействия) наши ведомства не только не привыкли, но и относятся к нему с пренебрежением, не верят, что он возможен, а тем более что он необходим.

При этом немаловажное значение имеет и то, что наши

ведомства предпочитают больше заимствовать от департаментов и меньше — он наркоматов.

И так прошло полгода с момента отмены проекта переброски, и что же? Минводхоз вовсе не воспринимает это как факт, опровергающий стиль его работы, нет, это для него всего лишь эпизод. Может быть, неприятный, и только. Отдельный случай. Частная неудача — не более того. А все остальные его проекты — безупречны. И вот уже заместитель министра товарищ Б. Р. Штепа демонстрирует участникам Прикаспийской экспедиции, организованной комиссией при президиуме АН СССР по изучению производительных сил и природных ресурсов под руководством академика А. Г. Аганбегяна (начальник экспедиции — кандидат технических наук И. Я. Богданов), строящийся параллельно существующему канал Волга — Дон, а член-корреспондент АН СССР Г. В. Воропаев повторяет все те же опровергнутые наукой и общественностью ведомственные доводы на заключительном совещании экспедиции в Москве. Ведь и это строительство вызвало множество критических замечаний, а кто их принял в расчет. Невероятные просчеты и ошибки в деятельности Минводхоза СССР налицо. Поступают и поступают сигналы бедствия — Кара-Богаз, Сасык, земли Каракалпакии. Ведь с какой тревогой обо всех этих и еще многих-многих других объектах писала наша пресса — вот бы и организовать там проверки группам народного контроля, если на то пошло — и общественного контроля, представителей печати...

Вот бы еще и узнать, почему вдохновитель проекта Г. В. Воропаев и до сих пор является главным экспертом Госплана, — видимо, его «опыт» особенно ценен?!

Узнать — кто же это столь неустанно заботится о перебросчиках, чтобы ни с чьей головы не упал ни один волосок? Чтобы им не пришлось объяснить общественности свои ошибки ни в печати, ни по телевидению — никак?..

Сколько и как общественность воздействовала на это министерство, а ведь ни одного сколько-нибудь вразумительного ответа так и не получила. И не получает. Проект переброски правительством и партией признан несостоятельным, он ликвидирован, он закрыт — так ведь должен же Минводхоз объяснить общественности, всему народу, что произошло, почему произошло, кто виноват? По элементарной логике ответ должен быть обязательно. По логике самого министерства и Госплана — совсем необязательно, наплевать им на

это дело, угробили не то пятьсот миллионов, не то миллиард, только-то и всего. Ну, поволновалась общественность — и дело с концом...

А снова возвращаясь непосредственно к предмету нашего разговора, вспомним, что и здесь имело место все то же расхождение между интересами государства и общества, с одной стороны, и ведомства — с другой, общество интересовала проблема повышения урожайности, ведомство — объем земляных работ, предстоящих на строительстве новых каналов.

Чем этот объем больше, тем ведомству выгоднее — вот в чем дело.

Ведь нулевой цикл — «непыльный» цикл, он не требует многочисленных смежников и поставщиков, возможности приписок, особенно в зимний сезон, неисчерпаемы, работы просты и куда как выгодны — значит? Значит, копаем и перекапываем прежде всего, а потом уже и все остальное. (Включая в остальное и проблему повышения урожайности, и научное обоснование перекопки.)

Ведь это только на первый и самый поверхностный взгляд «проект века» — высокая и далеко не всем доступная наука, на самом же деле это подлинный примитив: не хватает воды в одном бассейне — перебросим ее из другого, что может быть проще? Разработать и осуществить систему экономии оросительной воды; внедрить в производство современные способы полива — куда как сложное дело, вот и отложим его на потом, а сейчас — переброска! Тем более что и наука в лице того же Г. В. Воропаева — за.

И, значит, проектируем переброску в бассейн Кубани шести кубокилометров в год, а теряем при орошении девять кубокилометров и слышать не хотим о том, что объем неиспользованного в бассейне местного стока составляет семьдесят кубокилометров!

Проектируем канал длиной 2400 километров, шириной 200 метров понизу с перекачкой на 110 метров для переброски 27 кубокилометров из Сибири в Арал стоимостью (вместе с обустройством) около 100 миллиардов рублей, а теряем в Средней Азии 49 кубокилометров, заболачиваем и засоляем в связи с этим миллионы гектаров ценнейших земель. И поливаем в Средней Азии так же, как и тысячи лет тому назад, — с помощью кетменя. Ученые подсказывают, что в Средней Азии сосредоточены солидные запасы подземных вод, но эти запасы подождут, они под землей, а вода

Сибири — на виду. Перегнать ее в Среднюю Азию, и вся недолга!

Разве тому же Минводхозу никто никогда не указывал на то, что он давно забросил так называемые сухие мелиорации и противоэрозионные мероприятия, проект которых тщательно разработан Росземпроектом? Сухие мелиорации не связаны с риском засоления, заболачивания и эрозии земель, которые в той или иной степени, но почти неизбежно сопутствуют орошению.

Поскольку сухие мелиорации в расчете на один гектар в четыреста — пятьсот раз дешевле водных, ими можно было бы охватить весь наш земельный фонд, а не только «поливной клин», избранный Минводхозом для вложения огромных средств, но только на одной трети своей площади дающий проектные урожайности.

Столетний опыт Каменной степи подтверждает, что в этой зоне можно получать очень высокие и стабильные урожаи без орошения, высокая агротехника — вот что для этого нужно.

Но Минводхозу они невыгодны. И потому...

— Ерунда! Только орошение, только Минводхоз может решить продовольственную проблему.

Проект переброски части стока северных рек обещает прирост валового сбора сельскохозяйственных культур в лучшем случае 2—3 процента от заданий Продовольственной программы, а при уборке и хранении мы теряем до 20 процентов урожая; куда же выгоднее вложить деньги: в строительство каналов или — элеваторов, овощехранилищ и дорог?

— Полная ерунда: строительство элеваторов — это уже не наше, это другое министерство! У них свой план, а у нас — свой!

Проект исходит из того, что уровень Каспийского моря из года в год понижается, а он за девять лет повысился на 1 метр 20 сантиметров, что составляет 450 кубокилометров, или 75 объемов годичной переброски по первому этапу проекта. Теперь, по выражению одного ученого, не Каспий надо спасать, а надо спасаться от Каспия, и Дагестан уже запрашивает двести миллионов рублей на строительство береговых оградительных дамб.

— Ерунда! Уровень Каспия рано или поздно будет снижаться! И спасем его опять-таки только мы!

Ну, а если «только мы» и никто другой, так для нас и

все средства хороши, все средства оправдает наша благородная цель, и не грех подтасовать и цифры и факты, полностью отказаться от экономических показателей, если они «не бьют».

И в проекте это можно, и на заседаниях можно, и в телепередаче, и на защите диссертаций. Так оно и было, когда диссертацию на соискание ученой степени доктора географических наук защищал главный инженер проекта А. С. Березнер, ни одной научной работы по географии за душой не имея.

Защищалось ТЭО — технико-экономическое обоснование проекта переброски, но без... экономических показателей. Невероятно, но факт.

Аудитория возмутилась, к соискателю посыпалось множество вопросов, причем «неудобных». Соискатель обиделся, заявил, что ему не созданы надлежащие условия, от дальнейшей защиты отказался. Обидно! Еще бы не обидно — ведь А. Л. Великанов-то, коллега, тихо-мирно защитился в Ленинграде.

Возникает вопрос: а где же была во время этой дискуссии наука? Та — настоящая, которая покоряет нынче космос?

В науке по этой проблеме возникли разные позиции. И обнаружилось разное поведение. Одни ученые и руководители институтов от участия в проекте уклонились, сознавая его неперспективность. Не случайны, например, сетования проектантов на то, что к обоснованию проектов не удалось привлечь ведущие экономические институты страны. Заметим сразу, что если это и удавалось, так результат неизменно был негативным. Иначе и не могло быть — экономически проект обосновать попросту невозможно. Проектировщиков это не смущало: у них испытанное средство защиты: стоило Институту экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения АН СССР под руководством академика А. Г. Аганбегяна сделать выводы о недостаточной экономической обоснованности проекта переброски части стока сибирских рек, как институт тут же был объявлен не справившимся с заданием.

Другие ученые (таких тоже оказалось немало) послушно занялись обоснованием проектов по заказу их авторов. Ведь лавры соавторов «проекта века» соблазнительны. Да и не только лавры.

По опубликованному признанию Г. В. Воропаева, научные исследования по проблемам переброски речного стока

начались только тогда, когда основные проектные решения были уже предопределены. При попустительстве Госплана СССР (вот он, бюрократический консерватизм, в действии!) из пятилетки в пятилетку, из года в год утверждались задания, единственной целью которых было (накануне экспертизы) научно обосновать уже разработанные проекты. Роль науки сводилась при этом к определению компенсационных мероприятий в связи с неизбежными ущербами, и в лучшем случае ей позволялось несколько изменить проект, скажем, изменить трассу переброски, а поскольку ущерб при этом пусть незначительно, но сокращался, это выдавалось за реальную экономию и рассматривалось как безусловное достижение научной мысли. Коренной же вопрос — быть или не быть переброске и нужна ли она в действительности — не ставился и не решался. Такая постановка вопроса считалась совершенно излишней.

Но были ученые и научные коллективы, казалось бы, очень далекие от конкретных проблем переброски, принявшие, однако, самое активное участие в разгоревшейся дискуссии. Прежде всего это были математики. Ознакомившись с методикой прогнозирования уровня Каспийского и солености Азовского морей, многие из наших выдающихся ученых — академики Л. С. Понтрягин, Г. И. Петров, Н. И. Красовский, А. А. Дородницын, Ю. В. Прохоров, А. Н. Тихонов, В. П. Маслов и другие — были поражены более чем низкой квалификацией авторов той методики, которую разработал Институт водных проблем, они обнаружили в этой методике грубейшие ошибки и прямую подгонку с целью «обосновать» понижение уровня Каспия, а значит, и необходимость переброски.

Итак, наука участвовала в решении этой проблемы неофициально, по собственному почину, помимо утвержденных планов своей деятельности, и официально, а в то же время, говоря мягко, весьма своеобразно — когда отнюдь не она сама определяла общее направление проекта, а проектанты определяли, какая наука им нужна и какая не нужна. Снова «только мы»: мы заказываем науку, мы знаем, с какими учеными нам водиться, каких гнать в шею. Ведь в пору своего золотого детства проект был согласован с самим президентом АН СССР академиком А. П. Александровым — что другим-то академикам надо? Их не спрашивают, а они — вот ведь еще какая неприятность — на свой собственный страх и риск — туда же!

Да, связь науки с производством — это хорошо и необходимо, но часто это дело оборачивается совершенно неожиданной стороной — значительно раньше того, как научные достижения внедрены в науку. А тогда и наука приобретает чисто ведомственные замашки и, вместо того чтобы доказывать, безапелляционно утверждает, пользуясь своим авторитетом.

Байкал? А кто сказал, что в Байкале обязательно должна быть чистая вода? — утверждает она.

Переброска? А мы утверждаем, что она нужна! Кто сомневается в нашем авторитете?

Если уж наука оказалась с самого начала в чем-то «завязанной» на этом проекте, тогда что же и говорить о Госплане, о Совмине, о других инстанциях?! Там многие отделы, подотделы и секторы в свое время дали проекту «добро», а позже не нашли в себе сил отступиться, признать свою ошибку.

А вот уже в этих-то связях и по вертикали и по горизонтали общественность разобраться никак не в состоянии, зная все то, что говорится в пользу проекта, она никогда не знала, что же все-таки может дать ответы на ее вопросы и сомнения. И немудрено: ведь в разработке проектов переброски участвовало... 185 «организаций-соисполнителей»!

Она знала, что ее поддерживает печать, знала, что можно обращаться в ЦК и в Совмин, но ведомство, которое все это дело затеяло, было ей недоступно, оно не отвечало на многочисленные статьи, всякого рода протесты были Минводхозу как об стенку горох, что они есть, что их нет — разницы никакой.

И ответственные лица, которые обязаны давать общественности необходимые объяснения — директора, главные инженеры, министр и его замы, соискатели ученых степеней, — на этот случай как бы переставали существовать.

Еще один вопрос: ну, а как же тот «народ», который — проектировщик? Ведь не один же Березнер, или Великанов, или Воропаев, или Полад-заде проектировал переброску, ведь в проектировании принимала участие армия численностью в шестьдесят восемь тысяч человек. (Всего в системе Минводхоза занято два миллиона человек.) Неужели эти шестьдесят восемь тысяч были единодушны, как один, в оценке проекта? Они-то разве не общественность, а что-то другое?

Приходится согласиться — да, в большей или меньшей

степени, но они оказались чем-то другим. Уже по одному тому оказались, что не приняли участия в дискуссии, отстранились от нее. Их мнение в пользу проекта тоже могло ведь стать общественным, но при одном условии — если бы они высказали его во всеуслышание, если бы доказательно опровергали доводы против.

Но они молчали. Вполне вероятно, что они были за проект, но защищать его перед общественностью не хотели, передоверили это дело своему руководству: начальство знает, что делает.

Известно, что человек и вслух и тем более молчаливо склонен отстаивать свои собственные интересы почти независимо от того, большие они или малые, — лишь бы они были собственными. Тем более это так, если ему многие годы внушают, что эти его интересы полностью совпадают с интересами государственными. Внушают постоянно и самыми разными способами.

Вот проектировщик приходит на работу, а в вестибюле мигает электрическими лампочками макет-схема переброски, великий проект века... И так каждый день, каждый год, не захочешь — поверишь. К тому же сколько инженеров из этого величия уже извлекли диссертации, сколько всерьез повысили свою квалификацию, в другой какой-то худенькой конторе человек ни в жизнь не проектировал бы крупный гидроузел, а здесь — проектирует. Что это гидроузел входил в общую схему, которая никому не нужна и даже вредна, — это уже не его дело. Опять-таки это дело главного, дело директора. Главный отвечает за схему в целом. Если же кто-то из проектировщиков когда-то все-таки выступил против проекта — такого в коллективе давно уже нет... Сам ушел или не сам, но его нет, следовательно, коллектив здесь «дружный» и «сплоченный».

И снова надо еще сказать о том, чем же была та общественность, которая активно выступала против.

Вопрос-то трудный. Насколько ведомство очевидно по своему составу и порядку, настолько же общественность изменчива и неопределенна. Существует, действует, деятельность ее то разгорается, то затухает, но персональному учету она не поддается. А если бы поддавалась, так, пожалуй, тоже довольно скоро обратилась бы в какое-нибудь «ведомство общественного мнения». Да, так оно и есть, общественное мнение, общественность всегда находятся между полной неорганизованностью и заорганизованностью — и то и дру-

гое сводит дело общественное на нет, убивает его на корню. А ведь этого никак нельзя допустить, и мы в этом убедились — отсутствие общественного мнения прежде всего скажется на тех же ведомствах, которые тут же окончательно забудут свою первейшую задачу — служить обществу, а не самим себе и не друг другу.

Значение и настоятельная необходимость в общественном мнении определяются нынче еще и необходимостью видеть действительность такой, какая она есть, без ведомственного лоска и без ведомственной узости, наконец, видеть ее, действительность, не по отдельным частям, а в целом.

Что и говорить, без деятельности ведомственно-специализированной, без служебного взгляда на вещи, на все наши проблемы обойтись нельзя, но ведь обойтись только ими — нельзя тоже.

Этот взгляд всегда ограничен прежде всего потому, что он без конца расчленяет окружающий мир — единую природу — на самые разные природные ресурсы — водные, минеральные, земельные, лесные и так далее; общество — на профессии, народное хозяйство — на отрасли, государство — на учреждения. Эта стихия подразделений и разделений все возрастает. Разделяя же действительность и ее главные проблемы на части, на множество частей, ведомственность властвует над действительностью — принцип старый как мир.

И только общество общими усилиями может создать более или менее целостную картину и самого себя, и окружающей его природы, и мира, и своей страны. Его прямое назначение — воспринимать жизнь в возможно широком и всестороннем плане. И каждую проблему тоже.

В случае, о котором идет речь, форма организации общественного мнения, по крайней мере в области научной, определилась с самого начала: в соответствии с поручением Политбюро ЦК КПСС на базе научных советов АН СССР была создана Временная научно-техническая экспертная комиссия по проблемам повышения эффективности мелиорации под председательством вице-президента АН СССР академика А. Л. Яншина.

Именно потому, что комиссия была общественной, она проделала работу невыполнимую ни для ведомства, ни для самой академии, ведь она обращалась за участием и помощью к любому научному учреждению, к любому добровольному обществу и к любому гражданину. И никогда, ни разу не получила отказа, наоборот, «предложение» многократно

превышало «спрос». Не было у комиссии ни канцелярии, ни машинисток, ни стенографисток, но и тут находились добровольцы, они вели «дела», и дело шло.

Какие бы специалисты ни требовались по ходу дела — агрономы, экономисты, юристы, кинематографисты, биологи, медики, математики, — все они были к ее услугам. Колоссальный общественный резерв, недоступный самому крупному ведомству!

Рассмотрение проекта переборски в работе комиссии занимало не столь уж большое место. Причины низкой эффективности мелиорации в сельском хозяйстве страны — вот тема и направление ее работы, и ее труды еще предстоит серьезно изучать многим ведомствам. Но это тема отдельного разговора, который, надо думать, состоится в недалеком будущем, это совершенно необходимо, чтобы проблема ставилась снова и снова со всей остротой, иначе лет через десять — пятнадцать наши водно-земельные ресурсы придут в окончательный упадок и мы окажемся одной из самых малоземельных и низкоурожайных стран.

Итак, без самой широкой гласности, без участия печати экспертная комиссия ничего и никогда бы не добилась.

Но тут имел место пример общественной организованности, точнее — сорганизовавшейся общественности. И дело еще вот в чем: наше общество нынче вполне подготовлено к решению экологических проблем, оно уже имеет в этом практический опыт.

Многие помнят, как был закрыт проект Нижнеобской ГЭС, который предусматривал затопление ста тридцати пяти тысяч квадратных километров (территории, превышающей площадь Чехословакии), и как до сих пор при самом активном вмешательстве ей не удалось отстоять пагубного загрязнения Байкала. Все еще окончательно не удалось, однако и это тоже опыт, и его тоже надо использовать в самое ближайшее время. Ведь проекты переброски отнюдь не единственные в своем роде. Увы — отнюдь!

Сколько газеты писали и пишут о колоссальных потерях воды (и земель) в оросительных системах Средней Азии! Ведь положение-то у нас в этом смысле такое, что впору подавать сигнал SOS! Но, очевидно, мы не устраним эти потери до тех пор, пока не установим цену на воду, не введем стоимостный земельный кадастр и не научимся экономно использовать воду.

Ведь был же недавно осуществлен вредный, разоритель-

ный и безграмотный проект плотины, наглухо отгородившей залив Кара-Богаз от Каспийского моря! И разве дело прошлое — забытое дело? Нет, Минводхоз и Государственная экспертная комиссия Госплана СССР опять-таки должны ответить и на эти настойчивые запросы общественности — почему же этот проект все-таки был осуществлен, несмотря на протесты ученых, в частности, АН Туркменской ССР? Кто здесь ответчик? Персонально? Почему этот вполне законный и необходимый государству вопрос неизменно встречает гробовое молчание? Кто кого здесь покрывает — Госплан Минводхоз или Минводхоз Госплан? Где народный контроль, который хватает за руку всякого, кто идет на разного рода приписки, и равнодушно смотрит на миллионные, на миллиардные убытки, которые совершенно безнаказанно наносятся государству и народу?!

Нет ответчиков... Значит, и дальше можно проектировать все что бог на душу положит ведомственной выгоды ради.

В ряде случаев невозможно поверить тому, как мелиораторы реагировали на выступления печати.

«Комсомольская правда» от 13 мая 1986 года приводит ответ Союзгипроводхоза на свою статью «Пересол» от 13 февраля того же года, в которой говорилось, что в Молдавии в результате орошения минерализованными водами гибнут земли, что на вредные проекты расходуются огромные средства. (Первая очередь строительства, о котором идет речь, обошлась в сто шесть миллионов рублей, а вся его стоимость — около миллиарда.)

И вот Союзгипроводхоз отвечает газете: «Авторы же, не поняв сути дела и опубликовав статью, нанесли ущерб коллективу института и главному инженеру проекта т. Прохорову В. В.». Следует несколько подписей и среди них... Прохоров В. В.

Проектировщики (и товарищ Прохоров В. В. тоже) ссылаются на положительный опыт орошения из озера Сасык: «...на сопредельных землях УССР». Но вот что говорилось об этом опыте незадолго до того: «Из-за грубого просчета проектировщиков на поля орошения была подана вода с высокой минерализацией из соленого озера Сасык... Колхозы и совхозы получают здесь урожай... в два раза ниже, чем предусмотрено проектом». (И ниже, чем на неполивных землях. — *С. З.*) Где же это говорилось? А вот где — в документах октябрьского (1984 года) Пленума ЦК КПСС. Однако даже и этот документ проектировщикам (и товарищу Про-

хорову В. В.) нипочем. И ведь так же, как и в случае с Кара-Богазом, проектантов здесь и серьезно и тревожно предупреждали ученые Академии наук Молдавии. Нельзя этого делать, ни в коем случае нельзя, уговаривали они.

Но — опять-таки не уговорили.

Тем временем и дальше вопреки предостережениям Академии наук Украины и ее президента академика Б. Е. Патона проектируется переброска из Дуная в Днепр, тем же временем Гидропроект, всячески уклоняясь от гласности (испытанная метода!), и дальше разрабатывает страшный по своим экологическим последствиям проект полного зарегулирования стока реки Енисей каскадом из двенадцати плотин. Неужели колоссальные поймы Енисея и его притоков действительно пойдут под воду? И что станет с тепловым режимом Карского моря? С климатом огромного района?

Что станет с маленькой Латвией, какие потери ни за что ни про что понесет Белоруссия, если будет построена самая неэкономичная в каскаде ГЭС — Даугавпилсская?

Вопрос серьезный, общественность, специалисты двух республик волнуются, теряются в догадках, выступают в печати — Гидропроект молчит и молча делает свое дело.

И потому что в свое время не был достаточно проработан проект заградительной дамбы в Ленинграде, строительство ее вызывает нынче такие сомнения, такие тревоги.

И так же — без серьезных на то обоснований — остается и вызывает самые серьезные сомнения проект Ржевского водохранилища.

И так же...

Давно пора проектировщикам понять, что функции природоохранительные обществу нынче вполне доступны, по крайней мере на первом этапе. Следующий этап — разработка полноценной системы охраны природы, порядка экспертизы природопреобразующих проектов, создание природоохранного законодательства — это нашей общественности еще не под силу, этому нам надо учиться. Думается, что научимся. Тем скорее, чем скорее мы как общество осознаем свои возможности, осознаем и ту необходимость, которую государство испытывает нынче в активном общественном мнении.

Не будет этого мнения — разве государство решит проблему борьбы с пьянством? Борьбы со всякого рода злоупотреблениями? Народного контроля в целом? Усовершенствования государственного аппарата тоже в целом?

Выше говорилось, что комиссия по проблеме эффективности мелиораций была создана в соответствии с поручением Политбюро ЦК КПСС и лично товарища М. С. Горбачева. Но правильнее было бы сказать по-другому — она была не создана, а санкционирована, учреждена, и после этого никто и никогда не определял ни ее состава, ни ее деятельности. Председатель комиссии сформировал ее, а дальше она сама определяла характер своей работы.

Комиссия официально изложила в правительстве свое заключение по проекту переброски 19 июля 1986 года, и Президиум Совета Министров СССР, заслушав соответствующее сообщение академика А. Л. Яншина, тогда же принял решение, с которого мы и начали эту статью.

Дороговато же обошелся государству и обществу этот «проект» — что-нибудь порядка пятисот миллионов — миллиарда рублей. Точно эту цифру может назвать министр товарищ Васильев. Но не называет.

Должно быть, стесняется.

Или считает, что миллиард туда-сюда в более чем десятимиллиардном годовом бюджете его министерства не столь уже значительная сумма?

Ни одно строительное министерство не располагает такими колоссальными средствами.

Это ведь общественная экспертная комиссия академика Яншина никому не стоила ни копейки, а каждый шаг, каждый жест ведомства стоит денег да денег.

И это тоже одна из причин, по которой общественное мнение надо с самого начала включать в «расчетные нагрузки» крупных проектов, прежде всего — природопреобразующих. С самого начала в то время, когда проблема только еще утрясалась в верхах — академических и ведомственных, — уже была необходима гласность, уже тогда и надо было выявлять и обсуждать все слабые стороны будущего проекта, а не прятать их от «посторонних» глаз (в том числе и от глаз многих государственных экспертов), не выступать с безапелляционными заявлениями, со всякого рода интервью и в советской и в зарубежной печати по поводу великих достоинств великого проекта, не заявлять во всеуслышание, что вопрос окончательно решен и, следовательно, обсуждать его дальше — бессмысленно. Надо было обстоятельно отвечать на критические статьи, а не отмахиваться от них.

Но что-то слишком уж дорого обходится нам отчужден-

ность любого ведомства от общественного мнения. Слишком дорого всякий раз, как это случается.

* * *

Да, социализм оказался на редкость жизнеспособной и терпеливой формацией. Каким только агрессиям, интервенциям, блокадам и эмбарго он не подвергался извне — а вот устоял! Каким только чрезвычайным положениям и происшествиям мы не подвергали его сами в силу необходимости, а иногда и безо всякой необходимости, по привычке мыслить безвариантно, по привычке не столько искать в нем, сколько требовать и требовать от него — он устоял. Социализм обрел нынче в мире прочное политическое положение, у него — непререкаемые достижения в области культуры, ему необходимо экономическое упрочение, а разве этому способствуют прожекты, подобные «переброске стока»?!

Так не настало ли наконец время с умом использовать все его возможности, в частности, возможности природные и общественные, критически учесть их, а еще вернее — свои собственные недостатки, а то ведь поздно будет?!

Время наступило такое, о котором можно сказать: сейчас или никогда! Можно сказать: если не мы, тогда кто же?

На такие-то размышления наталкивает дискуссия по поводу проекта переброски части стока северных рек...

Как это ни грустно признать, но ведь выигрыша-то, по существу, не оказалось ни у кого, все в проигрыше — и ведомство, и государство, и общество. Плакали народные денежки, вложенные в проект. (И в другие подобные проекты.) А все те силы, которые мы называем общественным мнением и которые затратили столько энергии ради доказательств того, что дважды два — четыре, — они-то что выиграли? Дело ведь с самого начала было настолько очевидным, что диву даешься, каким образом Минводхоз, а вкупе с ним Институт водных проблем АН СССР путем одних только бюрократических процедур и проволочек могли столько времени удерживать свой проект на плаву?!

По существу, средств защиты у них никогда и не было — не было новых доказательств, которые могли бы возникнуть по ходу дискуссии, ничуть не укреплялись и исходные посылки проекта, наоборот, они только теряли, подвергаясь уничтожающей критике. Имея в виду резкое повышение уровня Каспия, можно сказать, что эти посылки были опровергнуты и самой природой.

Природа была против, общество — против, зато ведомство — за. И ничто так и не могло поколебать уверенности сторонников проекта в том, что в конце концов они возьмут верх. Ведь вопреки существующему законодательству они даже открыли строительные работы по проекту, который не прошел экспертизы в целом. Это ли не нарушение государственной дисциплины? Это ли не предмет для расследования? Для далеко идущих заключений и выводов. Для того чтобы отнестись ко всей последующей деятельности Минводхоза и Института водных проблем критически, с особым вниманием и с той же степенью гласности, которая пока что лишь на одном — только на одном! — этапе остановила это министерство от безрассудных действий.

На общем собрании Академии наук СССР в октябре 1986 года Институт водных проблем АН СССР подвергся очень резкой критике.

В Академии наук произошло ЧП! — так академик Г. И. Петров охарактеризовал в своем выступлении деятельность института, связанную с переброской. Специалисты, и прежде всего руководство этого института, проявили не просто низкую квалификацию, но явную недобросовестность. Неужели и эта критика не даст результатов? Или же и до сих пор Минводхоз и Институт водных проблем остаются неприкосновенными и неподотчетными ни науке, ни общественности, остаются «зоной вне критики»?

И если бы не решения XXVII съезда партии и не перемены в нашем обществе — переброска развертывалась бы в эти дни полным ходом, как полным ходом вопреки общественному мнению и здравому смыслу развернулось когда-то строительство целлюлозно-бумажного комбината на Байкале. Этому мы тоже научились — в ударном порядке и куда как организованно доказывать ведомственную «правоту» там, где ее нет и быть не может.

Байкальская-то проблема тоже ведь развернулась при самом активном участии Академии наук в лице академика Н. М. Жаворонкова, который и до сих пор остается при «своем мнении».

Так или иначе, а ведомство и сейчас не унывает: мол, ничего, потерпим, а лет через пять возьмем свое. «Щелкоперы во всем виноваты, журналисты и писатели. Ну и кое-кто из ученых. Потерпим. И свое возьмем!»

Но призыв партии и государства к переменам — уже перемена, причем важнейшая. И обращен этот призыв прежде

всего к общественности. Не к самому же себе будет обращаться с призывами государственный аппарат, для этого у него есть другие средства — приказы, указания, постановления, взыскания, поощрения. Но наступает момент, когда всего этого оказывается мало, — нужны перемены принципиальные. Чем их больше, тем активнее становится общественное мнение, чем активнее оно — тем больше перемен.

Одно другим формируется, одно — причина другого, и то и другое — это уже новое время, время обновления.

Таков опыт этой дискуссии минувшего года — события исключительного общественного значения. Этот опыт ни для кого не должен пройти даром, он — достояние года и минувшего, и предстоящего, и многих последующих лет, поскольку процесс перемен — необратим.

1987

ВАЛЕНТИН РАСПУТИН

Что имеем...

Байкальский пролог без эпилога

Нравственность, духовность — едва ли не самые перегруженные ныне слова. И все же снова и снова приходится к ним обращаться в поисках причин, которые не держат другого объяснения. И патриотизм как аргумент, годный, чтобы опереться на него, тоже берется в нас не от прививок, а от содержательного чувства родной земли. Содержательного — стало быть, происходящего от принятых в народе нравственных и духовных начал. Без них никуда. Всякая подмена оборачивается тяжелой болезнью — той самой, о которой Достоевский говорил: «Знаете ли, что весьма многие люди больны именно своим здоровьем, т. е. непомерной уверенностью в своей нормальности». Добавим: не знающий сомнений там, где следует семь раз отмерить, прежде чем отрезать.

И где-то же есть в человеке родник, бьющий из земли, на которой он был рожден (и пусть не смущает нас, как это: в человеке — из земли бьющий?) с благодарностью за исток. Только одни живут с зачерпом из него, из этого родника, другие его завалили и засушили. У одних всякое дело на земле сверяется с ним, у других — с материальным расчетом, не важно — личным или ведомственным. И действительность ныне такова, что она все больше и больше разводит нас по разные стороны отечественной деятельности, сталкивая то здесь, то там на полях, сравнимых разве что с громкими названиями военных сражений.

Много лет у нас шла борьба вокруг поворота северных и сибирских рек. На карту — не на игровую, а физическую карту страны — было поставлено слишком многое: миллионы квадратных километров российской земли, на которых произошли бы непоправимые изменения. В таких случаях говорят: доставшейся нам от предков земли. Когда-нибудь человеку еще суждено определить правовые отношения на собственность между поколениями. Владеющий настоящим — не значит владеющий всем, прошлым и будущим. Земля достается нам не для проверки былинных сил: настолько ли набрался могущества человек, чтобы перевернуть ее с ног на голову. Тут и проверять не надо: набрался. И уже как-то неловко становится задавать вопрос: понимаем ли мы, на какую жизнь обрекаем внуков, если еще и дети решительно не откажутся от внушаемой им практики. Неловко потому, что те, к кому обращен он, — не слышат, а кто слышит и сам повторяет его неустанно, не находя ни ответа, ни утешения.

«Страшно то, что нет ничего страшного», — в горькую минуту обмолвился однажды И. С. Тургенев. Есть вещи, которые при любых обстоятельствах и разногласиях надо бы сохранить в постоянном значении — как метр или килограмм. Больше всего должно пугать, что в обосновании своих действий обе стороны — и за поворот, и против поворота — пользовались одной и той же, обращенной к Отечеству, фразеологией. Совершенно разные, противоположные цели — и «валетиком» Отечество. Тут впору, схватившись за голову, додуматься до заговора патриотизма. Демагогия родилась не сегодня и даже не вчера, но до сих пор человек дела держался от нее подальше. Неправое дело повело к извращению святых понятий до демагогических звуков. Десятки проектных институтов, десятки тысяч людей, стянутых на обслуживание поворотного механизма, сотни миллионов рублей израсходованных денег — и все это бездумно, торопливо, без достаточных экспертиз и экономических подтверждений. За тысячу растратчик идет под суд, а тут сотни миллионов рублей да десятки тысяч совращенных душ, которые после принятия правительственного постановления о приостановке работ сочли себя несправедливо обиженными и обделенными. И что же? Понес кто-нибудь за это гигантское транжирство, за самоуправство века наказание? Упал с чьей-нибудь головы хоть один волосок? Нет.

Прежде чем говорить об ответственности как наказа-

нии — не надо ли вспомнить ответственность как взятую на себя роль, которая приведет к определенным последствиям? Но в таком случае снова придется обратиться к нравственному обеспечению человека, потому что между взятой на себя ролью и последствиями — его пространство. Нет нравственного обеспечения — роль берется без размышлений. Есть — рассматриваются раньше результаты, к которым она может привести в настоящем и будущем. «Криво запряг да поехал так» — никогда не годилось, а тут речь не об обычной поездке по хозяйственной надобности, а кой о чем посложнее. Мы не хозяева национальному полю, а только пахари на нем для прокорма и благоденствия; земля — это роженица и кормилица народа, вечное его пристанище, единственная обитель, к которой со стороны больше ничего не может добавиться. И когда появляются среди этого народа люди, считающие, что земля устроена неверно и ее надо переиначить, опасно не то, что они появляются, а то, что мы позволяем себе следовать за ними, как за пророками. Неспроста в наши дни взялось тревожное: те, кто придут вслед за нами, они нам не простят. В России не простят Байкала и Волги, в Белоруссии — Полесья, в Армении — Севана, на Украине — Днепра и Чернобыля, в Латвии — Даугавы — всюду, всюду, всюду... Не простят будущие пахари нашего мотовства и нетрезвых действий. Ведомственный экспансионизм, раздувшись или подавившись, когда-нибудь лопнет, а на что годится его жвачка?

При разных точках отсчета, что есть для Родины польза и что вред (допустим, все смешалось в доме отечественной выгоды), давайте присмотримся, как действуют участники смелых природопереворачивающих проектов. Способы и методы действия говорят, как правило, о многом. Не будем простаками и сделаем выводы, которые могут нас рассудить. Проект к исполнению не утвержден, государственное «добро» на него не получено, еще рассматриваются доводы «за» и «против», а работы начинаются. Не просто начинаются, а форсируются, подгоняются, распространяются вширь и вглубь; добиваются финансирования, штатов, материала — скорей, скорей, пока не опамятовались, не спохватились, чтобы увязить государство в затратах, после чего уж только и остается как махнуть с отчаяния рукой. Так было с «проектом века» — поворотом рек, так делается сейчас в Горном Алтае, где Минэнерго, не дожидаясь утверждения проекта, разворачивает строительство гидростанций на Катуни. Бай-

кальский целлюлозно-бумажный комбинат построен в 1966 году, а окончательное проектное задание на него было утверждено лишь спустя годы после пуска предприятия. Примеры можно продолжать.

История с Байкалом напоминает так ловко и лихо закрученный сюжет, что нельзя не подивиться мастерству исполнителей. Казалось бы, сейчас наконец-то картина проясняется, дело идет к развязке, к выяснению полной истины — нет, раз за разом появляются новые действующие лица, новые апелляции, доводы, и действие опять достигает остроты, от которой замирает сердце. А Байкал продолжает страдать. В феврале прошлого года была создана государственная комиссия для подготовки предложений по охране нашего «славного моря». Председатель комиссии, председатель Госплана СССР Н. В. Талызин при обсуждении байкальской проблемы в Иркутске без излишней дипломатии сказал: «Сейчас и дураку ясно, что целлюлозный комбинат на Байкале нельзя было строить». А между тем главный и постоянный защитник — не Байкала, как следовало бы ожидать от ученого, а комбинатов, того и Селенгинского целлюлозно-картонного, — академик Н. М. Жаворонков сидел перед Н. В. Талызиным на заседании последней комиссии и снова решал судьбу Байкала. Излишне объяснять, как, вопреки очевидной картине, он ее решал.

Что комбинатам на Байкале не место, ясно было и тогда, в 60-е годы, когда решался окончательный вопрос, на что употребить Байкал. Едва ли кто-нибудь даже из хозяйственников всерьез принимал «научные» доводы, будто варка целлюлозы только облагородит байкальскую воду, потому-де что в своем природном виде она слабо минерализована и пить ее вредно. Но набирающее скорость ведомственное колесо, кажется, поставило себе целью не отворачивать от Байкала. С адвокатами особых проблем не было, всегда найдутся специалисты, готовые поддержать что угодно. Однако легче всего свалить сейчас вину за комбинаты на ведомственное упрямство. Нет, впервые, кажется, тогда обозначилась сила куда более серьезная и обширная, чем заинтересованная в продукции сторона. Продукция, к слову, сыграла тормозящую роль в развитии шинной промышленности, государство на шинах из байкальской целлюлозы вместо синтетического материала терпит убытки.

К началу 60-х годов, как и всюду в мире, под влиянием научно-технической революции в обществе наметилось, ве-

роятно, вполне закономерное расслоение на реактивное и остаточное мышление. Само собой разумеется, что традиционно-гуманистическое слово отнесли к остаточному, не поспевающему за темпом жизни, пользующемуся обветшавшими истинами. Спор между физиками и лириками, который, казалось бы, должен был подогреть физиков духовным светом, а лирикам явить лицо реально изменившегося мира и закончиться к общей пользе, в действительности же из аудиторий перешел на рабочие площадки и из точки зрения превратился в способ действия. Должно быть, всегда, во все времена существовало разногласие между «старым» и «новым» мышлением, из него и добывалась двигательная общественная истина, поэтому они были по отношению друг к другу терпимы. На сей раз человек, вставший у конвейера технического прогресса, выгоду своего места употребил на то, чтобы добиться не одной лишь моральной, но полной и окончательной победы. Не прошло и двадцати лет, как симпатичный «физик», напоминавший гусара, вырос в опасного и самовластного технократа, ловко лавирующего между долгом, целью, выгодой и моралью. Что касается морали, она превратилась у него в пасынка в семье: на людях зовут к столу, без посторонних гонят в угол.

Двадцать лет назад бывший партийный работник в Иркутске П. Кацуба с трибуны обвинял защитников Байкала в пособничестве империализму. Вот так: не больше и не меньше. Больше некуда, меньше не звучит. На восточном берегу Байкала быстро подхватили эту логику: кто против целлюлозного комбината, тот враг бурятского народа. От подобных доводов опускаются сразу и руки и язык, а русский язык и вообще как-то плохо приспособлен к дальнобойной перестрелке такого рода. Теперь ничего не остается, как, вспоминая об этом, с отвращением морщиться, но ведь было, было, все было и свое добыло. Не церемонились. Будто не на своей и единственной, а на посторонней земле сошлись две силы, каждая из которых утверждала собственное понимание цивилизации. И если бы в спор не вмешалась сама природа, то здесь, то там представляя для свидетельства плоды механического «просвещения», неизвестно еще, до каких высот поднялась бы дискуссия. Сегодня тон приходится менять, хотя суть цели и дела от иносказания и демагогии измениться не могла. Откровенный технократ сейчас — будто пьяница, который прекрасно понимает, что больше ни капли нельзя, что или-или, однако все равно для минутного

облегчения тянется к рюмке, а там хоть свет кувырком.

В начале прошлого года министр Лесбумпрома М. И. Бусыгин по просьбе газеты «Известия» согласился на встречу со мной. Речь шла о Байкале и Байкальском целлюлозном комбинате, который давно стал камнем преткновения, притчей во языцех, «троянским конем» — кем только не стал в споре за Байкал, но стоит. Во время разговора министр привел факт, должный доказать ведомственную заботу о Байкале: за двадцать лет работы на комбинате шесть раз менялись ПДК (предельно допустимые концентрации) промстоков. Я не знал и принял за чистую монету, но министр не мог не знать, что менялись они далеко не всегда к благу Байкала, приспосабливаясь к очистным возможностям комбината. В условиях гласности многое из тайного становится сегодня явным, а ведомственная машина по-прежнему в разговоре с общественностью продолжает рассчитывать, как повелось, на два вида информации: открытую — по успехам и закрытую — по «хвостам».

Бывшая работница Энергобумпрома, ныне пенсионерка Галина Константиновна Суслова написала мне, как давно еще, в 1974 году, ей было поручено подсчитать потери минеральных солей в содорегенерационных котлах на Байкальском комбинате. Подсчитала, а потом, когда заглянула в отчет, увидела, что потери щелоков оказались меньше... в десять раз. Отчет составлялся на комбинате, но ушел в министерство, и там не однажды им, вероятно, пользовались, чтобы доказывать безвредность своего производства.

После этого надо ли удивляться безвинной цифре, будто доля Байкальского комбината в общем загрязнении озера составляет немногим больше процента. От такого формально-количественного подсчета предостерегал еще академик П. Л. Капица. Выступая в 1966 году на совместном заседании коллегии Госплана СССР, коллегии Госкомитета СССР по науке и технике и президиума Академии наук, он сказал: «Из данных, приведенных экспертной комиссией, следует, что поступающие в Байкал загрязненные воды от целлюлозного комбината совсем иного химического состава, чем вода, поступающая от рек, впадающих в озеро... Таким образом, даже небольшое количество ядовитых загрязнений от целлюлозных комбинатов может вызвать полное нарушение благополучного равновесия и совсем погубить чистоту озера».

Близко к тому. Как ни усердствует ведомственная наука, в лице института экологической токсикологии (свыше ста

человек), подпорной стенкой стоящая подле комбината, чтобы доказать обратное, слишком много фактов говорит, что комбинат не столь безвинное дитя, каким его пытаются представить. Гибель эпишуры, основного биологического очистителя байкальской воды, и других эндемичных видов, знаменитый омуль, вдвое потерявший в весе и росте, десятки тысяч гектаров усыхающих лесов от воздушных выбросов и сотни тысяч гектаров лесов поврежденных — это его рук дело.

Начиная с нынешнего года, Байкал вздохнет легче. Правительством намечается огромная комплексная программа по сохранению его лесов и вод. Но за комбинат министерство встало горой. Перепрофилировать его когда-нибудь придется, однако сроки отодвигаются на следующую пятилетку и, по расчетам спасателей, дальше, дальше... Как временную меру предлагается отвести промстоки по трубопроводу в реку Иркут. Планы разглядеть нетрудно: временное сделать постоянным. Десятки миллионов рублей на спасательный круг — по-хозяйски ли? Не лучше ли без промежуточных решений, без дорогостоящих подпорок, без казуистики доводов, а раз и навсегда: ошиблись — исправим ошибку. Наше время уже взвалило на себя эту тяжкую ношу, Байкал стоит того, чтобы и его решительно взять под свою защиту. Отвод промстоков не решит до конца проблему, воздушные выбросы остаются, а их, как считают специалисты, обезопасить полностью не удастся.

Да и как можно верить министерству, которое давно взяло за правило не выполнять своих природоохранных обещаний? Не выполнять — и все. Замкнутый цикл водопользования на Селенгинском целлюлозно-картонном комбинате, запланированный на 1980 год, до сих пор гуляет по бумагам. Дрожжевое производство, которое уже в пору действия государственной комиссии по Байкалу предписывалось закрыть на Байкальском комбинате в августе, со скандалом остановили совсем недавно.

Ох уж эти государственные интересы! Это же ими размахивали, строя комбинаты, их выставляли, защищая год от года комбинаты, к ним прибегают и сейчас. Госплан уверяет, что без байкальской целлюлозы стране не обойтись, что без нее она будет обречена чуть ли не на гибель. Но вот справка члена-корреспондента АН СССР, специалиста-шинника В. Ф. Евстратова: объединение «Союзшина» планирует в 1990 году использовать только 16 тысяч тонн вискозно-

го корда, а ему навязывают 80 тысяч тонн. А если еще поскрести по другим отраслям? Не хватит ли, чтобы уже завтра остановить губительное для Байкала производство? Или мощности его распределить по другим предприятиям?

Вспомним: в начале войны всю жизненно важную промышленность, от которой действительно зависело, быть или не быть стране, в считанные месяцы перенесли с запада на восток. Я позволю себе это сравнение потому, что уже в самом ближайшем будущем чистые воды Байкала могут оказаться для нас не менее спасительной ценностью.

«Что имеем, не храним — потерявши, плачем». Старая русская пословица и не подозревала, насколько глобально и всесветно распространится ее правота. В государственных интересах сейчас прежде всего вернуть человеку веру в здравомыслие и нравственные истоки всякого нашего дела.

И под конец строки из письма рабочего с Байкальского целлюлозного комбината Василия Забелло: «Окружающая среда» — какая бездушная казенная фраза! Про Байкал так говорить нельзя. Байкал — наша национальная святыня. А мы замахнулись на эту красоту. И как только рука поднялась?! И как бы мне ни говорили о необходимости комбината, как бы ни утверждали, дергая меня за рубаху, которая соткана из вискозной нити: мол, что бы ты сейчас носил — я не могу принять ни умом, ни серцем, что вискозная нить нужнее Байкала. Да я бы с большим удовольствием носил рубаху из льняной ткани.

Пусть не все рабочие ставят так вопрос, как ставлю его я, но подсознательно это живет в каждом. Вроде мы работаем, получаем за свой труд деньги, зарабатываем награды, пенсии, а в конечном итоге вся наша энергия, весь труд направлены на то, чтобы губить Байкал. Такой труд не может приносить удовлетворения».

Разве рабочий мыслит не по-государственному?

1987

СЕМЕН ГЕЙЧЕНКО

Пушкиногорье [1]

ПОД ПОЛОГОМ ЛЕСА

Пушкиногорье — это не только памятник историко-литературный — это и своеобразный ботанический, зоологический сад, замечательный памятник природы. Его площадь — это не только те 750 гектаров, которые юридически закреплены за музеем-заповедником Пушкина, но и его охранная зона, в которую входят леса, рощи, поля, на которых расположены сельскохозяйственные угодья местных колхозов и совхозов, и лесничества, на пространстве нескольких тысяч гектаров. В нее входят бывшие поместья Ганнибалов и других помещиков — знакомых Пушкина: Январское, Батово, Воскресенское, Лысая Гора, Дериглазово и так далее. На этой территории и находится все типичное для Псковщины, для природы северо-западного края нашей Родины — озера, реки, болота, леса, овраги, поля, поля... а в них все виды растений, птиц, зверей, свойственных географическим и климатическим условиям местности.

Являясь в течение многих лет (с 1899 года) особо охраняемым местом, заповедник сохранил в себе такие образцы фауны и флоры, которые редко встречаются в других местах Псковского края. В этом отношении заповедник — настоящий зеленый оазис. В нем можно выделить: сосну обыкновенную и корабельную в возрасте свыше 250 лет, березы и ясени многих сортов, клен обыкновенный, татарский, южный, американский, тополь простой, круглый. Еще не так

---

[1] Главы из документальной повести.

давно в Пушкинских Горах, неподалеку от почты, росли несколько штук итальянского пирамидального тополя. Для здешнего края это большая редкость. Под пологом леса и на усадьбах произрастают многочисленные виды кустарников; белая ольха, красная, черная крушина ломкая и слабительная, лещина, бузина, черемуха черная и белая, калина белая и красная, жимолость простая и татарская, бересклет, боярышник, пяти сортов ива — серебристая, корзиночная, японская, самостригущая, самораздевающаяся, несколько сортов сирени, клен-малина, десять сортов шиповника, сотни сортов яблони, груши, сливы, вишни. Чего-чего только здесь нет! Ведь при Ганнибалах здесь работали замечательные садоводы-лесоводы, и не только русские мичурины, но и специалисты, завезенные в качестве консультантов из Германии и Франции.

Заповедник — это парки разных стилей, это рощи разные-разные (березовые, дубовые, еловые, сосновые, ольховые). Это бор, местами труднопроходимый, сказочный. В нем зоркий глаз встретит все, о чем Пушкин говорит в своем стихотворении — песне-сказке о медведихе. Пушкин перечисляет живущих в его лесном царстве зверей больших и зверушек малых: тут и волк, и бобр, белочка и лисица, горностай и байбак, заяц и еж... И все это сегодня есть в Пушкинском заповедном царстве. Глаз человека здесь встретит барсука, кабана, лисицу, белку, енота, зайца, горностая, норку, куницу, дикую козу, ондатру. Здесь часто пробегает волк. Проходом в глубь области пасутся лоси, не так давно молодой лосенок в течение нескольких месяцев содержался на конном дворе заповедника вместе с другими животными. А полста лет тому назад недалеко от устья Сороти был убит последний медведь, чучело которого до войны хранилось в Пушкиногорской школе имени Пушкина. Правда, лет 25 тому назад группа школьников из Сибири привезла в подарок заповеднику молодого медвежонка, только я решил не оставлять его в Михайловском, а передал в Ленинградский зоологический сад.

По берегам озер, рек и ручьев попадаются коростели, дупеля, бекасы, дикие утки разных сортов, среди них есть такие, которые делают себе гнезда не на земле, а на деревьях, здесь живут выдры. Речной бобр, которого пытался развести здесь сын поэта заядлый зверовод Григорий Александрович Пушкин, не ужился, хотя в народе ходят назойливые слухи о том, что бобр здесь все же водится... И вот недавно

писатель — знаток природы Василий Песков бобра в Михайловском все же встретил!

Исключительно богато царство пернатых. В своих новеллах, посвященных птичьему царству Михайловского, я попытался об этом рассказать подробно. Здешние озера, река Сороть и мелкие речушки исстари богаты рыбой — язем, щукой, линем, карасем, лещом, окунем, шелеспером, ершом, плотвой. Изредка попадаются сом и налим. Имевшиеся некогда в изобилии раки — ныне совсем редкость. Когда-то рыбоводством здесь занимались Ганнибалы. В усадьбе Михайловского и Петровского у них были даже свои «рыбьи садки», в которых выращивались мальки разной рыбы. В 1951 году один из рыбаков деревни Дедовцы поймал щуку, в губу которой было вделано серебряное кольцо, на котором можно было рассмотреть следы ганнибалова родового знака, а не так давно был пойман сом полутораметровой длины...

В Михайловском есть все красы русской природы и ее чудеса.

Однажды я рассказывал о том, как на усадьбе Михайловского, в пруду, что у «Острова уединения», поселилась выдра и вывела пятерых выдрят и что получилось, когда один из московских фоторепортеров захотел сделать снимок ее семейства; как чуть не до смерти перепугал поэта Михаила Александровича Дудина горностай, устроивший себе жилье под полом дудинской светелки. Подобные истории случаются здесь нередко. Как и во времена Пушкина, тут бывают чудеса — по ночам лешие в лесу бродят, в яблоневом саду домовые шуруют, в «пруду под ивами» русалки купаются. Одного домового как-то сторож поймал, им оказался инженер-ученый, химик, остановившийся на Пушкиногорской турбазе — большой любитель антоновских яблок. Или вот еще несколько разных историй.

* * *

В Михайловском всегда люди. Их очень много. И звери, и птицы привыкли к ним. С ними часто заигрывает белка, когда видит, что человек предлагает ей пряник. По дорогам и аллеям можно видеть енота, который шурует по урнам для мусора. Однажды я видел такое. Возвращаюсь как-то ночью из Пскова в Михайловское. Ехал на машине через лес, про-

ехал по берегу Маленца. Дорога вбежала в темный лес. Вдруг посреди дороги показался некто с круглым фонарем. Шофер остановил машину. Выйдя из машины, я увидел... енота, на голову которого была надета стеклянная консервная банка. Вероятно, в поисках пищи он наткнулся на банку с остатками чего-то вкусного, просунул в банку голову, а выпуть ее обратно не смог. Вот он и бегал по лесу, искав спасения, а в конце концов подбежал к человеку. Подойдя к зверьку, я осторожно схватил банку и стащил ее с головы енота — тот, почувствовав спасение, моментально юркнул в придорожный кювет и был таков!

* * *

В осенние дни в Михайловском часто дуют сильные ветры. Они ломают стволы старых деревьев, вырывают их с корнем, причиняют другие беды паркам и рощам.

Как-то порушил такой ветер старую ганнибаловскую липу, поломал, повалил ее на землю. Стали ее убирать. В ней оказалось два дупла: в одном — большой пчелиный улей с прекрасным медом, в другом — беличье гнездо. Белка очень хорошо подготовилась к зиме. Дупло было большое, теплое, с понатыканными во все стенки паклей, беличьей шерстью и пухом. В одном уголке лежали сушеные грибы, в другом — орехи, в третьем — яблоки. Благодать! Отрезали мы кусок ствола с ульем и отправили его в амбар, где зимует пчелопасека заповедника, отрезали другой — с беличьим гнездом — и прикрепили его к столбу деревянной ограды, что стоит неподалеку. Первое время белка боялась подойти к своему обновленному домику, бегала вокруг да около него, а потом все-таки решилась, уж больно хороши были в нем запасы.

* * *

Зима на пушкинской земле бывает капризная — «то как зверь она завоет», то такими снежными сугробами все занесет, что еле-еле доберешься до Михайловской усадьбы. У дома Пушкина сугробы высотою в два метра и выше. Холодно. Куда-то попрятались все птицы. И только в домах, где люди, повсюду тепло.

И только у птиц все как было встарь. Для них такая зи-

ма — беда! Все в снегу: и земля, и деревья, кусты и кормушки — все похоронил снег...

У меня дома свое птичье царство. В нем не только воробьи, голуби, утки, но и поползни, синицы, дятлы, сойки и... Золотой петушок. Петухи особенно боятся морозов. А мой петух не простой, а «ученый» — «пушкинский», летом все им любуются... Вот я и решил благоустроить его вольер: обвил стены дерюгой, на пол положил соломенный тюфячок, двери обил войлоком, провел внутри электричество. Лампочка большого накаливания не только светит, но и греет петушиную хибарку. В стенке домика я сделал дырку — вентилятор с задвижкой.

Стал мой золотой жить в полном благополучии. Узнавши про его блаженство, местные воробьи, ютившиеся под застрехой дома моего, стали залетать в вольер через «вентилятор». В петуховой хоромке не только тепло и светло, в ней и кормушка с зерном и хлебными крошками, и кринка с теплой водицей... Сперва прилетел воробышек-разведчик, а за ним и целая стая. Петя против гостей не возражал. Одиночество ему было в тягость... А тут — целая стая веселых пичуг. Одни стали Пете перышки чистить, другие песенки чирикать, петь, третьи плясать...

Первоначально, когда я утром приходил в вольер, чтобы его почистить и накормить хозяина и гостей, воробышки забивались от страха в угол, под потолок. Потом привыкли. Как только открывал я утром двери, все хором кричали: «Здравствуйте, Семен Степанович, здравствуйте!»

— Ну, как вы тут живете? — спрашивал я. И все хором мне отвечали: «Дружно, дружно». А Петя радостно кричал: «Ку-ка-ре-ку».

* * *

Весна. Как всегда, над карнизом дома Пушкина ласточки слепили уютное гнездышко. И вот какой-то местный воробей-прохиндей решил присвоить себе его. Очень уж оно ему понравилось. Залез в чужой дом, зачирикал: «Мой, мой дом, мой, мой...» Как ни старались ласточки изгнать насильника — ничего не получилось. Воробей топорщил крылья, угрожая страшным криком... Отлетели в сторону бедные хозяева, стали взывать о помощи... Слетелась целая стая птиц. Посмотрели на воробья и улетели. Вскоре стали прилетать обратно. У каждой птицы в клюве был кусочек земли. Одна

за другой они подлетали к гнезду и стали заделывать отверстие крыльца. Вскоре воробей оказался замурованным, и стая разлетелась. Пленник поднял неистовый крик.

Глядючи на все это действо, пожалели мы воробья. Принесли лестницу, вскрыли «тюрьму». Воробей выскочил из гнезда, как из пушки, и был таков. А ласточки вернулись в свой домик и запели радостную песню.

* * *

У балкона моего дома небольшой ягодник, в нем разная смородина, крыжовник, черемуха, боярышник, барбарис. Тут же яблоня, на которой растут райские яблочки — маленькие, ядреные, как недоспелая рябина. Это место одно из самых любимых здешними птицами. На дереве скворечник, не один десяток скворцов вырос в нем. Однажды здесь случилась драма. Это было весною, в период птичьего гнездованья. Начала скворчиха в своем домике нести яйца. Положит яичко и улетит в поле. Вернется вечером, в яичка-то и нет. Так продолжалось несколько дней. Загрустили самец с самкой, стали думать-гадать, что же делать дальше. Позвали на помощь родичей. Слетелась целая стая. Зашумели, засвистели и решили поймать вора... Снесла скворчиха еще яичко. Спряталась стая на деревьях, что стоят вокруг и около яблони со скворечней. Притаились, смотрят. И вдруг видят, как подлетела к яблоне синица и вскочила в скворечник. Через некоторое время она высунулась на крылечко домика.

Тут стая скворцов подлетела к домику, загнала синицу внутрь, а сами стали по очереди туда залетать. Обратно птицы выскакивали кто с перьями, кто с клочками пуха от синички, а вскоре вытащили и ее и бросили на землю. А потом сели все вокруг домика и запели победную песню.

* * *

Люблю смотреть на Сороть, всегда люблю: и весной, и летом, осенью и зимой. В ней я вижу начало начал прославленного ландшафта Михайловского. Она бескрайна и уютна, величественна и интимна. В ней ощущаешь великое славословие пушкинской природы, бесконечность пространства, нескончаемое во времени. Здесь, конечно же здесь пронзило

великое видение Пушкиным России и ее таинственного духа!..

У берегов Сороти он видел все сущее — воду живицу, поющую, вопиющую, спящую, чудеса творящую. Вокруг нее старое, новое, вечное... селища, городища, холмы, нивы, дедовцы — зимари, колдовские камни, знаки, дорожки, ведущие повсюду, и даже «к богу в рай, на самый край...».

Здесь пролегает основная трасса, по которой идет перелет птиц из Египта в Мурманск, из Никарагуа в Псков, из болгарского Пловдива в Пушкинские Горы. На древнем озере Кучане пролетающие птицы: гуси, утки, лебеди — обычно отдыхают. Бывает иной раз, проходишь по берегу, сядешь на лавку, знаешь, что вокруг никого нет, и в то же время сознаешь, что все-таки кто-то есть. И вдруг видишь цирковой прыжок какого-то зверя. Кто это? Это выскочила из своей норы выдра и стала купаться. Ах, как красиво, с какими фокусами купается она!..

Когда в этом году пришла зима на Сороть и Кучане и их сковало льдом, вода текла открыто лишь в устье реки... Однажды, проходя по берегу, я вдруг услышал странный крик. Стал смотреть туда-сюда и вдруг увидел... лебедя, который в торжественном одиночестве важно плавал от берега к берегу, то вверх по течению, то вниз...

С тех пор я целый месяц, почти каждый день по утрам шел на Сороть и смотрел на своего красавца и кричал ему: «Здорово!» Он молча отплывал в глубь реки. Так было в ноябре. Вскоре я уехал в отпуск. Вернулся во второй половине декабря. И сразу же побежал на Сороть. Смотрю и вижу — лебедь мой на месте. Все как прежде было.

Но вот неожиданно в Михайловское пришла оттепель. Все раскисло. Круглосуточно стал лить дождь. Лил целую неделю. Затрещал лед. Вода хлынула на берега и затопила все, как это обычно бывает весной, а не зимой... Лебедю стало вольготней. Изредка он стал подплывать к лаве, выскакивать на южный берег и подходить все ближе к дороге, которая ведет к моему дому. Он останавливается, поднимает голову и слушает, как мои домашние гуси и утки резвятся на «пруду под ивами» и радостно гогочут. Лебедь слушает их голоса. Замирает. Что-то чудится ему. Видно, хочет подлететь ближе к пруду, познакомиться с моими зимородами, но не решается.

Каждый день я подхожу к Сороти. Смотрю на своего лебедя и думаю: «Ох, ох, спаси птицу бог! Только бы какой-нибудь прохиндей-охотник не подстрелил ее!»

...Как обычно, рано утром я делаю обход усадьбы Михайловского. Подошел к плотине, что у пруда под ивами, стал смотреть на Сороть — искать глазами своего дорогого лебедя. Вижу — плавает...

Он подплыл и прилепился к кромке южного берега, засунул голову под крыло и застыл... Вдруг из воды выскочила выдра и прыгнула на спящую птицу. Дикая уточка, что была неподалеку от лебедя, громко крякнула, взлетела к небу и понеслась в сторону Савкиной горки. Лебедь встрепенулся, раскинул свои широкие крылья, словно орел на старинном знамени, взвился над водой и прыгнул на зверя. И вдруг исчез... Мне показалось, что выдра схватила его за ногу и юркнула с ним под воду, в свою нору... «Конец! Конец!» — подумал я. Долго стоял, смотрел, смотрел, но так и не увидел больше своего красавца... Конец. «И се аз плакася горько», — пошел домой. Через час-полтора опять иду по плотине и по привычке поворачиваю голову к Сороти и... глазам не верю... Вижу... Чудо... Мой красавец на месте, плавает по воде. «Жив. Жив. Жив!»

Как сейчас вижу выдру. Вот она крутится по берегу, прицеливается к лебедю. Прыжок... Нет птицы!..

А он, оказывается, жив. Опять гордо и величественно плавает по Сороти! Урра!

* * *

Дом, в котором я живу, стоит на окраине усадьбы Михайловского. Окна его расположены по четырем сторонам света. Через них я всегда могу видеть все, что захочу, — пушкинский сад, голубятню, пасеку, Сороть и дали за ней, и «пруд под сенью из густых», и кто куда идет и по какому делу... Дому этому уже более ста лет. В нем всегда жили управители имения.

А под окном у меня стоит старая береза. Огромная, толщиной в метр, красавица. Она стоит рядом с прудом, на самом краю берега. Перед нею небольшая светлая поляна, вокруг которой венком расположились густые ивы, а дальше — фруктовый сад. Живет береза барыней, у нее всегда много и воды, и солнца, и защитников от ветров. Хотя она и старая, но выглядит очень молодо. Зелень у нее густая. Кора могу-

чая, никакого сушняка не заметно. Из окна мне хорошо видна эта береза, я знаю все ее повадки и секреты, мне хорошо известно, когда и что с нею происходит, кого она принимает, кто у нее в гостях и о чем она ведет беседы с паломниками по пушкинским местам.

Я люблю делать для птицы скворечники, птичники, дуплянки. Просмотрел много книг с описанием, как некогда изготовлялись птичники. А делались в старину, нужно сказать, чудесные домики — сказочные терема, и дворцы, и часовенки. Особенно понравились мне многоэтажные резные скворечники.

Вот я и соорудил в Михайловском скворечник-хоромы. Первый этаж с портиком, а второй — резной антресолью. Уж не знаю почему, но домик показался моим скворцам подозрительным. Они долго его рассматривали и спереди, и с боков, и с крыши, заглядывали в окошко, но зайти внутрь не решались. Так вот мой домик и не был в тот год заселен. Я даже обиделся на неблагодарную тварь.

Прошло лето, прошла зима, и наконец показалась новая весна. И вот в один день я увидел, что в моем домике есть жильцы. Это были белки — самец и самка. Самец облюбовал себе верхний этаж — антресоли, самка поселилась внизу.

Целыми днями они таскали в свой дом какие-то мебели и оборудование. Бывали дни, когда часами они сидели в своих хоромах, высунувшись в окошки, и о чем-то беседовали, поглядывая на мой дом.

Ни я, ни домашние мои — никто их не тревожили. Мы старались делать вид, что ничего не замечаем. Всем нам очень хотелось, чтобы белки к нам привыкли. Так это в конце концов и получилось. Белки стали подбегать к садовому столику, который издавна стоит под этой березой, и принимали наши дары: желуди, шишки, орехи, сахар, сушеные яблоки и грибы, которые мы с вечера им подготавливали. Спустя некоторое время я увидел, что супруг белочки скучает в одиночестве, его благоверная куда-то исчезла. Выяснилось, что у них прибавление семейства — пятеро маленьких бельчат.

Наконец весна совсем разгорелась, стали раскрываться почки на березе, и в окошечке появились малюсенькие зверьки. Когда они слишком высовывались из окошка, папа сверху угрожающе фыркал, мама кричала, в домике была слыш-

на возня и писк. Вероятно, папа и мама прививали своим детенышам необходимые культурные навыки.

Проходили дни. Я непрерывно наблюдал беличье семейство, стараясь увидеть все, что происходит в домике. И вот однажды вижу, как выходит из дому белка-мама, а за нею гуськом бельчата. Шествие замыкает папа. Вот все зверьки уселись на толстый сук. Папа о чем-то поговорил с мамой и вдруг сделал в воздухе сальто-мортале. Перепрыгнул на другой сук и вспорхнул обратно. Потом он вновь перепрыгнул на сук, который поближе. Прыгнул медленно, словно показывая детям, как это нужно делать. И так несколько раз. Я успел разглядеть, что он присел на задние лапки, потом оттолкнулся ими от сука, выкинул лапки вперед. Мать и ребятки внимательно смотрели на папины упражнения. «Ну вот так, — сказал папа, — давайте начнем...»

Бельчата запищали и стали растерянно ползать по суку, трясясь от страха. Тогда разгневанный папа бешено запрыгал с сука на сук и стал зло кричать на маму и детей. Испуганная мама прыгнула, за ней стали прыгать и малыши. Но один бельчонок все же не решался оторваться от сука, к которому прижимался, и ревел благим матом. Наконец и он прыгнул. Сделал все так, как учил отец, — присел на задние лапки, кинулся вперед, выставив передние лапки, но чуточку не долетел, успел только схватиться коготками за кору дерева да так и повис.

Все семейство забегало, запищало. Вдруг малыш сорвался и полетел вниз на землю с высоты, почитай, десятки метров. Я бросился к нему. Он лежал на боку, дергая лапками. Я осторожно взял несчастного зверька и побежал домой. Там положил его в мягкую шапку и стал думать, что же теперь делать.

Зверек оказался живучим и быстро отлежался.

На другой день утром я увидел, что скворечник на старой березе пуст. Вся беличья фамилия исчезла. Остался лишь мой малыш.

Неудачник был еще совсем несмышленыш. Нужно было его кормить. А как кормить? Взяли мы глазную пипетку, согрели молочка и дали ему пососать. Он сразу же догадался, что к чему. Через несколько дней пипетка уже не годилась, потребовалась маленькая бутылочка с игрушечной соской... Наш питомец ловко схватывал ее лапками и, зажмурив глаза, сосал молоко.

А потом все пошло как по писаному. Наш бельчонок стал быстро расти, шубка его делалась все гуще и красивей. За лето он вырос в великолепную белку.

Подошла осень. Поспели яблоки, орехи, грибы — до всего этого бельчонок был большой охотник. Назвали мы его Ваней. Эту кличку он запомнил и сразу отзывался на нее. Потом к клетке я пристроил дупленку, куда он отправлялся на ночлег и где у него было свое одеяльце и кормушка.

Сидя в своей клетке, бельчонок стал делать запасы на зиму, складывать под одеяло орешки и грибы. Стоило подойти к клетке и сделать вид, что хочешь подобраться к его зимним запасам, как он начинал сердиться и спустя некоторое время перепрятывал запасы в другое место.

Раза два в неделю мы выпускали его погулять. Что тут делалось! Он носился по комнате, делал фигуры высшего пилотажа, забирался на мою кровать, под подушку и оттуда вылетал как пуля и снова влетал в свою клеточку.

Особенно Ваня любил сахар и конфеты. Он знал, что у меня в пиджаке есть для него заветный кармашек, а в том кармашке — сладкое. Стоило мне войти в комнату и открыть клетку, как бельчонок прыгал на меня и бросался в карман, ухитряясь залезть в него весь целиком, набивая за щеки сладости.

Ваня знал, что я возвращаюсь с работы в пять часов. Это время сторож в Михайловском отбивает пятью ударами в старинную чугунную доску, и точно в этот час Ваня садился у окна, поджидая моего прихода...

Так прошла долгая деревенская зима, и вот вновь весна. Наш Ваня затосковал, стал каким-то другим: то лежит соня соней, то вдруг как с ума сойдет, так же начнет выделывать фортели.

Однажды я уехал на несколько дней в командировку в Ленинград. Вернувшись обратно, увидел, что мои домашние смотрят на меня виновато.

— А где Ванечка? — спросил я.

Ванечки дома не было. Что же произошло? Оказывается, убирая комнату, забыли закрыть форточку. Зверек воспользовался этим, выскочил через окно в сад, только его и видели.

* * *

А еще за окном моего дома по соседству со старой березой живет высокая дремучая ель. Ей уже должно быть за полтораста лет.

Так утверждают лесоводы, да я и сам вижу, какая она старая. В осенние дни на вершину ее часто садятся серые тучи, им хочется отдохнуть, прежде чем лететь дальше на юг, вдогонку за птицами...

«Эй, — кричу я туче, — куда это ты, растрепа, плывешь?» Она долго молчит. Ее корежит мозглятина, трясет свирепый ветер, и я еле слышу хриплый шепот: «Лечу туда, не знаю куда...» — «Ну и лети с богом», — соглашаюсь я. И скоро туча исчезает. А я вновь припадаю к окну и гляжу, и гляжу на все, что делается в саду, у речки, за холмом... Смотрю глазами усталого старого кота.

А на вершину ели уже присела другая тучка...

За окном моей хижины стоит старая яблоня. И сажал ее тридцать три года назад. Саженцу было тогда лет семь-восемь. А теперь яблоне уже под сорок, и она старая-престарая.

Когда дереву пятьдесят лет, то человеку считай что уже сто за это время минуло. Такова природа вещей, как сказал когда-то старик Лукреций...

Вот люди увели с яблони ее веселых румяных ребятишек — и дерево стало нищим, убогим, и еще более дряхлым...

Я давно приметил, что яблоневое дерево, расстающееся с яблоками, старается сокрыть хоть одного своего детеныша, спасти его от жадных человечьих рук. Прячет дерево своего последыша, помогают ему все сучья, ветки, листья... Ловко прячут, сразу ни за что не найдешь!

Долго висело последнее яблочко на моей яблоне. Где оно было спрятано, знали лишь яблоня и я. Я все смотрел на дерево и ждал того часа, когда яблочко заклюет свиристель или украдет сойка...

И вот однажды пришел в сад сторож. Долго и хитро разглядывал он каждое дерево, особенно мою старую яблоню. Тряс сучья, работал пронырливо и настойчиво. Знал, что есть у яблони свой завет... Глядел, глядел и все-таки высмотрел, нашел то, что искал. А яблочко-то уже было не простое, а наливное, светилось, как вино в хрустальном бокале!..

Сторож торопливо схватил яблоко и исчез за углом.

— Эй, стой, куда ты? — крикнул я ему вдогонку.

Он повернул назад, подошел к моему окну и усмехнулся весело:

— Здравствуйте, а я яблочко нашел!

— Вижу, вижу... Приятного тебе аппетита, — ответил я и отвернулся.

За окном моей хижины стоит старая бедная яблоня. Она совсем голая. Голо и пусто все вокруг. Голо, пусто и в сердце моем. Так бывает всегда поздней осенью, когда приближается первоснежье.

* * *

Михайловские серые цапли! Их много — около полусотни гнезд. Живут большой колонией в больших гнездах, на самых больших соснах. Эта птица вообще любит лишь те места, где есть озера, реки, болота, где водится много рыбы, лягушек, змей, до которых она большой охотник. В Михайловском всего этого вдоволь, и цапли здесь издревле. О них святогорский монах еще в XVIII веке писал в духовную консисторию, что «птица, именуемая «зуй», любит места сии богом данные, понеже в древние времена здесь был монастырь Михаила архангела».

И деревенское название Михайловского — Зуево, так и Пушкин его называл.

От зари до зари цапли в полете и охоте. Отдельные пары их летают из Михайловского почти до Пскова, а то и дальше — до побережья Чудского озера. Это заметили псковские краеведы еще много лет тому назад. Днем цапли бродят по лугам Михайловского и Тригорского. Часами стоят у воды и высматривают в ней рыбу. Количество семей их из года в год меняется. Этому много причин. Одна из главных — гибель при перелетах с юга на север. В этом году гнезд было около пятидесяти, а пять лет тому назад было тридцать пять.

В 1922 году, когда Михайловское было объявлено государственным заповедным имением, колония цапель значительно пополнилась. Сюда прилетела группа цапель, жившая дотоле в вековой роще у стен древнего Спасско-Елизаровского монастыря, находившегося в 20—25 километрах к северу от Пскова. После Октябрьской революции монастырь опустел, монахи разбежались, и в 1921 году он был передан Псковскому институту народного хозяйства для размеще-

ния в нем естественнонаучной станции и общежития студентов.

«Время было тяжелое, с питанием студентов было очень плохо, и ребята стали лазать на деревья, забирать птичьи яйца, охотиться за цаплями... — рассказывает бывший преподаватель института — ныне ленинградский профессор-геолог Л. Н. Дзенс-Литовский. — И вот однажды вся Елизаровская колония цапель исчезла. А вскоре стало известно, что эта стая переселилась в Михайловское».

Цапля — птица беззащитная. Обороняться от недругов она не умеет. Природа наделила ее лишь истошным криком. Вот ястреб или орел налетает на зуево гнездовье, и все пушкинское село оглашается сплошным птичьим воплем. В другом месте этого не услышишь...

Иной раз бывают у цапли ссоры с надоедливыми посетителями Михайловского. Подойдет какой-нибудь суетливый человек поближе к сосне, на которой гнездо цапли, начинает кричать и хлопать в ладони, чтобы заставить птицу помахать крыльями и дать голос. Тогда разгневанная цапля повернется задом к такому дяде, поднимет хвост и пустит в него большую белую струю...

Когда молодые цапли начинают учиться парить, они часто выпадают из гнезда. Я их подбираю, зову ветеринара, он осматривает птицу и, если случается поломка, накладывает лубок. Лечим ее, кормим свежей рыбешкой, лягушками. Птица живет в вольере, в саду Михайловского, а потом она выходит в сад, пробует летать, а там, смотришь, взмоет в небо и улетит к своим сородичам у озера Маленец.

* * *

В Михайловском много птичьих домиков. Деревья в заповеднике большей частью старые, ветхие, больные. На них постоянно нападают разные жучки-вредители — точильщики, пилильщики и другие всякие. Ученые говорят, что истинные спасители таких деревьев — птицы, что тысяча семей скворцов, например, за одно только лето уничтожает два вагона древесных вредителей.

Здешние лесники — народ изобретательный, заботливый. Они понаделали птичников самых разных. Тут и маленькие терема, избушки, светлицы, колоды, — не только обыкновен-

ные ящички. И всюду в них гнездятся пернатые друзья заповедного места.

Ставили как-то ранней весной в Михайловском новые домики для скворцов и синичек. Разница между теми и другими небольшая — дырка-лазок у синичников поменьше, вот и все. Ставили новые на тех местах, где были старые, прохудившиеся.

В одном старом домике уже устроился скворец. Улетел рано утром из старого, а прилетел вечером и не заметил, что домик-то новенький. Как на грех, лесники сделали ошибку: на место скворечника поставили синичник. Подлетел скворец, сунулся в дырку, туда-сюда — пролезть не может. Решил проскочить с ходу, разлетелся — ничего не получается. Наконец как-то втиснулся. Вскоре в домике послышалась возня. Оказывается, туда-то скворец залезть ухитрился, а вот обратно вылететь не может, бьется, словно в тюрьму попал.

Смотрю: что дальше будет? Скворец и так и этак пробует вылететь — ничего не получается. Запищал даже с горя. Решил я помочь беде пичугиной. Взял лестницу, приставил ее к дереву и полез к домику, чтобы садовым ножом увеличить леток. Смотрю — скворец в ужасе забился в угол, притаился и глаза закрыл. Увеличил я дырку, спустился на землю и жду. Замер скворец, не показывается, да так долго, что и я уже стал думать: может, птица со страху богу душу отдала? Смотрю, нет. Появился в дырке кончик клюва, потом клюв, за клювом голова — и... скворец пулей вылетел из домика. Два дня мой сосед и близко не хотел подлетать к домику, а потом все же вселился — вероятно, решил, что тюрьма ему приснилась.

В новом домике скворец уже вывел на свет пятое поколение. Я окольцевал одного праправнука, вырезав на колечке: «СССР, Пушкин, Михайловское. 24 мая 1965 года». А на другой год получил нежданно-негаданно письмо из Софии, от болгарских школьников — друзей Пушкина, с которыми переписываюсь. Они сообщали мне о том, что михайловский скворец попал в сети юных орнитологов и был ими выпущен на волю. Весною он снова явился в свои пушкинские края.

* * *

Много примечательного в птичьем царстве Михайловского. Есть и чудо-чудеса. Вот одно из них. Осенний отлет птиц

в теплые края. Зрелище это неописуемое. Птицы стаями и караванами разлетаются в разные страны: соловьи и горихвостки летят в Эфиопию — родину прадеда Пушкина Ибрагима Ганнибала; стрижки — на Мадагаскар; аисты летят в Африку... Скворцы отправляются на юг Украины, в Болгарию...

Особенно трогательно прощание с Михайловским скворцов. Они чувствуют расставание уже тогда, когда мы еще совсем не замечаем приближения «унылой поры» года. И вот наступают последние дни того месяца, когда опускается на землю какая-то особенная тишина и последняя ласковая теплынь, тогда в Михайловском происходит великий птичий сбор. Кажется, что слетели разом в одно место все птахи. И тысячи и тысячи, все они садятся на высокие ивы, что у горбатого мостика, и исполняют торжественное песнопение.

Я каждый год с замиранием сердца жду этого часа, и мне всегда грустно оттого, что вижу и слышу это чудо только я и лишь немногие со мной...

* * *

Или вот тоже почти чудо — находка «архива» старого михайловского аиста.

На усадьбе Михайловского издревле живет аист. Говорят, что эта птица приносит счастье тому месту, где она поселилась...

Много лет назад аист жил на огромной старой кривой сосне, стоявшей на околице, на выходе со двора в сторону озера Маленец. Когда эта сосна засохла — в нее ударила молния, расщепила ствол дерева и повредила гнездо, — сосну спилили, древний пушкинский насельник перебрался на другое место, во фруктовый сад, на старую березу, и жил здесь до войны. Когда же пришла война и фашисты стали рубить михайловские рощи, аист отсюда ушел совсем. Он вернулся только вместе с людьми, когда фашистов не стало и в Михайловское вновь пришли тишина и мир.

Аист вновь поселился на березе, гнездо было очень большое, а береза уже ветхая: во время войны немало ран нанесли ей осколки вражьих снарядов и пуль.

Летом 1956 года налетел на Михайловское ураган и повалил березу на землю вместе с гнездом.

Три года птицы летали над Михайловским, подыскивая для себя новое удобное место. Подыскивал для них новое место и я. Попросил поставить на шести разных деревьях— двух березах, двух липах и двух елях — колеса и бороны, как учит народная примета. И вот наконец птица остановила свой выбор на высокой липе, что стоит при входе на усадьбу с восточной стороны ее — там, где экскурсоводы начинают свой рассказ о деревенском житье Пушкина. С тех пор на этой липе наши аисты вырастили много поколений.

Говорят, что аисты петь не могут, что они только трещат. Это неправда! Аист действительно трещит при встрече с другими аистами, при возвращении с полета в свое гнездо, при нападении на его жилище хищника. Треск его напоминает барабанную дробь. Но аист и поет. Это бывает рано утром, на заре, или вечером, при заходе солнца, в тот период, когда подрастает выводок и когда вся семья в сборе. Поет он не очень громко. Пенье его жалостливое и очень приятное.

Недавно на усадьбе пришлось менять одно из двух имеющихся старых аистовых гнезд. Обветшала вершина дерева, на котором гнездо стояло, и аист убоялся в нем плодить свое потомство. Это значит, что люди, которым аист доверил свой род, должны позаботиться о новом гнезде или произвести капитальный ремонт старого.

Как делается ремонт? Просто и непросто. Отважные люди лезут на вершину дерева, удаляют старое гнездо и снимают с его основания борону или колесо, потом удаляется сгнившая часть дерева и на здоровую его часть опять поднимается и ставится большое колесо или борона. Мы в Михайловском обычно ставим колесо. Такое гнездо стоит около десяти лет. За десять лет своего существования гнездо делается огромным, ибо птица каждый год в него что-нибудь добавляет: сучья, ветви, разную траву...

Однажды мы закончили операцию по ремонту старого гнезда, и я произвел тщательное обследование старья. Чего-чего в нем только не было: разное-разное тряпье и... целый бумажный архив! Здесь были фрагменты газет «Известия», «Псковская правда», страница специального выпуска «Пушкинский праздник поэзии 1973 года», билет для входа в дом-музей, «Памятка для экскурсанта», обрывок любовного послания какого-то Алеши к какой-то Танечке... Вот так-то!

* * *

Кое-что из птичьего царства пушкинского Михайловского сегодня утрачено. Теперь уже нет в наших рощах черного аиста. Есть только белый. Последняя семья «черногуза» погибла несколько лет назад. Гнездо этой птицы, находящееся на южной окраине заповедного имения, разорил какой-то проходимец.

В связи с наблюдающимся в последние годы обмелением озер ушли от нас дикие гуси. Но это дело поправимое. Ведь удалось же нам возвратить в Михайловское других птиц...

Известно, что гитлеровцы, три года хозяйничавшие на пушкинской земле, тоже были «большими любителями» птиц, и не только птиц, но и пчел. Пчел любили за их чудесный липовый мед. Поэтому в парках Михайловского и Тригорского гитлеровцы срезали старинные липы, в дуплах которых жили большие семьи пчел, и было у них много меду. «Любили» они вальдшнепов, тетеревов, уток, куропаток. «Любили» и птицу певчую — ловили и отсылали ее к себе в Германию в качестве особого ценного трофея. Подумать только — трофей из заповедного имения великого русского поэта.

К моменту боевого поединка нашей армии с гитлеровцами на берегах Сороти и Великой птичье царство Михайловского сильно поредело.

А когда по окончании войны все здесь стало возрождаться, стали восстанавливать в нем и мир птиц. Добрый аист прилетел сам, скворец — тоже. Утки и разная другая дичь размножались очень быстро. Плохо было вот с певчей птицей. Птичьи домики, синичники, скворечники, дуплянки были разорены. Кустарник выгорел. Гнездиться птице было трудно. Поэтому одновременно с восстановлением исторических зданий и сооружений восстанавливались и зеленые насаждения и сооружались домики и кормушки для птиц.

Их было построено около тысячи, самых разных, простых и затейливых, по старинным образцам. Нам много помогли в этом здешние ребята-школьники. Птицы быстро поняли заботу о них и при весенних перелетах на север стали все больше останавливаться в Михайловском и гнездиться в нем.

А вот соловьи пропали, соловей птица малая, нежная, не любящая людской суеты и грязных отходов человеческой жизни: мазута, ржавого железа, разной тухлятины.

Как-то приехал в Михайловское ленинградский лесовод-орнитолог Д. Терентьев. Поговорили с ним. Он посоветовал

обратиться к своему старому знакомому — птицелову Ивану Матвеевичу Климкову, бывшему егерю бывшего барона Гревеница, бывшее имение которого когда-то находилось за Ораниенбаумом. Дал мне Терентьев адрес Климкова. Встретился и со стариком. Достал мне егерь две пары соловьев, и я сразу же привез их в Михайловское. Выпустил их в сад, где в то время на месте теперешней водокачки был посажен кустарник желтой акации, сирени, смородины и боярышника...

Прошло много лет. Теперь в Михайловском как при Пушкине:

В лесах, во мраке ночи праздной,
Весны певец разнообразный
Урчит, и свищет, и гремит...

И не только в лесах, но и в саду можно услышать прекрасные птичьи концерты, а у кого душа богатая, тот сможет услышать и пушкинские «незаменные три песни соловьиные».

Разводил я в Михайловском и другую пернатую тварь, которая водилась на усадьбе Пушкина при жизни поэта.

По описи 1838 года, на усадьбе был богатый «птичий двор с двумя избами и курятниками», а в нем много индюшек, гусей, кур, уток... Были и фазаны и цесарки. Кое-что развести мне удалось, а с фазанами и индюшками не повезло. Их прикончил коршун. Разбойничьи повадки этой хищной птицы Пушкин прекрасно описал в поэме «Руслан и Людмила». «С порога хижины моей» он наблюдал, как

Над ними хитрыми кругами
Цыплят селенья старый вор,
Прияв губительные меры,
Носился, плавал коршун серый
И пал как молния на двор.

Эту картину можно видеть и сегодня с порога михайловского дома Пушкина — эта птица камнем летит с большой высоты в Сороть и хватает зазевавшуюся щуку или леща...

* * *

С древних времен на Псковщине была своя порода домашних гусей. Они назывались «псковские лысые» и отличались вкусным мясом, добротным чистым пером, мощны-

ми красными лапами и большой лысой головой на длинной шее.

У жителей столицы они пользовались большой славой. На Сенной площади Петербурга был даже особый торговый ряд, в котором продавали только псковских гусей.

Разводили гусей на Псковщине повсеместно, в том числе и в Святогорье. Были они в фаворе и у помещиков, и у простых крестьян, в особенности тех, кто жил вблизи рек Сороти, Великой, Луговки, Кучановки.

Гусь — птица неприхотливая, сама себе добывает корм. Летом огромные стада их покрывали берега, словно белыми пуховыми коврами. Один из таких ковров всегда стелился на Сороти под горой, на которой стоял дом Пушкиных.

Гусей в Михайловском было много и при Пушкине, и при его сыне Григории Александровиче, который жил здесь помещичьей жизнью почти тридцать лет. При нем в михайловском птичнике содержалось полторы сотни гусей. Тысячи их водилось у жителей деревень, лежавших супротив Михайловского, — Дедовцев, Зимарей, Савкина, Бугрова...

Осенью гусей большими стадами, пешим ходом отправляли на продажу в Псков и Питер. Гнали их мужики, хорошо знавшие это дело, вооруженные длинными хворостинами. А чтобы во время долгого пути птицы не сбивали себе ног, им заранее смазывали пятки густой смолой...

А когда приходила зима и реки одевались льдом, нередко можно было видеть картину, нарисованную с натуры Пушкиным в одной из деревенских глав «Евгения Онегина»:

На красных лапках гусь тяжелый,
Задумав плыть по лону вод,
Ступает бережно на лед,
Скользит и падает...

Во время Отечественной войны псковские гуси почти совсем пропали. Сейчас во многих хозяйствах области они возродились, но этого нельзя сказать о домашних гусях колхозников.

Теперь на михайловских и тригорских лугах уже давно не слышатся гусиные клики, не стелются пуховые ковры... Только думается мне, что придет время и возродится старинная традиция: держать каждому дому своих гусей на славной пушкинской речке...

* * *

Временами к птицам Михайловского приходит лихо. Оно бывает разное. Иной раз всю зиму настоящей зимы нет. Она проходит без морозов и снегов. Весна наступает рано, поэтому и птицы с юга прилетают рано. И вдруг весеннюю благодать рушат холода и снегопады. В поисках тепла скворцы лезут в скворечники, набиваются в них, как сельди в бочке, давят друг друга, и в конце концов многие оказываются задушенными. Ласточки слетаются большими группами к какому-нибудь гнезду, лепятся друг к другу, образуя огромные гроздья. Но это не спасает их от холода, они коченеют и гибнут. Бывает и наоборот — зима очень лютая, метровой толщины снег покрывает землю, тридцатиградусные морозы стоят подолгу. В рощах и парке часто слышится громкая пальба. Это «стреляют» старые деревья, в стволах которых образуются морозобойные глубокие трещины. Живущие в дуплах этих деревьев птицы в страхе покидают их и летят на усадьбу — поближе к людскому жилью, к птичьим кормушкам. Зимняя стужа для птицы — время трудного поиска корма.

На стенах моей избы две кормушки — одна у входных дверей, другая под окном столовой комнаты. А вот и мои постояльцы, их, почитай, сотни две будет! Это синицы, большие и малые, поползни, дятлы — пестрые и зеленые, сойки, воробьи... Порываются к столу и вороны, но я их отгоняю — очень уж вредная эта птица, зимой пожалеешь — весной не отгонишь... Утром, задолго до рассвета, мои подопечные начинают меня будить, барабаня носами и лапками в оконную раму. В их стуке мне ясно слышится: «Эй, хозяин, вставать пора, пора на стол накрывать!»

Когда бывает особенно холодно, я приоткрываю окна в сенях и в одной из теплых комнат, чтобы дать возможность закоченевшим пичугам залететь и обогреться. Мне всегда кажется, что в сердце птицы живет благодарность человеку за то, что он помог ей пережить суровое время.

Есть сегодня в михайловском саду особый вольер — маленькая лечебница. Она работает летом, когда здешнее птичье царство все в сборе. В ней мы содержим птиц, нуждающихся в людской помощи. Часто экскурсанты, в особенности дети, приносят сюда то аистенка, то цыпленка, то кукушонка, выпавшего из гнезда и подвернувшего лапу или крылышко. У меня есть знакомый фельдшер — отличной души

человек. Не успею ему позвонить — как он тут как тут, и помощь птице обеспечена. Хлопот с больными пичугами много, бывает и много слез... Не всегда удается приучить птенца брать пищу с рук. Если удастся — будет жить, а нет — умрет. Радостно бывает глядеть, как выздоравливающий детеныш начинает взлетать, сперва на куст, потом на яблоню. Сидит и смотрит в ту сторону, где живут его родичи. А потом, когда вовсе окрепнет, он вдруг взлетит в небо и улетит к своей братии.

На дверях вольера вывеска, красиво нарисованная художником Р. Яхниным, на ней написано: «Хутеп и икту».

— Дяденька, — спрашивают меня дети, пришедшие на экскурсию в Михайловское, — можно посмотреть птичек?

— Можно, посмотрите, — отвечаю.

— А что тут написано? — указывают они на вывеску.

— А ты прочти, только читай не слева направо, а наоборот.

Господи, радости-то сколько, когда надпись прочитана!

Я давно приметил, что птицы своей кротостью и доверием к человеку часто напоминают нам, что в этом мире больше милосердия, чем зла.

* * *

В 1951 году в Михайловском рядом с основным домом восстанавливали флигелек, в котором некогда были кухня и людская. Оплели стены хмелем, поставили плетенек, скамейку, рядом с крыльцом устроили собачью будку для Жучки, и получился не домик, а загляденье — сказка. Внутрь домика принесли все, что свойственно ему иметь. Всякую деревенскую радость и рукоделие. Когда все было готово, уселись строители домика на скамеечку, чтобы сфотографироваться на память, и вдруг видят: влетела на крыльцо ласточка, покрутилась-покрутилась и стала лепить свой домик на низеньком косяке входной двери.

Каждого человека, приходящего в домик, ласточка встречала веселой песней, в которой ясно слышалось: «Мир вам».

Не все сразу замечали птичку и ее гнездо. Стали замечать лишь тогда, когда появились птенцы. Они доверчиво глядели на людей любопытными своими черными бусинками.

Ласточка была очень чистоплотной. Никаких следов она не оставляла, все убирала за собой и птенцами. Музейные уборщицы умилялись, видя такую ее чистоту и порядок.

Многие посетители, входившие в дом, не хотели верить, что гнездо и ласточка настоящие, думали, что это музейный макет, и пытались потрогать гнездо пальцем. Другие, сидевшие на скамейке, будто на часах, кричали на них: «Зачем вы трогаете гнездо, неужели не видите, что оно настоящее?» Какой-то заботливый дядя из Дома туристов однажды явился к домику, принес с собой фанерный щиток с тесемочками и подвесил его под гнездом — чтобы птицам было спокойней. Другой сделал объявление: «Граждане посетители музея, входите осторожнее. Здесь живет ласточка!»

С тех пор экскурсанты стали входить в людскую на цыпочках. Ласточкино гнездо стало одним из экспонатов деревенского Пушкинского музея.

Но вот пришло время, младое племя выросло, и птицы покинули гнездо. Сказка кончилась. Одни лишь ласточки радовались. Они весело летали по пушкинской усадьбе и пели свою короткую красивую песенку.

Здешние старики говорят, что у ласточки две песни: одна о том, что самое доброе на земле — мир, а другая — песня-скороговорка: «В нашем доме все сусеки хлебом позасыпаны...»

* * *

У Поклонной горки, где стояла старая часовня Михайловского, — группа строгих великанов сосен. Они как часовые на страже. На одной — большое гнездо, прочное. Видно что живет в нем птица не простая, суровая, гнездо не прячет. Каждый лесник хорошо ее знает. Это черный ворон Говорят, что ворон живет на свете сотни лет. Кто знает, когда поселился ворон здесь! Сосна очень старая, двухсотлетняя...

В июне 1967 года была в Михайловском большая гроза. Сильная молния ударила прямо в вершину сосны, стоящей почти рядом с той, на которой живет ворон. От удара кора на дереве расщепилась и разлетелась в стороны, и у земли вспыхнула голубым огнем молодая поросль, а стародавний ворон, сидевший в гнезде, даже не встрепенулся.

Утром на заре ворон поворачивается головой к востоку и приветствует восходящее солнце громким криком, и в этом крике явственно слышится слово «аллах». Не верите — послушайте сами!

Ученые пишут, что, когда к старому ворону приходит

смертный час, он умирает, глядя в ту сторону, откуда восходит солнце, — на восток.

Впрочем, так делают многие птицы и звери. Это одна из нераскрытых тайн природы.

* * *

Сто и еще много лет прошло после смерти поэта, но и теперь пушкинская сова навещает место, где он жил. Каждый год осенью, когда усадьба и рощи Михайловского пустеют, она лунными ночами прилетает к дому поэта, садится между двух выбеленных труб, на коньке высокой кровли, и громко плачет. Именно плачет. Это подметил еще Пушкин, когда писал:

То был ли сон воображенья
Иль плач совы...

В старину русские люди называли сову «сирин — птица вещая». А древние греки и римляне считали ее символом вечности. Сова в Михайловском и есть символ вечности великого Пушкина.

СИЛЬНЕЕ ВСЕХ БЕД...

В осенний день 18 октября 1967 года через Михайловское прошел ураган, какого никогда здесь не бывало. Ураган прошел узким, не шире чем полкилометра коридором, в сторону Прибалтики. Это случилось днем вскоре после полудня. Вдруг. И продолжалось около часу. Сила ветра была неизмеримая. Центром бедствия были сосновые рощи в центре Михайловского. В результате урагана пало одновременно свыше пяти тысяч деревьев, исключительно сосны и ели — они были уже оголены. Многие деревья были расщеплены, вывернуты с корнем, перекручены или переломаны. Вся территория Михайловского оказалась покрытой сломанными сучьями и ветвями. Дороги стали непроезжими... Дирекция заповедника немедленно обратилась за помощью к своему шефу — воинам. Они быстро откликнулись на нашу просьбу, и в Михайловское походным порядком, с полевой кухней, обозом, тягачами и другими машинами прибыл большой отряд солдат.

Деревья, разделанные на древесину, вывозились на главную поляну Михайловского, где складывались штабелями. Одновремено корчевали пни от погубленных деревьев и вывозили их за пределы заповедника.

Одновременно производилась посадка молодых деревьев взамен погибших. К середине декабря ликвидация последствия бурелома 18 октября была в основном завершена.

А вот еще был год 1978-й — полная невидаль. Беды шли одна за другой.

С 5 по 10 мая барограф делал записи в норме, никаких знаков падения давления атмосферы не показывал. А в ночь с 10 на 11 мая в Михайловском случилось «светопреставление», и продолжалось оно целые сутки. К 7 часам утра пришла тьма египетская, сильнейший ветер и такой огромный снегопад, какого я не видывал доселе никогда, хотя жил здесь тридцать четвертый год, и никто мне про эдакое из здешних жителей не рассказывал. Это было совсем не то, что случилось в заповеднике 18 октября 1967 года.

На этот раз светопреставление было совсем другое. Это было какое-то «чудище», озорно, стозевно и... С неба падали «снежинки» весом по 100 граммов каждая. Они падали на землю, на деревья, на кусты, как мины, и рвали деревья, их стволы и сучья, как шрапнель. Все сущее на земле покрылось полуметровой толщины снежным покровом. Снег прилипал к деревьям огромными сугробами и гнул их долу со страшной силой. К концу снеголома в михайловских рощах, парке и усадьбе лежали около двух тысяч сломанных, вывороченных с корнем, поваленных или изогнутых колесом молодых сосен и берез. Большинство их было в возрасте 10 лет, были постарше — лет 25—30. Повалился и декоративный кустарник, особенно ивы вокруг «Острова уединения», сирень, жасмин на усадьбе поэта. Повсюду лежали погибшие мелкие пичуги — дрозды, скворцы, зяблики, ласточки, мухоловки и другие пичужки. И только воронье почувствовало себя ладно. Вороны хватали павших и застывших, но еще живых птичек и тащили их в свои углы. Интересно было смотреть на гнездо аиста, в котором аистиха высиживает свое «племя младое». Видя беду и муки аистихи, аист-папа подлетел к гнезду и сел рядом с наседкой. Можно было видеть, как некоторые малые пичуги в поиске спасения бросались в проезжающие по дорогам автомашины, в дома на усадьбе и мою квартиру стучались многие скворцы, поползни и синички. А один скворец даже разбил стекло в оконной раме дома, в

котором находится «нарядная комната» нашей хозяйственной части.

Когда все кончилось и я прошелся по парку и рощам заповедника, я завыл как собака, почуявшая покойника. Но в Тригорском, Петровском и Святогорье все обошлось благополучно.

Я побежал в райком КПСС, райсовет, на турбазу... Всюду стал взывать о помощи.

Накупил пил, ножовок, топоров, шпагату. Работа закипела в хорошем аллюре. Да скоро порядок не наведешь. Уж больно большого масштаба лихо!

Я вел записи о тех днях.

Утром 14 мая, когда в Михайловском было серое-серое небо и моросил настоящий осенний дождь, я проходил по окраине рощи, лежащей на северной окраине поляны, на которой устраиваются наши народные Пушкинские праздники, и вдруг услышал диво дивное — пел соловей. Вот смельчак! Хотя и то нужно сказать — по моим многолетним фенологическим наблюдениям соловьи прилетают в Михайловское вместе с ласточками. Это обычно бывает между 10 и 20 мая.

Со дня окончания снеголома, то есть 11 мая, в заповеднике идут почти беспрерывно дожди. Холодно. На Сороти, в прудах и озерах вновь начала резко подниматься вода. По всему видно — быть у нас второму весеннему половодью!

А 15 мая пришло солнышко, тишина, теплая благодать. Уже вторая неделя пошла этой благодати! Вот как хитро и мудрено все устроено в природе.

А сегодня утром против всех ожиданий в Михайловском был заморозок. Записываю этот день — 16 июня. Накануне вообще была сплошная осень, шли холодные дожди, куда холоднее, чем на картине художника Попкова... А вообще — ур-ра!

Октябрь. За прошедшие 130 дней — более 110 дней шли дожди. Последнюю неделю дождь льет круглосуточно. В лесах, парках, на лугах, дорогах, дорожках всюду вода, лужи.

Сороть разбухла, вышла из берегов и утонула в озерах, и все это превратилось в «окиян-море». Пришло новое половодье, куда мощнее, чем весеннее. С 1 октября пришлось приостановить работы по очистке озера Маленец. Листья на деревьях стали очень тяжелыми, стали отрываться от стволов сучья, а кое-где попáдали и сами деревья. Несколько больших стволов древних дубов и лип упало в заповедных парках. Среди них старинный дуб в «часах» тригорско-

го парка и ганнибаловская липа в Петровском. Очень много покалечено в садах фруктовых деревьев.

Большой урожай яблок, созревание их шло долго. Некоторые сорта созрели буквально на днях. Яблоки водянистые, тяжелые, они стали ломать деревья.

Дожди, дожди...

Каждый входящий в дом приносит с собою от 200 до 500 граммов воды. В музеях началась водяная карусель. Сырость. Появилась плесень на экспонатах... Поэтому пришлось сократить в особо дождливые дни маршруты экскурсий по музеям. А в дни проливного дождя закрывать дом-музей в Михайловском совсем. Комнаты маленькие, ковровые дорожки сразу делаются мокрыми... А созданное за долгие годы хранить надо...

Но этими бедами год не закончился. В декабре ударили сильные морозы, доходившие местами до 50 градусов, нанесли страшный ущерб садам и паркам. Они искалечили многие деревья, в особенности старые дубы, клены, ясени и декоративный кустарник — сирень, жасмин, шиповник, барбарис, акации, боярышник. Как ни странно, меньше всего пострадала липа. Особенно сильно были покалечены фруктовые сады Михайловского, а в них деревья, которым под пятьдесят и более лет. Все фенологические процессы у деревьев сильно запоздали. Слабо пробуждались почки, не было молодых побегов. Деревья стояли голые.

Чтобы вернуть пострадавшим растениям силу, их нужно было прежде всего обеспечить влагой. Особенно грустно было смотреть на старинный вяз на дерновом круге перед домом поэта, на «Дуб уединенный» и другие древние дубы в Тригорском, которым было 400—500 лет! Уже начинался июнь, все вокруг зазеленело, а «патриарх лесов» не подавал признаков жизни. И невольно думалось: неужели пришел конец самому старому, самому величавому древу пушкинской земли?

Но мы не теряли надежды на то, что дыхание все же к нему придет.

Средства, которые рекомендуют в этих случаях, известны: больше воды, больше удобрений. Две наши машины: поливочная и пожарная с утра до вечера курсировали между рекой Соротью и парком, лили воду к подножию ствола, на крону — тысячи ведер ежедневно, с перерывами день-два. Кормили его химикатами, особенно обильно конским навозом.

И чудо свершилось. Дуб вновь ожил, проснулись его запасные почки, зазвенела крона, вернулась краса легендарного дерева.

Видя эту нашу заботу, многие экскурсанты и туристы стали объявлять себя нашими помощниками. При входе на усадьбу Михайловского нами был поставлен щит с надписью:

«Дорогой паломник!

Возьми ведро и принеси воды из пруда и полей какое-нибудь дерево или куст!»

Рядом со щитом были поставлены ведра... Тысячи людей отозвались на этот призыв.

И вот результат — вновь зазеленели кусты сирени, орешника, яблони и груши. Вновь пришли в пушкинские сады и парки красота и великолепие.

ПОВЕСИЛ ЗВОНКУЮ СВИРЕЛЬ

Сегодня в музее-заповеднике, его музеях, парках, рощах, садах, городищах и селищах бывают сотни тысяч паломников. Не смогли бы музейные и парковые хранители, смотрители, садовники, лесники, уборщицы держать это заповедное царство во всей его красоте, благопристойности и чистоте, если бы в этой работе не участвовали сами паломники. Многие сотни доброхотов со всех концов нашей страны ответили на наш призыв по радио и телевидению и стали приезжать сюда, чтобы поработать для Пушкина. Их теперь у нас много и всегда. Они убирают самосев дикого кустарника, сажают деревья и цветы, подметают аллеи и дорожки, рассыпают свежий гравий, поливают растения, окашивают газоны, приствольные круги, парковые бровки, газоны... Только в 1983 году таких паломников было свыше 400 человек. Мы их называем «доброхотами», выражаясь этим старинным русским словом, которое Даль в своем словаре русского языка разъясняет как выражение покровительства, радушной заботы, усердного способствования благому делу.

Доброхоты бывают самые разные — сильно здоровые, лихие, молодецкие, бывают и «голубки дряхлые». А бывают и молодые, но измученные бытовой домашней неурядицей люди, у которых что-то не вышло в их семейной жизни, не получилось того, чего жаждала душа...

Живя и работая на природе, воспетой Пушкиным и многими поэтами наших дней, они видят вокруг себя красоту.

простоту, ясность, сердечность. И человек преображается. В душу его приходит покой и мир. Смиряется ее тревога, и впереди видится счастье.

Магическим действием обладает эта земля и поэзия Пушкина с ее «заповедями блаженства». Здесь человек находит своеобразные рецепты радости бытия. Здесь ключ к пониманию того, почему неуклонно растет паломничество в эти святые места, почему растет число доброхотов.

Среди доброхотов есть люди всякие, особенно много учителей, ученых, инженеров, разных мастеров, студентов, которые проводят у нас свой отпуск, работают безвозмездно: кто неделю, кто две, а кто и целый месяц! Только в 1983 году ими очищены от зарослей тысячи квадратных метров охранной зоны, берега Сороти, собраны и сожжены сучья-паданцы в Тригорском, Михайловском. Очищено и подготовлено к восстановлению место, где при Пушкине находилась водяная мельница, где он часто бывал и где задумал свою «Русалку». Вновь засиял белый мрамор балюстрады и обелиска у могилы Пушкина, которые доброхоты чистили и полировали почти 2 месяца! Воссоздана заново садовая пушкинская беседка в Михайловском. Ребята старшеклассники из Баку навели порядок на «Острове уединения» в Михайловском.

Москва, Ленинград, Рига, Таллин, Киев, Молодечно, Кишинев, Челябинск, Баку, Черкассы, Харьков... Откуда только не приезжают к нам доброхоты. Приятно и радостно смотреть, как вдохновенно все делается ими в нашем заветном Пушкинском уголке.

Бывает и так: молодая пара — девушка и парень, заправские туристы в штормовках, с рюкзаками и прочим походным прикладом, подойдут к тому месту, где кипит работа по уборке парка, и пристраиваются к рабочим заповедника и несколько дней подряд помогают им. А потом так же как внезапно явились, так внезапно и исчезают.

Отъехав из Пушкиногорья, многие доброхоты шлют нам слова благодарности за ту радость, которую они испытали в заповеднике. «Побывав здесь, мы стали как-то чище, выше, лучше», — пишут доброхоты из Крыма. «Если бы у меня была не одна, а 10 жизней, я все бы отдал этому святому месту. Клянусь. Буду приезжать сюда много, много раз, чтобы помочь чем могу», — пишет столяр Ю. Золотарев из Таллина. «Скажу лишь одно, покинув этот сказочный край — жить хочется. Работать хочется. Отдавать доброму делу свой

труд и талант», — написал Борис Улитин — артист театра Ленсовета, проработавший в Михайловском со своей женой и дочерью три недели...

Особенно чудесен труд детей-школьников, о котором я хочу поведать читателю поподробнее.

Какой-то особой любовью любят они Пушкина. Он при них с детства. Он учит их слову, речи, литературе, искусству. Он учит их любви к Отечеству, родной земле, природе. Много в нашей стране школ, носящих имя Пушкина. Я не ошибусь, если скажу, что в каждом городе есть не только Пушкинская улица или площадь, библиотека, театр, клуб, но обязательно есть и школа имени Пушкина!

Все мечтают побывать там, где явился миру Пушкин, где он создал свои «звуки сладкие и молитвы», где он «страдал, любил и сердце свое похоронил». Но особо мечтают об этом дети-школьники. Откуда они только не приезжают в наше Пушкиногорье. Со многими школами мы, работники Пушкинского заповедника, в переписке. А пишут они о многом: о том, как устраивают в своих школах пушкинские выставки, клубы, конкурсы, библиотеки, кружки, походы по пушкинским местам нашей необъятной Родины.

Все они взывают о помощи: советами, указаниями просят прислать книги, памятки, сувениры, репродукции картин и рисунков на пушкинские темы. Они просят сообщить адреса потомков Пушкина, писателей, поэтов, ученых, пишущих о Пушкине, его близких, его эпохе. Со многими школами мы дружим много лет. Особенно активны школьники Мурманска, Кустаная, Череповца, Ростова-на-Дону, Львова, Киева, Новой Усмани, Белебея, Малаховки, Петрозаводска, Чебоксар, Красноярска, Коврова, Троицка... Не говоря уже о школах Москвы, Ленинграда, Пскова... Мы консультируем работу многих литературных кружков, театральные постановки, пишем рецензии на стихи ребят.

Поразительна активность школьников Вологды. Несколько лет они собирались к нам в гости. Совершали воображаемые экскурсии в Михайловское... И вот наконец приехали. Радость, вдохновение ребят были безмерны. Они хорошо поработали в парках, устроили у нас в доме-музее Тригорского выставку своих рисунков, посвященных жизни Пушкина в псковской деревне, иллюстраций к «Евгению Онегину», «Борису Годунову», его сказкам. Уезжая из Пушкинских Гор, они увезли с собой немало зарисовок: Михайловского, Тригорского, Петровского. Возвратясь к себе в Вологду, они от-

крыли в центральном Доме культуры Вологды выставку своих работ, посвященных Пушкиногорью. Особенно много приезжает к нам школьников в период летних каникул. Едут с Украины, из Сибири, из Белоруссии, с Кавказа. И почти все стараются оставить по себе добрую память в нашем заповеднике: кто подметает дорожки и аллеи парков, кто окапывает приствольные круги мемориальных деревьев, кто поливает молодые саженцы, цветы... Работы у нас хватает на всех! Эта работа несравненно благотворно сказывается на сознании ребят.

Покидая заветный пушкинский край, школьники оставляют в «Книгах впечатлений» музея-заповедника слова благодарности. Вот одна из многих сотен записей:

«Мы, члены кружка «Встречи с будущим» при Центральном доме искусств г. Москвы, не впервые приезжаем сюда. Здесь мы встречаемся с Пушкиным. Здесь мы испытываем радость безмерную. Здесь мы становимся лучше. Спасибо всем работникам Пушкинского заповедника!»

А вот отрывок из письма ребят 8-летней школы № 2 города Новая Усмань Воронежской области:

«Здесь, в Михайловском, мы поняли многое. Знакомые нам стихи, написанные поэтом в Михайловском и Тригорском, зазвучали в наших сердцах с новой силой и красотой. Мы поняли, что такое «русский дух» и какую роль он сыграл в творчестве Великого Поэта!»

Вот уже много лет проходит в нашей стране Всесоюзная туристско-краеведческая экспедиция пионеров и школьников «Моя Родина — СССР». Одной из главных целей этой экспедиции является изучение памятников истории и культуры страны, изучение родного края, содействие охране памятников и окружающей среды. Экспедиционных отрядов, приезжающих в Пушкинские Горы, много. Но особенно часто бывают здесь школьники-псковичи. Их экспедиция базируется на областной детской экскурсионно-туристской станции. Много хорошего сделала эта экспедиция в Михайловском, по благоустройству его: чистота, порядок, красота садов, парков, аллей — вот главное, чем занимаются они здесь.

Как и все доброхоты, ребята живут в Пушкиногорье лагерно, жизнь у них походная: все просто, смиренно и даже немного сурово, никаких следов пустяковщины, баловства. Приятно и радостно смотреть на их труд и труд их наставников — учителей. Здесь я должен назвать директора Псковской детской туристической станции Эмму Васильев-

ну Смирнову, для которой труд экспедиции в Михайловском — святое дело. Эту святость она стремится привить всем ребятам, которых привозит сюда уже много лет.

Школьники мужают здесь не только физически, но и духовно. Они накапливают в заповеднике материалы для своих школьных пушкинских «сочинений», кружков, музеев, уголков, в которых работают в зимний учебный период, углубляют знания русской природы, творчества великого поэта, в музеях-заповедниках они знакомятся с произведениями изобразительного искусства, которыми особенно богаты Тригорское и Петровское.

В благодарность за труд научные сотрудники заповедника читают ребятам лекции, проводят экскурсии, беседы, совершают прогулки по памятным местам, местам боевой славы Пушкиногорья. Всем доброхотам мы дарим в благодарность пушкинские сувениры, книги, Почетные грамоты. Все они, уезжая к себе на родину, повторяют слова Пушкина:

Но там и я свой
след оставил,
Там, ветру в дар,
на темну ель
повесил звонкую свирель.

Бессмертна любовь людей к Пушкину. Его любят все, все, все! Я не раз видел: входят утром в заповедник люди усталые. Но когда уходят, такие светлые у всех лица. Когда гитлеровцев вышибли из Михайловского, вышел номер «Правды». В передовой было написано: «Мы удвоим внимание к месту, где реют тени великих людей, творцов русской культуры». Мы должны сделать, чтобы этому реянию светлой тени ничто не мешало. Пушкин всегда современен и велик. Гоголь когда-то сказал, что Пушкин — это русский человек в конечном его развитии.

С большой любовью готовится наш советский народ к каждой большой пушкинской дате — достаточно вспомнить 1937 год — столетие со дня трагической гибели великого поэта, или 1949 — год стопятидесятилетия со дня его рождения, или 1974-й, когда на пушкинский юбилейный праздник в Михайловском на Большой поляне собралось более 100 тысяч человек. А торжественное заседание проходило в Кремлевском Дворце съездов при переполненном зале. В проведении этих дат принимали участие все деятели нашей культуры и литературы — писатели, поэты, художни-

ки... — театры, музеи, кино, издательства. Сколько было создано новых пушкинских музеев, выставок, поставлено памятников, издано книг.

И вот в эти февральские дни 1987 года — 150-летие со дня смерти Великого поэта. Мы уверены, что ни один писатель, художник, композитор не останется равнодушным к наступающему памятному пушкинскому дню, ибо Величание Пушкина, светлая память о нем — это святое дело для всех нас, деятелей культуры СССР.

1987

ПРИЛОЖЕНИЕ

ЗАКОНЫ СССР ОБ ОХРАНЕ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ

ОСНОВЫ ЗЕМЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА СОЮЗА ССР И СОЮЗНЫХ РЕСПУБЛИК

Из Закона
Союза Советских Социалистических Республик
13 декабря 1968 г.[1]

Раздел I

ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Статья 7. **Землепользователи**

Земля в СССР предоставляется в пользование:

колхозам, совхозам, другим сельскохозяйственным государственным, кооперативным, общественным предприятиям, организациям и учреждениям;

промышленным, транспортным, другим несельскохозяйственным государственным, кооперативным, общественным предприятиям, организациям и учреждениям;

гражданам СССР.

В случаях, предусмотренных законодательством Союза ССР, земля может предоставляться в пользование и иным организациям и лицам.

Статья 8. **Бесплатность пользования землей**

Колхозам, совхозам, другим государственным, кооперативным, общественным предприятиям, организациям, учреждениям и гражданам СССР земля предоставляется в бесплатное пользование.

---

[1] С изменениями, внесенными Указами Президиума Верховного Совета СССР 14 сентября 1977 г., 7 января 1980 г. и 15 января 1981 г.

Статья 9. **Сроки землепользования**

Земля предоставляется в бессрочное или временное пользование.

Бессрочным (постоянным) признается землепользование без заранее установленного срока.

Земля, занимаемая колхозами, закрепляется за ними в бессрочное пользование.

Временное пользование землей может быть краткосрочным — до трех лет и долгосрочным — от трех до десяти лет. В случае производственной необходимости эти сроки могут быть продлены на период, не превышающий соответственно сроков краткосрочного ил долгосрочного временного пользования.

Законодательством союзных республик по отдельным видам пользования землей может быть установлен и более длительный срок долгосрочного пользования, но не свыше 25 лет.

Статья 11. **Права и обязанности землепользователей**

Землепользователи имеют право и обязаны пользоваться земельными участками в тех целях, для которых они им предоставлены.

В зависимости от целевого назначения каждого земельного участка, предоставленного в пользование, землепользователи имеют право в установленном порядке:

возводить жилые, производственные, культурно-бытовые и иные строения и сооружения;

производить посевы сельскохозяйственных культур, посадку лесных, плодовых, декоративных и других насаждений;

пользоваться сенокосами, пастбищами и другими угодьями;

использовать для нужд хозяйства имеющиеся на земельном участке общераспространенные полезные ископаемые, торф и водные объекты, а также эксплуатировать другие полезные свойства земли.

Убытки, причиненные землепользователям, подлежат возмещению.

Нарушенные права землепользователей подлежат восстановлению в порядке, предусматриваемом законодательством Союза ССР и союзных республик.

Права землепользователей могут быть ограничены законом в государственных интересах, а также в интересах других землепользователей.

Использование земли для извлечения нетрудовых доходов запрещается.

Землепользователи обязаны рационально и эффективно использовать землю, бережно относиться к ней, не совершать на предоставленных им земельных участках действий, нарушающих интересы соседних землепользователей.

Предприятия, организации и учреждения, разрабатывающие месторождения полезных ископаемых и торфа, проводящие геологоразведочные, изыскательские, строительные и иные работы на предоставленных им в пользование сельскохозяйственных землях или лесных угодьях, обязаны по миновании надобности в этих землях за свой счет приводить их в состояние, пригодное для использования в сельском, лесном или рыбном хозяйстве, а при производстве указанных работ на других землях — в состояние, пригодное для использования их по назначению. Приведение земельных участков в пригодное состояние производится в ходе работ, а при невозможности этого — после их завершения в сроки, устанавливаемые органами, предоставляющими земельные участки в пользование, в соответствии с утвержденными в установленном порядке проектами.

Предприятия, организации и учреждения, осуществляющие промышленное или иное строительство, разрабатывающие месторождения полезных ископаемых, а также проводящие другие работы, связанные с нарушением почвенного покрова, обязаны снимать, хранить и наносить плодородный слой почвы на рекультивируемые земли или на малопродуктивные угодья.

Предприятия, организации и учреждения, разрабатывающие месторождения полезных ископаемых и торфа, а также проводящие другие работы, оказывающие отрицательное воздействие на сельскохозяйственные, лесные и другие угодья за пределами предоставленных в их пользование земельных участков, обязаны предусматривать и осуществлять мероприятия по предотвращению или максимально возможному ограничению указанных отрицательных воздействий.

Статья 13. **Охрана земель и повышение плодородия почв**

Землепользователи обязаны проводить эффективные меры по повышению плодородия почв, осуществлять комплекс

организационно-хозяйственных, агротехнических, лесомелиоративных и гидротехнических мероприятий по предотвращению ветровой и водной эрозии почв, не допускать засоления, заболачивания, загрязнения земель, зарастания их сорняками, а также других процессов, ухудшающих состояние почв.

Мероприятия по мелиорации и охране земель, полезащитному лесоразведению, по борьбе с эрозией почв и другие меры, направленные на коренное улучшение земель, предусматриваются в государственных планах экономического и социального развития и осуществляются соответствующими министерствами, государственными комитетами, ведомствами и землепользователями.

Специальной охране подлежат сельскохозяйственные угодья, особенно орошаемые и осушенные земли. Колхозы, совхозы, другие предприятия, организации и учреждения, пользующиеся землями сельскохозяйственного назначения, обязаны охранять, восстанавливать и повышать плодородие почв.

Промышленные и строительные предприятия, организации и учреждения обязаны не допускать загрязнения сельскохозяйственных и других земель производственными и другими отходами, а также сточными водами.

Законодательством Союза ССР и союзных республик могут быть установлены меры материального поощрения землепользователей, стимулирующие осуществление мероприятий по охране земель, повышению плодородия почв и вовлечению в сельскохозяйственный оборот неиспользуемых земель.

Статья 16. **Порядок изъятия земель для государственных или общественных нужд**

Изъятие земельного участка либо его части для государственных или общественных нужд производится на основании постановления Совета Министров союзной республики или Совета Министров автономной республики либо решения исполнительного комитета соответствующего Совета депутатов трудящихся в порядке, устанавливаемом законодательством Союза ССР и союзных республик.

Изъятие участков из земель, находящихся в пользовании колхозов, совхозов, других сельскохозяйственных предприятий, организаций и учреждений, из земель, имеющих куль-

турное либо научное значение, допускается лишь в случаях особой необходимости.

Изъятие орошаемых и осушенных земель, пашни, земельных участков, занятых многолетними плодовыми насаждениями и виноградниками, культурными пастбищами, а также сенокосами и пастбищами, на которых проведены работы по их коренному улучшению, для несельскохозяйственных нужд, земель, занятых водоохранными, защитными и другими лесами первой группы, для использования в целях, не связанных с ведением лесного хозяйства, производится в исключительных случаях и только по постановлению Совета Министров союзной республики. Изъятие указанных земель в целях предоставления их во временное краткосрочное пользование для строительства трубопроводов, линий электропередачи и других линейных сооружений может производиться в необходимых случаях на основании постановления Совета Министров автономной республики либо решения исполнительного комитета краевого, областного Совета народных депутатов.

Предприятия, организации и учреждения, заинтересованные в изъятии земельных участков для несельскохозяйственных нужд, обязаны до начала проектных работ предварительно согласовать с землепользователями и органами, осуществляющими государственный контроль за использованием и охраной земель, место расположения объекта и примерные размеры намечаемой к изъятию площади.

Изъятие участков из земель, находящихся в пользовании колхозов, может производиться только с согласия общих собраний членов колхозов или собраний уполномоченных, а из земель, находящихся в пользовании совхозов, других государственных, кооперативных, общественных предприятий, организаций, учреждений союзного или республиканского подчинения, — по согласованию с землепользователями и с соответствующими министерствами, государственными комитетами и ведомствами Союза ССР или союзных республик.

Статья 20. Государственный контроль за использованием и охраной земель

Государственный контроль за использованием и охраной всех земель имеет своей задачей обеспечить соблюдение министерствами, государственными комитетами и ведомствами, государственными, кооперативными, общественными

предприятиями, организациями и учреждениями, а также гражданами земельного законодательства, порядка пользования землей, правильности ведения земельного кадастра и землеустройства в целях рационального, эффективного использования и охраны земель.

Государственный контроль за использованием и охраной всех земель осуществляется Советами народных депутатов, их исполнительными и распорядительными органами, а также специально уполномоченными на то государственными органами в порядке, устанавливаемом законодательством Союза ССР.

Раздел II

ЗЕМЛИ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО НАЗНАЧЕНИЯ

Статья 22. Предоставление в пользование земель сельскохозяйственного назначения

Земли сельскохозяйственного назначения предоставляются в бессрочное пользование:

колхозам, совхозам, другим сельскохозяйственным государственным, кооперативным, общественным предприятиям и организациям — для ведения сельского хозяйства;

научно-исследовательским, учебным и другим сельскохозяйственным учреждениям — для ведения полевых исследований, практического применения и распространения достижений науки и передового опыта в сельском хозяйстве, а также для производственных целей;

несельскохозяйственным предприятиям, организациям и учреждениям — для ведения подсобного сельского хозяйства;

гражданам — для ведения личного хозяйства без применения наемного труда.

Предприятиям, организациям и учреждениям могут предоставляться земельные участки для коллективного садоводства и огородничества в порядке и на условиях, устанавливаемых законодательством Союза ССР и союзных республик.

Кроме земель, предоставленных в бессрочное пользование, указанных в настоящей статье, землепользователям могут предоставляться земли и во временное пользование.

Изменение границ и размеров землепользований колхозов, совхозов, других государственных сельскохозяйственных

предприятий и организаций, а также научно-исследовательских, учебно-опытных и иных сельскохозяйственных учреждений при укрупнении и разукрупнении хозяйств, перераспределении земель между землепользователями может производиться на основании научно обоснованных проектов землеустройства, утвержденных в установленном порядке.

Статья 23. Обязанности землепользователей по использованию земель сельскохозяйственного назначения

Колхозы, совхозы, другие предприятия, организации и учреждения, пользующиеся землями сельскохозяйственного назначения, на основе достижений науки и передового опыта, с учетом местных условий, обязаны:

1) предусматривать в планах организационно-хозяйственного устройства и производственно-финансовых планах конкретные мероприятия по повышению плодородия почв и рациональному использованию земель;

2) внедрять в соответствии с зональными условиями и специализацией хозяйства наиболее эффективные системы земледелия, экономически выгодное сочетание отраслей хозяйства, вводить и осваивать севообороты, вовлекать в сельскохозяйственное производство неиспользуемые земли;

3) развивать орошение, осушение и обводнение земель, улучшать луга и пастбища, производить известкование и гипсование почв;

4) принимать меры против эрозии почв, заболачивания и засоления земель, осуществлять посадку полезащитных насаждений, облесение и закрепление песков, оврагов и крутых склонов, не допускать загрязнения почв;

5) очищать сельскохозяйственные угодья от камней, мелколесья и кустарников, вести борьбу с сорняками, вредителями и болезнями сельскохозяйственных растений.

Статья 24. Земли общественного пользования и приусадебные земли колхозов

Земли, предоставленные колхозу по государственному акту на право пользования землей, состоят из земель общественного пользования и приусадебных земель. Приусадебные земли ограничиваются в натуре от земель общественного пользования.

При недостатке приусадебных земель для предоставле-

ния колхозным дворам земельных участков по нормам, предусмотренным уставом колхоза, допускается увеличение площади приусадебных земель за счет земель общественного пользования по решению общего собрания членов колхоза или собрания уполномоченных, утверждаемому исполнительным комитетом областного (краевого) Совета народных депутатов, Совета Министров автономной республики, а в республиках, не имеющих областного деления, — Советом Министров союзной республики.

Внутрихозяйственное использование земель, закрепленных за колхозами, осуществляется на основе устава колхоза в соответствии с настоящими Основами, а также другим законодательством Союза ССР и союзных республик.

Статья 25. Право колхозного двора на приусадебный земельный участок

Каждый колхозный двор имеет право на приусадебный земельный участок, предоставляемый в порядке и в пределах норм, предусмотренных уставом колхоза.

Право на предоставленный приусадебный участок сохраняется за колхозными дворами, в которых единственный трудоспособный член двора призван на действительную срочную военную службу в ряды Вооруженных Сил СССР или состоит на выборной должности, поступил на учебу, временно перешел на другую работу с согласия колхоза или в порядке организованного набора, а также когда в составе колхозного двора остались только несовершеннолетние.

Право пользования приусадебным участком сохраняется также за колхозными дворами, все члены которых потеряли трудоспособность вследствие старости или инвалидности.

В соответствии с уставом колхоза колхозным дворам выделяются пастбища для их скота.

Колхозным дворам выделяются земельные участки для сенокошения и других нужд в порядке, устанавливаемом законодательством Союза ССР и союзных республик.

Статья 26. Приусадебные земли совхозов и других государственных сельскохозяйственных предприятий, организаций и учреждений

Из земель, предоставленных в пользование совхозу или иному государственному сельскохозяйственному предприятию, организации и учреждению для сельскохозяйственных

нужд, в соответствии с утвержденным проектом внутрихозяйственного землеустройства выделяются и отграничиваются в натуре приусадебные земли, предназначенные для предоставления рабочим и служащим приусадебных земельных участков в пределах норм, установленных законодательством союзных республик.

При недостатке приусадебных земель для обеспечения рабочих и служащих приусадебными участками по ходатайству руководителей хозяйств площадь этих земель может быть увеличена с разрешения исполнительного комитета областного (краевого) Совета народных депутатов, Совета Министров автономной республики, а в республиках, не имеющих областного деления, — Совета Министров союзной республики.

Статья 27. Предоставление приусадебных земельных участков рабочим и служащим совхозов и другим гражданам, проживающим в сельской местности

Совхозы и другие государственные сельскохозяйственные предприятия, организации и учреждения предоставляют приусадебные земельные участки или огороды из земель, предназначенных для этих целей, постоянным рабочим и служащим, а также учителям, врачам и другим специалистам, работающим и проживающим в сельской местности.

Колхоз по решению общего собрания членов колхоза или собрания уполномоченных предоставляет приусадебные земельные участки учителям, врачам и другим специалистам, работающим и проживающим в сельской местности.

Рабочим, служащим, пенсионерам и инвалидам, проживающим в сельской местности, при наличии свободных приусадебных земель в колхозах, совхозах, других государственных сельскохозяйственных предприятиях, организациях и учреждениях, приусадебные участки могут предоставляться соответственно по решению общего собрания членов колхоза или собрания уполномоченных либо администрации совхоза, предприятия, организации и учреждения, утверждаемому исполнительным комитетом сельского Совета народных депутатов.

Приусадебные участки в прежних размерах сохраняются за указанными в настоящей статье рабочими и служащими при переходе их на пенсию по старости или инвалидности, а также за семьями рабочих и служащих, призванных на

действительную срочную военную службу в ряды Вооруженных Сил СССР или поступивших на учебу, — на весь срок нахождения на военной службе либо в учебном заведении.

Перечисленным в настоящей статье категориям граждан, имеющим скот в личной собственности, выделяются земельные участки для выпаса скота из земель государственного запаса, государственного лесного фонда, городов, поселков городского типа, а также земель несельскохозяйственного назначения. При отсутствии таких земель участки для выпаса скота могут выделяться в установленном порядке из земель колхозов, совхозов, других сельскохозяйственных предприятий, организаций и учреждений с возмещением владельцами скота землепользователям расходов по содержанию и улучшению этих участков.

Земельные участки для сенокошения указанным категориям граждан предоставляются из земель государственного запаса, государственного лесного фонда, в полосе отвода железных и шоссейных дорог и земель иного несельскохозяйственного назначения.

В случаях, предусмотренных законодательством Союза ССР, перечисленным в настоящей статье категориям граждан могут предоставляться земельные участки для выращивания кормовых культур для скота и птицы, а также для других нужд.

Предоставление земельных участков производится в порядке и в пределах норм, устанавливаемых законодательством союзных республик.

Статья 28. **Порядок и условия предоставления землепользователями сельскохозяйственных земель во временное пользование другим землепользователям**

Колхозы, совхозы, другие государственные сельскохозяйственные предприятия и организации, не использующие временно часть закрепленных за ними сельскохозяйственных угодий, могут передавать эти угодья во временное пользование нуждающимся в них колхозам, совхозам и другим хозяйствам по решению исполнительного комитета районного Совета народных депутатов. Хозяйство, получившее на определенный срок земельный участок, возмещает землепользователю неиспользованные затраты соответственно времени пользования землей.

Передача части земельных угодий одного хозяйства в по-

стоянное пользование другому хозяйству производится в порядке, предусмотренном ст. 10 настоящих Основ.

Статья 29. **Землепользование граждан, занимающихся индивидуальной трудовой деятельностью в сельском хозяйстве**

Граждане, занимающиеся индивидуальной трудовой деятельностью в сельском хозяйстве, основанной на личном труде и труде членов их семей, пользуются предоставленными им участками полевой и приусадебной земли в порядке и в пределах норм, устанавливаемых законодательством союзных республик.

Раздел III
ЗЕМЛИ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ (ГОРОДОВ, ПОСЕЛКОВ ГОРОДСКОГО ТИПА И СЕЛЬСКИХ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ)

Статья 31. **Порядок использования земель городов**

Все земли в пределах городской черты находятся в ведении городских Советов народных депутатов.

Порядок установления и изменения городской черты, землехозяйственного устройства территории городов, предоставления и изъятия земельных участков и условия пользования ими определяются законодательством союзных республик, а порядок пользования землями, указанными в пунктах 3—5 ст. 30 настоящих Основ, — законодательством Союза ССР и союзных республик.

Статья 32. **Землепользование колхозов и совхозов в пределах городской черты**

Земли общественного пользования колхозов, земли совхозов и других государственных сельскохозяйственных предприятий, организаций и учреждений, расположенные в пределах городской черты и не подлежащие застройке или благоустройству по проекту планировки и застройки города, закрепляются за ними в бессрочное пользование.

Размещение на этих землях жилых, культурно-бытовых, производственных построек и сооружений производится по согласованию с исполнительными комитетами городских Советов народных депутатов.

Статья 33. **Переход права пользования земельным участком при переходе права собственности на строение в городах**

На землях городов при переходе права собственности на строение переходит также и право пользования земельным участком или его частью в порядке, устанавливаемом законодательством союзных республик.

Статья 34. **Пригородные и зеленые зоны**

Земли за пределами городской черты, служащие резервом для расширения территории города, местом размещения и строительства необходимых сооружений, связанных с благоустройством и нормальным функционированием городского хозяйства, а также занятые лесами, лесопарками и другими зелеными насаждениями, выполняющими защитные и санитарно-гигиенические функции и являющимися местом отдыха населения, выделяются соответственно в пригородную и зеленую зону города.

Порядок выделения пригородных и зеленых зон, а также землепользования в них устанавливается законодательством Союза ССР и союзных республик.

Статья 35. **Земли поселков городского типа**

...Все земли в пределах поселковой черты находятся в ведении поселковых Советов народных депутатов.

Статья 36. **Земли сельских населенных пунктов**

К землям сельских населенных пунктов относятся все земли, находящиеся в пределах границ, установленных для этих пунктов. Земли сельских населенных пунктов, отнесенных к перспективным для дальнейшего развития, отграничиваются от других земель путем установления черты населенных пунктов в соответствии с проектами их планировки и застройки. Земли сельских населенных пунктов, не отнесенных к перспективным, отграничиваются от других земель в порядке внутрихозяйственного землеустройства.

В пределах сельских населенных пунктов сельский Со-

вет народных депутатов осуществляет контроль за предоставлением всех земельных участков и принимает решения о предоставлении земельных участков из земель, не входящих в состав землепользования колхозов, совхозов, других сельскохозяйственных предприятий.

Земельные участки в пределах сельского населенного пункта, закрепленные за колхозами, совхозами и другими сельскохозяйственными предприятиями, используются ими под застройку жилыми, культурно-бытовыми, производственными постройками и сооружениями, а также для приусадебного землепользования в соответствии со ст. 24, 25, 26 и 27 настоящих Основ, другим законодательством Союза ССР и союзных республик. Размещение на этих землях жилых, культурно-бытовых, производственных построек и сооружений производится по согласованию с исполнительными комитетами сельских Советов народных депутатов.

В случаях перехода по наследству права собственности на расположенное в сельском населенном пункте строение наследникам, если они не имеют права на получение в установленном порядке приусадебного земельного участка, предоставляется право пользования частью земельного участка, необходимой для содержания этого строения, в размере, определяемом законодательством союзных республик.

Порядок установления и изменения черты сельских населенных пунктов, отнесения их к перспективным для дальнейшего развития, а также порядок пользования землями сельских населенных пунктов определяются законодательством союзных республик.

Статья 37. **Предоставление земельных участков в пользование жилищно-строительным и дачно-строительным кооперативам, а также гражданам для индивидуального жилищного строительства**

Жилищно-строительным и дачно-строительным кооперативам, а также гражданам для индивидуального жилищного строительства предоставляются земельные участки из земель населенных пунктов, государственного запаса и из находящихся за пределами зеленой зоны городов земель государственного лесного фонда в порядке и на условиях, устанавливаемых законодательством Союза ССР и союзных республик.

Раздел IV
ЗЕМЛИ ПРОМЫШЛЕННОСТИ, ТРАНСПОРТА, КУРОРТОВ, ЗАПОВЕДНИКОВ И ИНОГО НЕСЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО НАЗНАЧЕНИЯ

Статья 39. Земли курортов

К землям курортов относятся земельные участки, имеющие лечебное значение и благоприятные условия для организации оздоровительных мероприятий, предоставленные в установленном порядке в пользование лечебно-курортным учреждениям. Земли курортов подлежат особой охране.

В интересах обеспечения необходимых условий для лечения и отдыха населения, а также с целью охраны природных лечебных факторов на всех курортах устанавливаются округа санитарной охраны. В пределах этих округов запрещается предоставлять земельные участки в пользование тем предприятиям, организациям и учреждениям, деятельность которых несовместима с охраной природных лечебных свойств и благоприятных условий для отдыха населения.

Статья 40. Земли заповедников

Землями заповедников признаются выделенные в установленном порядке участки земли, в пределах которых имеются природные объекты, представляющие особую научную или культурную ценность (типичные или редкие ландшафты, сообщества растительных и животных организмов, редкие геологические образования, виды растений, животных и т. п.).

Всякая деятельность, нарушающая природные комплексы заповедников или угрожающая сохранению природных объектов, имеющих особую научную или культурную ценность, запрещается как на территории заповедников, так и в пределах устанавливаемых вокруг заповедников охранных зон.

Статья 41. Предоставление промышленными, транспортными, другими несельскохозяйственными предприятиями, организациями и учреждениями земель для сельскохозяйственных целей

Промышленные, транспортные, другие несельскохозяйственные предприятия, организации и учреждения по решению

исполнительных комитетов районных или городских Советов народных депутатов предоставляют не используемые ими земли во временное пользование колхозам, совхозам, другим предприятиям, организациям, учреждениям и гражданам для сельскохозяйственных целей в порядке и на условиях, устанавливаемых законодательством Союза ССР и союзных республик.

Статья 42. **Служебные земельные наделы**

Служебные земельные наделы предоставляются отдельным категориям работников транспорта, лесного хозяйства, лесной промышленности, связи, водного, рыбного, охотничьего хозяйства, а также некоторых других отраслей народного хозяйства.

Служебные наделы выделяются из земель, находящихся в пользовании предприятий, организаций и учреждений соответствующих министерств, государственных комитетов и ведомств, а при недостатке таких земель — из земель государственного запаса и земель государственного лесного фонда.

Перечень категорий работников, имеющих право на служебный земельный надел, размеры служебных наделов, условия предоставления и порядок пользования ими определяются законодательством союзных республик.

Раздел V
ЗЕМЛИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЛЕСНОГО ФОНДА

Статья 43. **Земли государственного лесного фонда**

Землями государственного лесного фонда признаются земли, покрытые лесом, а также не покрытые лесом, но предназначенные для нужд лесного хозяйства.

Государственные лесохозяйственные предприятия, организации и учреждения по решению исполнительных комитетов районных или городских Советов народных депутатов предоставляют не используемые для нужд лесного хозяйства и лесозаготовительной промышленности сельскохозяйственные угодья из имеющихся в их пользовании земель государ-

ственного лесного фонда колхозам, совхозам, другим предприятиям, организациям, учреждениям и гражданам во временное пользование для сельскохозяйственных целей, если такое пользование совместимо с интересами лесного хозяйства.

Порядок пользования землями государственного лесного фонда определяется законодательством Союза ССР и союзных республик.

Раздел VI

ЗЕМЛИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ВОДНОГО ФОНДА

Статья 44. Земли государственного водного фонда

Землями государственного водного фонда признаются земли, занятые водоемами (реками, озерами, водохранилищами, каналами, внутренними морями, территориальными водами и т. п.), ледниками, гидротехническими и другими водохозяйственными сооружениями, а также земли, выделенные под полосы отвода по берегам водоемов, под зоны охраны и т. п.

Порядок пользования землями государственного водного фонда определяется законодательством Союза ССР и союзных республик.

Раздел VII

ЗЕМЛИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЗАПАСА

Статья 45. Земли государственного запаса

Землями государственного запаса являются все земли, не предоставленные землепользователям в бессрочное или долгосрочное пользование.

Земли государственного запаса предоставляются в постоянное или временное пользование колхозам, совхозам, другим государственным, кооперативным, общественным предприятиям, организациям и учреждениям, а также гражданам в порядке, предусмотренном ст. 10 настоящих Основ.

Раздел VIII

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЗЕМЕЛЬНЫЙ КАДАСТР

Статья 46. Государственный земельный кадастр, его составные части и назначение

Для обеспечения рационального использования земельных ресурсов ведется государственный земельный кадастр, содержащий совокупность достоверных и необходимых сведений о природном, хозяйственном и правовом положении земель.

Государственный земельный кадастр включает данные регистрации землепользований, учета количества и качества земель, бонитировки почв и экономической оценки земель.

Данные государственного земельного кадастра служат целям организации эффективного использования земель и их охраны, планирования народного хозяйства, размещения и специализации сельскохозяйственного производства, мелиорации земель и химизации сельского хозяйства, а также осуществления других народнохозяйственных мероприятий, связанных с использованием земель.

Земельный кадастр ведется за счет государства по единой для Союза ССР системе. Порядок ведения государственного земельного кадастра, формы кадастровой документации, периодичность уточнения и обновления кадастровых данных устанавливаются Советом Министров СССР.

Раздел IX

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ЗЕМЛЕУСТРОЙСТВО

Статья 47. Землеустройство и землеустроительные действия

Землеустройство включает систему государственных мероприятий, направленных на осуществление решений государственных органов в области пользования землей.

Задачами государственного землеустройства являются организации наиболее полного, научно обоснованного, рационального и эффективного использования земель, повышение культуры земледелия и охраны земель.

Землеустройство включает следующие землеустроительные действия:

1) образование новых, а также упорядочение существую-

щих землепользований с устранением чересполосицы и других неудобств в расположении земель; уточнение и изменение границ землепользований;

2) внутрихозяйственную организацию территории колхозов, совхозов и других сельскохозяйственных предприятий, организаций и учреждений с введением экономически обоснованных севооборотов и устройством всех других сельскохозяйственных угодий (сенокосов, пастбищ, садов и др.), а также разработку мероприятий по борьбе с эрозией почв;

3) выявление новых земель для сельскохозяйственного и иного народнохозяйственного освоения;

4) отвод и изъятие земельных участков;

5) установление и изменение городской черты, поселковой черты и черты сельских населенных пунктов;

6) проведение топографо-геодезических, почвенных, геоботанических и других обследований и изысканий.

Землеустройство, включая проектно-изыскательские, съемочные и обследовательские работы, проводится за счет государства. Осуществляется землеустройство государственными землеустроительными органами.

Статья 48. **Землеустроительная документация**

В процессе землеустройства составляются землеустроительные проекты, а также документы на право пользования землей, предусмотренные ст. 10 настоящих Основ.

Землеустроительные проекты составляются при участии заинтересованных землепользователей и после утверждения переносятся в натуру (на местность) с обозначением границ землепользований межевыми знаками установленного образца.

Установленная в порядке землеустройства внутрихозяйственная организация территории является обязательной для колхозов, совхозов и других сельскохозяйственных предприятий.

Раздел XI
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НАРУШЕНИЕ ЗЕМЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Статья 50. **Ответственность за нарушение земельного законодательства**

Купля-продажа, залог, завещание, дарение, аренда, самовольный обмен земельными участками и другие сделки, в

прямой или скрытой форме нарушающие право государственной собственности на землю, — недействительны.

Лица, виновные в совершении указанных сделок, а также:

самовольном занятии земельных участков;

бесхозяйственном использовании земель и использовании их в целях извлечения нетрудовых доходов;

порче сельскохозяйственных и других земель, загрязнении их производственными и иными отходами и сточными водами;

невыполнении обязательных мероприятий по улучшению земель и охране почв от ветровой, водной эрозии и других процессов, ухудшающих состояние почв;

несвоевременном возврате временно занимаемых земель или невыполнении обязанностей по приведению их в состояние, пригодное для использования по назначению;

уничтожении межевых знаков границ землепользований,

несут уголовную или административную ответственность в порядке, устанавливаемом законодательством Союза ССР и союзных республик.

Законодательством Союза ССР и союзных республик может быть установлена ответственность и за другие виды нарушений земельного законодательства.

Самовольно занятые земельные участки возвращаются по их принадлежности без возмещения затрат, произведенных за время незаконного пользования.

В случаях, устанавливаемых законодательством Союза ССР и союзных республик, у землепользователей, допускающих систематические нарушения правил пользования землей, могут быть изъяты неправильно используемые ими земельные участки.

Предприятия, организации, учреждения и граждане обязаны возместить вред, причиненный ими в результате нарушения земельного законодательства.

Свод законов СССР. М., 1983. Т. 4. С. 46—65

ОСНОВЫ ВОДНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА СОЮЗА ССР И СОЮЗНЫХ РЕСПУБЛИК

Из Закона
Союза Советских Социалистических Республик
10 декабря 1970 г.[1]

Раздел I
ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Статья 1. Задачи советского водного законодательства

Задачами советского водного законодательства являются регулирование водных отношений в целях обеспечения в интересах настоящего и будущих поколений научно обоснованного, рационального использования вод для нужд населения и народного хозяйства, охраны вод от загрязнения, засорения и истощения, предупреждения и ликвидации вредного воздействия вод, улучшения состояния водных объектов, а также охрана прав предприятий, организаций, учреждений и граждан, укрепление законности в области водных отношений.

Статья 7. Государственное управление в области использования и охраны вод

Государственное управление в области использования и охраны вод осуществляется Советом Министров СССР, Советами Министров союзных республик, Советами Министров автономных республик, исполнительными комитетами местных Советов народных депутатов, а также специально упо-

[1] С изменениями, внесенными Указом Президиума Верховного Совета СССР 7 января 1980 г.

лномоченными на то государственными органами по регулированию использования и охране вод непосредственно или через бассейновые (территориальные) управления и иными государственными органами в соответствии с законодательством Союза ССР и союзных республик.

Статья 8. Государственный контроль за использованием и охраной вод

Государственный контроль за использованием и охраной вод имеет своей задачей обеспечить соблюдение всеми министерствами, государственными комитетами, ведомствами, государственными, кооперативными, общественными предприятиями, организациями, учреждениями и гражданами установленного порядка пользования водами, выполнения обязанностей по охране вод, предупреждению и ликвидации их вредного воздействия, правил ведения учета вод, а также иных правил, установленных водным законодательством.

Государственный контроль за использованием и охраной вод осуществляется Советами народных депутатов, их исполнительными и распорядительными органами, а также специально уполномоченными на то государственными органами в порядке, устанавливаемом законодательством Союза ССР.

Статья 9. Участие общественных организаций и граждан в осуществлении мероприятий по рациональному использованию и охране вод

Профессиональные союзы, организации молодежи, общества охраны природы, научные общества и другие общественные организации, а также граждане оказывают содействие государственным органам в осуществлении мероприятий по рациональному использованию и охране вод.

Общественные организации принимают участие в деятельности, направленной на обеспечение рационального использования и охраны вод, в соответствии с их уставами (положениями) и законодательством Союза ССР и союзных республик.

Государственные органы обязаны всемерно учитывать предложения общественных организаций и граждан при осуществлении мероприятий по рациональному использованию и охране вод.

Статья 10. Размещение, проектирование, строительство и ввод в эксплуатацию предприятий, сооружений и других объектов, влияющих на состояние вод

При размещении, проектировании, строительстве и вводе в эксплуатацию новых и реконструированных предприятий, сооружений и других объектов, а также при внедрении новых технологических процессов, влияющих на состояние вод, должно обеспечиваться рациональное использование вод с соблюдением требований охраны здоровья и первоочередного удовлетворения питьевых и бытовых нужд населения. При этом предусматриваются мероприятия, обеспечивающие учет забираемой из водных объектов и возвращаемой в них воды, охрану вод от загрязнения, засорения и истощения, предупреждение вредного воздействия вод, ограничение затопления земель до минимально необходимых размеров, охрану земель от засоления, подтопления или иссушения, а также сохранения благоприятных природных условий и ландшафтов.

При размещении, проектировании, строительстве и вводе в эксплуатацию новых и реконструированных предприятий, сооружений и других объектов на рыбохозяйственных водоемах должны быть, кроме того, своевременно осуществлены мероприятия, обеспечивающие охрану рыбы, других водных животных и растений и условия для их воспроизводства.

Определение мест строительства предприятий, сооружений и других объектов, влияющих на состояние вод, согласовывается с органами по регулированию использования и охране вод, исполнительными комитетами местных Советов народных депутатов, органами, осуществляющими государственный санитарный надзор, охрану рыбных запасов, и другими органами в соответствии с законодательством Союза ССР и союзных республик. Проекты строительства указанных предприятий, сооружений и других объектов подлежат согласованию с органами по регулированию использования и охране вод и другими органами в случаях и порядке, устанавливаемых законодательством Союза ССР.

Запрещается ввод в эксплуатацию:

новых и реконструированных предприятий, цехов, агрегатов, коммунальных и других объектов, не обеспеченных устройствами, предотвращающими загрязнение и засорение вод или их вредное воздействие;

оросительных и обводнительных систем, водохранилищ и

каналов до проведения предусмотренных проектами мероприятий, предотвращающих затопление, подтопление, заболачивание, засоление земель и эрозию почв;

осушительных систем до готовности водоприемников и других сооружений в соответствии с утвержденными проектами;

водозаборных сооружений без рыбозащитных устройств в соответствии с утвержденными проектами;

гидротехнических сооружений до готовности устройств для пропуска паводковых вод и рыбы в соответствии с утвержденными проектами;

буровых скважин на воду без оборудования их водорегулирующими устройствами и установления в соответствующих случаях зон санитарной охраны.

Запрещается наполнение водохранилищ до осуществления предусмотренных проектами мероприятий по подготовке ложа.

Статья 11. **Порядок производства работ на водных объектах и в прибрежных полосах (зонах)**

Строительные, дноуглубительные и взрывные работы, добыча полезных ископаемых и водных растений, прокладка кабелей, трубопроводов и других коммуникаций, рубка леса, буровые, сельскохозяйственные и другие работы на водных объектах или в прибрежных полосах (зонах) водоемов, влияющие на состояние вод, производятся по согласованию с органами по регулированию использования и охране вод, исполнительными комитетами местных Советов народных депутатов другими органами в соответствии с законодательством Союза ССР и союзных республик.

Раздел II
ВОДОПОЛЬЗОВАНИЕ

Статья 12. **Водопользователи**

Водопользователями в СССР могут быть государственные, кооперативные и общественные предприятия, организации, учреждения и граждане СССР.

В случаях, предусмотренных законодательством Союза

ССР, водопользователями могут быть и иные организации и лица.

Статья 13. Объекты водопользования

В пользование предоставляются водные объекты, перечисленные в статье 4 настоящих Основ.

Использование водных объектов, имеющих особое государственное значение либо особую научную или культурную ценность, может быть частично или полностью запрещено в порядке, устанавливаемом Советом Министров СССР и советами министров союзных республик.

Статья 14. Виды водопользования

Водные объекты предоставляются в пользование при соблюдении предусмотренных законом требований и условий для удовлетворения питьевых, бытовых, лечебных, курортных, оздоровительных и иных нужд населения, сельскохозяйственных, промышленных, энергетических, транспортных, рыбохозяйственных и иных государственных и общественных надобностей. Использование водных объектов для сброса сточных вод может допускаться лишь в случаях и при соблюдении специальных требований и условий, предусмотренных законодательством Союза ССР и союзных республик.

Различается общее водопользование — осуществляемое без применения сооружений или технических устройств, влияющих на состояние вод, и специальное водопользование — осуществляемое с применением таких сооружений или устройств. К специальному водопользованию в отдельных случаях может быть также отнесено пользование водными объектами без применения сооружений или технических устройств, но оказывающее влияние на состояние вод.

Перечень видов специального водопользования устанавливается органами по регулированию использования и охране вод.

Водные объекты могут состоять в совместном или обособленном пользовании.

Предприятия, организации и учреждения, которым водные объекты предоставлены в обособленное пользование — первичные водопользователи, в установленных законодательством Союза ССР и союзных республик случаях вправе разрешать другим предприятиям, организациям, учреждениям и

гражданам вторичное водопользование по согласованию с органами по регулированию использования и охране вод.

Статья 15. Порядок и условия предоставления водных объектов в пользование

Водные объекты предоставляются в пользование прежде всего для удовлетворения питьевых и бытовых нужд населения.

В обособленное пользование водные объекты предоставляются полностью или частично на основании постановления Совета Министров союзной республики или Совета Министров автономной республики, решения исполнительного комитета соответствующего Совета народных депутатов либо иного уполномоченного на то государственного органа в порядке, устанавливаемом законодательством Союза ССР и союзных республик.

Специальное водопользование осуществляется на основании разрешений, выдаваемых органами по регулированию использования и охране вод, а в случаях, предусмотренных законодательством Союза ССР и союзных республик, — исполнительными комитетами местных Советов народных депутатов. Такие разрешения выдаются после согласования с органами, осуществляющими государственный санитарный надзор, охрану рыбных запасов, а также с другими заинтересованными органами. Специальное водопользование на водных объектах, предоставленных в обособленное пользование предприятиям, организациям и учреждениям — первичным водопользователям, разрешается по согласованию с этими предприятиями, организациями и учреждениями. В случаях, установленных законодательством Союза ССР и союзных республик, разрешения на специальное водопользование на указанных водных объектах выдаются первичными водопользователями по согласованию с органами по регулированию использования и охране вод. Порядок согласования и выдачи разрешений на специальное водопользование устанавливается Советом Министров СССР.

Общее водопользование осуществляется без разрешений в порядке, устанавливаемом законодательством союзных республик. На водных объектах, предоставленных в обособленное пользование, общее водопользование допускается на условиях, установленных первичным водопользователем по согласованию с органами по регулированию использования и

охране вод, а при необходимости может быть запрещено.

Водопользование осуществляется бесплатно. Специальное водопользование может подлежать оплате в случаях и в порядке, устанавливаемых Советом Министров СССР.

Статья 16. Сроки водопользования

Водные объекты предоставляются в бессрочное или временное пользование.

Бессрочным (постоянным) признается водопользование без заранее установленного срока.

Временное пользование может быть краткосрочным — до трех лет и долгосрочным — от трех до двадцати пяти лет. При необходимости сроки водопользования могут быть продлены на период, не превышающий соответственно сроков краткосрочного или долгосрочного временного пользования.

Общее водопользование сроком не ограничивается.

Статья 17. Права и обязанности водопользователей

Водопользователи имеют право пользоваться водными объектами только в тех целях, для которых они предоставлены.

В случаях, предусмотренных законодательством Союза ССР и союзных республик, права водопользователей могут быть ограничены в целях охраны здоровья населения, в иных государственных интересах, а также в интересах других водопользователей. При этом не должны ухудшаться условия пользования водными объектами для питьевых и бытовых нужд населения.

Водопользователи обязаны:

рационально использовать водные объекты, заботиться об экономном расходовании воды, восстановлении и улучшении качества вод;

принимать меры к полному прекращению сброса в водные объекты сточных вод, содержащих загрязняющие вещества;

не допускать нарушения прав, предоставленных другим водопользователям, а также нанесения ущерба хозяйственным и природным объектам (землям, лесам, животному миру, полезным ископаемым и др.);

содержать в исправном состоянии очистные и другие водохозяйственные сооружения и технические устройства,

влияющие на состояние вод, улучшать их эксплуатационные качества, вести в установленных случаях учет пользования водами.

Статья 18. **Основания прекращения права водопользования**

Право водопользования предприятий, организаций, учреждений и граждан подлежит прекращению соответственно в случаях:

1) минования надобности в водопользовании или отказа от него;

2) истечения срока водопользования;

3) ликвидации предприятия, организации или учреждения;

4) передачи водохозяйственных сооружений другим водопользователям;

5) возникновения необходимости изъятия водных объектов из обособленного пользования.

Право водопользования предприятий, организаций, учреждений и граждан (кроме права пользования водами для питьевых и бытовых нужд) может быть прекращено также в случае нарушения правил пользования водами и их охраны либо использования водного объекта не в соответствии с той целью, для которой он предоставлен.

Законодательством союзных республик могут быть предусмотрены и другие основания прекращения права водопользования предприятий, организаций, учреждений и граждан.

Статья 19. **Порядок прекращения прав водопользования**

Право водопользования прекращается путем:

аннулирования разрешения на специальное, а также вторичное водопользование;

изъятия водных объектов, предоставленных в обособленное пользование.

Прекращение специального водопользования осуществляется по решению органа, выдавшего разрешение на него.

Вторичное водопользование может быть прекращено по решению первичного водопользователя, согласованному с органом по регулированию использования и охране вод.

Изъятие водных объектов из обособленного пользования производится в порядке, установленном законодательством Союза ССР и союзных республик...

Изъятие водных объектов из обособленного пользования предприятий, организаций и учреждений союзного подчинения производится по согласованию с водопользователями и министерствами, государственными комитетами и ведомствами, которым они непосредственно подчинены.

Статья 20. Возмещение убытков, причиненных проведением водохозяйственных мероприятий, прекращением или изменением условий водопользования

Убытки, причиненные предприятиям, организациям, учреждениям и гражданам проведением водохозяйственных мероприятий (гидротехнических работ и т. п.), а также прекращением или изменением условий водопользования, подлежат возмещению в случаях и порядке, устанавливаемых Советом Министров СССР.

Статья 21. Пользование водными объектами для питьевых, бытовых и иных нужд населения

Для питьевого, бытового водоснабжения, а также для иных нужд населения предоставляются водные объекты, качество воды которых соответствует установленным санитарным требованиям.

Использование подземных вод питьевого качества для нужд, не связанных с питьевым и бытовым водоснабжением, как правило, не допускается. В районах, где отсутствуют необходимые поверхностные водные источники и имеются достаточные запасы подземных вод питьевого качества, органы по регулированию использования и охране вод могут разрешать использование этих вод для целей, не связанных с питьевым и бытовым водоснабжением.

Статья 22. Пользование водными объектами для лечебных, курортных и оздоровительных целей

Водные объекты, отнесенные в установленном порядке к категории лечебных, используются прежде всего для лечебных и курортных целей. В исключительных случаях органы по регулированию использования и охране вод могут разрешать использование водных объектов, отнесенных к категории лечебных, для других целей по согласованию с соответствующими органами здравоохранения и управления курортами.

Сброс сточных вод в водные объекты, отнесенные к категории лечебных, запрещается.

Порядок пользования водами для отдыха и спорта устанавливается законодательством Союза ССР и союзных республик.

Статья 23 Пользование водными объектами для нужд сельского хозяйства

Пользование водными объектами для нужд сельского хозяйства осуществляется как в порядке общего, так и специального водопользования.

При специальном водопользовании применяются оросительные, обводнительные, осушительные и иные водохозяйственные сооружения и устройства, принадлежащие государственным организациям, колхозам, совхозам и другим водопользователям.

Колхозы, совхозы и другие предприятия, организации, учреждения и граждане, пользующиеся водными объектами для нужд сельского хозяйства, обязаны соблюдать установленные планы, правила, нормы и режим водопользования, принимать меры к сокращению потерь воды на фильтрацию и испарение в мелиоративных системах, к предупреждению нерациональных сбросов воды из них, к недопущению попадания рыбы в мелиоративные системы из рыбохозяйственных водоемов, а также создавать наиболее благоприятный режим почвенной влаги.

Орошение сельскохозяйственных земель сточными водами разрешается органами по регулированию использования и охране вод по согласованию с органами, осуществляющими государственный санитарный и ветеринарный надзор.

Положения настоящей статьи распространяются также на орошение и осушение земель, занятых лесами, лесными полосами и лесопитомниками.

Статья 24. Пользование водными объектами для промышленных целей

Водопользователи, пользующиеся водными объектами для промышленных целей, обязаны соблюдать установленные планы, технологические нормы и правила водопользования, а также принимать меры к сокращению расхода воды и к прекращению сброса сточных вод путем совершенствова-

ния технологии производства и схем водоснабжения (применение безводных технологических процессов, воздушного охлаждения, оборотного водоснабжения и других технических приемов).

Исполнительные комитеты местных Советов народных депутатов в случае стихийного бедствия, аварии и при других исключительных обстоятельствах, а также при перерасходе предприятием установленного лимита потребления воды из водопровода вправе сокращать или запрещать потребление для промышленных целей питьевой воды из коммунальных и временно ограничивать — из ведомственных хозяйственно-питьевых водопроводов в интересах первоочередного удовлетворения питьевых и бытовых нужд населения.

Подземные воды (пресные, минеральные, термальные), не отнесенные к категории питьевых или лечебных вод, могут в установленном порядке использоваться для технического водоснабжения, извлечения содержащихся в них химических элементов, получения тепловой энергии и других производственных нужд с соблюдением требований рационального использования и охраны вод.

Статья 25. **Пользование водными объектами для нужд гидроэнергетики**

Пользование водными объектами для нужд гидроэнергетики осуществляется с учетом интересов других отраслей народного хозяйства, а также с соблюдением требований комплексного использования вод, если иное прямо не предусмотрено постановлением Совета Министров СССР или постановлениями Советов Министров союзных республик, а в соответствующих случаях — решением органа по регулированию использования и охране вод.

Статья 26. **Пользование водными объектами для нужд водного транспорта и лесосплава**

Реки, озера, водохранилища, каналы, внутренние моря и другие внутренние морские воды СССР, а также территориальные воды (территориальное море) СССР являются водными путями общего пользования, за исключением случаев, когда их использование в этих целях полностью или частично запрещено либо они предоставлены в обособленное пользование.

Порядок отнесения водных путей к категории судоходных и лесосплавных, а также установления правил эксплуатации водных путей определяется законодательством Союза ССР и союзных республик.

Молевой сплав леса, а также сплав древесины в пучках и кошелях без судовой тяги запрещается:

1) на судоходных путях;

2) на водных объектах, перечень которых утверждается Советом Министров СССР или Советами Министров союзных республик с учетом особого значения этих объектов для рыбного хозяйства, водоснабжения или других народнохозяйственных целей.

На остальных водных объектах указанные виды лесосплава допускаются на основании разрешений, выдаваемых органами по регулированию использования и охране вод после согласования с органами, осуществляющими охрану рыбных запасов.

Лесосплавляющие организации обязаны регулярно проводить очистку сплавных путей от затонувшей древесины.

Статья 27. **Пользование водными объектами для нужд воздушного транспорта**

Порядок пользования водными объектами для стоянки, взлета и посадки воздушных судов, а также для других нужд воздушного транспорта устанавливается законодательством Союза ССР.

Статья 28. **Пользование водными объектами для нужд рыбного хозяйства**

На рыбохозяйственных водоемах или их отдельных участках, имеющих особо важное значение для сохранения и воспроизводства ценных видов рыб и других объектов водного промысла, права водопользователей могут быть ограничены в интересах рыбного хозяйства. Перечень таких водоемов или их участков и виды ограничений водопользования определяются органами по регулированию использования и охране вод по представлению органов, осуществляющих охрану рыбных запасов.

При эксплуатации гидротехнических и других сооружений на рыбохозяйственных водоемах должны своевременно осуществляться мероприятия, обеспечивающие охрану рыбных запасов и условия для их воспроизводства.

Порядок пользования водными объектами для нужд рыбного хозяйства устанавливается законодательством Союза ССР и союзных республик.

Статья 29. **Пользование водными объектами для нужд охотничьего хозяйства**

На реках, озерах и других водных объектах, являющихся местами обитания диких водоплавающих птиц и ценных пушных зверей (бобр, ондатра, выхухоль, нутрия и др.), органами по регулированию использования и охране вод могут быть предоставлены преимущественные права водопользования предприятиям и организациям охотничьего хозяйства с учетом требований комплексного использования вод.

Порядок пользования водными объектами для нужд охотничьего хозяйства устанавливается законодательством Союза ССР и союзных республик.

Статья 30. **Пользование водными объектами для нужд заповедников**

Водные объекты, представляющие особую научную или культурную ценность, объявляются в установленном законодательством Союза ССР и союзных республик порядке заповедными и предоставляются в бессрочное обособленное пользование заповедников в целях охраны природы и проведения научных исследований.

Порядок пользования водами заповедников определяется положениями о заповедниках.

Изъятие водных объектов из пользования заповедников допускается только в случаях особой необходимости на основании постановления Совета Министров союзной республики.

Статья 31. **Пользование водными объектами для сброса сточных вод**

Пользование водными объектами для сброса промышленных, коммунально-бытовых, дренажных и других сточных вод может производиться только с разрешения органов по регулированию использования и охране вод после согласования с органами, осуществляющими государственный санитарный надзор, охрану рыбных запасов, и другими заинтересованными органами.

Сброс сточных вод допускается только в случаях, если он не приведет к увеличению содержания в водном объекте загрязняющих веществ свыше установленных норм и при условии очистки водопользователем сточных вод до пределов, установленных органами по регулированию использования и охране вод.

Если указанные требования нарушаются, сброс сточных вод должен быть ограничен, приостановлен или запрещен органами по регулированию использования и охране вод вплоть до прекращения деятельности отдельных промышленных установок, цехов, предприятий, организаций, учреждений. В случаях, угрожающих здоровью населения, органы, осуществляющие государственный санитарный надзор, вправе приостановить сброс сточных вод вплоть до прекращения эксплуатации производственных и других объектов с уведомлением об этом органов по регулированию использования и охране вод.

Порядок и условия пользования водными объектами для сброса сточных вод устанавливаются законодательством Союза ССР и союзных республик.

Статья 32 Пользование водными объектами для противопожарных нужд и иных государственных и общественных надобностей

Забор воды для противопожарных нужд допускается из любых водных объектов.

Порядок пользования водными объектами для противопожарных нужд, а также иных государственных и общественных надобностей устанавливается законодательством Союза ССР и союзных республик.

Статья 33 Эксплуатация водохранилищ

Предприятия, организации и учреждения, эксплуатирующие водоподпорные, водопропускные или водозаборные сооружения на водохранилищах, обязаны соблюдать режим наполнения и сработки водохранилищ, установленный с учетом интересов водопользователей и землепользователей, находящихся в зонах влияния водохранилищ.

Порядок эксплуатации водохранилищ определяется правилами, утверждаемыми органами по регулированию использования и охране вод для каждого водохранилища, каскада

или системы водохранилищ по согласованию с органами, осуществляющими государственный санитарный надзор, охрану рыбных запасов, и другими заинтересованными органами.

Организация и координация мероприятий, обеспечивающих надлежащее техническое состояние и благоустройство водохранилищ, а также контроль за соблюдением правил их эксплуатации осуществляются органами по регулированию использования и охране вод в порядке, устанавливаемом Соевтом Министров СССР или Советами Министров союзных республик.

Положения настоящей статьи распространяются также на эксплуатацию озер и других водоемов, используемых в качестве водохранилищ.

Раздел III

ОХРАНА ВОД И ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ИХ ВРЕДНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

Статья 37. Охрана вод

Все воды (водные объекты) подлежат охране от загрязнения, засорения и истощения, которые могут причинить вред здоровью населения, а также повлечь уменьшение рыбных запасов, ухудшение условий водоснабжения и другие неблагоприятные явления вследствие изменения физических, химических, биологических свойств вод, снижения их способности к естественному очищению, нарушения гидрологического и гидрогеологического режима вод. В этих целях в соответствии с законодательством Союза ССР и союзных республик могут устанавливаться водоохранные зоны (полосы).

Предприятия, организации и учреждения, деятельность которых влияет на состояние вод, обязаны проводить согласованные с органами по регулированию использования и охране вод, исполнительными комитетами местных Советов народных депутатов, органами, осуществляющими государственный санитарный надзор, охрану рыбных запасов, и другими заинтересованными государственными органами или по предписаниям уполномоченных на то государственных органов технологические, лесомелиоративные, агротехнические, гидротехнические, санитарные и другие мероприятия, обеспечивающие охрану вод от загрязнения, засорения

и истощения, а также улучшение состояния и режима вод.

Мероприятия по охране вод предусматриваются в государственных планах развития народного хозяйства.

Статья 38. **Охрана вод от загрязнения и засорения**

Сброс в водные объекты производственных, бытовых и других видов отходов и отбросов запрещается. Сброс сточных вод допускается лишь с соблюдением требований, предусмотренных статьей 31 настоящих Основ.

Владельцы средств водного транспорта, трубопроводов, плавучих и других сооружений на водных объектах, лесосплавляющие организации, а также другие предприятия, организации и учреждения обязаны не допускать загрязнения и засорения вод вследствие потерь масел, древесины, химических, нефтяных и иных продуктов.

Предприятия, организации и учреждения обязаны не допускать загрязнения и засорения поверхности водосборов, ледяного покрова водоемов и поверхности ледников производственными, бытовыми и другими отходами, отбросами и выбросами, а также нефтяными и химическими продуктами, смыв которых повлечет ухудшение качества поверхностных и подземных вод.

Управления государственных водохозяйственных систем, колхозы, совхозы и другие предприятия, организации и учреждения обязаны предотвращать загрязнение вод удобрениями и ядохимикатами.

В целях охраны вод, используемых для питьевого и бытового водоснабжения, лечебных, курортных и оздоровительных нужд населения, устанавливаются округа и зоны санитарной охраны в соответствии с законодательством Союза ССР и союзных республик.

Статья 39. **Охрана вод от истощения**

В целях поддержания благоприятного водного режима рек, озер, водохранилищ, подземных вод и других водных объектов, для предупреждения водной эрозии почв, заиления водоемов, ухудшения условий обитания водных животных, для уменьшения колебаний стока и т. п. устанавливаются водоохранные зоны лесов, а также проводятся лесомелиоративные, противоэрозионные, гидротехнические и другие

мероприятия в порядке, предусматриваемом законодательством Союза ССР и союзных республик.

При согласовании вопросов размещения и строительства предприятий, сооружений и других объектов, влияющих на состояние вод, а также при выдаче разрешений на специальное водопользование органы по регулированию использования и охране вод обязаны руководствоваться схемами комплексного использования и охраны вод и водохозяйственными балансами, учитывающими интересы водопользователей и землепользователей.

Если при проведении буровых и других горных работ, связанных с поисками, разведкой и эксплуатацией месторождений газа, нефти, угля и других полезных ископаемых, вскрыты подземные водоносные горизонты, организации, проводящие горные работы, обязаны немедленно сообщить об этом органам по регулированию использования и охране вод и принять в установленном порядке меры к охране подземных вод.

Самоизливающиеся и разведочные скважины, а также скважины, непригодные к эксплуатации или пользование которыми прекращено, подлежат оборудованию дрегулирующими устройствами, консервации или ликвидации в порядке, устанавливаемом законодательством Союза ССР и союзных республик.

Статья 40. Предупреждение и ликвидация вредного воздействия вод

Предприятия, организации и учреждения обязаны проводить согласованные с органами по регулированию использования и охране вод, исполнительными комитетами местных Советов народных депутатов и другими заинтересованными государственными органами или по предписаниям уполномоченных на то государственных органов мероприятия по предупреждению и ликвидации вредного воздействия вод:

наводнений, затоплений и подтоплений;

разрушения берегов, защитных дамб и других сооружений;

заболачивания и засоления земель;

эрозии почв, образования оврагов, оползней, селевых потоков и других вредных явлений.

Осуществление неотложных мер по предупреждению и ликвидации стихийных бедствий, вызванных вредным воз-

действием вод, регулируется законодательством Союза ССР и союзных республик.

Мероприятия по предупреждению и ликвидации вредного воздействия вод предусматриваются в государственных планах экономического и социального развития.

Раздел IV
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УЧЕТ И ПЛАНИРОВАНИЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ВОД

Статья 41. Задачи государственного учета и планирования использования вод

Государственный учет вод и их использования имеет своей задачей установление количества и качества вод, данных об использовании вод для нужд населения и народного хозяйства.

Планирование использования вод должно обеспечивать научно обоснованное распределение вод между водопользователями с учетом первоочередного удовлетворения питьевых и бытовых нужд населения, охрану вод и предупреждение их вредного воздействия. При планировании использования вод учитываются данные государственного водного кадастра, водохозяйственные балансы, схемы комплексного использования и охраны вод.

Статья 42. Государственный водный кадастр

Государственный водный кадастр включает данные учета вод по количественным и качественным показателям, регистрации водопользований, а также данные учета использования вод.

Статья 43. Водохозяйственные балансы

Водохозяйственные балансы, оценивающие наличие и степень использования вод, составляются по бассейнам, экономическим районам, союзным республикам и Союзу ССР.

Статья 44. Схемы комплексного использования и охраны вод

Генеральные и бассейновые (территориальные) схемы комплексного использования и охраны вод определяют основные водохозяйственные и другие мероприятия, подлежащие осуществлению для удовлетворения перспективных потребностей в воде населения и народного хозяйства, а также для охраны вод и предупреждения их вредного воздействия.

Статья 45. Порядок государственного учета вод и их использования, ведения государственного водного кадастра, составления водохозяйственных балансов и разработки схем комплексного использования и охраны вод

Государственный учет вод и их использования, ведение государственного водного кадастра, составление водохозяйственных балансов, разработка схем комплексного использования и охраны вод осуществляются за счет государства и по единым для Союза ССР системам.

Порядок государственного учета вод и их использования, ведения государственного водного кадастра, составления водохозяйственных балансов, разработки и утверждения схем комплексного использования и охраны вод устанавливается Советом Министров ССР.

Раздел V
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НАРУШЕНИЕ ВОДНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Статья 46. Ответственность за нарушение водного законодательства

Переуступка права водопользования и другие сделки, в прямой или скрытой форме нарушающие право государственной собственности на воды, — недействительны.

Лица, виновные в совершении указанных сделок, а также:

самовольном захвате водных объектов или самовольном водопользовании;

заборе воды с нарушением планов водопользования;

загрязнении и засорении вод;

вводе в эксплуатацию предприятий, коммунальных и других объектов без сооружений и устройств, предотвраща-

ющих загрязнение и засорение вод или их вредное воздействие;

бесхозяйственном использовании воды (добытой или отведенной из водных объектов);

нарушении водоохранного режима на водосборах, вызывающем их загрязнение, водную эрозию почв и другие вредные явления;

самовольном производстве гидротехнических работ;

повреждении водохозяйственных сооружений и устройств;

нарушении правил эксплуатации водохозяйственных сооружений и устройств;

несут уголовную или административную ответственность в соответствии с законодательством Союза ССР и союзных республик.

Законодательством Союза ССР и союзных республик может быть установлена ответственность и за другие виды нарушений водного законодательства.

Самовольно захваченные водные объекты возвращаются по их принадлежности без возмещения затрат, произведенных за время незаконного пользования.

Предприятия, организации, учреждения и граждане обязаны возместить убытки, причиненные нарушением водного законодательства, в размерах и порядке, устанавливаемых законодательством Союза ССР и союзных республик. Должностные лица и другие работники, по вине которых предприятия, организации и учреждения понесли расходы, связанные с возмещением убытков, несут материальную ответственность в установленном порядке.

Свод законов СССР. Т. 4. С. 252—267.

ОСНОВЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА СОЮЗА ССР И СОЮЗНЫХ РЕСПУБЛИК О НЕДРАХ

Из Закона СССР
9 июля 1975 г.[1]

Раздел 1

ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Статья 14. **Основные права и обязанности пользователей недр**

Пользователи недр имеют право и обязаны пользоваться недрами в соответствии с целями, для которых они предоставлены.

В случаях, предусмотренных законодательством Союза ССР и союзных республик, права пользователей недр могут быть ограничены в государственных интересах, а также в интересах других пользователей недр.

Пользователи недр обязаны обеспечивать:

1) полноту геологического изучения; рациональное, комплексное использование и охрану недр;

2) безопасное для работников и населения ведение работ, связанных с пользованием недрами;

3) охрану атмосферного воздуха, земель, лесов, вод и других объектов окружающей природной среды, а также зданий и сооружений от вредного влияния работ, связанных с пользованием недрами;

4) сохранность заповедников, памятников природы и культуры от вредного влияния работ, связанных с пользованием недрами;

---

[1] С изменениями, внесенными Указом Президиума Верховного Совета СССР 20 сентября 1979 г.

5) приведение земельных участков, нарушенных при пользовании недрами, в безопасное состояние, а также в состояние, пригодное для использования их в народном хозяйстве, в соответствии с законодательством Союза ССР и союзных республик...

Раздел IV

ПОЛЬЗОВАНИЕ НЕДРАМИ ДЛЯ РАЗРАБОТКИ МЕСТОРОЖДЕНИЙ ПОЛЕЗНЫХ ИСКОПАЕМЫХ И В ЦЕЛЯХ, НЕ СВЯЗАННЫХ С ДОБЫЧЕЙ ПОЛЕЗНЫХ ИСКОПАЕМЫХ

Статья 24. Основные требования к разработке месторождений полезных ископаемых и переработке минерального сырья

При разработке месторождений полезных ископаемых должны быть обеспечены:

1) применение наиболее рациональных и эффективных методов добычи основных и совместно с ними залегающих полезных ископаемых, недопущение сверхнормативных потерь и сверхнормативного разубоживания полезных ископаемых, а также выборочной отработки богатых участков месторождений, приводящей к необоснованным потерям балансовых запасов полезных ископаемых;

2) осуществление доразведки месторождений полезных ископаемых и иных геологических работ, проведение маркшейдерских работ, а также ведение предусмотренной технической документации;

3) учет состояния и движения запасов, потерь и разубоживания полезных ископаемых;

4) недопущение порчи разрабатываемых и соседних с ними месторождений полезных ископаемых в результате проводимых горных работ, а также сохранение запасов полезных ископаемых, консервируемых в недрах;

5) сохранение и учет попутно добываемых временно не используемых полезных ископаемых;

6) рациональное использование вскрышных пород, а также правильное их размещение;

7) безопасность для жизни и здоровья работников и населения, охрана недр и других объектов окружающей природной среды, зданий и сооружений; разработка и утверждение планов ликвидации аварий.

При переработке минерального сырья должны быть обеспечены:

строгое соблюдение технологических схем переработки минерального сырья, обеспечивающих рациональное и комплексное извлечение содержащихся в нем полезных компонентов; учет и контроль распределения полезных компонентов на различных стадиях переработки и степени их извлечения из минерального сырья;

дальнейшее изучение технологических свойств и состава минерального сырья, проведение опытных технологических испытаний с целью совершенствования технологии переработки минерального сырья;

наиболее полное использование отходов переработки (шламов, пылей, сточных вод и т. д.); складирование, учет и сохранение временно не используемых отходов производства, содержащих полезные компоненты.

Статья 25. **Ликвидация и консервация горнодобывающих предприятий**

По завершении отработки запасов полезных ископаемых, а также в случаях, когда по технико-экономическим расчетам и другим обоснованиям дальнейшая разработка месторождения или его части нецелесообразна или невозможна, предприятие по добыче полезных ископаемых, разрабатывающее месторождение, или соответствующая часть этого предприятия подлежит ликвидации либо переводу на консервацию.

При полной или частичной ликвидации либо консервации предприятия по добыче полезных ископаемых горные выработки и буровые скважины должны быть приведены в состояние, обеспечивающее безопасность населения, охрану окружающей природной среды, зданий и сооружений, а при консервации также и сохранность месторождения, горных выработок и буровых скважин на все время консервации. При ликвидации предприятия по добыче полезных ископаемых должен быть решен также вопрос о возможном использовании горных выработок и буровых скважин для иных народнохозяйственных целей.

При ликвидации и консервации предприятия по добыче полезных ископаемых или его части геологическая и маркшейдерская документация пополняется на момент заверше-

ния горных работ и сдается в установленном порядке на хранение.

На предприятиях по добыче полезных ископаемых, смежных с ликвидируемым или консервируемым предприятием, должны быть проведены мероприятия, обеспечивающие безопасность горных работ.

Ликвидация и консервация предприятия по добыче полезных ископаемых или его части осуществляются по согласованию с органами государственного горного надзора и другими заинтересованными органами.

Статья 26. **Старательская добыча полезных ископаемых**

На месторождениях полезных ископаемых или их участках, разработка которых предприятиями по добыче полезных ископаемых нецелесообразна, допускается добыча полезных ископаемых личным трудом старателей.

Добыча полезных ископаемых артелями старателей производится по договору с предприятиями по добыче полезных ископаемых в пределах их горных отводов, а отдельными гражданами — по разрешительному удостоверению, выдаваемому горнодобывающими предприятиями. На предприятия по добыче полезных ископаемых возлагается контроль за старательской добычей полезных ископаемых.

Перечень полезных ископаемых, добыча которых разрешается старателями, и Типовой устав артели старателей утверждаются в порядке, устанавливаемом Советом Министров СССР.

Статья 27. **Порядок пользования недрами в целях, не связанных с добычей полезных ископаемых**

Пользование недрами для строительства и эксплуатации подземных сооружений и в иных целях, не связанных с добычей полезных ископаемых, производится по специальным проектам, утверждаемым в порядке, устанавливаемом законодательством Союза ССР и союзных республик.

В проектах должны предусматриваться меры, обеспечивающие соответственно обезвреживание сточных вод, вредных веществ, отходов производства и иных веществ и материалов либо локализацию их в строго определенных границах и предотвращение проникновения в горные выработки, на земную поверхность и в водные объекты.

В случаях нарушения требований настоящей статьи сброс в недра сточных вод, захоронение вредных веществ и отходов производства, подземное хранение веществ и материалов должны быть ограничены, приостановлены или запрещены органами государственного горного надзора или другими специально уполномоченными на то государственными органами...

Раздел VI
ОХРАНА НЕДР

Статья 35 Основные требования в области охраны недр

Все недра в СССР подлежат охране.

Основными требованиями в области охраны недр являются:

обеспечение полного и комплексного геологического изучения недр;

соблюдение установленного порядка предоставления недр в пользование и недопущение самовольного пользования недрами;

наиболее полное извлечение из недр и рациональное использование запасов основных и совместно с ними залегающих полезных ископаемых и содержащихся в них компонентов;

недопущение вредного влияния работ, связанных с пользованием недрами, на сохранность запасов полезных ископаемых;

охрана месторождений полезных ископаемых от затопления, обводнения, пожаров и от других факторов, снижающих качество полезных ископаемых и промышленную ценность месторождений или осложняющих их разработку;

предупреждение необоснованной и самовольной застройки площадей залегания полезных ископаемых и соблюдение установленного порядка использования этих площадей для других целей;

предотвращение вредного влияния работ, связанных с пользованием недрами, на сохранность эксплуатируемых и находящихся на консервации горных выработок и буровых скважин, а также подземных сооружений;

предотвращение загрязнения недр при подземном хра-

нении нефти, газа и иных веществ и материалов, захоронении вредных веществ и отходов производства, сбросе сточных вод.

В случае нарушения требований настоящей статьи пользование недрами может быть ограничено, приостановлено или запрещено органами государственного горного надзора или другими специально уполномоченными на то государственными органами в порядке, устанавливаемом законодательством Союза ССР.

Законодательством Союза ССР и союзных республик могут быть установлены меры материального и морального поощрения пользователей недр, стимулирующие осуществление мероприятий по улучшению использования недр и усилению их охраны...

Статья 35. Охрана участков недр, представляющих особую научную или культурную ценность

Редкие геологические обнажения, минералогические образования, палеонтологические объекты и другие участки недр, представляющие особую научную или культурную ценность, могут быть объявлены в установленном порядке заповедниками либо памятниками природы или культуры. Всякая деятельность, нарушающая сохранность указанных заповедников и памятников, запрещается.

В случае обнаружения при пользовании недрами редких геологических обнажений и минералогических образований, метеоритов, палеонтологических, археологических и других объектов, представляющих интерес для науки и культуры, пользователи недр обязаны приостановить работы на соответствующем участке и сообщить об этом заинтересованным государственным органам.

Статья 36. Участие общественных организаций и граждан в осуществлении мероприятий по охране недр и рациональному их использованию

Профессиональные союзы, организации молодежи, общества охраны природы, научные общества и другие общественные организации, а также граждане оказывают содействие государственным органам в осуществлении мероприятий по охране недр и рациональному их использованию.

Общественные организации принимают участие в деятельности, направленной на обеспечение охраны недр и ра-

ционального их использования, в соответствии с их уставами (положениями) и законодательством Союза ССР и союзных республик.

Государственные органы обязаны всемерно учитывать предложения общественных организаций и граждан при осуществлении мероприятий по охране недр и рациональному их использованию.

Раздел VII
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УЧЕТ ЗАПАСОВ И МЕСТОРОЖДЕНИЙ ПОЛЕЗНЫХ ИСКОПАЕМЫХ, А ТАКЖЕ УЧАСТКОВ НЕДР, ПРЕДОСТАВЛЕННЫХ В ПОЛЬЗОВАНИЕ, НЕ СВЯЗАННОЕ С ДОБЫЧЕЙ ПОЛЕЗНЫХ ИСКОПАЕМЫХ

Статья 37. **Государственный учет запасов и месторождений полезных ископаемых**

Запасы и месторождения полезных ископаемых, а также проявления полезных ископаемых подлежат государственному учету по единым для Союза ССР системам.

В целях обеспечения планирования работ по геологическому изучению недр и размещения предприятий по добыче полезных ископаемых, рационального, комплексного использования месторождений полезных ископаемых, а также для решения других народнохозяйственных задач ведется государственный кадастр месторождений полезных ископаемых и составляются государственные балансы запасов полезных ископаемых.

Статья 38. **Государственный кадастр месторождений полезных ископаемых**

Государственный кадастр месторождений полезных ископаемых должен содержать сведения по каждому месторождению, характеризующие количество и качество запасов основных и совместно с ними залегающих полезных ископаемых и содержащихся в них компонентов, горнотехнические, гидрогеологические и другие условия разработки месторождения и его геолого-экономическую оценку, а также сведения по каждому проявлению полезных ископаемых.

Статья 39. **Государственные балансы запасов полезных ископаемых**

Государственные балансы запасов полезных ископаемых должны содержать сведения о количестве, качестве и степени изученности запасов полезных ископаемых по месторождениям, имеющим промышленное значение, их размещении, степени промышленного освоения, добыче, потерях и обеспеченности промышленности разведанными запасами полезных ископаемых.

Статья 40. **Утверждение запасов полезных ископаемых**

Запасы полезных ископаемых разведанных месторождений, а также запасы полезных ископаемых, дополнительно разведанные в процессе разработки месторождений, подлежат утверждению специально уполномоченными на то государственными органами в порядке, устанавливаемом законодательством Союза ССР.

При утверждении запасов устанавливаются достоверность разведанных запасов полезных ископаемых, их количество и качество, условия залегания, степень изученности, народнохозяйственное значение и подготовленность месторождения для промышленного освоения.

Статья 41. **Списание балансовых запасов полезных ископаемых**

Добытые полезные ископаемые, а также запасы полезных ископаемых, утратившие промышленное значение, потерянные в процессе добычи, не подтвердившиеся при последующих геологоразведочных работах или разработке месторождения, подлежат списанию с государственного баланса полезных ископаемых в порядке, устанавливаемом законодательством Союза ССР.

Списание с учета горнодобывающего предприятия балансовых запасов полезных ископаемых, утративших промышленное значение, потерянных в процессе добычи либо не подтвердившихся при последующих геологоразведочных работах или разработке месторождения, производится по согласованию с органами государственного горного надзора.

Статья 42. **Государственный учет участков недр, предоставленных в пользование, не связанное с добычей полезных ископаемых**

Участки недр, предоставленные для строительства и эксплуатации подземных сооружений и для иных целей, не свя-

занных с добычей полезных ископаемых, подлежат государственному учету по единым для Союза ССР системам.

Раздел VIII

НАДЗОР И КОНТРОЛЬ ЗА ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ И ОХРАНОЙ НЕДР И ВЕДЕНИЕМ РАБОТ ПО ГЕОЛОГИЧЕСКОМУ ИЗУЧЕНИЮ НЕДР

Статья 43. Задачи государственного надзора и контроль за использованием и охраной недр и ведением работ по геологическому изучению недр

Государственный надзор и контроль за использованием и охраной недр имеют своей задачей обеспечить соблюдение всеми министерствами, государственными комитетами, ведомствами, предприятиями, организациями, учреждениями и гражданами установленного порядка пользования недрами, выполнение обязанностей по охране недр, по безопасному ведению работ, связанных с пользованием недрами, по предупреждению и устранению их вредного влияния на население, окружающую природную среду, здания и сооружения, соблюдение правил ведения государственного учета запасов и месторождений полезных ископаемых, а также иных правил и норм, установленных законодательством о недрах.

Государственный контроль за ведением работ по геологическому изучению недр имеет своей задачей обеспечить соблюдение установленного порядка и эффективности ведения геологосъемочных, поисковых, разведочных, гидрогеологических, инженерно-геологических, геофизических, геохимических и других работ по геологическому изучению недр, выполняемых предпрятиями, организациями и учреждениями, независимо от их ведомственной подчиненности.

Статья 44. Органы, осуществляющие государственный надзор и контроль за использованием и охраной недр и ведением работ по геологическому изучению недр

Государственный надзор за использованием и охраной недр (государственный горный надзор) и государственный контроль за ведением работ по геологическому изучению недр (государственный геологический контроль) осуществляются специально уполномоченными на то государственными органами.

Советы народных депутатов и их исполнительные и распорядительные органы осуществляют государственный контроль в области использования и охраны недр в соответствии с законодательством Союза ССР и союзных республик.

Статья 45. Осуществление государственного надзора за использованием и охраной недр

Органы государственного горного надзора проверяют:

1) правильность разработки месторождений полезных ископаемых и выполнение требований по охране недр;

2) соблюдение предприятиями по добыче полезных ископаемых установленного порядка учета запасов полезных ископаемых, правильность и своевременность их списания;

3) соблюдение правил и норм по безопасному ведению работ при пользовании недрами;

4) правильность и своевременность проведения мероприятий, обеспечивающих безопасность населения, охрану окружающей природной среды, зданий и сооружений, эксплуатируемых и находящихся на консервации горных выработок и буровых скважин от вредного влияния работ, связанных с пользованием недрами;

5) соблюдение требований по предотвращению проникновения в горные выработки, на земную поверхность и в водные объекты нефти, газа и иных веществ и материалов при подземном их хранении, сточных вод, сбрасываемых в недра, захороненных в недрах вредных веществ и отходов производства;

6) соблюдение правил проведения геологических и маркшейдерских работ при разработке месторождений полезных ископаемых.

Органы государственного горного надзора имеют право:

приостанавливать работы, связанные с пользованием недрами, в случаях нарушения правил и норм по безопасному ведению работ и по охране недр;

прекращать самовольное пользование недрами и самовольную застройку площадей залегания полезных ископаемых;

давать обязательные для исполнения указания об устранении нарушений правил и норм по безопасному ведению работ и по охране недр на предприятиях, в организациях и учреждениях, пользующихся недрами;

расследовать в установленном порядке обстоятельства и причины аварий и случаев производственного травматизма при пользовании недрами и принимать по результатам расследования решения, обязательные для исполнения руководителями соответствующих предприятий, организаций и учреждений.

На органы государственного горного надзора могут быть возложены и другие функции по надзору за использованием и охраной недр, а также функции по надзору за переработкой минерального сырья, и им могут быть предоставлены другие права по предупреждению и пресечению нарушений правил и норм по безопасному ведению работ и по охране недр.

Статья 47. Ведомственный контроль за использованием и охраной недр

Ведомственный контроль за соблюдением установленного порядка пользования недрами, ведением работ по геологическому изучению недр, выполнением требований по охране недр, по обеспечению полного извлечения основных и совместно с ними залегающих полезных ископаемых и содержащихся в них компонентов, в том числе при переработке минерального сырья, требований по безопасному ведению работ, связанных с пользованием недрами, за проведением мероприятий, обеспечивающих безопасность населения, охрану окружающей природной среды, зданий и сооружений, за соблюдением правил учета запасов и месторождений полезных ископаемых, а также других правил и норм, установленных законодательством о недрах, осуществляется органами, в ведении которых находятся предприятия, организации и учреждения, пользующиеся недрами.

Контроль за правильностью разработки месторождений полезных ископаемых и переработки минерального сырья осуществляется соответственно маркшейдерской и геологической службами, службой технического контроля и иными службами.

Типовые положения о маркшейдерской и геологической службах утверждаются Советом Министров СССР.

Раздел IX
РАЗРЕШЕНИЕ СПОРОВ ПО ВОПРОСАМ ПОЛЬЗОВАНИЯ НЕДРАМИ

Статья 48. Порядок разрешения споров

Споры между предприятиями, организациями, учреждениями и гражданами по вопросам пользования недрами разрешаются соответственно исполнительными комитетами районных (городских) Советов народных депутатов, органами государственного горного надзора, органами государственного геологического контроля и иными уполномоченными на то государственными органами в порядке, устанавливаемом законодательством Союза ССР и союзных республик.

Раздел X
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НАРУШЕНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О НЕДРАХ

Статья 49. Ответственность за нарушение законодательства о недрах

Сделки, в прямой или скрытой форме нарушающие право государственной собственности на недра, недействительны.

Лица, виновные в совершении указанных сделок, а также:

самовольном пользовании недрами;

нарушении правил и требований проведения работ по геологическому изучению недр, приведшем к недостоверной оценке разведанных запасов полезных ископаемых или условий для строительства и эксплуатации горнодобывающих предприятий, а также подземных сооружений, не связанных с добычей полезных ископаемых;

выборочной отработке богатых участков месторождений, приводящей к необоснованным потерям балансовых запасов полезных ископаемых; сверхнормативных потерях и сверхнормативном разубоживании полезных ископаемых при добыче; порче месторождений полезных ископаемых и других нарушениях требований рационального использования запасов полезных ископаемых;

самовольной застройке площадей залегания полезных ископаемых;

нарушении правил и норм по безопасному ведению работ, связанных с пользованием недрами;

невыполнении правил охраны недр, а также требований по охране окружающей природной среды, зданий и сооружений от вредного влияния работ, связанных с пользованием недрами;

уничтожении или повреждении наблюдательных режимных скважин на подземные воды, а также маркшейдерских и геодезических знаков;

утрате маркшейдерской и геологической документации, а также дубликатов проб полезных ископаемых и керна, которые необходимы при дальнейшем геологическом изучении недр и разработке месторождений;

невыполнении требований по приведению ликвидируемых или консервируемых горных выработок и буровых скважин в состояние, обеспечивающее безопасность населения, а также требований по сохранению месторождений, горных выработок и буровых скважин на время консервации;

несут уголовную, административную или иную ответственность в соответствии с законодательством Союза ССР и союзных республик.

Законодательством Союза ССР и союзных республик может быть установлена ответственность и за другие нарушения законодательства о недрах.

Самовольное пользование недрами и самовольная застройка площадей залегания полезных ископаемых прекращается без возмещения произведенных затрат.

Статья 50. Возмещение убытков

Предприятия, организации, учреждения и граждане обязаны возместить убытки, причиненные нарушением законодательства о недрах, в размерах и порядке, устанавливаемых законодательством Союза ССР и союзных республик. Должностные лица и другие работники, по вине которых предприятия, организации и учреждения понесли расходы, связанные с возмещением убытков, несут материальную ответственность в установленном порядке...

Свод законов СССР. Т. 4. С. 143—157.

ОСНОВЫ ЛЕСНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА СОЮЗА ССР И СОЮЗНЫХ РЕСПУБЛИК

Из Закона
Союза Советских Социалистических Республик
17 июня 1977 г.[1]

Раздел I
ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Статья 8. Государственное управление в области использования, воспроизводства, охраны и защиты лесов

Государственное управление в области использования, воспроизводства, охраны и защиты лесов осуществляется Советом Министров СССР, Советами Министров союзных республик, Советами Министров автономных республик, исполнительными комитетами местных Советов народных депутатов, а также государственными органами лесного хозяйства и иными государственными органами в соответствии с законодательством Союза ССР и союзных республик.

Статья 9. Государственный контроль за состоянием, использованием, воспроизводством, охраной и защитой лесов

Государственный контроль за состоянием, использованием, воспроизводством, охраной и защитой лесов имеет своей

[1] С изменениями, внесенными Указом Президиума Верховного Совета СССР 16 ноября 1979 г.

задачей обеспечить соблюдение всеми министерствами, государственными комитетами, ведомствами, государственными, кооперативными, общественными предприятиями, организациями, учреждениями и гражданами установленного порядка пользования лесами, правил ведения лесного хозяйства, воспроизводства лесов, их учета и охраны, а также иных правил и норм, предусмотренных лесным законодательством.

Государственный контроль за состоянием, использованием, воспроизводством, охраной и защитой всех лесов осуществляется Советами депутатов трудящихся, их исполнительными и распорядительными органами, а также государственными органами лесного хозяйства и иными специально уполномоченными на то государственными органами в порядке, устанавливаемом законодательством Союза ССР.

Статья 10. Участие общественных организаций и граждан в осуществлении мероприятий по рациональному использованию, воспроизводству, охране и защите лесов

Профессиональные союзы, организации молодежи, общества охраны природы, научные общества и другие общественные организации, а также граждане оказывают содействие государственным органам и колхозам в осуществлении мероприятий по рациональному использованию, воспроизводству, охране и защите лесов.

Общественные организации принимают участие в деятельности, направленной на обеспечение рационального использования, воспроизводства, охраны и защиты лесов, в соответствии с их уставами (положениями) и законодательством Союза ССР и союзных республик.

Государственные органы обязаны всемерно учитывать предложения общественных организаций и граждан при осуществлении мероприятий по рациональному использованию, воспроизводству, охране и защите лесов.

Статья 11. Основные требования, предъявляемые к ведению лесного хозяйства

Государственные органы, предприятия, организации и учреждения, осуществляющие планирование, организацию и ведение лесного хозяйства, использование ресурсов, с уче-

том народнохозяйственного значения лесов и природных условий обязаны обеспечивать:

усиление водоохраны, защитных, климаторегулирующих, оздоровительных и иных полезных природных свойств лесов в интересах охраны здоровья людей, улучшения окружающей среды и развития народного хозяйства;

непрерывное, неистощительное и рациональное пользование лесом для планомерного удовлетворения потребностей народного хозяйства и населения в древесине и другой лесной продукции;

расширенное воспроизводство, улучшение породного состава и качества лесов, повышение их продуктивности;

сбережение лесов, охрану их от пожаров, защиту от вредителей и болезней;

рациональное использование земель государственного лесного фонда и других земель, занятых лесами;

повышение эффективности лесохозяйственного производства на основе единой технической политики, достижений науки и техники.

Уход за лесом, а также защита его от вредителей и болезней должны осуществляться способами и методами, не наносящими вреда человеку и окружающей среде.

Мероприятия по ведению лесного хозяйства предусматриваются в государственных планах развития народного хозяйства с расчетом на длительную перспективу и осуществляются соответствующими министерствами, государственными комитетами, ведомствами и лесохозяйственными предприятиями.

Статья 13. Ведение лесного хозяйства в лесах государственного значения

Ведение лесного хозяйства в лесах государственного значения возлагается:

на лесохозяйственные предприятия государственных органов лесного хозяйства (кроме городских лесов, закрепленных лесов и лесов заповедников);

в городских лесах — на лесохозяйственные и другие предприятия, организации, учреждения исполнительных комитетов городских, районных (в городах) Советов депутатов трудящихся. Лесное хозяйство в городских лесах может вестись совместно с лесохозяйственными предприятиями государственных органов лесного хозяйства;

в закрепленных лесах — на лесохозяйственные и другие предприятия, организации, учреждения министерств и ведомств, за которыми закреплены эти леса;

в лесах заповедников — на заповедники.

На предприятия, организации и учреждения, ведущие лесное хозяйство в лесах государственного значения, возлагаются воспроизводство, охрана, защита и улучшение санитарного состояния лесов, уход за ними, повышение продуктивности лесов и плодородия лесных почв, организация лесных пользований, учет лесов и другие обязанности по ведению лесного хозяйства, устанавливаемые законодательством Союза ССР и союзных республик.

Правила, инструкции и указания государственных органов лесного хозяйства Союза ССР и союзных республик в пределах прав, устанавливаемых законодательством Союза ССР и союзных республик, обязательны для министерств, ведомств, предприятий, организаций и учреждений, на которые возложено ведение лесного хозяйства, для лесопользователей, а также для предприятий, организаций, учреждений и граждан, проводящих в лесах и на землях государственного лесного фонда, не покрытых лесом, работы, не связанные с ведением лесного хозяйства и осуществлением лесных пользований.

Указания предприятий, организаций и учреждений, ведущих лесное хозяйство в лесах государственного значения, в пределах прав, устанавливаемых законодательством Союза ССР и союзных республик, обязательны для всех лесопользователей, а также для предприятий, организаций, учреждений и граждан, проводящих в этих лесах и на соответствующих землях государственного лесного фонда, не покрытых лесом, работы, не связанные с ведением лесного хозяйства и осуществлением лесных пользований.

Предприятия, организации и учреждения, ведущие лесное хозяйство в лесах государственного значения, могут в установленном порядке осуществлять лесные пользования, предусмотренные статьей 21 настоящих Основ.

Статья 14. Ведение лесного хозяйства в колхозных лесах

Леса, находящиеся на землях, предоставленных колхозам в бессрочное пользование, и зарегистрированные в установ-

ленном порядке в земельно-учетных документах, признаются колхозными лесами.

Колхозные леса находятся в бессрочном пользовании колхозов.

Ведение лесного хозяйства в колхозных лесах осуществляется колхозами в соответствии с Положением о колхозных лесах, утверждаемым Советом Министров СССР. Колхозы могут вести лесное хозяйство совместно с другими колхозами, совхозами и иными предприятиями, организациями и учреждениями в порядке, определяемом законодательством Союза ССР и союзных республик.

Руководство организацией и ведением лесного хозяйства в колхозных лесах осуществляется государственными органами сельского хозяйства.

Государственные органы лесного хозяйства оказывают колхозам помощь в планировании и организации ведения лесного хозяйства, а в случае необходимости организуют выполнение подведомственными им предприятиями по договорам с колхозами (организациями, ведущими лесное хозяйство в колхозных лесах) лесохозяйственных, лесокультурных и лесозащитных работ.

Статья 18. **Размещение, проектирование, строительство и ввод в эксплуатацию предприятий, сооружений и других объектов, влияющих на состояние и воспроизводство лесов**

При размещении, проектировании, строительстве и вводе в эксплуатацию новых и реконструированных предприятий, сооружений и других объектов, а также при внедрении новых технологических процессов, влияющих на состояние и воспроизводство лесов, должны предусматриваться и осуществляться мероприятия, обеспечивающие охрану лесов от отрицательного воздействия на них сточных вод, химических веществ, промышленных и коммунально-бытовых выбросов, отходов и отбросов.

Определение мест строительства предприятий, сооружений и других объектов, влияющих на состояние и воспроизводство лесов, согласовывается с исполнительными комитетами местных Советов народных депутатов, государственными органами лесного хозяйства и другими органами в соответствии с законодательством Союза ССР и союзных республик. Проекты строительства указанных предприятий, сооружений и других объектов подлежат согласованию с государственными органами лесного хозяйства и другими органами

в случаях и порядке, устанавливаемых законодательством Союза ССР.

Запрещается ввод в эксплуатацию новых и реконструированных предприятий, цехов, агрегатов, транспортных путей, коммунальных и других объектов, не обеспеченных устройствами, предотвращающими вредное воздействие на состояние и воспроизводство лесов.

Статья 19. **Порядок производства в лесах работ, не связанных с ведением лесного хозяйства и осуществлением лесных пользований**

Строительные и взрывные работы, добыча полезных ископаемых, прокладка кабелей, трубопроводов и иных коммуникаций, буровые и другие работы в лесах, а также на землях государственного лесного фонда, не покрытых лесом, не связанные с ведением лесного хозяйства и осуществлением лесных пользований, производятся по согласованию с исполнительными комитетами местных Советов народных депутатов, государственными органами лесного хозяйства и другими органами в соответствии с законодательством Союза ССР и союзных республик.

Указанные работы должны осуществляться способами, не вызывающими ухудшения противопожарного и санитарного состояния лесов и условий их воспроизводства.

Раздел II
ЛЕСОПОЛЬЗОВАНИЕ

Статья 20. **Лесопользователи**

Лесопользователями могут быть государственные, кооперативные и общественные предприятия, организации и учреждения, а также граждане СССР.

В случаях, предусмотренных законодательством Союза ССР, лесопользователями могут быть и иные организации и лица.

Статья 21. **Виды и сроки лесных пользований**

В лесах, а также на землях государственого лесного фонда, не покрытых лесом, при соблюдении предусмотренных

законодательством требований и условий могут осуществляться следующие виды лесных пользований:

1) заготовка древесины;

2) заготовка живицы;

3) заготовка второстепенных лесных материалов (пней, луба, коры и т. п.);

4) побочные лесные пользования — сенокошение, пастьба скота, размещение ульев и пасек, заготовка древесных соков, заготовка и сбор дикорастущих плодов, орехов, грибов, ягод, лекарственных растений и технического сырья. Сенокошение и пастьба скота на сельскохозяйственных угодьях, входящих в состав земель государственного лесного фонда, осуществляются в соответствии с требованиями земельного законодательства Союза ССР и союзных республик с учетом интересов лесного хозяйства. Законодательством союзных республик могут предусматриваться и другие побочные лесные пользования;

5) пользование лесом в научно-исследовательских целях;

6) пользование лесом в культурно-оздоровительных целях;

7) пользование лесом для нужд охотничьего хозяйства.

Сроки осуществления лесных пользований устанавливаются:

для заготовки древесины и живицы — законодательством Союза ССР;

для осуществления других лесных пользований — законодательством Союза ССР и союзных республик.

Статья 23. Порядок заготовки древесины

Заготовка древесины в лесах осуществляется в порядке рубок главного пользования (включая лесовосстановительные рубки), проводимых в спелых древостоях.

Древесина заготовляется также при проведении рубок промежуточного пользования (рубки ухода за лесом, санитарные рубки и рубки, связанные с реконструкцией малоценных лесных насаждений) и при проведении прочих рубок (расчистка лесных площадей в связи со строительством гидроузлов, трубопроводов, дорог, а также при прокладке просек, создании противопожарных разрывов и т. д.). Заготовка древесины при проведении рубок промежуточного

пользования и прочих рубок осуществляется в лесах всех групп.

Рубки главного пользования в лесах третьей группы проводятся способами, направленными на эффективную эксплуатацию лесов и способствующими восстановлению их хозяйственно-ценными древесными породами.

В лесах второй группы рубки главного пользования проводятся способами, направленными на восстановление лесов хозяйственно-ценными древесными породами, сохранение защитных и водоохранных свойств лесов и позволяющими при этом вести их эффективную эксплуатацию.

В лесах первой группы в порядке, определяемом Советом Министров СССР, проводятся лесовосстановительные рубки способами, направленными на улучшение лесной среды, состояния древостоев, водоохранных, защитных и других свойств лесов и на своевременное и рациональное использование спелой древесины.

В лесах заповедников, национальных и природных парков, заповедных лесных участках, лесах, имеющих научное или историческое значение, природных памятниках, лесопарках, лесах орехопромысловых зон, лесоплодовых насаждений, городских лесах, лесопарковых частях зеленых зон, в лесах зон санитарной охраны источников водоснабжения и округов санитарной охраны курортов, государственных лесных полосах, противоэрозионных лесах и в особо ценных лесных массивах допускаются только рубки ухода за лесом и санитарные рубки.

В запретных полосах лесов, защищающих нерестилища ценных промысловых рыб, проводятся рубки ухода за лесом и санитарные рубки и допускаются в порядке, определяемом Советом Министров СССР, лесовосстановительные выборочные рубки.

В горных лесах применяются способы рубок, учитывающие особое защитное, противоэрозионное и водорегулирующее значение этих лесов.

В особо защитных участках леса может быть полностью или частично запрещено применение сплошнолесосечных рубок, а в необходимых случаях также применение других способов рубок главного пользования.

Порядок заготовки древесины устанавливается Правилами отпуска древесины на корню в лесах СССР, утверждаемыми Советом Министров СССР.

Правила рубок леса утверждаются в порядке, устанавливаемом Советом Министров СССР.

Статья 30. Порядок осуществления побочных лесных пользований

Побочные лесные пользования осуществляются бесплатно, за исключением промысловой заготовки древесных соков, дикорастущих плодов, орехов, грибов, ягод и технического сырья. Таксы на указанную продукцию устанавливаются законодательством союзных республик.

Предприятия, организации и учреждения, ведущие лесное хозяйство, осуществляют все виды побочных лесных пользований бесплатно.

Все побочные лесные пользования должны осуществляться без причинения вреда лесу.

Сенокошение и пастьба скота в лесах и на землях государственного лесного фонда, не покрытых лесом, запрещаются на участках, где это может причинить вред лесу.

В лесах государственного значения сенокосы и пастбища, не используемые для нужд лесного хозяйства и лесозаготовительной промышленности, предоставляются колхозам, совхозам, другим предприятиям, организациям, учреждениям и гражданам во временное пользование, если такое пользование совместимо с интересами лесного хозяйства. Предоставление сенокосов и пастбищ производится с соблюдением требований земельного законодательства.

Порядок и условия осуществления побочных лесных пользований устанавливаются законодательством Союза ССР и союзных республик.

Статья 31. Порядок пользования лесом в научно-исследовательских целях

Для проведения научно-исследовательских работ в лесах соответствующим предприятиям, организациям и учреждениям могут выделяться специальные участки. На выделенных участках могут быть ограничены или полностью запрещены лесные пользования иных предприятий, организаций и учреждений, а также граждан, если это несовместимо с целями проведения научно-исследовательских работ.

Порядок пользования лесом в научно-исследовательских целях устанавливается законодательством Союза ССР и союзных республик.

Статья 32. **Порядок пользования лесом в культурно-оздоровительных целях**

В целях организации отдыха населения исполнительные комитеты местных Советов народных депутатов, лесохозяйственные предприятия государственных органов лесного хозяйства, а также по согласованию с ними иные предприятия, организации и учреждения в лесах зеленых зон и других лесах, используемых для отдыха населения, проводят мероприятия по благоустройству лесных участков и культурно-бытовому обслуживанию населения с учетом необходимости сохранения лесной среды и природных ландшафтов, с соблюдением архитектурной планировки пригородных зон и санитарных требований.

Порядок пользования лесом в культурно-оздоровительных целях устанавливается законодательством Союза ССР и союзных республик.

Статья 33. **Порядок пользования лесом для нужд охотничьего хозяйства**

Лесные пользования и лесохозяйственные мероприятия в лесах должны осуществляться с учетом необходимости сохранения благоприятных условий для обитания диких животных.

Численность животных в лесах регулируется в пределах допустимой для лесных угодий плотности с тем, чтобы животные не наносили ущерба лесному и сельскому хозяйству.

Порядок пользования лесом для нужд охотничьего хозяйства устанавливается законодательством Союза ССР и союзных республик.

Статья 34. **Права и обязанности лесопользователей**

Лесопользователи имеют право и обязаны осуществлять только те лесные пользования, которые им разрешены.

Лесопользователи, осуществляющие заготовку древесины,

имеют право на получение в установленные сроки лесосечного фонда в объемах, необходимых для выполнения заданий государственных планов развития народного хозяйства.

В зависимости от вида лесного пользования лесопользователи имеют право в установленном порядке прокладывать дороги, оборудовать площадки для складирования лесной продукции, возводить производственные и хозяйственные постройки, устанавливать оборудование и приспособления для разделки и переработки древесины, устраивать стоянки транспорта и т. п.

В случаях, предусмотренных законодательством Союза ССР и союзных республик, права лесопользователей могут быть ограничены в государственных интересах, а также в интересах других лесопользователей.

Осуществление лесных пользований для извлечения нетрудовых доходов запрещается.

Нарушенные права лесопользователей подлежат восстановлению, а причиненные им убытки — возмещению в порядке, установленном настоящими Основами и иным законодательством Союза ССР и союзных республик.

В зависимости от вида лесного пользования лесопользователи обязаны:

наиболее полно и рационально использовать переданные им лесосеки, лесонасаждения, отведенные под подсочку, лесные сенокосы и другие лесные угодья;

не оставлять недорубов (начатых рубкой лесосек), а также заготовленной древесины на местах рубок и в лесу после истечения сроков ее заготовки и вывозки, устанавливаемых Правилами отпуска древесины на корню в лесах СССР;

вести работы способами, не допускающими возникновения эрозии почв, исключающими или ограничивающими отрицательное воздействие лесных пользований на состояние и воспроизводство лесов, а также на состояние водоемов и других природных объектов;

соблюдать пожарную безопасность, осуществлять в местах проведения работ противопожарные мероприятия, а в случае возникновения лесных пожаров осуществлять их тушение;

не допускать потерь древесины, перевода деловой древесины в дрова, а также расходования деловой древесины не по назначению;

производить очистку лесосек от порубочных остатков и приводить за свой счет земельные участки, нарушенные ими в результате лесных пользований, в состояние, пригодное для использования их по назначению;

выполнять другие требования, устанавливаемые Правилами отпуска древесины на корню в лесах СССР и правилами рубок леса.

Государственный орган лесной промышленности Союза ССР определяет с соблюдением требований настоящих Основ обязательную для всех лесозаготовителей техническую политику, основанную на применении прогрессивных технологических процессов, машин и механизмов.

Статья 35. Пребывание граждан в лесах

Граждане имеют право свободно пребывать в лесах, собирать дикорастущие плоды, орехи, грибы, ягоды и т. п.

Граждане обязаны соблюдать правила пожарной безопасности в лесах, не допускать поломок и порубок деревьев и кустарников, повреждений лесных культур, засорения лесов, разорения муравейников, гнездовий птиц и т. п.

Пребывание граждан в лесах, сбор дикорастущих плодов, орехов, грибов, ягод и т. п. могут быть ограничены в порядке, определяемом законодательством Союза ССР и союзных республик, в интересах пожарной безопасности, ведения орехопромыслового, лесоплодового или лесосеменного хозяйства, а в лесах заповедников и других лесах — в связи с установленным в них специальным порядком пользования.

Статья 38. Особенности лесопользования в городских лесах

Городские леса используются прежде всего в культурно-оздоровительных целях и для отдыха населения.

Заготовка древесины в порядке проведения рубок главного пользования, заготовка живицы и древесных соков в городских лесах запрещаются.

Законодательством союзных республик в городских лесах могут быть запрещены и другие виды лесных пользований, если они несовместимы с проведением культурно-оздоровительных мероприятий и с организацией отдыха населения.

Положения настоящей статьи распространяются также на леса населенных пунктов, отнесенных в соответствии с

законодательством союзных республик к категории поселков городского типа.

Статья 39. **Особенности лесопользования в закрепленных лесах**

Предприятия, организации и учреждения министерств, государственных комитетов и ведомств, за которыми закреплены леса для выполнения возложенных на них научных, учебных и иных задач, имеют преимущественное право осуществлять в установленном порядке в этих лесах соответствующие виды лесных пользований.

В закрепленных лесах могут быть ограничены или полностью запрещены лесные пользования иных предприятий, организаций и учреждений, а также граждан, если это несовместимо с целями закрепления лесов.

Порядок закрепления лесов, а также порядок лесопользования в закрепленных лесах устанавливаются законодательством Союза ССР и союзных республик.

Статья 40. **Ограничение лесопользования в лесах заповедников**

В лесах заповедников запрещаются рубки главного пользования, заготовка живицы, а также другие лесные пользования, не совместимые с целями заповедования.

Порядок лесопользования в лесах заповедников определяется законодательством Союза ССР и союзных республик.

Статья 41. **Особенности лесопользования в колхозных лесах**

Лесные пользования в колхозных лесах осуществляются прежде всего колхозами и колхозниками.

Колхозы (межколхозные лесохозяйственные организации) осуществляют в колхозных лесах все виды лесных пользований для нужд общественного хозяйства бесплатно. Члены колхоза осуществляют в этих лесах лесные пользования на льготных условиях или бесплатно.

После удовлетворения потребностей общественного хозяйства колхоза и нужд колхозников в древесине и иной лесной продукции колхоз может допускать к осуществлению лесных пользований других лесопользователей. Плата за продукцию, заготовленную этими лесопользователями в колхозных лесах, взимается колхозом по таксам, установленным для лесов государственного значения. Средства, вырученные от

лесных пользований в колхозных лесах, расходуются на ведение лесного хозяйства.

Колхозные леса с согласия общих собраний членов колхозов или собраний уполномоченных по постановлению Совета Министров союзной республики могут быть переданы полностью или частично в состав лесов государственного значения.

Раздел III
ВОСПРОИЗВОДСТВО И ПОВЫШЕНИЕ ПРОДУКТИВНОСТИ ЛЕСОВ

Статья 44. **Восстановление лесов и лесоразведение**

На вырубках, гарях и иных бывших под лесом площадях осуществляется восстановление лесов, а на других землях, предназначенных для создания новых лесов, проводится лесоразведение.

Объемы работ по лесовосстановлению и лесоразведению предусматриваются в государственных планах экономического и социального развития.

Восстановление и разведение лесов, заготовка лесных семян и выращивание посадочного материала осуществляются лесохозяйственными предприятиями государственных органов лесного хозяйства, а также иными предприятиями, организациями и учреждениями, ведущими лесное хозяйство. Законодательством Союза ССР и союзных республик выполнение указанных работ может быть возложено и на другие организации.

При заготовке и трелевке древесины лесозаготовители обязаны соблюдать требования, направленные на сохранение благоприятных условий для восстановления лесов на вырубках. Эти требования должны учитываться также при разработке новой техники для заготовки и трелевки древесины.

Лесовосстановительные работы проводятся способами, обеспечивающими создание в наиболее короткие сроки высокопродуктивных лесов из хозяйственно-ценных древесных пород в порядке, устанавливаемом государственными органами лесного хозяйства.

Для обеспечения оптимальной лесистости, облесения берегов рек, водоемов и в других необходимых случаях в состав земель государственного лесного фонда могут переводиться земли иных категорий, прежде всего земельные участки, не пригодные для использования в сельском хозяйстве

(овраги, балки, пески и т. п.), а также земли государственного запаса, заросшие древеснокустарниковой растительностью. Перевод в состав земель государственного лесного фонда земель иных категорий производится в порядке, установленном земельным законодательством Союза ССР и союзных республик.

Статья 45. **Повышение продуктивности лесов и уход за лесом**

В целях улучшения качественного состава лесов должны проводиться рубки ухода за лесом, санитарные рубки и рубки, связанные с реконструкцией малоценных лесных насаждений, осуществляться мероприятия по улучшению возрастного состава лесов, в том числе по предотвращению накопления перестойных насаждений, а также по повышению плодородия почв и другие работы, способствующие повышению продуктивности лесов.

Лесохозяйственные предприятия государственных органов лесного хозяйства, иные предприятия, организации и учреждения, ведущие лесное хозяйство, обязаны:

проводить уход за лесом, работы по селекции, лесному семеноводству и сортоиспытанию наиболее ценных в хозяйственном отношении древесных пород, мероприятия по повышению плодородия почв, осушению избыточно увлажненных земель, предотвращению водной и ветровой эрозии почв, заболачивания, засоления и других процессов, ухудшающих состояние почв, а также осуществлять иные мероприятия, направленные на улучшение породного состава, качества лесов, повышение их продуктивности и защитных свойств;

принимать меры к наиболее полному и эффективному использованию земель государственного лесного фонда для восстановления и создания новых лесов на предназначенных для этого площадях.

Раздел IV
ОХРАНА И ЗАЩИТА ЛЕСОВ

Статья 46. **Охрана и защита лесов**

Все леса подлежат охране от пожаров, незаконных порубок, нарушений установленного порядка лесопользования и

других действий, причиняющих вред лесу, а также от вредителей и болезней.

Осуществление мероприятий по охране и защите лесов возлагается:

в лесах государственного значения — на лесохозяйственные предприятия государственных органов лесного хозяйства, иные предприятия, организации и учреждения, на которые возложено ведение лесного хозяйства в этих лесах, а также на соответствующие министерства, государственные комитеты и ведомства и исполнительные комитеты городских Советов народных депутатов;

в колхозных лесах — на колхозы, иные организации, на которые возложено ведение лесного хозяйства в этих лесах, а также на соответствующие сельскохозяйственные органы.

Советы Министров союзных республик, Советы Министров автономных республик, исполнительные комитеты местных Советов народных депутатов в соответствии с законодательством Союза ССР и союзных республик обеспечивают осуществление мероприятий по охране и защите лесов, по борьбе с лесными пожарами, привлекают для их тушения население, противопожарную технику и транспортные средства, запрещают на период высокой пожарной опасности в необходимых случаях посещение населением лесов и въезд в них транспортных средств.

Предприятия, организации и учреждения, деятельность которых влияет на состояние и воспроизводство лесов, обязаны проводить согласованные с государственными органами лесного хозяйства, исполнительными комитетами местных Советов народных депутатов и другими государственными органами в соответствии с законодательством Союза ССР и союзных республик технологические, санитарные и другие мероприятия, направленные на охрану лесов.

Охрана и защита полезащитных лесных полос на землях колхозов и совхозов и иных защитных или озеленительных древесно-кустарниковых насаждений, не входящих в государственный лесной фонд, обеспечиваются землепользователями, соответствующими министерствами, государственными комитетами и ведомствами и исполнительными комитетами местных Советов народных депутатов.

Законодательством Союза ССР и союзных республик могут быть установлены меры материального и морального поощрения предприятий, организаций, учреждений, ведущих лесное хозяйство, и лесопользователей, стимулирующие осу-

ществление мероприятий по рациональному ведению лесного хозяйства, улучшению использования лесов, усилению их охраны и защиты.

Статья 47. Лесная охрана в СССР

Охрану и защиту лесов осуществляют: государственная лесная охрана СССР, лесная охрана министерств, государственных комитетов и ведомств, в систему которых входят предприятия, организации и учреждения, ведущие лесное хозяйство; лесная охрана исполнительных комитетов городских Советов народных депутатов; лесная охрана колхозов.

Государственная лесная охрана СССР, лесная охрана министерств, государственных комитетов и ведомств, исполнительных комитетов городских Советов народных депутатов, а также лесная охрана колхозов в соответствии с законодательством Союза ССР и союзных республик наделяются правами по пресечению и предупреждению нарушений правил охраны и защиты лесов, установленного порядка осуществления лесных пользований, использования земель государственного лесного фонда в соответствии с их целевым значением, а также по пресечению и предупреждению других действий, причиняющих вред лесу.

На государственные органы лесного хозяйства возлагается осуществление контроля за постановкой дела охраны и защиты всех лесов СССР.

Раздел V
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УЧЕТ ЛЕСОВ И ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛЕСНОЙ КАДАСТР. ЛЕСОУСТРОЙСТВО

Статья 48. Государственный учет лесов и государственный лесной кадастр

Для организации рационального пользования лесами, их воспроизводства, охраны и защиты, планирования развития лесного хозяйства и размещения лесосечного фонда за счет государства проводится государственный учет лесов и ведется государственный лесной кадастр по единым для Союза ССР системам.

Государственный учет лесов и государственный лесной

кадастр ведутся в порядке, устанавливаемом Советом Министров СССР.

Отраслевой учет состояния и использования земель государственного лесного фонда осуществляется в порядке, устанавливаемом Советом Министров СССР.

Статья 49. Лесоустройство

Лесоустройство включает систему государственных мероприятий, направленных на обеспечение рационального использования, повышения продуктивности, воспроизводства, охраны и защиты лесов, а также повышения культуры ведения лесного хозяйства.

Лесоустройство включает следующие лесоустроительные действия:

определение границ территорий лесохозяйственных предприятий, внутрихозяйственную организацию территорий лесохозяйственных предприятий государственных органов лесного хозяйства, а также территорий, занятых лесами, ведение лесного хозяйства в которых возложено на иные предприятия, организации и учреждения;

определение лесных ресурсов, породного и возрастного состава лесов для установления расчетной лесосеки по рубкам главного пользования и размеров других видов лесных пользований, а также способов рубок;

выявление участков, на которых необходимо проведение рубок ухода, санитарных рубок, рубок, связанных с реконструкцией малоценных лесных насаждений, осушения и других лесохозяйственных мероприятий;

уточнение площадей, предназначенных для восстановления лесов и лесоразведения, и определение способов воспроизводства лесов;

определение категорий защитности лесов и обоснование перевода лесов в случае необходимости из одной группы в другую;

осуществление топографо-геодезических, лесобиологических или других обследований и изысканий, а также иных лесостроительных действий.

По материалам лесоустройства для предприятий, организаций и учреждений, ведущих лесное хозяйство, составляются и утверждаются государственными органами лесного хозяйства или по согласованию с ними иными государственными органами соответствующие проекты, которые яв-

ляются основой для ведения лесного хозяйства и осуществления лесопользования и служат исходными данными для перспективного и текущего планирования.

Расчетная лесосека исчисляется по рубкам главного пользования на длительный период при лесоустройстве по каждому предприятию, организации и учреждению, ведущему лесное хозяйство, раздельно по группам лесов и хозяйствам (хвойным, твердолиственным и мягколиственным) и определяется по области, краю, республике. Порядок утверждения расчетной лесосеки устанавливается Советом Министров СССР.

Лесоустройство проводится во всех лесах государственными лесоустроительными предприятиями по единой для Союза ССР системе, устанавливаемой государственным органом лесного хозяйства Союза ССР.

Раздел VI
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НАРУШЕНИЕ ЛЕСНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Статья 50. Ответственность за нарушение лесного законодательства

Самовольная переуступка права лесопользования, а также другие сделки, в прямой или скрытой форме нарушающие право государственной собственности на леса, — недействительны.

Лица, виновные в совершении указанных сделок, а также:

незаконной порубке и повреждении деревьев и кустарников;

уничтожении или повреждении леса в результате поджога или небрежного обращения с огнем;

нарушении требований пожарной безопасности в лесах;

повреждении леса сточными водами, химическими веществами, промышленными и коммунально-бытовыми выбросами, отходами и отбросами, влекущем его усыхание или заболевание;

уничтожении или повреждении лесных культур, сеянцев либо саженцев в лесных питомниках и на плантациях, а также молодняка естественного происхождения и самосева на площадях, предназначенных под лесовосстановление;

использовании участков земель государственного лесного

фонда для раскорчевки, возведения построек, переработки древесины, устройства складов и т. п. без надлежащего разрешения на использование этих участков;

самовольном сенокошении и пастьбе скота в лесах и на землях государственного лесного фонда, не покрытых лесом;

самовольном сборе дикорастущих плодов, орехов, грибов, ягод и т. п. на участках, где это запрещено или допускается только по лесным билетам;

нарушении установленного порядка использования лесосечного фонда, заготовки и вывозки древесины и заготовки живицы;

уничтожении и повреждении отграничительных знаков в лесах;

уничтожении полезной для леса фауны;

несут уголовную, административную или иную ответственность в соответствии с законодательством Союза ССР и союзных республик.

Законодательством Союза ССР и союзных республик может быть установлена ответственность и за другие нарушения лесного законодательства.

Предприятия, организации, учреждения и граждане обязаны возместить вред, причиненный нарушением лесного законодательства, в размерах и порядке, устанавливаемых законодательством Союза ССР и союзных республик.

Незаконно добытая древесина и иная лесная продукция подлежат изъятию и передаче соответствующему предприятию, организации или учреждению, ведущему лесное хозяйство, либо лесопользователю, если нарушены его права. При невозможности изъятия незаконно добытой продукции взыскивается ее стоимость.

При нарушении лесопользователями установленного порядка пользования лесами осуществление лесопользования может быть приостановлено в случаях и в порядке, определяемых Советом Министров СССР.

В случаях и в порядке, устанавливаемых законодательством Союза ССР, могут быть приостановлены проводимые предприятиями, организациями, учреждениями работы, если они представляют опасность для состояния и воспроизводства лесов в связи с невыполнением при проведении этих работ технологических, санитарных и других мероприятий, обеспечивающих охрану лесов от пожаров и устранение вредного воздействия на состояние и воспроизводство лесов.

Лица, виновные в незаконном уничтожении или повреждении полезащитных лесных полос на землях колхозов и совхозов либо иных защитных или озеленительных древесно-кустарниковых насаждений, не входящих в государственный лесной фонд, несут ответственность, установленную законодательством за уничтожение или повреждение особо охраняемых лесов первой группы, если законодательством Союза ССР и союзных республик не установлена более строгая ответственность за указанные действия.

За невыполнение обязательных мероприятий по восстановлению, улучшению состояния и породного состава лесов, повышению их продуктивности, а также по использованию ресурсов спелой древесины виновные в этом лица несут ответственность в соответствии с законодательством Союза ССР и союзных республик.

Свод законов СССР. Т. 4. С. 337—359.

ОБ ОХРАНЕ АТМОСФЕРНОГО ВОЗДУХА

Закон
Союза Советских Социалистических Республик
25 июня 1980 г.

Атмосферный воздух является одним из основных жизненно важных элементов окружающей природной среды.

Научно-техническая революция, затрагивающая все стороны жизни общества, высокие темпы развития производства, рост городов, расширяющееся использование атмосферы и возрастающие масштабы воздействия человека на окружающую природную среду требуют повышения внимания к охране атмосферного воздуха.

Советское государство придает большое значение сохранению благоприятного состояния атмосферного воздуха, его восстановлению и улучшению для обеспечения наилучших условий жизни советских людей — их труда, быта, отдыха и охраны здоровья, дальнейшего развития материального производства и культуры.

Конституция СССР предусматривает, что в интересах настоящего и будущих поколений в СССР принимаются необходимые меры для сохранения в чистоте атмосферного воздуха. Советское государство проводит комплекс научно обоснованных технических, экономических, социальных и иных мероприятий, направленных на предупреждение и устранение загрязнения атмосферного воздуха, других вредных воздействий на него, а также осуществляет международное сотрудничество в этой области.

Советское законодательство призвано активно способствовать охране атмосферного воздуха.

I. ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Статья 1. Задачи советского законодательства об охране атмосферного воздуха

Задачами советского законодательства об охране атмосферного воздуха являются регулирование общественных отношений в этой области в целях сохранения в чистоте и улучшения состояния атмосферного воздуха, предотвращения и снижения вредных химических, физических, биологических и иных воздействий на атмосферу, вызывающих неблагоприятные последствия для населения, народного хозяйства страны, растительного и животного мира, а также укрепление законности в области охраны атмосферного воздуха.

Статья 2. Законодательство Союза ССР и союзных республик об охране атмосферного воздуха

Законодательство Союза ССР и союзных республик об охране атмосферного воздуха состоит из настоящего Закона и издаваемых в соответствии с ним иных актов законодательства Союза ССР, законов и других актов законодательства союзных республик об охране атмосферного воздуха.

Статья 3. Компетенция Союза ССР в области регулирования отношений по охране атмосферного воздуха

Ведению Союза ССР в области регулирования отношений по охране атмосферного воздуха подлежат:

1) определение общих мероприятий и установление основных положений в области охраны атмосферного воздуха;

2) разработка и утверждение общесоюзных планов по охране атмосферного воздуха;

3) установление нормативов предельно допустимых концентраций загрязняющих веществ в атмосферном воздухе и уровней вредных физических воздействий на него;

4) установление порядка разработки и утверждения нормативов предельно допустимых выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух, а также нормативов предельно допустимых вредных физических воздействий на него;

5) установление единой для Союза ССР системы государственного учета вредных воздействий на атмосферный воздух;

6) государственный контроль за охраной атмосферного воздуха и установление порядка его осуществления;

7) решение других вопросов общесоюзного значения в области охраны атмосферного воздуха в соответствии с Конституцией СССР и настоящим Законом.

Статья 4. Компетенция союзных республик в области регулирования отношений по охране атмосферного воздуха

Ведению союзной республики в области регулирования отношений по охране атмосферного воздуха вне пределов компетенции Союза ССР подлежат: установление порядка охраны атмосферного воздуха; разработка и утверждение республиканских планов по охране атмосферного воздуха; осуществление государственного контроля за охраной атмосферного воздуха, а также решение других вопросов в области атмосферного воздуха, если они не отнесены к компетенции Союза ССР.

Статья 5. Государственное управление в области охраны атмосферного воздуха

Государственное управление в области охраны атмосферного воздуха осуществляется Советом Министров СССР, Советами Министров союзных республик, Советами Министров автономных республик, исполнительными комитетами местных Советов народных депутатов, а также специально уполномоченными на то государственными органами в соответствии с законодательством Союза ССР и союзных республик.

Статья 6. Планирование мероприятий по охране атмосферного воздуха

Задания по охране атмосферного воздуха и мероприятия по предупреждению и устранению причин загрязнения и других вредных воздействий на него, а также по улучшению состояния атмосферы предусматриваются в государственных планах экономического и социального развития.

Проекты планов по охране атмосферного воздуха, разрабатываемые министерствами, государственными комитетами и ведомственными предприятиями, учреждениями и организациями, согласовываются с органами, осуществляющи-

ми государственный контроль за охраной атмосферного воздуха, в порядке, устанавливаемом законодательством Союза ССР и союзных республик.

Статья 7. Участие общественных организаций и граждан в осуществлении мероприятий по охране атмосферного воздуха

Профессиональные союзы, организации молодежи, общества охраны природы, научные общества и другие общественные организации, а также граждане оказывают содействие государственным органам в осуществлении мероприятий по охране атмосферного воздуха.

Общественные организации принимают участие в деятельности, направленной на обеспечение охраны атмосферного воздуха, в соответствии с их уставами (положениями) и законодательством Союза ССР и союзных республик.

Государственные органы обязаны всемерно учитывать предложения общественных организаций и граждан при осуществлении мероприятий по охране атмосферного воздуха.

II. МЕРЫ ОХРАНЫ АТМОСФЕРНОГО ВОЗДУХА

Статья 8. Нормативы предельно допустимых концентраций загрязняющих веществ в атмосферном воздухе и уровней вредных физических воздействий на него

Для оценки состояния атмосферного воздуха устанавливаются нормативы предельно допустимых концентраций загрязняющих веществ и уровней вредных физических воздействий на атмосферу. Эти нормативы должны отвечать интересам охраны здоровья людей и охраны окружающей природной среды.

Нормативы предельно допустимых концентраций загрязняющих веществ в атмосферном воздухе и уровней вредных физических воздействий на него являются едиными для всей территории СССР. В необходимых случаях для отдельных районов устанавливаются более строгие нормативы предельно допустимых концентраций загрязняющих веществ в атмосферном воздухе.

Указанные нормативы и методы их определения утверждаются и вводятся в действие в порядке, устанавливаемом Советом Министров СССР.

Статья 9. Нормативы предельно допустимых выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух и вредных физических воздействий на него

В целях охраны атмосферного воздуха устанавливаются нормативы предельно допустимых выбросов загрязняющих веществ стационарными и передвижными источниками загрязнения, а также нормативы предельно допустимых вредных физических воздействий. Эти нормативы устанавливаются для каждого стационарного источника выбросов или иного вредного воздействия на атмосферный воздух, а также для каждой модели транспортных и иных передвижных средств и установок.

Нормативы предельно допустимых выбросов загрязняющих веществ в атмосферу и предельно допустимых вредных физических воздействий на нее устанавливаются на уровне, при котором выбросы загрязняющих веществ и вредные физические воздействия от конкретного и всех других источников в данном районе с учетом перспективы его развития не приведут к превышению нормативов предельно допустимых концентраций загрязняющих веществ в атмосферном воздухе и предельно допустимых уровней вредных физических воздействий.

Указанные нормативы, методы их определения и виды источников, для которых они разрабатываются, утверждаются и вводятся в действие в порядке, устанавливаемом Советом Министров СССР.

Статья 10. Регулирование выбросов загрязняющих веществ в атмосферу стационарными источниками загрязнения

Выброс загрязняющих веществ в атмосферу стационарным источником загрязнения допускается в каждом случае на основании разрешения, выдаваемого специально уполномоченным на то государственным органом. В разрешении предусматриваются нормативы предельно допустимых выбросов загрязняющих веществ, а также другие условия и требования, обеспечивающие охрану атмосферного воздуха.

Порядок выдачи разрешений на выброс загрязняющих веществ в атмосферу стационарными источниками загрязнения устанавливается Советом Министров СССР.

Предприятия, учреждения и организации, деятельность которых связана с выбросами загрязняющих веществ в атмосферу, обязаны проводить организационно-хозяйственные,

технические и иные мероприятия для обеспечения выполнения условий и требований, предусмотренных в разрешениях на выброс, принимать меры по снижению выбросов загрязняющих веществ, обеспечивать бесперебойную эффективную работу и поддержание в исправном состоянии сооружений, оборудования и аппаратуры для очистки выбросов и контроля за ними, а также осуществлять постоянный учет количества и состава загрязняющих веществ, выбрасываемых в атмосферу.

Осуществление мероприятий по охране атмосферного воздуха не должно приводить к загрязнению почв, вод и других природных объектов.

В случаях нарушения условий и требований, предусмотренных разрешениями, а также когда возникает угроза здоровью населения, выброс загрязняющих веществ в атмосферу должен быть ограничен, приостановлен или запрещен по решению органа, осуществляющего государственный контроль за охраной атмосферного воздуха, вплоть до прекращения деятельности отдельных промышленных установок, цехов, предприятий, учреждений и организаций.

При превышении в результате аварийной ситуации установленных нормативов предельно допустимых выбросов загрязняющих веществ в атмосферу руководители предприятий, учреждений и организаций обязаны немедленно сообщить об этом органам, осуществляющим государственный контроль за охраной атмосферного воздуха, и принять в установленном порядке меры к охране атмосферного воздуха и ликвидации причин и последствий его загрязнения.

При получении предупреждения о возможном повышении концентрации загрязняющих веществ в атмосферном воздухе в связи с ожидаемыми неблагоприятными метеорологическими условиями предприятия, учреждения и организации обязаны проводить специально разработанные по согласованию с органами, осуществляющими государственный контроль за охраной атмосферного воздуха, мероприятия по снижению выбросов таких веществ в атмосферу.

Статья 11. Регулирование выбросов загрязняющих веществ в атмосферу автомобилями, самолетами, другими передвижными средствами и установками

Министерства, государственные комитеты и ведомства, предприятия, учреждения и организации, осуществляющие

проектирование, производство и эксплуатацию автомобилей, самолетов, судов, других передвижных средств и установок, обязаны разрабатывать и осуществлять комплекс мероприятий по предотвращению и сокращению выбросов в атмосферу загрязняющих веществ этими средствами и установками.

Количество загрязняющих веществ, выбрасываемых транспортными и иными передвижными средствами и установками, не должно превышать нормативов предельно допустимых выбросов.

Все транспортные и иные передвижные средства и установки, находящиеся в эксплуатации, должны подвергаться контролю за соблюдением нормативов предельно допустимых выбросов загрязняющих веществ. Правила контроля за соблюдением указанных нормативов устанавливаются в порядке, определяемом Советом Министров СССР.

Не допускаются производство и эксплуатация транспортных и иных передвижных средств и установок, в выбросах которых содержание загрязняющих веществ превышает установленные нормативы.

Статья 12. Регулирование вредных физических воздействий на атмосферу

Местные Советы народных депутатов, министерства, государственные комитеты, ведомства, предприятия, учреждения и организации обязаны разрабатывать и осуществлять мероприятия по предупреждению, снижению и устранению вредного воздействия на атмосферу звуковых колебаний, включая шумы, излучений и т. п.

В случаях, определяемых законодательством Союза ССР, отдельные виды вредного физического воздействия на атмосферный воздух могут допускаться лишь на основании разрешений, выдаваемых специально уполномоченными на то государственными органами.

Всякое вредное физическое воздействие на атмосферный воздух допускается при условии соблюдения установленных предельно допустимых нормативов, а в случаях, когда на него выдано разрешение, — соблюдения также других требований, предусмотренных этим разрешением. При нарушении указанных требований соответствующая деятельность отдельных промышленных и иных установок, цехов, предприятий, учреждений и организаций может быть приостановлена, ограничена или запрещена по решению органа, осуществляюще-

го государственный контроль за охраной атмосферного воздуха, впредь до устранения причин, вызвавших превышение предельно допустимых нормативов или нарушений требований, предусмотренных в разрешении.

В целях борьбы с производственными и иными шумами должны, в частности, осуществляться: внедрение малошумных технологических процессов; улучшение конструкций транспортных средств и их эксплуатации, а также содержания железнодорожных и трамвайных путей, автомобильных дорог, уличных покрытий; размещение аэродромов и аэропортов, промышленных и других сооружений и оборудования, являющихся источниками шума, на необходимом расстоянии от населенных пунктов и районов жилой застройки; улучшение планировки и застройки городов и других населенных пунктов; организационные мероприятия по предупреждению и снижению бытовых шумов.

Граждане обязаны соблюдать требования, установленные в целях борьбы с бытовым шумом в квартирах, а также во дворах жилых домов, на улицах, в местах отдыха и других общественных местах.

Статья 13. **Размещение, проектирование, строительство и ввод в эксплуатацию предприятий, сооружений и других объектов, влияющих на состояние атмосферного воздуха**

При размещении, проектировании, строительстве и вводе в эксплуатацию новых и реконструированных предприятий, сооружений и других объектов, при совершенствовании существующих и внедрении новых технологических процессов и оборудования необходимо обеспечивать соблюдение нормативов вредных воздействий на атмосферный воздух. При этом должны предусматриваться улавливание, утилизация, обезвреживание вредных веществ и отходов или полное исключение выбросов загрязняющих веществ, выполнение других требований по охране атмосферного воздуха, исходя из того, чтобы совокупность выбросов, а также вредных физических воздействий от проектируемых, действующих и планируемых к строительству в будущем предприятий, сооружений и других объектов не привели к превышению нормативов предельно допустимых концентраций загрязняющих веществ в атмосферном воздухе и нормативов предельно допустимых уровней вредных физических воздействий на него.

Определение мест строительства, проекты строительства и реконструкции предприятий, сооружений и других объектов, влияющих на состояние атмосферного воздуха, согласовываются с органами, осуществляющими государственный контроль за охраной атмосферного воздуха, и другими органами в соответствии с законодательством Союза ССР и союзных республик.

Запрещается ввод в эксплуатацию новых и реконструированных предприятий, сооружений и других объектов, не удовлетворяющих требованиям по охране атмосферного воздуха.

Предприятия, учреждения и организации, деятельность которых связана с выбросами загрязняющих веществ в атмосферу, независимо от времени ввода их в действие, должны быть оснащены сооружениями, оборудованием и аппаратурой для очистки выбросов в атмосферу и средствами контроля за количеством и составом выбрасываемых загрязняющих веществ.

Министерства, государственные комитеты и ведомства обязаны осуществлять контроль за проектированием, строительством и эксплуатацией сооружений, оборудования и аппаратуры для очистки выбросов в атмосферу от загрязняющих веществ и снижения вредного физического воздействия на нее, а также за оснащением их приборами, необходимыми для постоянного наблюдения за эффективностью очистки, величиной выбросов и вредных физических воздействий на атмосферный воздух.

Статья 14. **Выполнение требований по охране атмосферного воздуха при размещении и развитии городов и других населенных пунктов**

При планировании размещения и развития городов и других населенных пунктов должны учитываться состояние атмосферного воздуха, прогноз его изменения и задача охраны атмосферного воздуха от вредных воздействий.

Проектирование, застройка, реконструкция городов и других населенных пунктов проводятся в соответствии с санитарно-гигиеническими и другими нормами и правилами по охране атмосферного воздуха.

Советы народных депутатов должны принимать меры к улучшению благоустройства и озеленению территории населенных пунктов, а предприятия, учреждения и организации — занимаемых ими производственных и иных площа-

дей с целью предотвращения или уменьшения загрязнения атмосферного воздуха.

В районах, на атмосферный воздух которых влияет деятельность групп предприятий, учреждений и организаций, в установленном порядке разрабатываются и осуществляются комплексные мероприятия по оздоровлению атмосферного воздуха.

В случае невозможности уменьшения выбросов загрязняющих веществ и вредных физических воздействий на атмосферный воздух до установленных нормативов соответствующие предприятия, сооружения и иные объекты закрываются или их производственный профиль подлежит изменению.

Статья 15. Соблюдение требований по охране атмосферного воздуха при внедрении открытий, изобретений, новых технических систем, а также при закупке импортного оборудования

Запрещается внедрение открытий, изобретений, рационализаторских предложений, новых технических систем, веществ и материалов, а также приобретение в зарубежных странах технологического оборудования и других объектов, если они не удовлетворяют установленным в СССР требованиям по охране атмосферного воздуха и не обеспечены техническими средствами контроля за выбросами в атмосферный воздух.

Статья 16. Выполнение требований по охране атмосферного воздуха при применении средств защиты растений, минеральных удобрений и других препаратов

Перечень средств защиты растений, стимуляторов их роста, минеральных удобрений и других препаратов, применение которых разрешается в народном хозяйстве, а также способы их применения подлежат согласованию со специально уполномоченными органами государственного контроля за охраной атмосферного воздуха в порядке, устанавливаемом законодательством Союза ССР.

При создании новых препаратов, применяемых для указанных целей, должны разрабатываться нормативы предельно допустимых концентраций и методы определения остаточных количеств этих препаратов в атмосферном воздухе.

Колхозы, совхозы, другие предприятия, учреждения, организации, а также граждане обязаны соблюдать правила

транспортировки, хранения и применения средств защиты растений, стимуляторов их роста, минеральных удобрений и других препаратов, с тем чтобы не допускать загрязнения ими атмосферного воздуха.

Статья 17. **Выполнение требований по охране атмосферного воздуха при добыче полезных ископаемых, размещении и эксплуатации терриконов и отвалов**

Добыча полезных ископаемых, взрывные работы, размещение и эксплуатация терриконов, отвалов и свалок должны проводиться с соблюдением правил по предотвращению или сокращению загрязнения атмосферного воздуха способами, согласованными с органами, осуществляющими государственный контроль за охраной атмосферного воздуха, а также другими органами в соответствии с законодательством Союза ССР и союзных республик.

Размещение в населенных пунктах терриконов, отвалов, складирование промышленных отходов, производственного, бытового мусора и других отходов, являющихся источниками загрязнения атмосферного воздуха пылью, вредными газообразными и дурнопахнущими веществами, а также сжигание указанных отходов на территории предприятий, учреждений, организаций и населенных пунктов запрещаются, кроме случаев, когда сжигание осуществляется с использованием специальных установок при соблюдении требований по охране атмосферного воздуха.

Предприятия, учреждения и организации обязаны обеспечивать своевременный вывоз загрязняющих атмосферный воздух отходов на предприятия, использующие их в качестве сырья, или на специализированные свалки.

Статья 18. **Регулирование вредных воздействий на атмосферный воздух при отсутствии нормативов**

Вредные воздействия на атмосферный воздух, для которых не установлены соответствующие нормативы, могут допускаться в исключительных случаях по разрешениям, выдаваемым на определенный срок специально уполномоченными на то государственными органами. В течение этого срока должен быть установлен соответствующий норматив предельно допустимого вредного воздействия и проведены необходимые мероприятия по охране атмосферного воздуха.

Статья 19. **Регулирование потребления атмосферного воздуха для производственных нужд**

При проектировании предприятий, сооружений и других объектов, а также при создании и совершенствовании технологических процессов и оборудования должны предусматриваться меры, обеспечивающие минимально необходимое потребление атмосферного воздуха для производственных нужд.

Потребление воздуха для производственных нужд может быть ограничено, приостановлено или запрещено органами, осуществляющими государственный контроль за охраной атмосферного воздуха, в случае, когда это приводит к изменениям состояния атмосферного воздуха, оказывающим вредное воздействие на здоровье людей, растительный и животный мир.

Статья 20. **Регулирование воздействия на погоду и климат**

Действия, направленные на искусственные изменения состояния атмосферы и атмосферных явлений в народнохозяйственных целях, могут осуществляться министерствами, государственными комитетами и ведомствами, предприятиями, учреждениями организациями только по разрешениям специально уполномоченных на то государственных органов и лишь при условии, что это не приведет к неблагоприятному воздействию на погоду и климат.

Статья 21. **Материальное и моральное стимулирование выполнения мероприятий по охране атмосферного воздуха**

Законодательством Союза ССР и союзных республик могут быть установлены меры материального и морального поощрения предприятий, учреждений и организаций, а также граждан, стимулирующие осуществление мероприятий по охране атмосферного воздуха.

III. ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УЧЕТ ВРЕДНЫХ ВОЗДЕЙСТВИЙ НА АТМОСФЕРНЫЙ ВОЗДУХ

Статья 22. **Государственный учет вредных воздействий на атмосферный воздух**

Объекты, оказывающие вредное воздействие на атмосферный воздух, виды и количество вредных веществ, выбра-

сываемых в атмосферу, а также виды и размеры вредных физических воздействий на нее подлежат государственному учету.

Государственный учет объектов и их вредных воздействий на атмосферный воздух осуществляется за счет государства по единой для Союза ССР системе в порядке, определяемом Советом Министров СССР.

IV. НАБЛЮДЕНИЕ И КОНТРОЛЬ В ОБЛАСТИ ОХРАНЫ АТМОСФЕРНОГО ВОЗДУХА

Статья 23. Наблюдение за состоянием атмосферного воздуха

Наблюдение за состоянием атмосферного воздуха по химическим, физическим и биологическим показателям осуществляется общегосударственной службой наблюдения и контроля за уровнем загрязнения природной среды и производится в порядке, определяемом законодательством Союза ССР.

Сбор, хранение, поиск и обработка информации о состоянии атмосферного воздуха осуществляются по единой системе.

На общегосударственную службу наблюдения и контроля за уровнем загрязнения природной среды возлагается обеспечение заинтересованных государственных и общественных органов, предприятий, учреждений и организаций систематической информацией и прогнозами об уровнях загрязнения атмосферы под влиянием хозяйственной деятельности и метеорологических условий.

Статья 24. Осуществление мер при состоянии атмосферного воздуха, угрожающем здоровью людей

Если в результате неблагоприятного сочетания метеорологических факторов, выбросов загрязняющих веществ в атмосферу и других вредных воздействий на атмосферный воздух в отдельных районах возникает угроза здоровью людей, органы общегосударственной службы наблюдения и контроля за уровнем загрязнения природной среды обязаны немедленно сообщать об этом соответствующим Советам Министров союзных республик, Советам Министров автономных республик, исполнительным комитетам местных Советов на-

родных депутатов, заинтересованным предприятиям, учреждениям и организациям.

Советы Министров союзных республик, Советы Министров автономных республик, исполнительные комитеты местных Советов народных депутатов по получении таких сообщений переводят в установленном порядке на специальный режим работы или временно приостанавливают работу предприятий, учреждений, организаций и транспортных средств с целью снижения интенсивности выбросов и устранения других вредных воздействий на атмосферу, осуществляют в необходимых случаях временную эвакуацию населения и принимают другие неотложные меры.

Статья 25 Государственный контроль за охраной атмосферного воздуха

Государственный контроль за охраной атмосферного воздуха имеет своей задачей обеспечить выполнение всеми министерствами, государственными комитетами и ведомствами, государственными, кооперативными и другими общественными предприятиями, учреждениями и организациями, а также гражданами мероприятий по охране атмосферного воздуха, соблюдение условий выбросов загрязняющих веществ и других вредных воздействий на атмосферу, а также иных правил, установленных законодательством об охране атмосферного воздуха.

Государственный контроль за охраной атмосферного воздуха осуществляется Советами народных депутатов, их исполнительными и распорядительными органами, а также специально уполномоченными на то государственными органами в порядке, устанавливаемом законодательством Союза ССР.

Статья 26 Ведомственный контроль за охраной атмосферного воздуха

Ведомственный контроль за охраной атмосферного воздуха, в том числе за соблюдением нормативов предельно допустимых выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух и вредных физических воздействий на него, осуществляется органами, в ведении которых находятся предприятия, учреждения и организации, оказывающие вредное воздействие на атмосферный воздух.

При осуществлении ведомственного контроля министерства, государственные комитеты и ведомства обязаны руководствоваться законодательством Союза ССР и союзных республик, правилами и инструкциями, утверждаемыми специально уполномоченными органами государственного контроля за охраной атмосферного воздуха.

V. РАЗРЕШЕНИЕ СПОРОВ ПО ВОПРОСАМ ОХРАНЫ АТМОСФЕРНОГО ВОЗДУХА

Статья 27. Порядок разрешения споров по вопросам охраны атмосферного воздуха

Споры по вопросам охраны атмосферного воздуха разрешаются Советами Министров союзных республик, Советами Министров автономных республик, исполнительными комитетами местных Советов народных депутатов, а также специально уполномоченными на то государственными органами в порядке, устанавливаемом законодательством Союза ССР и союзных республик.

Споры между государственными и общественными организациями одной союзной республики и государственными и общественными организациями другой союзной республики по вопросам охраны атмосферного воздуха рассматриваются комиссией, образуемой на паритетных началах из представителей заинтересованных союзных республик. В случае, если комиссия не пришла к согласованному решению, споры по указанным вопросам подлежат рассмотрению в порядке, определяемом Советом Министров СССР.

VI. ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НАРУШЕНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ОХРАНЕ АТМОСФЕРНОГО ВОЗДУХА

Статья 28. Ответственность за нарушение законодательства об охране атмосферного воздуха

Лица, виновные в совершении следующих нарушений законодательства об охране атмосферного воздуха:

превышении нормативов предельно допустимых выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух;

превышении нормативов предельно допустимых вредных физических воздействий на атмосферный воздух;

выбросе загрязняющих веществ в атмосферу без разрешения специально уполномоченных на то государственных органов;

нарушении правил эксплуатации, а также неиспользовании установленных сооружений, оборудования, аппаратуры для очистки и контроля выбросов в атмосферу;

вводе в эксплуатацию новых и реконструированных предприятий, сооружений и других объектов, не удовлетворяющих требованиям по охране атмосферного воздуха;

производстве и эксплуатации автомобилей, самолетов, судов и других передвижных средств и установок, у которых содержание загрязняющих веществ в выбросах превышает установленные нормативы;

внедрении открытий, изобретений, рационализаторских предложений, новых технических систем, веществ и материалов, а также закупке в зарубежных странах технологического оборудования и других объектов, не удовлетворяющих установленным в СССР требованиям по охране атмосферного воздуха и не обеспеченных техническими средствами контроля за выбросами в атмосферу;

нарушении правил складирования промышленных и бытовых отходов, транспортировки, хранения и применения средств защиты растений, стимуляторов их роста, минеральных удобрений и других препаратов, повлекшем или могущем повлечь загрязнение атмосферного воздуха;

невыполнении предписаний органов, осуществляющих государственный контроль за охраной атмосферного воздуха

несут уголовную, административную или иную ответственность в соответствии с законодательством Союза ССР и союзных республик.

Законодательством Союза ССР и союзных республик может быть установлена ответственность и за другие нарушения законодательства об охране атмосферного воздуха.

Статья 29. **Возмещение вреда, причиненного в результате нарушения законодательства об охране атмосферного воздуха**

Предприятия, учреждения, организации и граждане обязаны возместить вред, причиненный нарушением законодательства об охране атмосферного воздуха, в размерах и порядке, устанавливаемых законодательством Союза ССР и союзных республик. Должностные лица и другие работники, по вине которых предприятия, учреждения и организации

понесли расходы, связанные с возмещением вреда, несут материальную ответственность в установленном порядке.

VII. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ДОГОВОРЫ

Статья 30. **Международные договоры**

Если международным договором СССР установлены иные правила, чем те, которые содержатся в советском законодательстве об охране атмосферного воздуха, то применяются правила международного договора.

Такой же порядок применяется в отношении законодательства об охране атмосферного воздуха союзной республики, если в международном договоре союзной республики установлены иные правила, чем предусмотренные законодательством об охране атмосферного воздуха этой союзной республики.

Свод законов СССР. Т. 4. С. 453—464.

ОБ ОХРАНЕ И ИСПОЛЬЗОВАНИИ ЖИВОТНОГО МИРА

Закон
Союза Советских Социалистических Республик
25 июня 1980 г.

Животный мир является одним из основных компонентов природной среды, важной составной частью природных богатств нашей Родины. Он служит источником для получения промышленного, лекарственного сырья, пищевых продуктов и других материальных ценностей, необходимых для удовлетворения потребностей населения и народного хозяйства. Животный мир используется также в научных, культурно-просветительных и эстетических целях.

Конституция СССР предусматривает, что в интересах настоящего и будущих поколений в СССР принимаются меры для охраны и научно обоснованного, рационального использования животного мира. Эти меры осуществляются в соответствии с государственными планами экономического и социального развития страны при активном участии государственных и общественных организаций, а также граждан.

Советское законодательство призвано способствовать эффективной охране и рациональному использованию животного мира, воспитанию советских людей в духе хозяйского и гуманного отношения к животному миру.

I. ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Статья 1. Задачи советского законодательства об охране и использовании животного мира

Задачами советского законодательства об охране и использовании животного мира являются регулирование об-

щественных отношений в области охраны и использования диких животных в целях обеспечения условий их существования в состоянии естественной свободы, сохранения целостности естественных сообществ и рационального использования, а также укрепление законности в этой области.

Статья 2. Законодательство Союза ССР и союзных республик об охране и использовании животного мира

Законодательство Союза ССР и союзных республик об охране и использовании животного мира состоит из настоящего Закона и издаваемых в соответствии с ним иных актов законодательства Союза ССР, законов и других актов законодательства союзных республик об охране и использовании животного мира.

Законодательством об охране и использовании животного мира регулируются отношения в области охраны и использования диких животных (млекопитающих, птиц, пресмыкающихся, земноводных, рыб, а также моллюсков, насекомых и других), обитающих в состоянии естественной свободы на суше, в воде, атмосфере и в почве, постоянно или временно населяющих территорию страны или относящихся к естественным богатствам континентального шельфа СССР.

Отношения в области использования и охраны сельскохозяйственных и других домашних животных, а также диких животных, содержащихся в неволе или полувольных условиях для хозяйственных, культурных, научных, эстетических и иных целей, регулируются соответствующим законодательством Союза ССР и союзных республик. Ответственность за нарушение правил по охране, содержанию и использованию указанных животных устанавливается законодательством Союза ССР и союзных республик.

Статья 3. Государственная (общенародная) собственность на животный мир в СССР

Животный мир в Союзе Советских Социалистических Республик является государственной собственностью — общим достоянием всего советского народа.

Действия, в прямой или скрытой форме нарушающие право государственной собственности на животный мир в СССР, запрещаются.

Статья 4. **Компетенция Союза ССР в области регулирования отношений по охране и использованию животного мира**

Ведению Союза ССР в области регулирования отношений по охране и использованию животного мира подлежат:

1) распоряжение животным миром в пределах, необходимых для осуществления полномочий Союза ССР в соответствии с Конституцией СССР;

2) определение общих мероприятий и установление основных положений, правил и норм в области охраны и использования животного мира;

3) разработка и утверждение общесоюзных планов по охране и рациональному использованию животного мира;

4) установление единых для Союза ССР систем государственного учета животных и их использования и порядка ведения государственного кадастра животного мира;

5) государственный контроль за охраной и использованием животного мира и установление порядка его осуществления;

6) решение других вопросов общесоюзного значения в области охраны и использования животного мира в соответствии с Конституцией СССР и настоящим Законом.

Статья 5. **Компетенция союзных республик в области регулирования отношений по охране и использованию животного мира**

Ведению союзной республики в области регулирования отношений по охране и использованию животного мира вне пределов компетенции Союза ССР подлежат: распоряжение животным миром на территории республики и установление порядка его охраны и использования; разработка и утверждение республиканских планов по охране и рациональному использованию животного мира; осуществление государственного контроля за охраной и использованием животного мира, а также решение других вопросов в области охраны и использования животного мира, если они не отнесены к компетенции Союза ССР.

Статья 6. **Государственное управление в области охраны и использования животного мира**

Государственное управление в области охраны и использования животного мира осуществляется Советом Министров

СССР, Советами Министров союзных республик, Советами Министров автономных республик, исполнительными комитетами местных Советов народных депутатов, а также специально уполномоченными на то государственными органами по охране и регулированию использования животного мира и иными государственными органами в соответствии с законодательством Союза ССР и союзных республик.

Статья 7. Планирование мероприятий по охране и рациональному использованию животного мира

Задания и мероприятия по охране и рациональному использованию животного мира предусматриваются в государственных планах экономического и социального развития.

Проекты планов по охране и рациональному использованию животного мира, разрабатываемые министерствами, государственными комитетами и ведомствами, предприятиями, учреждениями и организациями, согласовываются со специально уполномоченными на то государственными органами по охране и регулированию использования животного мира в порядке, устанавливаемом законодательством Союза ССР и союзных республик.

Статья 8. Основные требования по охране и использованию животного мира

При планировании и осуществлении мероприятий, которые могут воздействовать на среду обитания животных и состояние животного мира, должно обеспечиваться соблюдение следующих основных требований:

сохранение видового многообразия животных в состоянии естественной свободы;

охрана среды обитания, условий размножения и путей миграции животных;

сохранение целостности естественных сообществ животных;

научно обоснованное, рациональное использование и воспроизводство животного мира;

регулирование численности животных в целях охраны здоровья населения и предотвращения ущерба народному хозяйству.

Статья 9. **Участие общественных организаций и граждан в осуществлении мероприятий по охране и использованию животного мира**

Профессиональные союзы, организации молодежи, общества охраны природы, общества охотников и рыболовов, научные общества и другие общественные организации, а также граждане оказывают содействие государственным органам в осуществлении мероприятий по охране и рациональному использованию животного мира.

Общественные организации принимают участие в деятельности, направленной на обеспечение охраны и рационального использования животного мира, в соответствии с их уставами (положениями) и законодательством Союза ССР и союзных республик.

Государственные органы обязаны всемерно учитывать предложения общественных организаций и граждан при осуществлении мероприятий по охране и рациональному использованию животного мира.

II. ПОЛЬЗОВАНИЕ ЖИВОТНЫМ МИРОМ

Статья 10. **Пользователи животного мира**

Пользователями животного мира могут быть государственные, кооперативные и другие общественные предприятия, учреждения, организации, а также граждане СССР.

В случаях, предусмотренных законодательством Союза ССР и союзных республик, пользователями животного мира могут быть и иные организации и лица.

Статья 11. **Виды и условия пользования животным миром**

При соблюдении предусмотренных законодательством Союза ССР и союзных республик требований могут осуществляться следующие виды пользования животным миром:

1) охота;

2) рыболовство, включая добывание водных беспозвоночных и морских млекопитающих;

3) добывание животных, не относящихся к объектам охоты и рыболовства;

4) пользование животным миром в научных, культурно-просветительных, воспитательных и эстетических целях;

5) использование полезных свойств жизнедеятельности животных — почвообразователей, естественных санитаров среды, опылителей растений и других;

6) использование животных в целях получения продуктов их жизнедеятельности.

Законодательством Союза ССР и союзных республик могут быть предусмотрены и другие виды пользования животным миром.

Сроки осуществления отдельных видов пользования животным миром устанавливаются в порядке, определяемом законодательством Союза ССР и союзных республик.

Пользование животным миром осуществляется бесплатно. Законодательством Союза ССР и союзных республик могут устанавливаться случаи и порядок пользования животным миром за плату.

Статья 12. **Охота**

Промысловое добывание диких зверей и птиц, а также любительская охота осуществляются в установленном порядке.

Государственным, кооперативным и другим общественным предприятиям, учреждениям и организациям может предоставляться право ведения охотничьего хозяйства в охотничьих угодьях. Указанные предприятия, учреждения и организации обязаны осуществлять мероприятия по охране и воспроизводству диких животных в этих угодьях.

Правила охоты и ведения охотничьего хозяйства устанавливаются в порядке, определяемом законодательством Союза ССР и союзных республик.

Статья 13. **Рыболовство**

Промысловый лов рыбы, добывание водных беспозвоночных и морских млекопитающих, а также любительский и спортивный лов рыбы и добывание водных беспозвоночных осуществляются в установленном порядке.

Государственным, кооперативным и другим общественным предприятиям, учреждениям и организациям может предоставляться право ведения промыслового лова рыбы и промысла водных беспозвоночных и морских млекопитающих на промысловых участках рыбохозяйственных водоемов. Указанные предприятия, учреждения и организации обязаны

осуществлять на этих участках водоемов мероприятия по охране и воспроизводству рыбы, водных беспозвоночных и морских млекопитающих.

Правила рыболовства и добывания водных беспозвоночных и морских млекопитающих устанавливаются в порядке, определяемом законодательством Союза ССР.

Статья 14. Добывание животных, не относящихся к объектам охоты и рыболовства

Предприятиям, учреждениям, организациям, а также гражданам разрешается добывание животных, не относящихся к объектам охоты и рыболовства.

В порядке, определяемом законодательством Союза ССР и союзных республик, устанавливаются перечни видов животных, не относящихся к объектам охоты и рыболовства, добывание которых осуществляется только по разрешениям, выдаваемым специально уполномоченными на то государственными органами по охране и регулированию использования животного мира, а также перечни таких видов животных, добывание которых запрещается.

Статья 15. Пользование животным миром в научных, культурно-просветительных, воспитательных и эстетических целях

Пользование животным миром в научных, культурно-просветительных, воспитательных и эстетических целях (посредством разных форм наблюдения, мечения, фотографирования и т. д.) без изъятия животных из природной среды допускается, если это не наносит вреда животным или среде их обитания и не нарушает прав других пользователей животного мира, за исключением случаев, когда такое пользование запрещено.

Пользование животным миром в научных, культурно-просветительных, воспитательных и эстетических целях допускается и с изъятием животных из природной среды в порядке, предусмотренном настоящим Законом и другими актами законодательства Союза ССР и союзных республик.

Статья 16. Использование полезных свойств жизнедеятельности животных

Использование полезных свойств жизнедеятельности животных — почвообразователей, естественных санитаров сре-

ды, опылителей растений и других допускается без изъятия животных из природной среды, за исключением случаев, определяемых в порядке, устанавливаемом законодательством Союза ССР и союзных республик.

Статья 17. **Использование животных в целях получения продуктов их жизнедеятельности**

Использование животных в целях получения продуктов их жизнедеятельности (меда и воска диких пчел и т. п.) допускается только без изъятия и уничтожения животных и без нарушения среды их обитания.

Правила использования животных в целях получения продуктов их жизнедеятельности устанавливаются специально уполномоченными на то государственными органами по охране и регулированию использования животного мира.

Статья 18. **Регулирование численности животных**

В целях охраны здоровья населения, предохранения от заболеваний сельскохозяйственных и других домашних животных, предотвращения ущерба народному хозяйству проводятся мероприятия по регулированию численности отдельных видов диких животных.

Мероприятия по регулированию численности отдельных видов животных должны осуществляться гуманными способами, исключающими причинение вреда другим видам животных и обеспечивающими сохранность среды обитания животных.

Виды животных, численность которых подлежит регулированию, и порядок проведения мероприятий по регулированию их численности определяются специально уполномоченными на то государственными органами по охране и регулированию использования животного мира с учетом заключений соответствующих научных организаций и по согласованию с заинтересованными государственными и общественными организациями.

Статья 19. **Права и обязанности пользователей животного мира**

Предприятия, учреждения, организации и граждане имеют право осуществлять только те виды пользования животным миром, которые им разрешены.

В случаях и в порядке, предусмотренных законодательством Союза ССР и союзных республик, права пользователей животного мира могут быть ограничены в государственных интересах, а также в интересах других пользователей животного мира.

В зависимости от вида пользования пользователи животного мира обязаны:

соблюдать установленные правила, нормы и сроки пользования животным миром;

пользоваться животным миром способами, не допускающими нарушения целостности естественных сообществ и обеспечивающими сохранение животных, не предоставленных в пользование;

не допускать нарушения среды обитания животных;

проводить учет численности и состояния используемых животных, а также состояния среды их обитания;

проводить необходимые комплексные мероприятия, направленные на воспроизводство животного мира;

оказывать всемерную помощь государственным и иным органам, осуществляющим контроль за охраной и использованием животного мира.

Пользователи животного мира обязаны выполнять и другие требования по охране, воспроизводству и использованию животного мира, предусмотренные законодательством Союза ССР и союзных республик.

Статья 20. Основания прекращения права пользования животным миром

Право пользования животным миром подлежит прекращению соответственно полностью или частично в случаях:

1) минования надобности в пользовании или отказа от него;

2) истечения установленного срока пользования;

3) возникновения необходимости в изъятии из пользования объектов животного мира в целях охраны животных;

4) ликвидации предприятия, учреждения, организации, которым было предоставлено право пользования.

Право пользования животным миром может быть также прекращено в случае невыполнения пользователем установленных правил, норм и иных требований по охране и использованию животного мира.

Законодательством Союза ССР и союзных республик мо-

гут быть предусмотрены и иные основания прекращения права пользования животным миром.

Право пользования животным миром в случаях, предусмотренных пунктами 1, 3, 4 части первой и частью второй настоящей статьи, прекращается путем аннулирования соответствующими органами выданных ими разрешений.

III. ОХРАНА ЖИВОТНОГО МИРА

Статья 21. Меры охраны животного мира

Охрана животного мира обеспечивается путем:

1) установления правил и норм по охране, рациональному использованию и воспроизводству животного мира;

2) установления запретов и ограничений в пользовании животным миром;

3) охраны от самовольного пользования и других нарушений установленного порядка пользования животным миром;

4) охраны среды обитания, условий размножения и путей миграции животных;

5) предотвращения гибели животных при осуществлении производственных процессов;

6) создания заповедников, заказников и выделения других особо охраняемых территорий;

7) разведения в неволе редких и находящихся под угрозой исчезновения видов животных;

8) ограничения изъятия животных для зоологических коллекций;

9) оказания помощи животным в случае заболеваний, угрозы их гибели при стихийных бедствиях и вследствие других причин;

10) организации научных исследований, направленных на обоснование мер по охране животного мира;

11) воспитания граждан в духе гуманного отношения к животному миру;

12) пропаганды охраны животного мира средствами массовой информации;

13) проведения других мероприятий и установления иных требований по охране животного мира.

Законодательством Союза ССР и союзных республик могут быть установлены меры материального и морального по-

ощрения предприятий, учреждений, организаций, а также граждан, стимулирующие осуществление мероприятий по охране животного мира.

Статья 22. Установление ограничений и запретов в пользовании животным миром

В целях сохранения и воспроизводства животных осуществление отдельных видов пользования животным миром, а также использование отдельных видов животных могут быть ограничены либо полностью запрещены на определенной территории или на определенные сроки в порядке, устанавливаемом законодательством Союза ССР и союзных республик.

Статья 23. Охрана среды обитания, условий размножения и путей миграции животных

Всякая деятельность, влияющая на состояние животного мира вследствие нарушения среды обитания, условий размножения и путей миграции животных, должна осуществляться с соблюдением требований, обеспечивающих охрану животного мира.

При размещении, проектировании и строительстве населенных пунктов, предприятий, сооружений и других объектов, совершенствовании существующих и внедрении новых технологических процессов, введении в хозяйственный оборот целинных земель, заболоченных территорий, прибрежных и занятых кустарниками территорий, мелиорации земель, осуществлении лесных пользований, проведении геологоразведочных работ, добыче полезных ископаемых, определении мест выпаса и прогона сельскохозяйственных животных, разработке туристических маршрутов и организации мест массового отдыха населения должны предусматриваться и осуществляться мероприятия по сохранению среды обитания и условий размножения животных, а также обеспечиваться неприкосновенность участков, представляющих особую ценность в качестве среды обитания животных.

При размещении, проектировании и строительстве железнодорожных, шоссейных, трубопроводных и других транспортных магистралей, линий электропередачи и связи, а также каналов, плотин и иных гидротехнических сооружений должны разрабатываться и осуществляться меропря-

тия, обеспечивающие сохранение путей миграции животных.

Места строительства предприятий, сооружений и других объектов, влияющих на состояние животного мира вследствие нарушения среды обитания, условий размножения и путей миграции животных, согласовываются со специально уполномоченными на то государственными органами по охране и регулированию использования животного мира и другими органами в соответствии с законодательством Союза ССР и союзных республик.

Статья 24. Предотвращение гибели животных при осуществлении производственных процессов и эксплуатации транспортных средств

Предприятия, учреждения, организации и граждане обязаны принимать меры по предотвращению гибели животных при проведении сельскохозяйственных, лесозаготовительных и других работ, а также при эксплуатации транспортных средств.

Выжигание сухой растительности, хранение материалов, сырья и отходов производства без осуществления установленных мер по предотвращению гибели животных запрещаются.

Статья 25. Охрана животных в заповедниках, заказниках и на других особо охраняемых территориях

Охота, рыболовство, добывание водных беспозвоночных и морских млекопитающих, а также иные виды пользования животным миром и другая деятельность, не совместимые с целями заповедования, на территории заповедников запрещаются.

В заказниках и на других особо охраняемых территориях может быть полностью запрещено или ограничено осуществление отдельных видов пользования животным миром и иной деятельности, не совместимых с целями охраны животного мира.

Порядок охраны и осуществления пользования животным миром в заповедниках, заказниках и на других особо охраняемых территориях устанавливается законодательством Союза ССР и союзных республик.

Статья 26. Охрана редких и находящихся под угрозой исчезновения видов животных

Редкие и находящиеся под угрозой исчезновения виды животных заносятся в книги редких и находящихся под угрозой исчезновения видов животных и растений — Красную книгу СССР и Красные книги союзных республик. Положение о Красной книге СССР утверждается в порядке, определяемом Советом Министров СССР, а положения о Красных книгах союзных республик — в порядке, определяемом законодательством союзных республик.

Действия, которые могут привести к гибели, сокращению численности или нарушению среды обитания редких и находящихся под угрозой исчезновения видов животных, не допускаются.

В целях сохранения редких и находящихся под угрозой исчезновения видов животных, воспроизводство которых в естественных условиях невозможно, специально уполномоченные на то государственные органы по охране и регулированию использования животного мира обязаны принимать меры к созданию необходимых условий для разведения этих видов животных.

Добывание редких и находящихся под угрозой исчезновения видов животных для разведения и специально созданных условиях и последующего выпуска на свободу, а также в научно-исследовательских и иных целях допускается по особому разрешению, выдаваемому специально уполномоченными на то государственными органами по охране и регулированию использования животного мира.

Статья 27. Зоологические коллекции

Создание и пополнение зоологических коллекций (живых коллекций зоопарков, зоосадов, океанариумов и других, а также в виде собрания чучел, препаратов и частей животных) предприятиями, учреждениями и организациями путем изъятия животных из природной среды специально для этих целей допускаются по разрешениям, выдаваемым специально уполномоченными на то государственными органами по охране и регулированию использования животного мира.

Пополнение зоологических коллекций, находящихся в личной собственности граждан, и создание гражданами по-

вых коллекций запрещается, за исключением коллекций, состоящих из трофеев охоты, рыболовства и других видов пользования животным миром, осуществляемого с соблюдением установленных требований.

Зоологические коллекции, представляющие научную, культурно-просветительную, учебно-воспитательную или эстетическую ценность, подлежат государственному учету. Предприятия, учреждения, организации и граждане, являющиеся владельцами таких коллекций, обязаны соблюдать правила хранения, учета и использования коллекций объектов животного мира.

Правила создания, пополнения, хранения, использования и учета зоологических коллекций, правила торговли зоологическими коллекциями, а также правила пересылки и вывоза за границу объектов коллекций и продуктов животного мира утверждаются в порядке, устанавливаемом Советом Министров СССР.

Статья 28. Охрана животных при применении средств защиты растений, стимуляторов их роста, минеральных удобрений и других препаратов

При применении средств защиты растений, стимуляторов их роста, минеральных удобрений и других препаратов, используемых в народном хозяйстве, должны учитываться требования охраны животного мира и среды обитания животных. Применение химических средств защиты растений и других препаратов в целях уменьшения их вредного влияния на животный мир должно сочетаться с осуществлением агротехнических, селекционно-генетических, биологических и других мероприятий.

В целях предотвращения гибели животных и ухудшения среды их обитания колхозы, совхозы, лесхозы и другие предприятия, учреждения, организации и граждане обязаны соблюдать правила транспортировки, хранения и применения указанных препаратов.

При создании новых препаратов должны разрабатываться нормативы предельно допустимых концентраций их в окружающей природной среде, обеспечивающие охрану животных и среды их обитания.

Правила применения средств защиты растений, стимуляторов их роста, минеральных удобрений и других препаратов, используемых в народном хозяйстве, а также пере-

чень указанных препаратов подлежат согласованию со специально уполномоченными на то государственными органами по охране и регулированию использования животного мира.

Статья 29. **Переселение, акклиматизация и скрещивание животных**

Переселение животных в новые места обитания, акклиматизация новых для фауны СССР видов животных, а также мероприятия по скрещиванию животных допускаются в научно-исследовательских и хозяйственных целях с учетом заключений соответствующих научных организаций по решению специально уполномоченных на то государственных органов по охране и регулированию использования животного мира.

Самовольное проведение переселения, акклиматизации и скрещивания животных запрещается.

Статья 30. **Ограничение прав и возложение обязанностей на пользователей природными объектами в интересах охраны животного мира**

В интересах охраны животного мира права землепользователей, лесопользователей, водопользователей и пользователей недрами могут быть ограничены и на них могут быть возложены соответствующие обязанности в порядке, устанавливаемом законодательством Союза ССР и союзных республик.

IV. ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УЧЕТ ЖИВОТНЫХ И ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КАДАСТР ЖИВОТНОГО МИРА

Статья 31. **Государственный учет животных и их использования и государственный кадастр животного мира**

Для обеспечения охраны и организации рационального использования животного мира проводится государственный учет животных и их использования и ведется государственный кадастр животного мира, содержащий совокупность сведений о географическом распространении видов (групп видов) животных, об их численности, характеристику необходимых им угодий, характеристику современного хозяйственного использования животных и другие необходимые данные.

Статья 32. Порядок государственного учета животных и их использования и ведения государственного кадастра животного мира

Государственный учет животных и их использования и ведение государственного кадастра животного мира осуществляются за счет государства по единым для Союза ССР системам.

Предприятия, учреждения и организации обязаны представлять имеющиеся у них сведения о распространении, численности и использовании диких животных органам, ведущим государственный кадастр животного мира.

Правила государственного учета животных и их использования, ведения государственного кадастра животного мира, определения перечня видов (групп видов) животных, подлежащих государственному учету и включению в государственный кадастр, а также представления данных для учета и ведения кадастра утверждаются в порядке, устанавливаемом Советом Министров СССР.

V. КОНТРОЛЬ ЗА ОХРАНОЙ И ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ЖИВОТНОГО МИРА

Статья 33. Государственный контроль за охраной и использованием животного мира

Государственный контроль за охраной и использованием животного мира имеет своей задачей обеспечить выполнение всеми министерствами, государственными комитетами и ведомствами, государственными, кооперативными и другими общественными предприятиями, учреждениями, организациями, а также гражданами обязанностей по охране животного мира, соблюдение установленного порядка пользования животным миром и иных правил, установленных законодательством об охране и использовании животного мира.

Государственный контроль за охраной и использованием животного мира осуществляется Советами народных депутатов, их исполнительными и распорядительными органами, а также специально уполномоченными на то государственными органами по охране и регулированию использования животного мира в порядке, устанавливаемом законодательством Союза ССР.

Статья 34. Осуществление государственного контроля за охраной и использованием животного мира

Специально уполномоченные на то государственные органы по охране и регулированию использования животного мира проверяют:

соблюдение правил, норм, сроков и других требований по охране и использованию животного мира;

соблюдение установленного порядка государственного учета животных и их использования и ведения государственного кадастра животного мира;

правильность и своевременность разработки и проведения мероприятий по сохранению среды обитания, условий размножения и путей миграции животных.

Специально уполномоченные на то государственные органы по охране и регулированию использования животного мира имеют право:

прекращать самовольное пользование животным миром, а также пользования, осуществляемые с нарушением установленных правил, норм, сроков и иных требований по охране и использованию животного мира;

давать обязательные для исполнения указания об устранении нарушений правил, норм, сроков и иных требований по охране и использованию животного мира;

приостанавливать работы, при проведении которых систематически нарушаются правила, нормы и иные требования по охране и использованию животного мира, по охране среды обитания, условий размножения и путей миграции животных, впредь до устранения нарушений;

привлекать в установленном порядке нарушителей правил, норм, сроков и иных требований по охране и использованию животного мира к ответственности или направлять материалы о правонарушениях в соответствующие органы.

Правила и инструкции специально уполномоченных на то государственных органов по охране и регулированию использования животного мира, утверждаемые в пределах прав, установленных законодательством Союза ССР и союзных республик, обязательны для исполнения всеми министерствами, государственными комитетами и ведомствами, предприятиями, учреждениями, организациями, а также гражданами.

Специально уполномоченным на то государственным органам по охране и регулированию использования животного

мира могут быть предоставлены законодательством Союза ССР и союзных республик и другие права по предупреждению и пресечению нарушений правил, норм и других требований по охране и использованию животного мира.

Статья 35. **Ведомственный контроль за охраной и использованием животного мира**

Ведомственный контроль за охраной и использованием животного мира осуществляется органами, в ведении которых находятся предприятия, учреждения и организации, пользующиеся объектами животного мира.

При осуществлении ведомственного контроля министерства, государственные комитеты и ведомства обязаны руководствоваться законодательством Союза ССР и союзных республик, правилами и инструкциями, утверждаемыми специально уполномоченными на то государственными органами по охране и регулированию использования животного мира.

VI. РАЗРЕШЕНИЕ СПОРОВ ПО ВОПРОСАМ ПОЛЬЗОВАНИЯ ЖИВОТНЫМ МИРОМ

Статья 36. **Порядок разрешения споров по вопросам пользования животным миром**

Споры между предприятиями, учреждениями, организациями и гражданами по вопросам пользования животным миром разрешаются в порядке, устанавливаемом законодательством Союза ССР и союзных республик.

VII. ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НАРУШЕНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ОХРАНЕ И ИСПОЛЬЗОВАНИИ ЖИВОТНОГО МИРА

Статья 37. **Ответственность за нарушение законодательства об охране и использовании животного мира**

Самовольная переуступка права пользования объектами животного мира, а также другие сделки, в прямой или скрытой форме нарушающие право государственной собственности на животный мир, — недействительны.

Лица, виновные в совершении указанных сделок, а также:

самовольном пользовании объектами животного мира;

нарушении правил охоты, рыболовства и других видов пользования животным миром;

нарушении правил охраны среды обитания и путей миграции животных;

самовольном переселении, акклиматизации и скрещивании животных;

нарушении правил применения средств защиты растений, стимуляторов их роста, минеральных удобрений и других препаратов, причинившем ущерб животному миру;

нарушении правил пересылки и вывоза за границу объектов животного мира и зоологических коллекций,

несут уголовную, административную или иную ответственность в соответствии с законодательством Союза ССР и союзных республик.

Законодательством Союза ССР и союзных республик может быть установлена ответственность и за другие нарушения законодательства об охране и использовании животного мира.

Статья 38. Возмещение вреда, причиненного нарушением законодательства об охране и использовании животного мира

Предприятия, учреждения, организации, а также граждане обязаны возместить вред, причиненный нарушением законодательства об охране и использовании животного мира, в размерах и порядке, устанавливаемых законодательством Союза ССР и союзных республик. Должностные лица и другие работники, по вине которых предприятия, учреждения и организации понесли расходы, связанные с возмещением вреда, несут материальную ответственность в установленном порядке.

Незаконно добытые животные и выработанная из них продукция подлежат изъятию в порядке, устанавливаемом законодательством Союза ССР и союзных республик.

При невозможности изъятия незаконно добытых животных и выработанной из них продукции взыскивается их стоимость по ценам, устанавливаемым законодательством Союза ССР и союзных республик.

VIII. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ДОГОВОРЫ

Статья 39. **Международные договоры**

Если международным договором СССР установлены иные правила, чем те, которые содержатся в советском законодательстве об охране и использовании животного мира, то применяются правила международного договора.

Такой же порядок применяется в отношении законодательства об охране и использовании животного мира союзной республики, если в международном договоре союзной республики установлены иные правила, чем предусмотренные законодательством об охране и использовании животного мира этой союзной республики.

Свод законов СССР. Т. 4. С. 483—496.

СОДЕРЖАНИЕ

ДАЛИ ОТЧИЕ, НЕОГЛЯДНЫЕ

Сборник

Составитель Михаил Иванович Вострышев

Редактор В. Козаченко
Художник Б. Лавров
Художественный редактор О. Червецова
Технический редактор Л. Демьянова
Корректоры Г. Голубкова, Г. Панова

ИБ № 5205
Сдано в набор 6.04.87. Подписано к печати 14.10.87. А12089. Формат $84 \times 108^{1}/_{32}$. Гарнитура обыкн. нов. Печать высокая. Бумага тип. № 2. Усл. печ. л. 22,68. Усл. кр.-отт. 22,68. Уч.-изд. л. 23,64. Тираж 50 000 экз. Заказ 39. Цена 1 р. 20 к.

Издательство «Современник» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли и Союза писателей РСФСР
123007, Москва, Хорошевское шоссе, 62

Типография № 2 Росглавполиграфпрома, 152901, г. Андропов, ул. Чкалова, 8

Дали отчие, неоглядные/Сост. М. Вострышев. — М.:
Д15 Современник, 1988. — 429 с. — Вып. 5.

Очередной выпуск сборника «Дали отчие, неоглядные» посвящен теме охраны окружающей среды, хозяйственному, бережному использованию ее богатств, о чем много говорилось на V съезде писателей РСФСР и VI съезде писателей СССР.

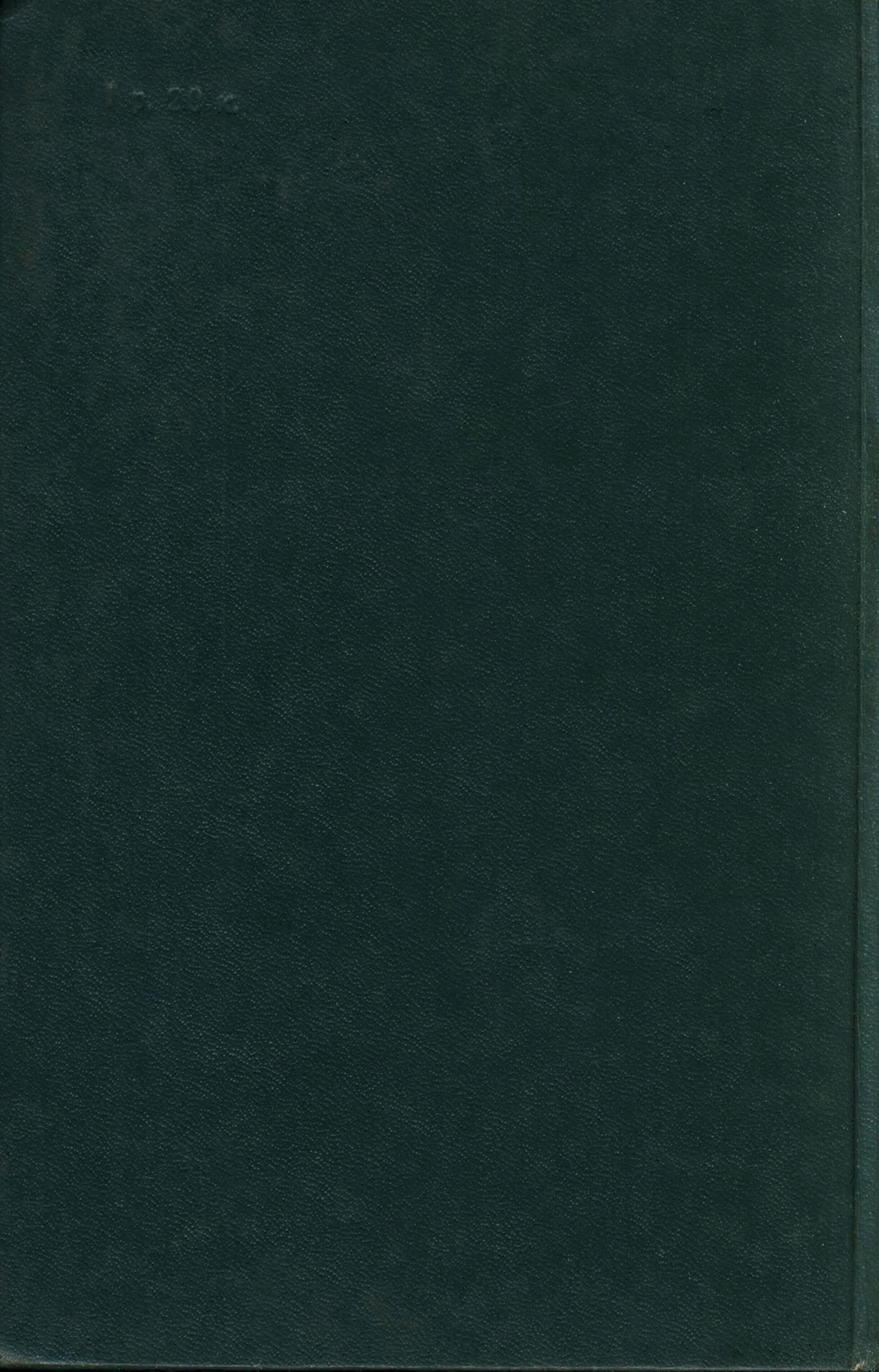
Д $\frac{4702010200-016}{М106(03)-88}$ 147—88 ББК84Р7 Р2

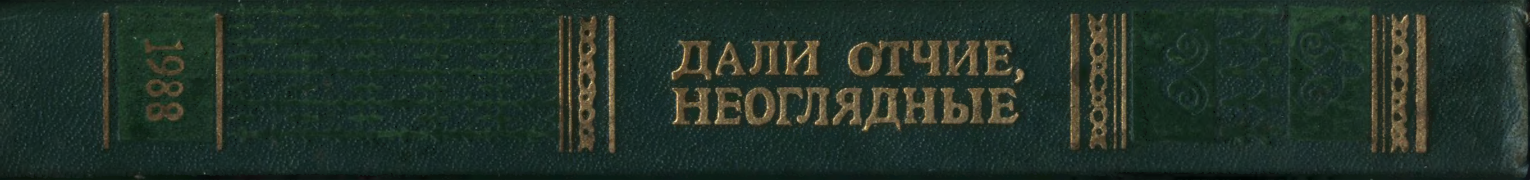
ISBN 5-270-00023-7

..:

ен
ис-
е-

77

ДАЛИ ОТЧИЕ,
НЕОГЛЯДНЫЕ
1988